

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2026 19 (3)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2026 19(3)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Eriplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редакторы А.В. Воробьев, А.В. Прохоренко
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 3 от 25.03.2026. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 24, ауд. 117.

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 16.03.2026. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 17,7.

Уч.-изд. л. 17,2. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 25967.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Близнавский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, и.о. директора, Институт российской истории РАН, г. Москва.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- И. А. Дамм**, канд. юрид. наук, заслуженный юрист Красноярского края, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда (США).
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, СанктПетербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, академик РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразаева**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им.
- Л. Н. Гумилева** (Казахстан).

CONTENTS

Tamara G. Borgoiakova and Svetlana V. Kirilenko Language Attitudes and Code-Switching among Khakass Bilinguals	477
Samona N. Kurilova and Liudmila S. Zamorshchikova Toponymic Multilingualism in Arctic Regions: Reflection of Yukaghir-Yakut Contacts in the Toponymy of the Lower Kolyma	489
Katalin Sýkora Hernády, Klaudia Pauliková and Kinga Horváth Between Minority Education and the State Language	506
Rustem K. Kadyrzhanov, Anar M. Fazylzhan, Gulsinay S. Issayeva and Talshyn K. Chukayeva Linguistic Transformation in the Context of Urbanisation and Ethno-cultural Change	516
Zulaikhat M. Mallaeva Ethnolinguistic Characteristics of Male Personal Names in the Shangodin Subdialect of the Avar Language	527
Anna T. Litovkina Types of Punning in Anglo-American Anti-Proverbs About Money	536
Marina V. Terskikh and Tatiana S. Khriplia Multimodal Argumentation in Chinese Health Public Service Announcement	547
Yulia A. Gornostaeva and Anna E. Khokhriakova Reconstructing the Collective Memory of the Civil War in Spanish Cinema	560
Zoltán Csehý and Emil Jezsó The Combination of Urban Symbols and Transculturalism in Imre Oravecz's English-Language Haiku	572
Oxana S. Issers A Parametric Model for Describing Physician Communication Skills from the Patient's Perspective	581
Elena V. Nikolaeva, Yana V. Popova, Natalia G. Burmakina, Vladislav G. Abramov and Iurii I. Poliakov Speech Impairment Level Distribution in Alzheimer's Disease	595
Ol'ga N. Kolchina and Tat'jana V. Romanova Determinologization in the Language of the Media and Related Semantic Processes	605
Aliaksandr Barkovich and Ekaterina Astapkina Features of Linguistic Identification of Language Markers of the Semantic Field "Internet"	618
Anikó Polgár The Role of Text Variants in the Development of Translation Strategies	631

Sándor János Tóth, Erika Bertók and Orsolya Kiss	
Pragmatic Representations of Intercultural Communication in EFL Coursebooks	640
Iuliia A. Govorukhina	
Letters to the Editor of a “Thick” Magazine: Ethics, Pragmatics, and Pragmasemantics of Politeness	649
Sholpan K. Zharkynbekova and Zhanna B. Seliverstova	
Axiological Dominants of National Autobiographical Prose: A Case Study of B. Momysuly’s <i>Our Family</i>	660
Andrea Puskás	
Pragmatic Meaning and Intercultural Influences in Kazuo Ishiguro’s <i>The Family Supper</i>	672
Cyntia Kálmánová	
Linguistic Tension and Interdisciplinary Authority in R. F. Kuang’s <i>Babel</i> and <i>Katabasis</i>	680

EDN: URGNWZ
УДК 81'27

Language Attitudes and Code-Switching among Khakass Bilinguals

Tamara G. Borgoiakova^a and Svetlana V. Kirilenko^b

^a *Katanov Khakass State University*

Abakan, Republic of Khakassia, Russian Federation

^b *Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences*

Moscow, Russian Federation

Received 19.11.2025, received in revised form 15.01.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. This study explores language attitudes, mechanisms of Khakass-Russian code-switching practices, and patterns of language use of Khakass, a Turkic minority language in Southern Siberia currently classified as “definitely endangered.” Drawing on data from 325 respondents, including a focused subgroup of frequent speakers (194 respondents), the research investigates the interplay between ethnolinguistic loyalty, perceived language prestige, and actual linguistic behavior in a bilingual context dominated by Russian. Despite Khakass being strongly associated with identity, the survey findings reveal a growing disjunction between positive attitudes and practical usage. Code-switching between Khakass and Russian is widespread, driven by sociolinguistic pressures, limited available vocabulary in Khakass, and the functional dominance of Russian in public and private domains. Frequent speakers display concern for linguistic accuracy and the preservation of standard Khakass, yet the reality of hybrid language use reflects pressing pragmatic necessity. Among the broader sample, Khakass is valued symbolically, but usage in informal domains remains limited, and institutional support is perceived as inadequate. While a majority of respondents are tolerant of linguistic errors, language conflicts over correctness persist, indicating ongoing tension between ideals of linguistic purity and adaptive bilingual practice. Overall, the study highlights a sociolinguistic contradiction: while Khakass maintains symbolic significance, it is undergoing structural and functional erosion.

Keywords: language attitudes, code-switching, Khakass language, minority languages, ethnolinguistic identity.

Research area: Sociolinguistics; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Citation: Borgoiakova T. G., Kirilenko S. V. Language Attitudes and Code-Switching among Khakass Bilinguals. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 477–488.
EDN: URGNW

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: tamarabee@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9958-9086 (Borgoiakova); 0000-0001-7902-6032 (Kirilenko)

Языковые установки и кодовые переключения хакасских билингвов

Т.Г. Боргоякова^а, С.В. Кириленко^б

^аХакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Российская Федерация, Республика Хакасия, Абакан

^бИнститут языкознания РАН
Российская Федерация, Москва

Аннотация. В настоящем исследовании рассматриваются языковые установки, механизмы практической реализации хакасско-русских кодовых переключений и модели применения хакасского языка – тюркского языка Южной Сибири, который в настоящее время классифицируется как «определенно находящийся под угрозой исчезновения». На основе данных, собранных среди 325 респондентов, включая выделенную подгруппу активных носителей (194 респондента), анализируется взаимосвязь между этнолингвистической лояльностью, воспринимаемым престижем языка и фактическим языковым поведением в условиях двуязычия, с доминирующим русским языком. Несмотря на то что хакасский язык прочно ассоциируется с идентичностью, результаты исследования показывают нарастающее расхождение между положительным восприятием языка и его реальным использованием. Переключение кодов между хакасским и русским языками является широко распространенной практикой, обусловленной социолингвистическими факторами, а также ограничениями в имеющемся у говорящих словарном запасе и функциональным доминированием русского языка в формальных и неформальных сферах общения.

Активные носители высказывали обеспокоенность вопросами языковой нормы и сохранения литературного хакасского языка. Вместе с тем существующие гибридные формы речи отражают актуальную прагматическую потребность. В более широкой выборке хакасский язык сохраняет символическое значение, но его использование в неформальной сфере ограничено, а институциональная поддержка оценивается как недостаточная. Хотя большинство респондентов относятся нейтрально или терпимо к языковым ошибкам, существуют конфликты по поводу правильности речи, что указывает на сохраняющееся напряжение между установками на «языковую чистоту» и адаптивными практиками двуязычного общения. Таким образом, выявляется социолингвистический парадокс: при высокой символической ценности хакасский язык теряет структурную и функциональную устойчивость.

Ключевые слова: языковые установки, переключение кодов, хакасский язык, миноритарные языки, этноязыковая идентичность.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Цитирование: Боргоякова Т.Г., Кириленко С.В. Языковые установки и кодовые переключения хакасских билингвов. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 477–488. EDN: URGNW

Introduction

Khakass, one of the Turkic languages of Southern Siberia, is currently experiencing significant challenges, primarily due to the influence of the dominant Russian language and the increasing necessity for younger generations to gain proficiency in at least one international language. As a result, for some speakers, Khakass has acquired the status of a ‘functionally third language.’ Moreover, recent studies on language vitality suggest that the shift away from Khakass has occurred over the course of three generations (Borgoiakova, 2021: 200). Researchers observe a form of subtractive bilingualism among the speakers of Khakass when the indigenous population adopts Russian as their sole language of communication, not only in public and external interactions but also within their intimate and familial domains: “the language behavior of bilinguals is determined by a strong instrumental and integrative motivation for using the Russian language as a language of social advancement” (Borgoiakova et al., 2021: 476). In this sociolinguistic context, studying language attitudes – particularly in relation to code-switching – can help gauge the level of community support for Khakass language maintenance. Code-switching reflects how speakers navigate their cultural and social identities. Understanding when and why individuals engage in code-switching, along with the prevailing attitudes toward this practice, can offer deeper insights into the development of the Khakass language in the dynamics of bilingual social context.

Theoretical Approaches to Language Attitudes and Code-Switching in International and Russian Sociolinguistics: a Brief Overview

Language attitudes are defined as “subjectively conditioned opinions in relation to any language or language variety” (Kirilenko, 2024: 19). In sociolinguistics, the primary focus is on the polarity of individual language attitudes, whether they are favorable or unfavorable towards a language variety or a dialect: “assessments that speakers make about the relative values of a particular language” (Myers-Scotton, 2006: 109).

Code-switching and language attitudes are intrinsically linked, as the way individuals alter-

nate between languages in conversation often reflects and reinforces their attitudes toward the languages involved. Language attitudes significantly influence the contexts and motivations for code-switching. For instance, speakers may choose to switch codes to assert a particular identity, align with a social group, or navigate power dynamics, all of which are informed by their attitudes toward the social status or prestige of the languages involved (Baker, 1992).

Code-switching between the languages “refers to instances when speakers switch between codes (languages, or language varieties) in the course of a conversation”¹. In a conversation, such kind of switching is partially led by conscious attempts to maintain the conversation in one and single language, while partially goes subconsciously: “selection among linguistic alternants is automatic, not readily subject to conscious recall” (Gumperz, 1982: 61). Normally, it is a non-rule governed variation. However, in the situation where a dominant and an indigenous languages are mixed, a kind of subconscious rule applies that some words must be pronounced either in the dominant or the indigenous language, depending on which of the languages dominates the speech act.

One of the major theoretical approaches to code-switching in sociolinguistics is Gumperz’s interactional model, which emphasizes the social functions of code-switching in discourse – such as expressing identity, contextualizing speech, and managing social relationships. John J. Gumperz argued that the changes in communicative practices are influenced not only by shifts in the extralinguistic environment but also by transformations in the structure of interpersonal relationships (Gumperz, 1982: 57). Another key theoretical framework in this field is Giles’ (2016) Communication Accommodation Theory, which suggests that bilinguals switch languages either to align with a particular language group (convergence) or, conversely, to emphasize social distance (divergence). Communication Accommodation Theory (CAT) was first introduced by H. Giles in 1973. However, its application to code-switching and its sociolin-

¹ A Dictionary of Sociolinguistics. Ed. by J. Swann, etc. (2012). Edinburgh: Edinburgh University Press, P. 40 (*In English*).

guistic significance were more fully developed in his later work, particularly in 2016 (Giles, 2016). One more meaningful approach in the field of code-switching and language attitudes is the ‘Markedness Model’ that claims that code-switching is a strategic choice rather than random occurrence. Speakers select the language that best suits the expected social norms, i.e., make marked or unmarked choices (Myers-Scotton, 1993, 1997). P. Auer examined code-switching from an interactional perspective, focusing on its role in structuring conversation and creating meaning in interaction; code-switching is considered as a contextualization cue, helping participants signal shifts in topics, manage turn-taking, or indicate changes in footing during conversations (Auer, 1998: 1–25).

These theoretical frameworks form the foundational principles upon which much of contemporary research on code-switching in social linguistics is constructed, both in Russia and abroad, with the focus on analyzing language use within social contexts and the ways speakers in bilingual or multilingual environments alternately use languages or varieties to convey meaning, negotiate identity, and navigate power dynamics.

Code-switching has also undergone some theoretical development in Russian sociolinguistics in recent years. Researchers focused on the problem of distinguishing code-switching from code-mixing (Mutylina, 2011; Khilkhanova et al., 2018) while also examining specific structural aspects of code-switching (Kondrat’eva, 2022). One such aspect is duplication, or bilingual repetition, which has been identified as a distinct structural type of code-switching (Gavrilova, 2012). Although some studies examine how code-switching and code-mixing contribute to the study of language attrition (e.g., Rubakova et al., 2022), such research remains limited within Russian sociolinguistics. This gap highlights the relevance of our study, underscoring its significance in addressing an underexplored area.

Overview of the Khakass Language: Status and Usage

Geographically, the Republic of Khakassia is located in the southwestern region of East-

ern Siberia. According to the most recent 2020 Census, the ethnic composition of the Republic of Khakassia is predominantly Russian, with Russians comprising 82.14 % of the population. The Khakass people, the indigenous ethnic group of the region, make up 12.71 %, while other ethnic groups account for the remaining 5.15 %. According to the Census (2020), however, only 47 % of the Khakass people report proficiency in their native language².

While the Khakass people remain the second-largest ethnic group in the Republic of Khakassia, their linguistic vitality is threatened. The decline in language use is reflected in international assessments of linguistic endangerment. The Khakass language was classified as ‘definitely endangered’ in *UNESCO’s Red Book of Endangered Languages* (Moseley, 2010). Similarly, the *World Atlas of Languages* (UNESCO) designates Khakass as a spoken yet ‘definitely endangered’ language.

This current state of endangerment stands in contrast to the early Soviet period, when historical records reveal a time when the majority of the Khakass population spoke the language, and deliberate efforts were made to promote its development and standardization. According to the 1926 census, approximately a century ago, over 90 % of the Khakass population in the USSR identified Khakass as their mother tongue (see Table 1). While the majority resided within the territory of present-day Khakassia, Khakass-speaking communities were also recorded in regions such as Krasnoyarskiy Krai, the Tuva Republic, the Tomsk Region, and other neighboring areas. At that time, language policies promoted the development of Khakass, as part of the broader effort of the government to support national minorities. In the period of ‘language construction’³, that was in the 1920s and 1930s, efforts were made to create a written standard using the Cyrillic script, based on two

² Federal State Statistics Service. All-Russian Population Census 2020, Volume 5, available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>. (Accessed 20 March 2025) (*In Russian*).

³ The process of language construction is defined as “a set of government measures aimed at a positive change in the functional status of the languages in it: the creation of writing, the introduction of languages into the education system, mass communication, and so on”. Slovar’ sotsiolingvisticheskikh terminov (Dictionary of sociolinguistic terms), P. 265 (*In Russian*).

Table 1. Analysis of the census data on the Khakass population and their proficiency in the Khakass language (1926–1989)

Year	Total population of Khakass people in the USSR (thousand)	Language indicator	Number of people speaking the Khakass (thousand)	Percentage from the total population (%)
1926	44.1	Native language	40.3	91.4 %
1979	70.7	Native language	57.6	81.5 %
1989	78.5	Native language	60.2	76.7 %

Khakass varieties – Kachin and Sagai. During this period, schools were established where Khakass was used as a medium of instruction, and local newspapers and literary works in the language were encouraged.

However, in the subsequent decades, processes such as urbanization, migration, and the growing presence of the Russian-speaking population in areas traditionally inhabited by the Khakass began to reshape the demographic and linguistic landscape (Table 1). Between 1926 and 1989, the total population of Khakass people in the USSR increased significantly – from 44.1 thousand in 1926 to 78.5 thousand in 1989. Despite this demographic growth, the proportion of Khakass people who identified Khakass as their native language steadily declined. In 1926, 91.4 % of the Khakass population spoke the language, then by 1979 this figure had dropped to 81.5 %, and further declined to 76.7 % by 1989. While the absolute number of speakers grew from 40.3 thousand to 60.2 thousand over this period, the relative decline in language retention indicates the early stages of linguistic shift.

Due to the promotion of Russian as the lingua franca of the Soviet Union, Khakass was gradually marginalized in public domains. Many Khakass speakers were encouraged or pressured to adopt Russian for social and economic mobility (Borgoiakova, 2021: 199–201). These shifts contributed to the gradual decline of the Khakass language, particularly among younger generations and in urban areas. However, despite the evident decrease in the number of active speakers, census data from the period suggest that relatively few Khakass individuals had, at that time, undergone a complete language shift. By the end of the Soviet period in

1989, 23.3 % of the 78,500 Khakass individuals no longer possessed proficiency in their native language. This represents a 13.3 % increase in language loss compared to 1926, when only 10 % of Khakass people were not proficient in the language. This decline can be attributed to the narrowing of functional domains in which the language was used, as well as a decrease in the number of children acquiring Khakass as their first language.

Since 1992, the Khakass language has held official status alongside Russian within the Republic of Khakassia, a status that is legally enshrined in both the regional law on languages and the Constitution of the Republic of Khakassia. Throughout the 1990s and 2000s, various cultural and linguistic initiatives were launched, including the development of educational materials, support for Khakass-language media, and the maintenance of Khakass in school programs on a voluntary basis. Nonetheless, these measures have often lacked consistent implementation, sufficient funding, or institutional backing, limiting their long-term impact (Borgoiakova, 2015: 141–151).

Between 2002 and 2020, the Khakass population in the Russian Federation experienced both demographic decline and a marked decrease in language proficiency (Table 2). The total population fell from 75.6 thousand in 2002 to 61.3 thousand in 2020, a reduction of nearly 19 %. More notably, the number of individuals proficient in the Khakass language dropped from 52.1 thousand (69 %) in 2002 to just 29.1 thousand (47 %) in 2020. This reflects a 44 % decline in the number of proficient speakers over two decades. The trend underscores an accelerating erosion of linguistic vitality, with proficiency decreasing not only in absolute

Table 2. Analysis of the census data on the Khakass population and their proficiency in the Khakass language (2002–2020)

Year	Total population of Khakass people in the Russian Federation (thousand)	Language indicator	Number of people speaking the Khakass (thousand)	Percentage from the total population (%)
2002	75.6	Proficient	52.1	69 %
2010	73.0	Proficient	42.6	58 %
2020	61.3	Proficient	29.01	47 %

numbers but also as a proportion of the Khakass population. The figures suggest a weakening of intergenerational language transmission and insufficient integration of Khakass into key sociocultural and educational domains, despite its recognized status as a co-official language in the Republic of Khakassia.

Functionally, the Khakass language is now employed to a limited extent in formal domains of communication (education, cultural activities, media), primarily serving semi-formal and informal communicative purposes (Borgoiakova et al., 2019). The language is incorporated into educational curricula at both school and university levels. However, despite its co-official status, the Khakass language is neither mandated as a medium of instruction nor required as a compulsory subject at any level of the regional education system. As a result, many parents choose to forgo enrolling their children in Khakass language groups, viewing the absence of an additional subject in the curriculum as advantageous or convenient for their children.

The Khakass language is visibly present in the linguistic landscape of the Republic, appearing on street signs and other public signage. Khakass is also used on social media platforms, where it may, in some cases, serve as the sole language of communication; however, it is more commonly used alongside Russian. A promising indicator of its revitalization is that, despite being classified as an endangered language, Khakass has been categorized as ‘ascending’ in terms of digital support according to the Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale, reflecting active efforts to maintain and enhance its online presence (EGIDS).

Aims and Methods of the Study

The phenomenon of language shift remains a highly debated topic within both scholarly discourse and the public sphere of Khakassia. In this context, the characteristics of code-switching, as observed in newspaper publications and the oral speech of Khakass language speakers, have already been touched in scholarly works on bilingualism (Borgoiakova, 2002), (Borgoiakova et al., 2021). The prevalence of different types of code-switching – such as inter-sentential and extra-sentential – has been analyzed in relation to speakers’ proficiency levels in their native language. Additionally, the motivations behind code-switching are explored, including preferences influenced by Russian-language structures, such as the tendency to verbalize modality at the beginning of a sentence (Borgoiakova, 2002: 224–225).

The primary focus of the present study was to analyze the patterns of language use and code-switching among speakers to assess whether Khakass remains actively used in daily interactions or is at risk of becoming a symbolic rather than a functional language. The study also aimed at investigating the level of tolerance for linguistic errors in Khakass among its speakers. A high tolerance – where speakers do not correct mistakes or accept mixed Russian-Khakass speech – may indicate a decline in fluency and a lack of pressure to maintain linguistic accuracy. Conversely, a stricter approach, characterized by low tolerance for linguistic errors, may reflect a stronger commitment to preserving the indigenous language in its original form. Broadly, the study aimed to provide considerations on the impact of code-switching on language main-

tenance. If frequent code-switching is widely accepted, speakers may become increasingly lenient toward grammatical inconsistencies in Khakass, potentially accelerating the process of language shift.

In a sociolinguistic survey conducted in 2024 by the scientists of the Research Institute for Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology of the Katanov Khakass State University in collaboration with the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 325 Khakass language speakers from the Republic of Khakassia were interviewed. This study is based on a mixed-methods approach, incorporating quantitative survey data from 325 respondents residing in the Republic of Khakassia – including a focused subsample of frequent Khakass speakers – as well as qualitative commentary on language use and attitudes.

The respondents' profile. The majority of participants are women (264), with men comprising 61 of the total sample. Participants span a wide age range, with the largest groups aged 51 and older (118 respondents), 41–50 years (86), and 31–40 years (72). Younger participants include those aged 26–30 (23) and under 25 (26). In terms of geography, 168 respondents live in urban areas, while 146 reside in rural settings; and a small number of participants indicated that they divide their time between urban and rural areas. The educational background of the group is predominantly strong: most respondents hold higher education degrees, including 12 with PhDs. An additional 55 individuals have vocational or college training, 10 completed only secondary school, and several are currently pursuing higher education.

The data of the survey were analyzed with particular attention to self-reported language behavior, individual perceptions of prestige, and respondents' reactions to Russian-Khakass code-switching and linguistic purity. The study utilized an anonymous voluntary questionnaire as its research method. The analysis of the collected data employed statistical, comparative, and analytical approaches. The results were processed using the SPSS statistical software.

Survey Results and Discussions

General study findings: insights from 325 participants

The study's findings indicate the following: in terms of language attitudes, respondents perceive Russian and Khakass as possessing similarly high levels of prestige. While all respondents are proficient in Khakass, their reported frequency of use in informal settings (such as family and social interactions with friends) is approximately 50 %.

The respondents also provided additional comments regarding the use and prestige of the languages. Multilingualism, encompassing Khakass, Russian, and English, is regarded as prestigious. A summarized overview of them reveals that English is valued primarily as a language of international communication, particularly within professional and educational contexts, though its relevance in everyday life in Khakassia is limited. Respondents view proficiency in the Khakass language as an important means of preserving cultural heritage and traditions. However, many expressed concerns about the lack of a supportive linguistic environment for Khakass, which poses challenges to its preservation and intergenerational transmission. At the same time, the respondents expressed the following views on the prestige of the Khakass language, which is meaningful from the sociolinguistic perspective (selected answers):

- The majority of the population in Khakassia speaks Russian. The Khakass language is mainly spoken by those who consider it their native language. Currently, there are many weak speakers of the native (Khakass) language.
- The prestige of a language depends on a person's age. For children and teenagers, Russian and English may be prestigious, while for adults, it is prestigious to know their native language.
- The government is paying more attention to the Khakass language, there is more Khakass music, and it is being taught in schools and kindergartens. I hope this will lead to a positive shift, and over time, the language will become more popular.

- There is no need to be ashamed to speak the Khakass language in public. Moreover, we should help those who want to learn the Khakass language.

- The prestige of a language depends on the speakers themselves.

- It depends on the individual, based on their field of activity, education, life priorities, etc.

- Language comes from the home, from the family, from the lineage. We need to involve the youth in learning their language.

- A language will be prestigious if it helps a person to be successful both materially and spiritually, especially when respected and well-known people speak it; for young people, their role models are in the youth environment.

Regarding the speech errors, the majority of respondents exhibit tolerance or maintain a neutral attitude toward them. Many believe that it is preferable to speak with errors rather than not use the language at all. While most respondents have not encountered conflicts related to linguistic accuracy in Khakass, approximately a quarter acknowledge the presence of some degree of tension. Overall, it can be concluded that some respondents are critical of the low proficiency level in Khakass, particularly in professional and formal settings; however, instances of conflict remain rare. Most respondents perceive language mixing as a neutral phenomenon, often attributed to objective factors such as the lack of equivalents in Khakass and the dominance of Russian in various communicative domains. Language mixing is relatively common, with more than 86 % of participants indicating that it occurs ‘sometimes’ or ‘often.’

As for the use of standard Khakass and the mixing of Khakass and Russian words in conversation – issues related to bilingualism and assimilation – respondents expressed the following views (summarized overview):

- Russian is spoken more frequently, while Khakass is used less often.

- The blending of Khakass and Russian is seen as a natural part of everyday life.

- Many individuals forget or are unfamiliar with Khakass words, leading to the use

of Russian equivalents; this reflects an insufficient vocabulary in Khakass.

- There is a lack of opportunities for communication in Khakass, and overall linguistic activity in daily life remains low.

- Some words in Khakass lack direct translations or equivalents.

- Russian words are perceived as simpler and more convenient for daily communication.

- Habitual use of Russian, particularly in urban and social contexts, is influenced by a predominantly Russian-speaking environment (educational venues, workplace, media).

- Few pupils study Khakass in schools.

Some of the respondents’ comments stand out because they touch on sociolinguistic issues such as language ideology, identity, intergenerational change, power dynamics, or language planning, i.e., key concerns in sociolinguistics:

Language and social change

- Life is changing and the Khakass language must change too.

- The Khakass language must change according to its own rules (without directly borrowing Russian or English words).

- Modern technological standards, science, cannot be expressed in a “medieval” language. We need to adequately adapt.

- Language change is inevitable. Only through this can Khakass survive or we need a long, titanic effort to rewire the youth’s thinking toward Khakass.

Language ideologies and cognitive tensions

- I can’t imagine the Khakass language with elements of Russian or English. I consider it necessary to preserve it without foreign language inclusions. Modern Khakass is already losing its original richness.

- The language has already changed. New generations artificially change intonation, don’t know many words, and read poorly.

- Even the cheapest food stand in Askiz [a small town in Khakassia] speaks Russian. So, what’s the point of learning Khakass?

- A dead language – what’s the point of learning it if you won’t use it afterward?

Hybridity and Bilingual Realities

- It's impossible not to use Russian words, life conditions require using words from another language.
- If we start including Russian elements, Khakass will be completely displaced.
- Every language has foreign words. Khakass is no exception.
- If necessary, I can speak in both languages. Not all words can be translated from Russian into Khakass.
- A living language inevitably absorbs words from other languages, and thus it changes...

The qualitative responses reveal that while some participants advocate for linguistic purism rooted in cultural heritage and authenticity, others emphasize the necessity of language change in response to rapid societal and technological transformation. The comments also reflect cognitive dissonance among speakers navigating hybrid linguistic realities, where Russian dominates public life while Khakass risks symbolic marginalization.

As a matter of fact, many respondents observe that Khakass words frequently surface in their Russian speech spontaneously and without conscious effort, a phenomenon likely linked to the cognitive nature of bilingual thought. A considerable number of participants describe situations where Khakass words offer a more precise expression of meaning, possess no direct equivalents in Russian, or carry a greater depth of nuance and emotional resonance in specific contexts. They emphasize that incorporating Khakass into speech enriches it with a distinct cultural identity, infuses it with humor, and enhances its expressive quality.

Incidentally, many respondents turn to Khakass words when struggling to find an appropriate Russian equivalent or when encountering challenges in translation. Some deliberately integrate Khakass vocabulary into their speech as a means of affirming their national identity, while others use it consciously to practice and preserve their language skills, safeguarding them from erosion. In certain cases, Khakass words and phrases serve as a tool for teaching children, often emerging in moments of anxiety or fatigue, as well as to introduce

humor or irony into conversation. A small fraction of respondents, however, assert that they never incorporate Khakass words into their Russian speech.

Frequent speakers: perspectives
from 194 consistent Khakass language users

Having presented the results for the entire group of 325 respondents, we will now focus on a specific subset of 194 participants who reported using Khakass at home 'always' or 'most of the time.' Given the crucial role of the home domain in sustaining the vitality of Khakass, examining this group separately allows for a more nuanced analysis of code-switching patterns and language attitudes among active speakers. This selection criterion is crucial, as the home domain represents the most stable and viable setting for language transmission and maintenance. At the same time, this approach strengthens the study's validity by focusing on individuals who contribute most directly to the ongoing vitality of the Khakass language.

The data collected among the frequent speakers of Khakass (Table 3) reveals a complex relationship between the attitudes and use of the Khakass language. A significant majority of respondents (82,5 %) believe that speaking Khakass is prestigious, which indicates that the language retains a strong cultural and identity-related value. However, despite this positive perception, there is a noticeable concern regarding linguistic accuracy. When asked about their attitudes toward people who speak Khakass with mistakes, 40,7 % expressed neutrality, while a considerable portion (32,5 %) responded negatively. A similar pattern emerged in personal reactions to hearing incorrect Khakass, with 30,4 % reacting rather negatively and 3,1 % strongly negatively. These responses suggest a relatively low tolerance for linguistic errors, which may reflect an effort to preserve the language in its standard form.

The issue of linguistic purity is further emphasized by the fact that 35,1 % of respondents reported having either witnessed or participated in conflicts over the correctness of speech in Khakass. This finding suggests that language use is a contentious issue within the community, pointing to a heightened awareness of the

Table 3. Quantitative characteristics of respondents' answers from consistent Khakass language users

questions	variants of answer	answers (%)
Is it prestigious to speak Khakass language?	yes	82,5
	no	11,9
	find it difficult to answer	5,6
How do Khakass people overall feel towards people who speak Khakass with mistakes due to poor command of the Khakass language?	strongly positive	0,0
	rather positive	20,6
	neutral	40,7
	rather negative	32,5
	strongly negative	2,1
	own answer	4,1
How do you feel about situations when people speak Khakass with mistakes due to poor command of the Khakass language?	strongly positive	1,0
	rather positive	18,6
	neutral	34,5
	rather negative	30,4
	strongly negative	3,1
	own answer	12,4
Have you ever witnessed or participated in a conflict regarding the correctness of speech in the Khakass language?	yes	35,1
	no	63,4
	own answer	1,5
How do you perceive it when speakers of the Khakass language insert Russian (or English) words into their speech?	rather positive	1,5
	neutral	9,3
	rather negative	58,7
	very negative	28,4
	own answer	2,1
How often do you or others mix Russian and Khakass words when communicating in Khakass?	always	2,6
	often	32,5
	rarely	47,4
	sometimes	17,0
	never	0,5

need for linguistic preservation. However, despite this concern for purity, code-switching remains a common practice. While two-thirds of respondents hold a negative view of inserting Russian or English words into Khakass speech and about a third express strong disapproval, a number of speakers still engage in the practice. In terms of frequency, 32,5 % report mixing Russian and Khakass often, and 47,4 % do so rarely.

Conclusions

The present study provides an analysis of language attitudes and usage patterns among speakers of Khakass, with a particular focus on frequent speakers (194 respondents) as well as insights from a broader respondent group (325 respondents). The findings reveal a high degree

of ethnolinguistic loyalty and a strong symbolic association between the Khakass language and cultural identity. Among frequent speakers, 82.5 % view speaking Khakass as prestigious, yet a notable proportion exhibit low tolerance for linguistic errors, and 35.1 % report experiencing or witnessing conflicts regarding language use. This suggests that concerns about linguistic purity are salient and that Khakass serves not only as a means of communication but also as a marker of in-group norms and cultural boundaries.

Despite these attitudes, there exists a clear disjunction between ideological stances and actual language practices. Code-switching remains widespread among frequent speakers, with 32.5 % reporting frequent mixing of Khakass and Russian, and 47.4 % doing so

occasionally. These patterns reflect the sociolinguistic realities of a predominantly Russian-speaking environment and highlight the challenge of maintaining language integrity in a bilingual context.

The broader sample reinforces these observations. Respondents report a roughly equal perception of prestige for both Russian and Khakass and identify multilingualism – including English – as a socially valued skill, particularly in professional and educational domains. While all respondents report proficiency in Khakass, actual usage even in informal domains remains limited (approximately 50 %). Furthermore, the insufficient supportive linguistic infrastructure and scarce opportunities for formal instruction in Khakass were commonly cited by respondents as barriers to its sustained use and transmission.

A majority of respondents express tolerance or neutrality toward speech errors in Khakass, favoring usage over non-use.

Language mixing is not only common but also functionally and expressively motivated: survey reveals that Khakass elements are often used in Russian speech to convey cultural nuance, emotional depth, or humor. This pragmatic and affective use of the language reflects the cognitive processes of bilingualism and indicates that for many speakers, maintaining Khakass – even in hybrid forms – serves both communicative and identity-related functions.

These findings point to a sociolinguistic contradiction: while Khakass retains high symbolic and emotional value, its structural and functional domains are increasingly compromised. Surely, systemic measures are needed to promote linguistic accuracy, expand educational and communicative domains, and reinforce intergenerational transmission, otherwise the language may persist primarily in hybridized forms, potentially accelerating a shift toward language loss.

References

- Auer P. *Code-switching in conversation: Language interaction and identity*. London: Routledge, 1998. 355.
- Baker C. *Attitudes and language*. Clevedon: Multilingual Matters, 1992. 173.
- Borgoiakova T.G. Language policies and language loyalties after twenty years in post-Soviet Russia: The case of Khakassia. In: Stolz C. (ed.). *Language Empires in Comparative Perspective*. Vol. 6. Bremen: De Gruyter, 2015, 141–151.
- Borgoiakova T.G. *Sotsiolingvisticheskiye protsessy v respublikakh Yuzhnoy Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of Southern Siberia]*. Abakan: Katanov Khakass State University Publishing House, 2002. 166.
- Borgoiakova T.G. Khakasskiy yazyk i yazykovoy sdvig v yazykovykh biografiyakh khakasov [Khakass language and language shift in the language biographies of the Khakass people]. In: *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik [Humanitarian Scientific Bulletin]*, 2021, № 12, 198–201. DOI: 10.5281/zenodo.5769860.
- Borgoiakova T.G., Guseinova A.V. Kontekstualizirovanny bilingvizm v respublikakh Yuzhnoy Sibiri [Contextualized bilingualism in the republics of Southern Siberia]. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2021, 14(4), 466–477. DOI: 10.17516/1997–1370–0734.
- Borgoiakova T.G., Guseinova A.V. Dinamika yazykovogo povedeniya i yazykovykh ubezhdeniy v kontekste yazykovoy politiki Respubliki Khakasiya [Dynamics of linguistic behavior and linguistic beliefs in the context of the language policy of the Republic of Khakassia]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*, 2019, 12(11), 342–347. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.72.
- EGIDS: Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale. Available at: <https://www.ethnologue.com/language/kjh/> (accessed 3 March 2025).
- Gavrilova V.G. Dublikat si v odnom iz proyavleniy perekhucheniya kodov [Duplication as one of the manifestations of switching]. In: *Finno-ugorskiy mir [Finno-Ugric World]*, 2012, 3(4), 56–59.

Giles H. (ed.). *Communication accommodation theory: Negotiating personal relationships and social identities across contexts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316226537>

Gumperz J.J. (ed.). *Language and social identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 324.

Khilkhanova E. V., Papinova Zh.B. K voprosu o terminakh pereklucheniya kodov, smeshivaniya kodov, vklucheniya i kriteriyakh ikh differentsiatsii [On the question of the terms of code switching, mixing of codes, inclusions and criteria for their differentiation]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The World of Science, Culture, Education]*, 2018, 2(69), 667–671.

Kirilenko S.V. Yazykovyye ustanovki: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Language attitudes: Sociolinguistic aspect]. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2024, 10(1), 17–30. DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-1-0-2.

Kondrat'eva N.V., Bezenova M.P. Leksiko-semanticheskiye osobennosti vnutfrazovogo pereklucheniya kodov v usloviyakh udmurt-russkogo bilingvizma [Lexico-semantic features of intra-phrasal code switching in the conditions of Udmurt-Russian bilingualism]. In: *Filologiya. Teoriya i praktika [Philology. Theory and Practice]*, 2022, 15(12), 3892–3899. DOI: 10.30853/phil20220699.

Mutyulina A. Yu. K differentsiatsii ponyatiy “pereklučenje” i “smeshivanie kodov” (na primere ustnoy rechi russko-kitaiskikh bilingvov v Pekine) [On the differentiation of the concepts of “switching” and “mixing codes” (on the example of oral speech of Russian-Chinese bilinguals in Beijing)]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Irkutsk State Pedagogical University]*, 2011, 1, 52–60.

Moseley C. (ed.). *Atlas of the world's languages in danger*. 3rd ed. Paris: UNESCO Publishing, 2010.

Myers-Scotton C. *Social motivations for code-switching: Evidence from Africa*. Oxford: Clarendon, 1993.

Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Rev. ed. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Myers-Scotton C. *Multiple voices: An introduction to bilingualism*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 472.

Rubakova I.I., Vasko A.O. Pereklučenje i smeshivanie kodov v rechi russko-angliyskikh bilingvov kak vozmozhnoe proyavlenie nachal'noy stadii yazykovoy utraty [Code-switching and code-mixing in the speech of Russian-English bilinguals as a possible manifestation of the initial stage of language attrition]. In: *Inostranny yazyk v professional'noy sfere: pedagogika, lingvistika, mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Foreign Language in the Professional Sphere: Pedagogy, Linguistics, Intercultural Communication]*, 2022, 124–134.

UNESCO World Atlas of Languages. Paris: UNESCO, n.d. Available at: <https://en.wal.unesco.org/world-atlas-languages> (accessed 3 March 2025).

EDN: UTJSHQ
УДК 811.554+512.157

Toponymic Multilingualism in Arctic Regions: Reflection of Yukaghir-Yakut Contacts in the Toponymy of the Lower Kolyma

Samona N. Kurilova* and Liudmila S. Zamorshchikova

*The Arctic Linguistic Ecology Lab of M.K. Ammosov
North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation*

Received 03.09.2025, received in revised form 15.01.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. The study of Arctic toponymic multilingualism is relevant in the context of preserving the linguistic heritage of indigenous peoples amidst globalization. Using the toponymy of the Lower Kolyma as a case study, this research analyzes hybrid geographical names that have emerged from prolonged Yukaghir-Yakut language contact. The novelty of the work lies in its systematic presentation of structural types of hybrid toponyms, such as complex constructions with multilingual components, morphological hybrids with foreign-language affixes, full calques, phonetically assimilated forms, toponymic paronyms, and ethno-marked nominations. The research methodology integrates principles of critical toponymy with interdisciplinary analysis, combining linguistic, historical, and anthropological methods. A contextual approach interprets toponyms as cultural texts, revealing the semantics of geographical names through folklore and ethnographic materials within the framework of traditional knowledge and sociocultural processes. Linguistic mechanisms of hybridization, such as transliteration, calquing, contamination, and partial calquing, have been identified. It is established that these toponyms serve as cultural memory, recording historical events, ethnographic realities, and features of traditional land use, while simultaneously functioning as markers of ethno-cultural interactions. Research prospects are associated with the creation of a geoinformation system for toponyms, the development of automated methods for analyzing language contacts, and the application of the findings in educational programs for cultural heritage preservation. The obtained data contribute to the development of interdisciplinary approaches in linguistics, anthropology, and historical geography, bearing practical significance for language planning in Arctic regions.

Keywords: hybrid toponymy, language contacts, Yukaghir language, Yakut language, Arctic multilingualism, cultural memory, folklore, ethnography, toponymic stem, affix, adaptation.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Russian Language. Languages of the Russian Federation Peoples; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: samonakur@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0300-3771 (Kurilova); 0000-0001-5541-8613 (Zamorshchikova)

The article was written with support from RSF «Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)» (Agreement № 25–78–30006 of 22.05.2025).

Citation: Kurilova S. N., Zamorshchikova L. S. Toponymic Multilingualism in Arctic Regions: Reflection of Yukaghir-Yakut Contacts in the Toponymy of the Lower Kolyma. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 489–505. EDN: UTJSHQ

Топонимический мультилингвизм в Арктических регионах: отражение юкагирско-якутских контактов в топонимике Нижней Колымы

С.Н. Курилова, Л.С. Заморщикова

*Международная научно-исследовательская лаборатория
«Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного
Федерального университета им. М.К. Аммосова
Российская Федерация, Якутск*

Аннотация. Исследование арктического топонимического мультилингвизма актуально в контексте сохранения языкового наследия коренных народов в условиях глобализации. На материале топонимии Нижней Колымы анализируются гибридные географические названия, возникшие в результате длительных юкагирско-якутских языковых контактов. Новизна работы заключается в системном представлении структурных типов гибридных топонимов, таких как сложносоставные конструкции с разноязычными компонентами, морфологические гибриды с иноязычными аффиксами, полные кальки, фонетически ассимилированные формы, топонимические паронимы и этномаркированные номинации. Методология исследования интегрирует принципы критической топонимики с междисциплинарным анализом, сочетая лингвистические, исторические и антропологические методы. Контекстуальный подход интерпретирует топонимы как культурные тексты, раскрывая через фольклорные и этнографические материалы семантику географических названий в контексте традиционных знаний и социокультурных процессов. Выявлены лингвистические механизмы гибридизации как транслитерация, калькирование, контаминация и полукалькирование. Установлено, что данные топонимы выполняют функцию культурной памяти, фиксируя исторические события, этнографические реалии и особенности традиционного природопользования, одновременно служа маркерами этнокультурных взаимодействий. Перспективы исследования связаны с созданием геоинформационной системы топонимов, разработкой автоматизированных методов анализа языковых контактов и применением результатов в образовательных программах по сохранению культурного наследия. Полученные данные вносят вклад в развитие междисциплинарных подходов в лингвистике, антропологии и исторической географии, имея практическое значение для языкового планирования в арктических регионах.

Ключевые слова: гибридная топонимия, языковые контакты, юкагирский язык, якутский язык, арктическое многоязычие, культурная память, фольклор, этнография, топооснова, аффикс, адаптация.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.5. Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (Соглашение № 25–78–30006 от 22.05.2025 г.).

Цитирование: Курилова С.Н., Заморщикова Л.С. Топонимический мультилингвизм в Арктических регионах: отражение юкагирско-якутских контактов в топонимике Нижней Колымы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 489–505. EDN: UTJSHQ

Введение в проблему

Топонимический ландшафт Якутии отражает сложную историю взаимодействия разных этносов, населявших эту территорию на протяжении веков. Их взаимопроникновение и совместное проживание стало основой для формирования особого типа топонимов, так называемых гибридных топонимов, компоненты которых относятся к разным языкам. Многие географические названия содержат элементы языков различных этнических групп – якутов, юкагиров, эвенов, эвенков и русских, что свидетельствует о длительном и многогранном процессе культурного обмена.

Топонимика является многослойным образованием, состоящим из разновозрастных и разноязычных элементов, искаженных и измененных со временем в результате новых языковых и этнических контактов (Murzaev, 1974: 15). Ономастический континуум развивается в пространстве и во времени, он характеризуется культурной непрерывностью, т.е. особой связью имен, созданных людьми разных стран и культур, это пространственное распределение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации (Superanskaja, 1984: 9–15).

Рассматривая топонимы как языковой источник информации о духовной культуре народа, топонимы представляются языковыми источниками информации о духовной культуре народа. Топонимический континуум – сложнейший по своей организации текст, на многих участках которого видит-

ся палимпсест, при этом каждый фрагмент этого текста создан определенным языковым коллективом в определенной социоохронотоп истории (Berezovich, 1998: 7, 65).

Проблему топонимических заимствований как проявления межкультурных и межъязыковых контактов, особенности языковой адаптации и культурно-языковую интерференцию исследовала Г.С. Доржиева (2010) на материале квебекского варианта французского языка.

И.А. Мартыненко и О.С. Чеснокова (2021), изучив гибридные топонимы Панамы, выявили их уникальный гетерогенный и полистратный характер, семиотически обусловленный историческими фактами, этническим составом населения, природными условиями страны и миграционными процессами. По аналогии с понятием многоязычия для гибридной топонимии исследователи вводят понятие «топонимический мультилингвизм», который создает и фиксирует полилингвальную топонимическую составляющую национальной идентичности.

А.В. Суперанская (2007) рассматривает смешанные (гибридные) топонимы как важный лингвистический и культурный феномен, отражающий сложные процессы взаимодействия языков и народов. Такие названия не являются случайными или маргинальными, а закономерно возникают в условиях длительных языковых контактов. Гибридные топонимы, с одной стороны, сохраняют связь с исконными языковыми традициями, а с другой – демонстрируют адаптацию к новым культурным и лингви-

стическим реалиям, их структура и семантика часто содержат скрытые исторические свидетельства.

Исследуя гибридные географические названия в Южной Африке, Э. Дженкинс (2017) отмечает, что гибридные названия выполняют важные функции: они отражают исторические процессы колонизации и ассимиляции, служат маркерами социальных изменений (особенно в пост-апартеидный период) и являются инструментом стандартизации топонимики. Важно отметить, что гибридные названия представляют собой не случайные комбинации, а результат системного языкового контакта, где структура и написание определяются доминирующим языковым влиянием – например, правила африкаанс предписывают слитное написание, а английские нормы требуют использования апострофов. При этом гибридные названия отличаются от скрытых адаптаций и от полных переводов (калек) тем, что сохраняют явную связь с исходными языками, частично включая иноязычные компоненты. Таким образом, ключевым критерием гибридности для автора является видимая принадлежность частей названия к разным языковым системам при их объединении в единый топоним.

Согласно современным исследованиям в области критической топонимики, множественность названий для одного географического объекта является закономерным явлением, а не исключением. Это явление, известное как **топонимический плюрализм**, отражает сложные социально-политические взаимодействия. Как демонстрирует в своем исследовании Ф. Жиро (Giraut, 2020), топонимы функционируют как инструменты символической власти и формирования идентичности. Официальные и народные практики именования находятся в постоянной диалектической взаимосвязи и конкуренции, делая топонимику динамичным полем борьбы за влияние. Жиро выделяет два ключевых контекста возникновения гибридных топонимов (смешанных названий):

– *культурный контекст*: в зонах межкультурного контакта (например, в пост-

колониальных странах) названия адаптируются, сливая местные и привнесенные традиции (европейское название, измененное на местный лад, как, например, арабизированная версия французского *Rue de la République* → *Rue de la Jumhūriyya*);

– *политический контекст*: при смене режимов гибридные названия становятся компромиссом между идеологиями (например, когда улица имеет одновременно советское и национальное название: ул. *Ленина* / *Тараса Шевченко*).

При этом гибридизация топонимов реализуется через различные лингвистические механизмы: **транслитерация** (например, *Миссури* из алгонкинского *Mihsoori*), **калькирование** (перевод местного названия на язык колонизаторов – *Мыс Доброй Надежды* вместо *Kaap de Goede Hoop*), **контаминация** (смешение элементов разных языков, как в *Tshwane*, сочетающем африкаанс и языки банту).

Согласно Жиро, гибридные топонимы служат трем функциям – легитимации власти через видимость учета местных традиций (напр., включение indigenous-топонимов в официальные карты Канады), форме сопротивления *via* – неофициальное использование колониальных названий (напр., неофициальное использование колониальных названий в Алжире вопреки государственной политике арабизации) и коммодификации как маркетинговому инструменту (напр., *Dubai Marina*, сочетающее глобальный бренд и локальную географию).

Таким образом, гибридные географические названия являются не просто лингвистическими артефактами, а зеркалом социополитических процессов – власти, памяти и идентичности, требующих междисциплинарного анализа.

1. Методология

Методология данного исследования базируется на принципах критической топонимики и междисциплинарного подхода, интегрирующего методы лингвистики, истории и культурной антропологии. Источниковую базу форми-

рует **лингвистическое исследование**, направленное на выявление происхождения и истории географических названий в контексте якутско-юкагирских языковых контактов. Ключевым методологическим принципом является контекстуальный подход, интегрирующий топонимические данные в широкий культурно-исторический фон. Для реконструкции первоначальной семантики и мотивационной основы названий привлекается пласт фольклорных нарративов (легенды, предания, устные истории) и этнографических свидетельств. Этот подход позволяет интерпретировать топонимы не как изолированные языковые факты, а как культурные тексты, в которых закодированы представления о пространстве, историческая память и картина мира коренных народов Якутии. Таким образом, семантика топонима раскрывается через призму традиционных знаний и хозяйственных практик, что обеспечивает герменевтическую полноту исследования.

Исследование применяет микротопонимический анализ для выявления закономерностей формирования топонимических комплексов вокруг ключевых локаций. Таким образом, методология направлена на раскрытие гибридных топонимов как маркеров социокультурных процессов, отражающих динамику власти, памяти и идентичности в полиэтничном регионе.

2. Обсуждение

2.1. Юкагирско-якутские гибридные топонимы

Феномен гибридных топонимов (полукалек) формируется в условиях билингвизма и постепенной языковой ассимиляции, когда часть топонимического компонента адаптируется под доминирующий контактный язык. Как отмечает Муллонен (Mullonen, 2002: 106), переводу, как правило, подвергается повторяющийся элемент, наиболее знакомый носителям языка-реципиента. Данный процесс находит подтверждение в трансформации юкагирских топонимов под влиянием якутизации части юкагирского населения (Kurilov, 1999: 17). Юкагирско-якутские гибридные

топонимы демонстрируют структурное разнообразие, включая как односоставные формы (например, *Кульарма*), так и двусоставные конструкции. В последних может наблюдаться различное распределение языковых компонентов: в одних случаях детерминант представлен юкагирской лексемой, а определение – якутской (*Сыырдаах-Парольба*, *Кисилбит энмудиэ*, *Куриэдавур ибал*), в других детерминант выражен якутским элементом, а определение – юкагирским (*Ирхая-сээн*, *Күрүө-Даур-Күөл*, *Муохатка сиэн*, *Чинчэй-Ойбон*). Отдельную группу составляют топонимы с числительными, где наблюдается аналогичное распределение языковых компонентов: якутское числительное в роли определения при юкагирском определяемом (*Бастагы Хоннаачишл*, *Үһүс Хоннаачишл*) или юкагирское числительное при якутском определяемом (*Китарбах*). Кроме того, выделяются двусоставные наименования с якутским формантом (*Йуундаах нэрилэ*) и односоставные топонимы с якутской основой и юкагирским аффиксом (*Кульарма*, *Таалалул*). В последующих разделах представлен детальный анализ указанных гибридных топонимов.

2.1.1. Гибридные топонимы с юкагирским детерминантом и якутским определением

В данном разделе представлены сложносоставные топонимы, образованные сочетанием якутского определения и юкагирского детерминанта. Анализ подобных гибридных форм представляет значительный интерес для исследования языковых контактов в регионе.

Лимноним *Йааксамаа йалҕил* ‘Озеро отца Йааксы’ (Kurilov, 2013: 51) демонстрирует характерный пример межъязыкового взаимодействия. В его структуре выделяются следующие компоненты: якутская адаптация русского антропонима Яшка (як. *Дьааксаа*), юкагирский термин родства *амаа* ‘отец’ и детерминант *йалҕил* ‘озеро’ (Kurilov, 2001: 38, 109). Подобные топонимические конструкции, включающие заимствованные личные имена, встречаются

в исследуемом ареале крайне редко, что свидетельствует об особом характере данного языкового взаимодействия.

Не менее показателен лимноним *Кисилбит* ‘Озеро, где умерла девушка’ (Kurilov, 1999: 20–21). Его якутский эквивалент *Кыыс өлбүт* ‘(Озеро), где умерла/погибла девушка’ (як. *кыыс* ‘девушка’, *өл-* ‘умирать; кончаться; погибать’ + пр.в. *-бүт*) (Pekarskij 2, 1958: 428; Sleptsov, 1972: 216, 285; 433), и юкагирская параллель *Паайэн йалзил* ‘Озеро девушки’ (юк. *паайэн* ‘девушка’ + ген. *-н*, *йалзил* ‘озеро’) (Kurilov, 2013: 39; Kurilov, 2001: 109, 363) демонстрируют межъязыковую корреляцию. Описательный характер данного топонима подтверждается локальной этнолингвистической составляющей – местным преданием о якутской шаманке (удаганке), приманивавшей и доводившей путников до смерти ради их добра, что подчеркивает культурно-историческую обусловленность топонимической номинации (этнолингвистический потенциал). На базе данного лимнонима сформировался целый ряд производных топонимов, обозначающих сопредельные географические объекты:

потам. *Кисилбит энмудиэ* ‘Речка озера Кисилбит’ (як. *Кисилбит*, юк. *эну* ‘река’ + умен. *-диэ*), характеризующийся как небольшой, но глубокий водоток;

орон. *Кисилбит энмудиэ мугил* ‘Вытянутая гряда холмов вдоль реки озера Кисилбит’ (як. *Кисилбит*, юк. *эну* ‘река’ + умен. *-диэ*, юк. *мугил* ‘длинный ряд холмов на восточной стороне рек, тянущиеся с юга на север’);

орон. *Кисилбит чумуртээ* ‘Большой холм озера Кисилбит’ (як. *Кисилбит*, юк. *чумур* ‘холм’ + увел. *-тээ*) (Kurilov, 2013: 33, 48, 51).

Как отмечает Е. Л. Березович (Berezovich, 2010: 100), топонимы, в семантике которых заложена связь с местом смерти или захоронения, обозначали «нечистое место», и такие места старались обходить стороной. Очевидно, поэтому топонимический формант *Кисилбит* становится повторяющимся элементом, имеющим большое знаковое значение для языка-реципиента

(см. Mullonen, 2002: 106), в данном случае юкагирского, и используется для языковой номинации близлежащих объектов – речки, холма, гряды холмов (рис. 1).

Подобная традиция антропонимической номинации геообъектов находит параллель в лимнониме *Паайэн йалзил* ‘Озеро женщины’ на языке лесных юкагиров Верхнеколымского района Якутии (юк. *паайэн* ~ *паай* ‘женщина’ + ген. *-н*, *йалзил* ‘озеро; бубен’). Этнокультурный контекст данной номинации связан с локальным нарративом о матери-одиночке, проживавшей в этой местности со своими детьми (Kurilov, 2013: 40). Однако данная тополема не содержит информации о «нечистом», то есть о смерти или гибели, поэтому используется чисто юкагирское сочетание без знака определения на якутском языке.

Особый лингвистический интерес представляет хороним *Китарбах* ‘Два пальца’ (Kurilov, 1999: 19; Kurilov, 2012: 220–221). Данный топоним представляет собой гибридную конструкцию, состоящую из юкагирского числительного *кин* ‘два’ и якутского *тарбах* ‘палец’ (Kurilov, 2001: 151; Pekarskij 3, 1959: 2571; Sleptsov, 1972: 376; Bagdaryn Syulbe, 2019: 232). Как отмечает Н. Н. Курилов, в данном случае произошло замещение якутского числительного *икки* ‘два’ юкагирским эквивалентом *кин* ‘два’, что, вероятно, было обусловлено фонетическими соображениями – стремлением к благозвучию, либо произошла контаминация близких по звучанию числительных *икки* (як.) и *кин* (юк.). На рассматриваемой территории сформировался топонимический комплекс, включающий:

орон. *Китарбах ибал* ‘Сопка местности Китарбах’ (юк. *ки* < *кин* ‘два’ / як. *икки* ‘два’ + як. *тарбах* ‘палец’, юк. *ибал* ‘сопка’);

лимн. *Китарбах йалзил* ‘Озеро Китарбах’ (юк. *ки* < *кин* ‘два’ / як. *икки* ‘два’ + як. *тарбах* ‘палец’, юк. *йалзил* ‘озеро’).

Пример (1) в контексте: *Китарбах ибалги йуортурэ льэй*. ‘Сопка (местности) Китарбах лежит в тундре’ (Kurilov, 2012: 222–223).

Примечательно, что озеро *Китарбах йалзил*, расположенное примерно в 10 км

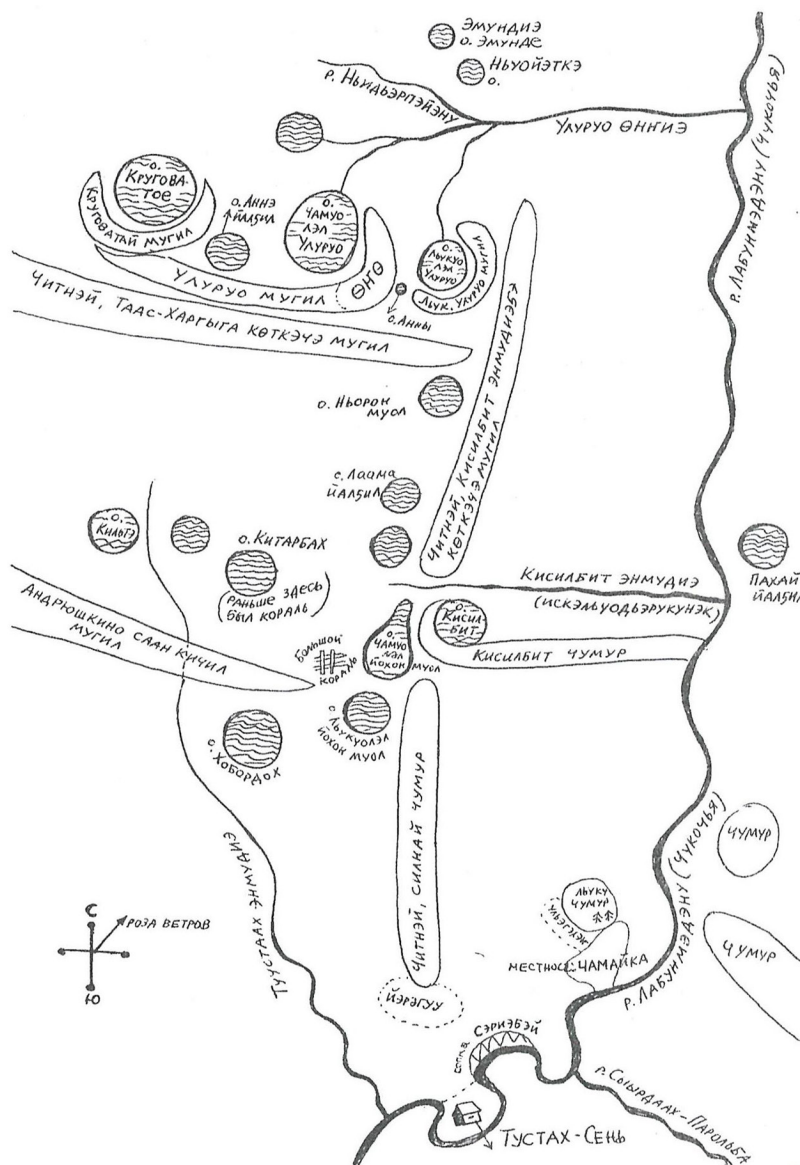

Рис. 1. Карта местности в Олеринской тундре Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия), составленная юкагирским краеведом, художником, писателем, журналистом Н. Н. Куриловым со слов своей матери А. В. Куриловой в 1985 г.

Fig. 1. Map of the area in the Olerinsky tundra of the Nizhnekolymsky district of the Republic of Sakha (Yakutia), compiled by the Yukaghir local historian, artist, writer, journalist N. N. Kurilov from the words of his mother A.N.V.N. Kurilova in 1985

от села Тустах-Сень Нижнеколымского района Якутии, исторически выполняло функцию сезонного загона (корализации) для оленей в осенний период, что свидетельствует о практической значимости данных топонимов в традиционной хозяй-

ственной деятельности местного населения.

Название *Куриэдавур ибал* носит местность, на которой расположены одноименные возвышенность и озеро ('Местность с едомой, похожей на остов яранги', и 'Едо-

ма, похожая на остов яранги' соответственно) (Kurilov, 1999: 22). Название образовано сочетанием якутского компонента *күрүө* 'изгородь, ограда, забор; огороженное место, загон' (Pekarskij 2, 1958: 1336; Sleptsov, 1972: 201) с юкагирским генитивом *-d < -n*, юкагирских слов *авур* 'вместилище; мешок' и *ибал* 'едома, увал, сопка' (Kurilov, 2001: 22, 81, 173). Семантически словосочетание *куру-эдавур* эквивалентно юкагирскому термину *нимэдайл* 'остов яранги', представляющий собой собранные в конус жерди, использовавшиеся для хранения зимних запасов, что указывает на характерную форму обозначаемого природного объекта – едомы конических очертаний. Процесс номинации здесь включает два взаимосвязанных этапа: первичную метафоризацию, основанную на визуальном сходстве формы едомы с остовом яранги, и последующую топонимическую метонимию, распространившую название с конкретного увала на всю окружающую местность. Этот случай наглядно демонстрирует механизмы образного осмысления ландшафта в традиционной культуре, показывая, как сложные процессы семантического переноса взаимодействуют с межязыковыми заимствованиями (якутскими и юкагирскими элементами) в создании географических названий. Особую ценность подобных примеров составляет их способность раскрывать антропоцентрические принципы традиционного природопознания и пространственного ориентирования, где визуальные аналогии и предметные ассоциации играют ключевую роль в организации географического знания.

Показательным примером сложных топонимов выступает потамоним *Сыырдаах-Парольба* 'Имеющая крутые берега' (Kurilov, 1999: 31). В его структуре выделяются: якутское прилагательное *сыырдаах* 'гористый' (як. *сыыр* 'горка, возвышенность' + облад. *-даах < -лаах*) (Pekarskij 3, 1959: 2475; Sleptsov, 1972: 365)) и юкагирский субстантив *паруолбэ* 'нечто, погруженное в воду' (юк. *паруол-* 'быть погруженным в воду' + субст. *-бэ*) (Kurilov, 2001: 371). Можно предположить, что первоначально данный гидроним мог иметь

форму *Сэмнэрэн Паруодья эну*, где присутствовали бы юкагирские элементы как деепричастная форма *сэмнэрэн* (от основы *сэмнэ-* 'иметь берег' с деепричастным показателем *-рэн*), причастие *паруодья* 'погруженный в воду' и существительное *эну* 'река', что свидетельствовало бы о возможном процессе замещения юкагирских элементов якутскими при сохранении исходной семантики.

Особый интерес представляет группа из трех рек в Нижнеколымском районе, имеющих двухсоставные названия с общим юкагирским детерминантом *Хогнаачил* 'речка с невысокими обрывистыми берегами'. Данный термин образован от качественной глагольной основы *хоннэ-* 'быть глубоким' с диминутивом *-чи* и субстантиватором *-л*. Определительные компоненты в этих гидронимах выражают локативное значение относительно субъекта (первый, средний, дальний) и представлены тремя языками – якутским, русским и юкагирским.

потам. *Бастакы Хогнаачил* 'Первый Хогначили' (Kurilov, 1999: 19; Kurilov, 2012: 224–225) (як. *бастакы* 'первый, передний; главный' (Pekarskij 1, 1959: 394; Sleptsov, 1972: 65), юк. *хогнаачил* 'речка с невысокими обрывистыми берегами' (Kurilov, 2001: 522)); ср. юкагирский эквивалент *Киэйаалэл Хогнаачил* 'Первый Хогначили' или *Мишлгэлэл Хогнаачил* 'Ближний Хогначили', где *киэйаалэл* 'первый' (от *кыйаал-* 'быть впереди, быть первым' + прич. *-л*), *мишлгэлэл* 'ближайший' (от *мишлгэрэ* 'эта (близкая) сторона' + прич. *-л*).

потам. *Үһүс Хогнаачил* 'Третий Хогначили' (Kurilov, 1999: 18; Kurilov, 2013: 30; Kurilov 2012: 224–225) (як. *үһүс* 'третий' (Pekarskij 3, 1959: 3189; Sleptsov, 1972: 458), юк. *хогнаачил* 'речка с невысокими обрывистыми берегами'); также встречается русская полукалька *Третий Хогначили*; ср. юкагирский эквивалент *Йиэлгэлэр Хогнаачил* 'Дальний или Третий Хогначили', где *йиэлгэлэр* 'дальний' (от *йиэлгэрэ* 'та (дальняя) сторона' + прич. *-л*).

Схожие географические объекты, расположенные на определенном расстоянии

друг от друга, называются по порядку их близости к центру – первый, второй, третий, либо по близости и удаленности от пунктов поселений или стоянок.

Пример (2) в контексте: «*Хоннаачиил-пэ*» *льэнги, энупэлэн*: «*Мишлгэлэр Хоннаачиил*», «*Өрдьэлэл Хоннаачиил*» *тадаата* «*Йилгэлэр Хоннаачиил*». «*Улуруо-өннигэбэт*» *хамлидьэдэн молдэлэк көткэчэк*. 'Есть «Хогначили», это реки: «Первый Хогначили», «Средний Хогначили» и «Дальний Хогначили». Доберешься (ты до них) с ручья «Олёра» переночевав в пути несколько раз' (Kurilov, 2012: 224–225).

2.1.2. Гибридные топонимы с якутским детерминантом и юкагирским определением

Анализ топонимического материала Нижнеколымского района выявляет ряд характерных примеров гибридных номинаций, где в роли определения выступает юкагирский компонент, а в качестве детерминанта – якутский. Так, потамоним *Ирхая-сээн* 'Ледяная речка' (Kurilov, 1999: 17) имеет следующую структуру: юкагирское *йархийаа* 'ледяной' (юк. *йарха* 'лед' + субст. *-йаа*) в сочетании с якутским детерминантом *сээн* 'исток, виска, пролив, соединяющий реку с озером и имеющий течение в реку' (Kurilov, 2001: 116; Pekarskij 2, 1958: 2162). На наш взгляд, первоначально данный гидроним имел юкагирскую форму *Йархийаа өнниэ*, где использовался исконный юкагирский термин *өнниэ* 'река, вытекающая из озера', который впоследствии был заменен якутским *сээн*, восходящим к тунгусскому *сээн* 'протока, курья (из озера в реку); ручей, заросший травой', *һэн* 'протока, соединяющая озеро с рекой' (Kurilov, 2001: 357; Murgueva, 2004: 534, 589; Bagdaryn Syulbe, 2019: 210). Семантическая мотивация названия связана с озером *Йархийаа* ~ *Йархайэ* ~ *Ярхия* 'Ледяное', из которого и берет начало эта речка.

В лимнониме *Күрүө-Даур-Күөл* 'Озеро местности Куриэдавур' (Kurilov, 1999: 22) также наблюдается сложное взаимодействие языковых элементов. В его структуре выделяется якутское *күрүө* 'изгородь,

ограда, забор; огороженное место, загон', юкагирский генитив *-d < -n* и основа *авур* 'вместилище; мешок', а также якутский детерминант *күөл* 'озеро' (Kurilov, 2001: 22, 173; Pekarskij 2, 1958: 1314, 1336; Sleptsov, 1972: 199, 201). Особенностью данного случая является сохранение якутского звукового облика как в определяющей части (*күрүө*), так и в детерминанте (*күөл*), что свидетельствует о сильном влиянии якутской культуры на юкагирскую не только в процессе топонимической номинации. Озеро получило название по местности *Куриэдавур ибал* 'Местность с едомой, похожей на остов яранги'.

Структура потамонима *Муохатка сиэн* 'Ручей, вытекающий из озера Муохатка' (Kurilov, 1999: 25), включает юкагирское определение *Муохаткэ* (юк. *муоха* 'чир' + увел. *-ткэ*) и якутский детерминант *сиэн < сээн* 'исток, виска, пролив, соединяющий реку с озером и имеющий течение в реку' (Kurilov, 2001: 272; Pekarskij 2, 1958: 2162)) < тунг. *һэн ~ сэн* 'протока, соединяющая озеро с рекой; ручей, заросший травой' (Murgueva, 2004: 534, 589). В данном случае якутский компонент заменил исконный юкагирский геотермин *өнниэ* 'река, вытекающая из озера'. Семантика названия связана с озером *Муохатка* 'Черное' (букв. большой чир), известное большим количеством рыбы чир, вблизи которого исторически проживали юкагиры-алайи. Этот пример наглядно иллюстрирует процесс адаптации топонимической системы к языковым изменениям в регионе.

2.1.3. Гибридные топонимы с юкагирским и якутским формантами

В ходе исследования были выявлены три характерных случая гибридных топонимов, демонстрирующих сочетание юкагирской топоосновы с якутскими формантами и наоборот.

Первый пример – хороним *Йуундаах нэрилэ* (Kurilov, 1999: 18), буквально означающий 'местность, где олени не подпускают близко'. Его структура включает юкагирский глагол *йуунадэ-* 'убегать, не давая себя поймать (об олене)' в сочетании с якут-

ским посессивным аффиксом *-x* < *-лаах* ‘обладающий чем-л., имеющий что-л.’, и юкагирским термином *нэрилэ* ‘земляной холм, состоящий из одних утесов, скал’ (Kurilov, 2001: 141, 299). Анализ данного образования позволяет предположить, что здесь имеет место не столько адаптация якутского словообразовательного форманта, сколько его фонетическое уподобление в рамках топонимической системы (ср. як. ойкон. *Алысардах* < *Алыһардаах* ‘Окуневая’ от *алыһар* ‘окунь’ + облад. *-даах*; хорон. *Ойусардах* ‘местность, имеющая лосей-трехлеток’ от *ойуһар* ‘лось-трехлеток’ + облад. *-даах* (Bagdarын Syulbe, 2004: 79, 95)). Исходная форма *Йуунадэл нэрилэ* предполагает субстантивацию глагольной основы.

Второй пример представлен лимнонимом *Кульарма* ‘Имеющее сени озеро’ (Kurilov, 1999: 22), в структуре которого четко определяются якутская основа *куулэ* ‘сени, крытый ход в помещении’ (Sleptsov, 1972: 202), оформленная юкагирским аффиксом приобретения *-р* и юкагирским деривативом *-ма* < *-мэ* (Kurilov, 2003: 145, 152) Мотивация названия связана с наличием у озера природного образования в виде арки, сформированного эрозией.

Третий случай – ороним *Тааланул* ‘Высокие холмы’ (Kurilov, 2013: 52), образованный от якутской основы *таала* ‘высокий гористый берег; гористая местность, возвышенность’ (Pekarskij 3, 1959: 2533; Sleptsov, 1972: 371; Bagdarын Syulbe, 2019: 228) и юкагирского показателя собирательной множественности *-нул*, употребление которого указывает на совокупность невысоких холмистых возвышений, образующих компактное холмогорье (ср. юк. *лабунмэ* ‘куропатка’ > *лабунмэпэ* ‘куропатки’, *лабунмэнул* ‘стая куропаток’). Вероятно, данный топоним возник через механизм полукалькирования, восходя к гипотетической форме *Чумур(у)нул* ‘Холмы’. Параллели этому процессу наблюдаются в орониме *Чумнапатка* (юк. *чумур* ‘холм’ + *өнгө* ‘невысокое холмообразное возвышение посреди равнины’ + мн. *-па* < *-пэ* + увел. *-ткэ*) (Kurilov, 2001: 357, 565), где также присутствует показатель множественного числа. Как отмечает

Мурзаев (Murzaev, 1974: 21), именно явление полукалькирования служит основным механизмом формирования подобных гибридных топонимов.

2.2. Юкагирско-якутские полнопереводные топонимы

Последствия этнических контактов отразились в калькированных названиях геообъектов. Как отмечают А.К. Матвеев (Matveev, 1986: 37) и В.Н. Гусельникова (Gusel'nikova, 1999: 32), возникновение дублетных топонимических форм в условиях длительного двуязычия служит надежным индикатором зон интенсивных языковых контактов. Следует отметить, что реконструкция исходных калькируемых названий часто затруднена ввиду отсутствия их ранней фиксации и параллельного функционирования с переводными эквивалентами. Примечательно, что часть калькированных юкагирских топонимов продолжает существовать в устной традиции, не будучи отраженной в официальной картографии.

Событийный лимноним *Биис өлбүтэ* ‘Озеро, где вымер род (племя)’ (як. *биис* ‘племя, род’, як. *өл* ‘умирать; кончаться; погибать’ + пр.в. *-бүт*) (Kurilov, 1999: 16–17; Pekarskij 1, 1959: 476; Pekarskij 2, 1958: 1927; Sleptsov, 1972: 69, 285), представляет собой вероятную кальку с юкагирского *Чии йа-байуол* ‘Озеро, где умерли люди’ (юк. *чии* ‘люди’, *йаба-* ‘умереть’ + пасс.-рез. *-йуо* + субст. *-л*). Оба названия совпадают по семантике. Исторический контекст данного топонима связан с эпидемией, погубившей целое стойбище, что характерно для многих событийных гидронимов региона. Этот пример иллюстрирует активный процесс перевода юкагирских названий обьякутившимися юкагирами. Здесь интересно отметить, что якуты свой род называли *уус* (*аба ууһа-род* по линии отца, *ийэ ууһа-род* по линии матери), а словом *биис* обозначали чужие рода и племена (напр., *тон биис* называли племена, буквально мерзлый род. В словаре Э.К. Пекарского выделяются следующие значения прилагательного *тон*: ‘мерзлый, замерзший; грубый, жестокий; некультурный, незнакомый с местными

обычаями, – главное, не знающий местного (якутского) языка’. Таким образом, юкагирский топоним, отсылающий к историческому событию гибели людей (юк. *чии*), якуты перевели с дополнительным семантическим признаком *люди чужого племени* и использовали при переводе гипонимический перенос, конкретизирующий информацию о происхождении топонима.

Далее аналогичный случай перевода как и с вышеприведенным названием демонстрирует лимноним *Илии юлюй-бют* ‘Рука замерзла’ (як. *илии* ‘рука’, *үлүй* ‘мерзнуть, забнуть, коченеть; прихватывать морозом’ + пр.в. *-бют*) (Kurilov, 2008: 139; Pekarskij 1, 1959: 921; Pekarskij 3, 1959: 3122; Sleptsov, 1972: 146, 452), дословно воспроизводящий семантику юкагирского *Чалдьэ йоссуол* ‘Озеро, где обморозили руку’ (юк. *чалдьэ* ‘рука’, *йоссуол* ‘быть обмороженным’ + субст. *-л*) (Kurilov, 1999: 33; Kurilov, 2013: 38; Kurilov, 2001: 126, 541). Фольклорная мотивация названия, связанная с историей об обморожении руки путника, сохранилась в обоих языковых вариантах, подтверждая тезис о культурной преемственности при языковой трансформации.

Переводная фраза *Куһаҕан ааттаах* ‘Именуемое дурным’ (як. *куһаҕан* ‘плохой, дурной; плохое, дурное; зло, пакость’, *ааттаах* ‘носящий имя, кличку, прозвище; именуемый, называемый’) (Kurilov 1999: 17; Pekarskij 1, 1959: 197, 1257; Sleptsov, 1972: 26, 193) возникла в результате ошибочной интерпретации исходного юкагирского названия *Иньирчибэдэнниэ* ‘Ручей, имеющий исток’ (юк. *иньир* ‘исток’ + облад. *-чи* < *-дэ* ‘заиметь’ + субст. *-бэ* + ген. *-д* + *өнниэ* ‘река, вытекающая из озера’) (Kurilov, 1999: 17; Kurilov, 2001: 96, 357). Фонетическое сходство компонента *иньирчи* со словами *ньаарчэ* ‘плохой’ или *ньэрчэ* ‘задница’ (Kurilov, 2001: 303, 336; Kurilov, 2008: 138; Kurilov, 2013: 20) привело к семантическому сдвигу, что подчеркивает важность учета возможных ложных этимологий при анализе переводных топонимов.

Пример (3) в контексте: «*Иньирчибэдэнниэ* йоходаруугу – *Куһаҕан аатта-*

ах». (Ручей) «Иньирчибэ онге» по-якутски называется «Куһаҕан ааттаах» (Kurilov, 2012: 226–227).

Потамоним *Хомус юрэх* ‘Тростниковая река’ (як. *хомус* ‘камыш; озерный камыш; тростник; тростниковый’, *үрэх* ‘речка, речушка’) (Kurilov, 2008: 139; Pekarskij Т3, 1959: 3168, 3477; Sleptsov, 1972: 458, 496; Bagdaryn Syulbe, 2004: 89; Bagdaryn Syulbe, 2019: 274) является точным переводом юкагирского *Сускэдэну* ‘Камышовая (Тростниковая) река’ (юк. *сускэ* ‘чашка; камыш, тростник’ + ген. *-д* + *эну* ‘река’) (Kurilov, 2001: 451; Kurilov, 2008: 139; Kurilov, 2013: 28–29), где сохраняется характеристика местности – обильное произрастание камыша по берегам. Однако остается неясным, распространился ли данный перевод на другие одноименные водотоки – *Чамуолэл Сускэдэну* ‘Большая Камышовая река’ и *Йукуолэл Сускэдэну* ‘Малая Камышовая река’.

Лимноним *Чинчэй-ойбон* ‘Прорубь Примета’ (як. *чинчи* ‘примета, признак’, *ойбон* ‘прорубь’) (Kurilov, 1999: 34; Pekarskij 2, 1958: 1798; Pekarskij 3, 1959: 3620; Sleptsov, 1972: 267, 509) иллюстрирует особый культурный феномен антропотопонимической номинации, характерный для юкагирской традиции. Исходное название *Чиндилу лавйэдэжуу* ‘Прорубь человека по имени Чиндилу, жившего у этого озера’ было трансформировано через метафорический перевод личного имени в нарицательное як. *чинчи* ‘примета, признак’, т.е. помеченная кем-либо прорубь. Этот пример отражает важную культурную практику именования некоторых объектов по их «владельцам». Стоит отметить, что многие геообъекты в географическом окружении юкагиров носят имена людей, которые проживали там или стали известны благодаря своим поступкам или деятельности (напр., *Маачакаан ибал* ‘Сопка человека по имени Мачакан’, *Өйээгэ йалҕил* ‘Озеро женщины по имени Ойеге’). По словам информанта Н. Н. Курилова, проруби для вылова рыбы было довольно сложно выдалбливать и поддерживать, чтобы они не затянулись льдом. Поэтому прорубь юкагиры

делали еще осенью и старались сохранить ее до глубокой зимы (также использовали как естественные поилки для скота). «Уловистые» лунки были именными, т.е. имели своих хозяев, по именам которых проруби и получали свои названия (Инф. Н. Н. Курилов, 2022).

2.3. Переименование юкагирских топонимов якутскими

Историко-лингвистический анализ топонимической системы Колымского региона выявляет сложные процессы переименования географических объектов, обусловленные этнодемографическими изменениями конца XVIII века. Миграция якутского населения на территории, традиционно занимаемые юкагирскими племенами, сопровождалась активным освоением новых земель и параллельным процессом топонимической ревизии. Хотя полного вытеснения автохтонных названий не произошло, значительная часть юкагирских топонимов подверглась трансформации, причем многие исходные формы оказались утрачены, что существенно осложняет их современную реконструкцию.

Показательным примером служит лимноним *Кисилээх* 'Имеющий человека' (Kurilov, 1999: 21), образованный от якутской основы *киһи* 'человек' с посессивом *-лээх* (Pekarskij 1, 1959: 1109; Sleptsov, 1972: 168). Исторически данный водоем имел два юкагирских названия:

лимн. *Көйлуодьэ ибал* 'Озеро разрушенной сопки' (юк. *көйлуол-* 'быть порванным' + прич. *-дьэ, ибал* 'сопка') (Инф. Н. Н. Курилов, 2022);

лимн. *Көдэнэй йалбыл* 'Озеро, имеющее хозяина-человека' (юк. *көдэ* 'человек' + облад. *-нэ* + прич. *-й, йалбыл* 'озеро') (Инф. Н. Н. Курилов, 2022).

Подобные номинации, как правило, возникали в связи с первым освоением водоема конкретным человеком, чье имя могло со временем забыться, и сохранялось лишь общее указание на факт антропогенного освоения территории.

Якутское название озера *Тыы төкүнүттүт* 'Лодку перевернули' (як. *тыы*

'ветка (маленький якутский чёлн); перен. устар. ветка, лодочка (мера улова при летней неводьбе)', *төкүнүй* 'катиться; кататься, валяться; перен. разг. решительно отказываться' + пр.в. *-түт*) (Pekarskij 3, 1959: 2765, 2928; Sleptsov, 1972: 394, 422) некогда стало использоваться наравне с юкагирским событийным названием *Көдэн ньумуолул йалбыл* 'Озеро, где мучился человек' (юк. *көдэ* 'человек' + ген. *-н, ньумуол-* 'пропасть; перестараться в чем-л.; мучиться, деля что-л.' + соед. *-у* + субст. *-л, йалбыл* 'озеро') (Kurilov, 2013: 38; Kurilov, 2001: 109, 157, 331). Сохранившееся предание о трагической гибели богача демонстрирует характерную для региона традицию закрепления в топонимике значимых исторических событий. Вкратце сюжет предания повествует о том, что в древности один богач оставил своих работников на старой стоянке у озера без запасов еды и одежды. На следующий год, когда он проезжал через это озеро, лед под его аргишем треснул. Его аргиш ушел под лед, а сам богач застрял по плечи во льду. В итоге он умер мучительной смертью. В якутском варианте данного топонима есть указание на событие на озере, которое могло привести к трагическому исходу, но об этом не говорится эксплицитно. Вероятно, для юкагиров историческое событие, которое легло в основу данного лимнонима, имеет большее значение как факт расплаты за жестокое обращение с людьми.

Наиболее сложные случаи многослойной топонимии представлены объектами, имеющими три и более названия, присвоенных в разные периоды различными этническими группами. Так, находящаяся к востоку от реки Большая Чукочьа Колымской низменности местность *Эдилвей* (юк. *Эдылвэй* 'мужское имя', также вариант *Идилвей*) в разных источниках обозначена на якутском как *Тахси* 'Там, где есть выход' (юк. *Тахсии* < як. *Тахсыы* от *табыс* 'выход') (Pekarskij 3, 1959: 2601; Sleptsov, 1972: 380) и на русском как *Конзабой* 'место, где забивали лошадей' (Kurilov, 1999: 31; Kurilov, 2013: 52; Kurilov, 2012: 60, 230). Собственно, *конзабой* является реалией советского времени, представляет собой построенный

недалеко от п. Черский в Нижнеколымском районе Якутии загон в лесистой местности, где содержали и выпасали домашний скот. Как свидетельствуют лингвистические данные (4), все три названия продолжают сосуществовать в разных коммуникативных контекстах.

Пример (4) в контексте: *Маархадьэн кунальһань уруодьэ илэлэк «Конзабой» ланудэн ууйэли. Тэн – мит лэвэйнбурэбэ. «Эдылвей», ан йоходаруулэк – «Тахсии». Ту-н «Тахсиига» мэ көткэ-чэли.* ‘Однажды, запрягши десяток упряжных оленей, в сторону местности «Конзабой» выехали. Это наша местность. «Эдилвей», по-якутски – Тахси. К этому «Тахси» дошли’ (Kurilov, 2012: 60–61)

Антропотопонимическое происхождение первичного названия связано с именем героя юкагирского эпоса Эдилвея (Идилвея), чья кольчуга, согласно преданиям, хранится в холмистых возвышенностях данной местности (Kurilov, 2005: 126). Альтернативное юкагирское название *Оньилньэктэ* ‘Большая местность с тропой’ (юк. *оньил* ‘щель, щелка; перен. тропа; меж чего-л.’ + облад. *-ньэ* + увел. *-ткэ*) отражает характеристику ландшафта, тогда как производные формы (*Эдылвей муоха* ‘Курган Эдилвея’, *Эдылвей йалбил* ‘Озеро Эдилвея’) демонстрируют механизм топонимической деривации (Kurilov, 2008: 137; Kurilov, 2001: 340).

Реконструкция исходных топонимов имеет принципиальное значение для понимания механизмов языковой интерференции в условиях контактных зон, культурных стратегий освоения пространства, особенностей передачи традиционных знаний в условиях языкового сдвига.

2.4. Фонетически ассимилированные юкагирские топонимы в якутской культуре

В процессе языкового взаимодействия наблюдаются случаи фонетической трансформации юкагирских топонимов при их адаптации в якутской языковой среде. Ярким примером служит лимноним *Сайаака* (Kurilov, 1999: 30; Kurilov, 2012: 228), лока-

лизованный в междуречье Большой Куропаточьей (як. *Сана-Юрэх*) и Семён-Юрэх. Этимологический анализ позволяет выделить несколько возможных источников происхождения: с одной стороны, якутская основа *сайыы* ‘забереги’ (Pekarskij 2, 1958: 2030; Sleptsov, 1972: 310) с русским суффиксом *-ка*, с другой – юкагирский глагол *саайуу-* ‘покачиваться или шататься из стороны в сторону, с трудом держаться на ногах’, что предполагает семантику ‘Озеро, на котором трудно удержаться на лодке’ (Kurilov, 2001: 414). Подобная интерпретация подтверждается гидрологическими особенностями водоема, для которого характерно турбулентное течение, вызванное ветровым воздействием или оттоком воды.

Пример (5) в контексте: *Кин «Сайаакэ» льэнгул.* ‘Есть два (озера) Сайаки’ (Kurilov 2012: 228–229)

Другой показательный случай – хороним *Сэриэбэй* (Kurilov, 1999: 31), расположенный севернее поселка Тустах-Сень. Хотя поверхностный анализ позволяет связать его с якутским заимствованием из русского *сэрэбэй* ~ *сэрэбэй* ‘жребий (на картах); перен. устар. рок, судьба, участь’, Н. Н. Курилов предлагает альтернативную этимологию, восходящую к юкагирскому *Сэрульнэй*, букв. ‘громыхающий’, причастная форма непереходного глагола *сэругэ-* ‘шуметь, издавать глухой звук’ (юк. *сэругэ-* + облад. *-ньэ* + прич. *-й*) (Kurilov, 2001: 454; Kurilova, 2022: 162; Pekarskij 2, 1958: 2168; Sleptsov, 1972: 369). Такая интерпретация объясняется спецификой местного ландшафта – осыпанием берегов реки Чукочьа (юк. *Лабунмэдэну* ‘Куропаточья’), сопровождающимся характерным шумом. Процесс адаптации первоначальной юкагирской формы в якутском языке привел к фонетическому упрощению и изменению семантической интерпретации.

Пример (6) в контексте: *Туустаах-Сиэн вальдэбэ «Сэриэбэй» лукунбурэбэк льэл.* ‘Рядом с Тустах-Сенем находится местность «Сэребэй»’ (Kurilov, 2012: 221)

Особый интерес представляет потамоним *Хочохчой* (Kurilov, 1999: 33), фор-

мально соотносимый с якутским *хончой* ‘стоять торчком, торчать вверх’ (Pekarskij 3, 1959: 3485; Sleptsov, 1972: 497), но, вероятно, восходящий к юкагирскому причастию *ханчэ* ‘холодный’ от качественного глагола *хадьуу-* ‘холодный’ (юк. *хадьуу-* + прич. *-чэ*) (Kurilov, 2001: 500). Отсутствие смысловой связи между якутской этимологией и характеристиками водотока, а также наличие форманта *-чэй* (ср. гибридный топоним *Чинчэй-ойбон*) позволяют реконструировать цепочку фонетических изменений: *Ханчэчэй* > *Хончэчэй* > *Хочохчой*. Данный пример наглядно демонстрирует механизмы фонетической адаптации юкагирских топонимов в якутской языковой среде.

2.5. Топонимические паронимы в юкагирско-якутской ономастике

Особый интерес представляют случаи фонетического сходства между юкагирскими и якутскими топонимами, относящимися к категории неполных псевдопаронимов. Согласно классификации Е. А. Коневой (Конева, 2018: 61), подобные лексические единицы характеризуются отсутствием этимологической связи и семантического родства при наличии случайного звукового подобия.

Яркой иллюстрацией данного явления служит пара топонимов: лимноним *Сапнийаа* ~ *Сапия*, относящийся к озеру в Олёринском наслеге Нижнеколымского района Якутии, и хороним *Сапныйа*, обозначающий местность в Эмисском наслеге Амгинского района Якутии. Первый восходит к антропонимической основе и образовано от имени София, жены известной исторической личности, юкагира Афанасия Курилова (Kurilov, 1999: 30; Kurilov, 2001: 428; Kurilov, 2012: 230).

В отличие от антропотопонима, якутский топоним *Сапныйа* представляет собой метафорический геотермин, производный от лексемы *сапныйа*, имеющей несколько значений: ‘маленькая сумочка; табачный кисет; перен. часть водоема, расположенная рядом или в стороне от главного’ (Pekarskij 2, 1958: 2093; Sleptsov, 1972: 316; Bagdaryn Syulbe, 2004: 86).

Пример (7) в контексте: «*Сапияба*» хуудэчэли. ‘(На сопку) озера Сапия поднялись’ (Kurilov, 2012: 42–43)

Данный случай наглядно демонстрирует механизм формирования омофоничных, но этимологически различных топонимов в условиях контактирования юкагирского и якутского языков.

2.6. Этнически маркированные топонимы в юкагирско-якутском ареале

Особую категорию в топонимической системе региона составляют ономастические единицы, отражающие этнокультурные контакты между юкагирами и якутами. В юкагирской топонимии зафиксирован ряд случаев, когда мотивация названий непосредственно связана с якутским этносом и его культурными реалиями.

Характерным примером служит топонимический комплекс *Йохон-мол* ‘Там, где мучился якут’ (юк. *йохол* ‘якут’ + ген. *-н* + трансф. *-м* + вспом. *-уо* + субст. *-л*), расположенный между рекой Чукочьа (юк. *Лабунмэдэну* ‘Куропаточья’) и ее притоком Тустах (як. *Туустаах* ‘Соленый’) (Kurilov, 2001: 126). Согласно этнографическим преданиям, данный топоним восходит к истории о якуте, вынужденном провести ночь в этой местности во время пурги (Kurilov, 1999: 24, 34, 45).

В данном микротопонимическом ареале выделяется ряд объектов с данным названием:

хорон. *Йохон-мол* ‘Местность у озера, где мучился якут’;

лимн. *Йохон-мол* ‘Озеро, где мучился якут’;

лимн. *Люколэл Йохон-мол* ‘Малое озеро, где мучился якут’ (юк. *люкуолэл* ‘маленький’, *йохонмуол*);

лимн. *Чамолэл Йохон-мол* ‘Большое озеро, где мучился якут’ (юк. *чамуолэл* ‘большой’, *йохонмуол*) (Kurilov 1999: 18).

Рядом с озерами также проходит одноименный вытянутый холм.

орон. *Йохонмолнэ читнэй чумур* ‘Длинный холм озер, где мучился якут’ (юк. *йохонмуол* + мн. *-нэ*, *читнэй* ‘длинный’, *чумур* ‘холм’) (Kurilov, 1999: 18).

Здесь мы также видим, что макрополе «заветное место» с полем «нечистое место» распространяется на широкий контекст географических объектов, становится определенным маркером для обозначения местности вокруг локуса, где произошло данное трагическое событие.

Пример (8) в контексте: *Танниги мит Йохонмуолба сабанэйли. Чама лайниичэ сукунмольбалба. Иидиэ (Качикантэгэ энбиэ) танниги йалбил измугур сабанэнги.* 'Тогда мы жили в местности Йохон-мол. Во время большой войны. Ииде, мать и Талли Ивана тогда жили на противоположном берегу озера' (Kurilov, 2012: 84–85)

С якутской коневодческой культурой соотносится ороним *Йохон вэлибэ* 'Якутское седло' (юк. *йохол* 'якут' + ген. -н, *вэлибэ* 'седло'), где второй компонент отражает ассоциативную связь формы холма с предметом конской упряжи. В картографических материалах встречается русская транслитерация данного оронима как *Еханвеянба* (Kurilov, 1999: 18; Kurilov, 2001: 76, 126).

В свою очередь, имеют место топонимы на якутском языке, связанные с юкагирской культурой. В Нижнеколымском районе зафиксированы лимнонимы типа *Омук-кюель* 'Озеро юкагира', где компонент *омук* имеет значения 'народ; нация; национальность; народность; диал. эвен; иностранный', а *күөл* – 'озеро' (Pekarskij 2, 1958: 1834; Sleptsov, 1972: 199, 272). По свидетельству старейшего знатока юкагирской культуры и языка А.В. Куриловой (1911–1991), нижнеколымские якуты традиционно обозначали юкагиров термином *омук*, что нашло отражение в местном фольклоре. Так, якутское население села Тустах-Сень слагали о юкагирах песни («Омуктарбыт көһөн иһэллэр...») (букв. наши народы переезжают...) (Kurilov, 1999: 27).

Подобные этнопонимы представляют значительный научный интерес для исторической этнографии, выполняя несколько важных функций. В исторической перспективе они служили маркерами этнических границ, отражали характер межэтнических взаимодействий, содержали ценную информацию о расселении и хозяй-

ственной деятельности этнических групп, а также сегодня позволяют реконструировать утраченные пласты местной топонимии. Проведенный анализ демонстрирует, что озера с якутскими названиями, включающими указание на юкагиров (напр., Омук-кюель), с высокой степенью вероятности изначально имели юкагирские наименования и были связаны с местами традиционного расселения юкагирских семейных или родовых общин.

Заключение

Любая топонимическая система открыта и обогащается за счет топонимических явлений другого языка. Рассматривая юкагино-якутские названия геообъектов Колымо-Алазейской тундры, мы можем наблюдать также привнесение русских элементов в виде формантов (*-ка* в *Сайаака*), заимствованных антропонимов (*София* в *Саптийаа*) и наложений части или цельных топонимов (*Первый / Третий Хоннаа-чиил* вместо *Киэйаалэл / Йиэлгэлэр Хоннаа-чиил*, *Конзабой* вместо *Эдьилвэй*).

Проведенное исследование юкагирско-якутской гибридной топонимии позволяет сделать ряд фундаментальных выводов. Анализ наглядно демонстрирует, что гибридные топонимы Якутии не являются случайными лингвистическими артефактами, а представляют собой закономерный результат длительных и многогранных процессов межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Они функционируют как сложные семиотические системы, в которых закодированы историческая память, культурные контакты и динамика этнических отношений. Во-первых, гибридизация топонимов выступает прямым следствием языковой ассимиляции и билингвизма, проявляясь через такие механизмы, как **транслитерация, калькирование, контактирование и полукалькирование**. Структурное разнообразие гибридов – от двусоставных конструкций с элементами разных языков до односоставных форм с иноязычными аффиксами – отражает различные стадии и глубину языковых контактов. Во-вторых, гибридные топонимы служат **важ-**

нейшим источником для реконструкции культурных и исторических процессов. Они раскрывают традиционную систему пространственного ориентирования, основанную на визуальных аналогиях и предметных ассоциациях (напр., *Куриэдавур ибал* ‘Сопка, похожая на остов яранги’), фиксируют значимые события и отражают особенности хозяйственной деятельности (напр., названия, связанные с традиционными видами хозяйствования). В-третьих, процессы переименования и фонетической адаптации (напр., *Сэриэбэй* < юк. *Сэрульнэй*) свидетельствуют о сложной динамике **символической власти и культурного компромисса** между языковыми группами. Существование юкагирских, якутских и русских названий для одних и тех же объектов (топонимический плюрализм) подчеркивает многослойность исторической памяти региона.

Таким образом, топонимический ландшафт Якутии представляет собой уникальный палимпсест, в котором переплетаются языковые традиции юкагиров, якутов и других этносов. Изучение гибридных топонимов выходит за рамки лингвистики, приобретая **междисциплинарное значение** для исторической географии, этнографии и культурной антропологии, поскольку позволяет реконструировать механизмы освоения пространства, стратегии межэт-

нического взаимодействия и сохранения культурной идентичности в условиях интенсивных языковых контактов.

Сокращения

вспом. – вспомогательный глагол
 ген. – показатель генитива
 диал. – диалектное
 инф. – информант
 лимн. – лимноним
 мн. – показатель множественного числа
 облад. – показатель обладания
 ойкон. – ойконим
 орон. – ороним
 пасс.-рез. – пассивно-результативный
 показатель
 перен. – переносное значение
 потам. – потамоним
 пр.в. – прошедшее время
 прич. – показатель причастия
 разг. – разговорный
 соед. – соединительная морфема
 субст. – показатель субстантивации
 трансф. – трансформативный
 показатель
 тунг. – тунгусский
 увел. – увеличительный показатель
 умен. – уменьшительный показатель
 устар. – устаревшее
 хорон. – хороним
 юк. – юкагирский
 як. – якутский

Список литературы / References

- Bagdaryn Syulbe (Ivanov M. S.). *Slovar' toponimnoj leksiki Respubliki Sakha: mestnye geograficheskie terminy i ponyatiya* [Dictionary of Toponymic Vocabulary of the Sakha Republic: Local Geographical Terms and Concepts]. Yakutsk, Bichik, 2019. 328.
- Bagdaryn Syulbe (Ivanov M. S.). *Toponimika Yakutii: kratkij nauchno-populyarnyj ocherk*. [The Toponymy of Yakutia: A Brief Popular Science Essay]. 2nd ed., rev & enl. Yakutsk, Bichik, 2004. 192.
- Berezovich E. L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: mifopoeticheskij obraz prostanstva* [Russian Toponymy from an Ethnolinguistic Perspective: mythopoetic image of space]. Ed. by A. K. Matveev. 2nd ed., rev & enl. M., KomKniga, 2010. 240.
- Berezovich E. L. *Toponimiya Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [The Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic Studies]. Ekaterinbirg, Ural University Publishing House, 1998. 340.
- Dorzhieva G. S. *Aborigennye toponimy Kvebeka* [Indigenous Toponyms of Quebec]. Ulan-Ude, Buryat State University Publishing House, 2010. 201.
- Giraut F. Naming the Conquered Territories: Colonies and Empires – Beneath and Beyond the Exonym/Endonym Opposition. In: *The Politics in Place Naming. Naming the World*, 2022, 65, 65–93.

- Giraut F. Plural Toponyms: When Place Names Coexist. In: *EchoGéo*, 2020, 53. Available at: <http://journals.openedition.org/echogeo/20760>
- Gusel'nikova M. L. Problemy kal'kirovaniya v tomonimii [Issues of Loan Translation in Toponymy]. In: *Onomastika i dialektnaya leksika [Onomastics and Dialect Lexicon]*, 1999, 3, 30–40.
- Jenkins E. *Hybrid geographical names in South Africa*. In: *Nomina Africana*, 2017, 31(2), 153–160.
- Koneva E. A. Pseudoparonymy: pravo na sushchestvovanie [Pseudoparonyms: The Right to Exist]. In: *Aktual'nye voprosy yazykoznanija [Contemporary Problems in Linguistics]*, 2018, 1, 59–63.
- Kurilov G. N. Fol'klor yukagirov [Yukaghir Folklore]. In: *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]*. V. 25. M., Novosibirsk, Nauka, 2005. 594.
- Kurilov G. N. Narodnaya etimologiya yukagirskikh toponimov [Folk Etymology of Yukaghir Toponyms]. In: *Materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii "Yazyki korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale III tysyacheletiya" (7 dekabrya 2006 g., g. Yakutsk) [Proceedings of the Republican Research-to-Practice Conference "Languages of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North at the Beginning of the 3rd Millennium" (December 7, 2006, Yakutsk)]*. Novosibirsk, Nauka, 2008. 137–140.
- Kurilov G. N. *Yukagirsko-russkij slovar' [Yukaghir-Russian dictionary]*. Novosibirsk, Nauka, 2001. 608.
- Kurilov N. N. *Tales from my mother Anna Kurilova. Эһиэ, Анна Курилова Һиэдһилэ. Рассказы матери Анны Куриловой*. Ed. by C. Ode. Amsterdam, Uitgeverij Pegasus, 2012. 270.
- Kurilov N. N. *Yukagirskaya toponimika Nizhnekolym'skogo ulusa Respubliki Sakha (Yakutii) [Yukaghir Toponymy of the Lower Kolyma district of the Republic of Sakha (Yakutia)]*. Yakutsk, RIO RDNT, 1999. 48.
- Kurilov Yu. G. *Yukagirskie toponimy Severo-Vostoka Azii [Yukaghir Toponyms of Northeast Asia]*. Yakutsk, IGLiPMNS SO RAN Publishing House, 2013. 96.
- Kurilova S. N. *Russkaya leksika v yazyke tundrovyykh yukagirov [Russian Vocabulary in Tundra Yukaghir]*. Novosibirsk, Nauka, 2022. 256.
- Martynenko I. A., Chesnokova O. S. Gibridnye toponimy Panamy kak otrazhenie toponimicheskogo mul'tilingvisma [Hybrid Place-Names of Panama as a Reflection of Toponymic Multilingualism]. In: *Filologicheskie nauki [Philological sciences]*, 2021, 6(2), 221–226.
- Matveev A. K. *Metody toponimicheskikh issledovanij [Methods of Toponymic Research]*. Sverdlovsk, UrGU Publishing House, 1986. 100.
- Mullonen I. I. *Toponimiya Prissvir'ya: problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya [Toponymy of the Prissvirye Region: Issues of Ethno-Linguistic Contact]*. Petrozavodsk, PetrGU Publishing House, 2002. 356.
- Murzaev E. M. *Ocherki toponimiki [Essays on Toponymy]*. Moscow, Mysl', 1974. 384 p.
- Myreeva A. N. *Evenkijsko-russkij slovar' [Evenk-Russian Dictionary]*. Novosibirsk, Nauka, 2004. 798.
- Pekarskij E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka [Yakut Dictionary]*. V. 1. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1959. Available at: <http://sakhatelya.ru/books/pekarskiy-1/88>
- Pekarskij E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka [Yakut Dictionary]*. V. 2. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1958. Available at: <http://sakhatelya.ru/books/pekarskiy-2/482>
- Pekarskij E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka [Yakut Dictionary]*. V. 3. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1959. Available at: <http://sakhatelya.ru/books/pekarskiy-3>
- Sleptsov P. A. *Yakutsko-russkij slovar' [Yakut-Russian Dictionary]*. M., *Soviet Encyclopedia*, 1972. 608.
- Superanskaja A. V. *Chto takoe toponimiya? [What is toponymy?]*. M., Nauka, 1984. 182.
- Superanskaja A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General Theory of the Proper Name]*. M., URSS, 2007. 368.

EDN: VCNXNC
УДК 81'244:37.018.556:303.1

Between Minority Education and the State Language

Katalin Sýkora Hernády, Klaudia Pauliková*
and Kinga Horváth

*J. Selye University
Komárno, Slovak Republic*

Received 30.01.2026, received in revised form 5.02.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. The study investigates the sociolinguistic dimensions of state language use beyond institutional settings among teachers from Slovakia with Hungarian as the language of instruction on a nationally representative questionnaire survey (N = 257). The study explores linguistic practices, language choice, and professional linguistic identity in a minority educational context where Slovak is the state language and Hungarian the language of instruction, focusing on teachers' use of Slovak beyond school and their motivational and career-oriented attitudes. With two latent dimensions characterizing teachers' relationship to the use of Slovak outside educational institutions identified by an exploratory factor analysis, our findings indicate that although participants largely perceive Slovak as essential for social integration and professional advancement, its use remains limited in family and leisure-time domains. At the same time, the intensity of Slovak language use beyond school is found as a significant predictor of teachers' instructional language choice and is closely related to their evaluations of pupils' linguistic competences in Slovak. The results highlight the central role of teachers' language practices beyond institutional contexts in processes of language socialization and in shaping the perceived legitimacy of the state language within minority education. By foregrounding language use rather than instructional methodology, the study contributes to sociolinguistic research on state language practices in minority education and offers insights into the interplay between language practice, motivation, and professional identity.

Keywords: professional linguistic identity, language socialization, state language, minority education, language practices.

Research area: Sociolinguistics, Second Language Acquisition.

The research was carried out thanks to financial support from the Recovery and Resilience Plan of the Slovak Republic – Funded by the European Union NextGenerationEu within the project Slovak as a Second Language in Pre-Graduate Teacher Training. Abbreviation of the project SLOV2LIN; Project code: 06R02–20–V01–00001.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: paulikovak@ujss.sk

ORCID: 0009-0008-6338-7974 (Sýkora Hernády); 0000-0001-7761-2716 (Pauliková); 0000-0002-2995-2473 (Horváth)

Citation: Sýkora Hernády K., Pauliková K., Horváth K. Between Minority Education and the State Language. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 506–515. EDN: VCNXNC

Проблема образования малочисленных народов и государственного языка

К. Сикора Хернади, К. Пауликова, К. Хорват

Университет имени Яноша Шеёе
Словацкая Республика, Комарно

Аннотация. На основе национально репрезентативного анкетирования (N = 257) в статье изучаются социолингвистические аспекты использования государственного языка за пределами институциональной среды среди учителей из Словакии, для которых венгерский язык является языком обучения. Рассматриваются лингвистические практики, выбор языка и профессиональная лингвистическая идентичность в контексте образования в миноритарной ситуации, когда венгерский язык является языком обучения, а словацкий язык – языком государственным, который также используется учителями словацкого языка за пределами школы в связи с их мотивационными и карьерными установками. С помощью двух латентных аспектов, характеризующих отношение учителей к использованию словацкого языка за пределами образовательных учреждений, выявленных с помощью эксплораторного факторного анализа, результаты исследования показывают, что, несмотря на восприятие словацкого языка как языка, необходимого для социальной интеграции и профессионального роста, его использование остается ограниченным в семье и в сфере досуга. В то же время интенсивность использования словацкого языка за пределами школы является значимым предиктором выбора учителями языка обучения и тесно связана с их оценкой языковых компетенций учеников в словацком языке. Результаты проведенного исследования подчеркивают центральную роль языковой практики учителей за пределами институционального контекста в процессах языковой социализации и в формировании воспринимаемой легитимности государственного языка в миноритарной ситуации. Уделяя внимание использованию языка, а не методике обучения, статья вносит вклад в социолингвистические исследования практики использования государственного языка в образовании национальных меньшинств и предлагает понимание взаимодействия между языковой практикой, мотивацией и профессиональной идентичностью.

Ключевые слова: профессиональная языковая идентичность, языковая социализация, государственный язык, образование национальных меньшинств, языковая практика.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский).

Исследование было выполнено благодаря финансовой поддержке в рамках Плана восстановления и повышения устойчивости Словацкой Республики, финансируемого Европейским союзом NextGenerationEu в рамках проекта «Словацкий как второй язык в довузовской подготовке учителей» SLOV2LIN; код проекта: 06R02–20-V01–00001.

Цитирование: Сикора Хернади К., Пауликова К., Хорват К. Проблема образования малочисленных народов и государственного языка. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 506–515. EDN: VCNXNC

Introduction

Language serves as a cross-cutting issue that can be integrated into broader policy goals. At least half of the world's population speaks two or more languages (Grosjean, 2012), however, when looking at the issue from the viewpoint of state and minority languages, statistics show that although state languages are the official and dominant languages within a country, most of the world's languages are on record as minority languages (Pasikowska-Schnass, 2016; European Commission DGT, n.d.). The determination of language usage and the linguistic rights of minority groups often lead to tension, as governments perceive language choice as an aspect of their sovereign rights, particularly in official or institutional settings. This perspective frequently overlooks the multilingual realities present in many nations, resulting in ongoing conflicts regarding language rights and equality (De Varrenes, 2021).

Bilingualism and multilingualism, along with the use of language, should not be regarded as a singular and static characteristic; instead, they represent a multifaceted concept that varies systematically through different contexts and environments. Particularly, there are distinctions among the languages used by bilingual individuals, mainly in different settings such as domestic or social environments, with surrounding contexts playing significant roles (Anderson et al., 2018).

In language acquisition as such, the role of the environment plays a crucial role as both it and the community surrounding the language users significantly influence and shape language usage and control (Kroll, Dussias and Bajo, 2018). The official designation and constitutional acknowledgment of a state language do not automatically ensure its practical application across various contexts. While a language may exist legally, this does not guarantee its robust development in everyday communication. In practical scenarios, languages within minority contexts tend to thrive in interpersonal and family interactions, whereas

dominant or state languages are predominantly used merely in institutional education and public spheres (Tulum and Zubalov, 2022).

Khilkhanova's (2020) research on indigenous languages points to the attitudes towards how language usage influences the decisions and verbal behavior of language speakers. The discrepancy between the symbolic and actual dimensions of language, attitudes towards its use, and speech behavior is common and documented in various countries. Prior studies (Khilkhanova, 2020; Smolicz and Secombe, 1988) further demonstrate that the interactions between state and minority languages frequently exist alongside positive attitudes, yet are often accompanied by limited application in daily life. This situation illustrates the persistent gap between the symbolic significance of a language and the practical behavior of its users.

Slovakia, in terms of language use, represents a unique sociolinguistic context in which multilingualism is present. The country is characterized by Slovak serving as the official language, yet, various minority languages are prevalent across different regions of the nation. The Hungarian minority constitutes the largest group in terms of both population percentage and language usage, with 7.75 % of the overall population identifying as Hungarian by nationality (Statistical Office of the Slovak Republic, 2021). The Hungarian language is predominantly spoken in the southern areas of Slovakia, particularly near the border with Hungary, where it frequently serves as the primary means of communication.

Due to historical, legal, and linguistic minority rights that are protected by both national laws and international treaties, the Hungarian minority has the right to be educated in their native language (Constitution of the Slovak Republic, 1992, Art. 34). Simultaneously, the legislation requires the instruction of Slovak as the official language (Act No. 270/1995 Coll., 1995, Art. 4). This framework aims to achieve a balance between linguistic diversity and national unity, fostering bilingualism and the

preservation of culture within the educational system. When acquiring the state language, there is a need to ground instructional practice in several core principles, out of which the environment for language acquisitions as well as teachers' selected strategies play an important role (Szököl and Puskás, 2021).

Based on data from the national census (Statistical Office of the Slovak Republic, 2021), the Hungarian minority exceeds 10 % of the total population in 14 districts in Slovakia, with the highest concentration in Dunajská Streda and Komárno (more than 60 % of the inhabitants). Other districts, like Rimavská Sobota, Nové Zámky, Galanta, Šaľa, Trebišov, Lučenec, Rožňava, Veľký Krtíš, Levice and Revúca have a more than 20 % Hungarian population, and districts Michalovce and Senec are reported to have above 10 %. The urban regions Bratislava and Košice also possess a notable Hungarian population, especially in Bratislava II (4.2 %) and Košice I (4.0 %).

This study, as the issue of state and minority language use is not yet thoroughly researched in our area, aims at (1) creating and psychometrically validating a measurement tool for examining the intensity and nature of the use of Slovak language outside institutional settings by primary level teachers from Hungarian-medium schools in Slovakia; (2) identifying the latent structure of the questionnaire, verifying its psychometric properties, especially reliability; (3) determining the intensity and nature of the use of state language by our respondents; (4) determining whether groups of educators differ in the level of use of the Slovak language outside the school environment depending on individual variables: a) the language of instruction within the educational setting, b) the region in which the institution is located; (5) investigating the relationships between the level of use of the state language outside the school environment, teachers' motivation for language use, and their assessment of students' language competences and perceived difficulties in state language use (6); determining the predictive influence of teachers' practical use of Slovak and language motivation on students' perceived language difficulties.

Method

A cross-sectional quantitative research with data collection taking place via an online questionnaire was carried out between February and April 2025. The obtained data were subsequently processed and analyzed in the IBM SPSS Statistics for Windows program, version 26.0.

Our research sample consisted of educator who teach Slovak as a state language in schools with Hungarian as the language of instruction in the Slovak Republic (N=257). Respondents were selected from an identified basic set through random selection, with the size of the sample representing approximately 23 % of the total population of educators from all districts of Slovakia in which there is a primary school with the Hungarian language of instruction. The procedure ensured the appropriate representativeness of the research sample in terms of its size, typological structure, and geographical distribution of the target population. Almost all participants (98.8 %) reported Hungarian as their mother tongue. The difference between the place of residence and the seat of the school was minimal, which indicates that most respondents work in the region where they live. In terms of permanent residence, the largest number of respondents were from the Nitra region (35.0 %), followed by the Trnava region (26.5 %) and the Banská Bystrica region (18.7 %), 17.1 % of participants came from the Košice region and 2.7 % from the Bratislava region. Regarding the language microregion, the majority of respondents stated that their school is located in a Hungarian language environment (73.2 %). The research sample showed significant geographical diversity, as respondents worked in primary schools located in the Nitra Region (36.2 %), Trnava Region (23.7 %), Banská Bystrica Region (17.9 %), Košice Region (17.5 %) and Bratislava Region (4.7 %).

In terms of measurement, a self-assessment questionnaire was used as the main research tool, which was designed to capture how respondents reflect the relationship between the state language and the minority language, what place Slovak has in

their everyday lives, and what importance they attribute to it in terms of professional and social application. The authorial provenance questionnaire was designed to capture the subjective perception and experiences in relation to the use of state language – Slovak in everyday life, as well as respondents' attitudes and motivation for further language development. The measurement tool consisted of 12 statements that focused on various aspects of language use in personal life: the respondents' real language behavior and their attitudes, motivation, and subjective perception of the importance of the state language.

Participants expressed their level of agreement with individual statements using a four-point Likert scale (from “strongly disagree” to “strongly agree”). The absence of a neutral option was deliberately chosen to guide the participants to a clearer expression of their own attitude and language orientation, thus making it possible to capture not only declared attitudes towards the state language, but also real patterns of its use in the context of the dominant minority language environment. The questionnaire items included, for example, the existence of social contacts in which the language of communication is exclusively Slovak, the frequency of using Slovak in everyday activities, switching between Slovak and Hungarian depending on the situation, as well as the importance of the Slovak language for professional employment and integration into society. The questionnaire also included statements mapping the respondents' personal motivation to improve their Slovak language skills in the future.

The instrument was created to reflect the specific situation of teachers working in Hungarian-speaking school environments in Slovakia, who constantly interchange between two languages in their personal and professional lives. The questionnaire therefore provides a comprehensive picture of the extent to which Slovak is present in their everyday lives, what functions it fulfills, and what relationship the respondents create with it within their linguistic and cultural contexts.

Results and Discussion

Psychometric Properties of the Questionnaire

KMO and Bartlett's test demonstrated a very good degree of suitability of the data for factor analysis (KMO=0.863; $\chi^2(66)=1441.782$; $p<0.001$). The PCA factor analysis with Varimax rotation revealed two latent factors describing the relationship of the respondents to the use of Slovak outside institutional settings:

F1 – practical-behavioral dimension of language use – practical everyday use of Slovak (items 1, 2, 6, 7, 8): This dimension represents the real, spontaneous and situationally conditioned language practice in an out-of-school environment. It captures the extent to which teachers actively use the state language in natural everyday communication situations including family, leisure and social life, and the extent to which they flexibly employ code-switching between Slovak and their mother tongue. This is a behavioral dimension of language contact that reflects authentic language exposure and real language behavior.

F2 – motivational-affective dimension of language use – motivation and career orientation towards using Slovak (items 10, 11, 12): This dimension expresses the conscious, value-based, and motivational attitude of teachers towards the Slovak language as a social and professional tool. It captures the extent to which they consider Slovak to be an important means of social integration, personal development, and future professional perspective, as well as the extent to which they subjectively perceive positive experiences with its use in everyday life. This is an attitudinal-motivational dimension that expresses not only current behavior, but especially value orientations, expectations, and development intentions in connection with the use of the Slovak language.

The communalities values ranged from 0.591 to 0.852, which indicates a sufficient degree of explanation of the items by the extracted factors. Together, the dimensions explain 69.56 % of the total variability of the responses, which represents a sufficiently strong basis for the interpretation of the factor structure. Cronbach's alpha analysis confirmed the high

internal consistency of both extracted factors, as the first factor reached $\alpha=0.868$ and the second factor $\alpha=0.823$, indicating that the items within both factors reliably measure a common latent construct. The Cronbach's alpha result ($\alpha=0.876$) confirms that the entire scale consisting of 8 items has very good reliability ($\alpha=0.867$) and can be considered a stable and trustworthy tool for assessing the use of Slovak by educators in an out-of-school environment.

Language Behavior Outside

Institutional Settings

In terms of language behavior outside institutional settings, we found out that respondents differ in the intensity and context of their use of the state language Slovak, with individual items revealing different models of language behavior. The results of the descriptive analysis show that the highest average values were recorded for items related to the perceived importance of the Slovak language for professional and social life. Respondents agreed most with the statement that knowledge of the Slovak language is important for employment in the labor market ($M=3.44$; $SD=0.748$) and that it is essential for integration into Slovak society ($M=3.42$; $SD=0.752$). The item focusing on the need for Slovak for future career also achieved high average values ($M=3.20$; $SD=0.900$). These items also show a more pronounced negative skewness, which indicates a predominance of affirmative answers and relatively homogeneous attitudes of respondents.

Medium values were recorded for items related to personal motivation and social contact in the Slovak language. Respondents declared a relatively high level of agreement with statements about the existence of friends with whom they communicate in Slovak ($M=3.00$; $SD=1.077$), as well as with statements regarding motivation to improve their knowledge of Slovak ($M=2.99$; $SD=0.903$) and plans for further language improvement ($M=2.93$; $SD=0.883$). These results indicate that teachers are aware of the need to use the Slovak language and show a willingness to further develop their language competences, which reflects the documented gap between the symbolic dimension of a language and the actual linguistic

choices of its users (Khilkhanova, 2020). While teachers demonstrate a positive 'motivational-affective' orientation (F2) that correlates with Smolicz and Secombe's (1988) theories on core values, their 'practical-behavioral' engagement (F1) is rather constrained by their immediate language environment. A slightly higher value was achieved by the statement about positive experiences with its use ($M=2.81$; $SD=0.886$) within the items focused on the everyday use of Slovak. Lower average values appear for items focused on the real everyday use of Slovak. The frequency of using Slovak outside home ($M=2.65$; $SD=0.989$) and in common everyday situations ($M=2.62$; $SD=1.005$) reaches only a moderate level. Similarly, the item regarding situational switching between Slovak and Hungarian ($M=2.44$; $SD=1.099$) points to the variability of linguistic behavior depending on the context. The item focused on the use of Slovak in leisure time ($M=2.28$; $SD=0.975$) achieved an even lower average, which indicates that respondents prefer their mother tongue in informal and personal activities. This very closely correlates with Anderson et al. (2018), who suggest that bilingualism is not static but dynamically varying through different social contexts.

The lowest value among all items was achieved by the statement regarding the use of Slovak in the family environment ($M=1.33$; $SD=0.714$). The significantly positive skewness and high value of the skewness for this item confirm that communication in the family takes place almost exclusively in Hungarian and Slovak is used only minimally in this domain. This provides empirical support for Tulum and Zubalov's (2022) claim that while state languages dominate institutional spheres, minority languages remain the primary vehicle for interpersonal and family relations. Furthermore, it illustrates the multilingual realities depicted by De Varennes (2021), where official policies do not necessarily translate into private linguistic habits.

The highest agreement of respondents was shown with statements about the importance of Slovak for employment ($SD=0.748$), integration and future career ($SD=0.752$), as well as with the statement about minimal use of Slovak in

the family environment ($SD=0.714$), while the greatest disagreement was recorded with items describing real language behavior, especially when communicating with friends in Slovak ($SD=1.077$) and when switching between Slovak and Hungarian depending on the situation ($SD=1.099$).

The results show that although respondents use Slovak outside institutional settings mainly in social situations and consider it important for career and integration, its use in the family environment is minimal and the use of the state language for hobbies or leisure activities remains rather moderate to limited. Overall, Slovak is employed primarily in situational and instrumental contexts, whereas Hungarian preserves a dominant role in personal and family communication.

Differences and Relationships of Variables

The data distribution was verified before performing inferential analyses. The Kolmogorov–Smirnov and Shapiro–Wilk normality tests demonstrated a non-normal distribution of variables ($p<0.05$), therefore, non-parametric statistical procedures (Kruskal–Wallis test) were used in further analyses, supplemented by parametric ones in order to obtain estimates of the effect size (ANOVA). The results of the analysis of the variable focused on the language used by the respondents during teaching show that the use of the state language significantly dominates in the studied sample. The majority of respondents (59.9 %) stated that they mainly use Slovak when teaching, while another 7.0 %

of teachers declared that they teach exclusively in the state language. In total, up to 66.9 % of teachers use Slovak as the main language of instruction. A significant group consisted of teachers who indicated a balanced use of Slovak and Hungarian and instruct bilingually – this option was chosen by 27.6 % of respondents. Thus, lessons of Slovak are carried out predominantly in the Slovak language, or in a bilingual communication mode, while the dominant use of the Hungarian language appears only marginally.

The Kruskal–Wallis test confirmed a significant difference in the practical-behavioral dimension (F1) according to the language of instruction of teachers ($H(3)=20.656$; $p<0.001$). Teachers who teach exclusively in Slovak, or those who use predominantly Slovak, achieved the highest values of everyday language use outside of school (Mean Rank=181.11; 136.29), which indicates that the intensity of the use of Slovak in personal life is closely related to the language of instruction. ANOVA was additionally applied to obtain comparable outputs including effect sizes (η^2 , η^2) and to confirm the consistency of the results. The language used by teachers during teaching explains approximately 9.4 % of the variability in this dimension ($\eta^2=0.306$; $\eta^2=0.094$).

Based on linear regression, it was shown that a higher intensity of practical use of Slovak significantly increases the probability of exclusive use of Slovak ($\chi^2(3)=25.436$; $p<0.001$). The use of Slovak in personal life thus appeared as a significant predictor of the language of in-

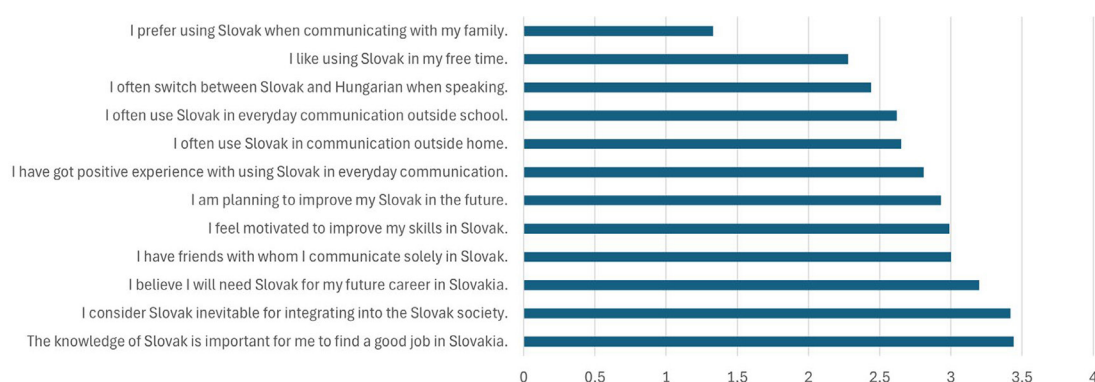

Fig. 1. Questionnaire responses

struction and can be interpreted as a key factor in teachers' language socialization and professional linguistic identity.

Linear regression analysis further confirmed that the factor of practical use of Slovak by teachers outside of school (F1) significantly predicts the perceived language difficulties of students in the areas of Slovak orthography ($\beta = -0.134$; $t = -2.175$; $p = 0.031$), grammar ($\beta = -0.283$; $t = -4.737$; $p < 0.001$), pronunciation ($\beta = -0.153$; $t = -2.480$; $p = 0.014$), vocabulary ($\beta = -0.162$; $t = -2.648$; $p = 0.009$), oral comprehension ($\beta = -0.347$; $t = -5.892$; $p < 0.001$), reading comprehension ($\beta = -0.224$; $t = -3.656$; $p < 0.001$), oral production ($\beta = -0.237$; $t = -3.886$; $p < 0.001$), written production ($\beta = -0.222$; $t = -3.633$; $p < 0.001$), and in the area of understanding instructions ($\beta = -0.235$; $t = -3.866$; $p < 0.001$). Motivational-affective dimension, i.e. the factor of motivation and career orientation to use Slovak (F2) had a positive predictive effect on the assessment of spelling, grammar, and vocabulary. Negative regression coefficients indicate that the more intensively teachers use Slovak in everyday life, the fewer problems they perceive in the language com-

petences of pupils. The factor of motivation and career orientation to use Slovak (F2) had a positive predictive effect mainly on the assessment of spelling, grammar, and vocabulary. This relationship was consistently observed across all assessed linguistic domains, indicating that more intensive everyday use of Slovak by teachers is associated with lower perceived learner difficulties. These results highlight the importance of the linguistic environment and the community that actively shape language control (Kroll, Dussias and Bajo, 2018).

The results of the regression models indicate that more intensive use of Slovak in everyday social and communication situations is associated with fewer perceived language difficulties among pupils. This trend may reflect educators' higher levels of language competence, which can contribute to a more accurate and objective assessment of students' proficiency and to more effective classroom instruction, which ultimately supports better learner outcomes in the state language. Teacher language competence appears to be a key element in the process of Slovak language acquisition in a Hungarian school environment.

Table 1. Linear regression analysis

Slovak outside institutional settings	F1		F2	
	Beta	sig.	Beta	sig.
Perceived language difficulties				
Oral comprehension F(2.254)=17.388; p<0.001; R ² =0.120	-0.347	0.000	-	-
Grammar F(2.254)=13.210; p<0.001; R ² =0.094	-0.283	0.000	0.119	0.047
Oral production F(2.254)=7.554; p=0.001; R ² =0.056	-0.237	0.000	-	-
Understanding instructions F(2.254)=7.887; p<0.001; R ² =0.058	-0.235	0.000	-	-
Reading comprehension F(2.254)=6.688; p=0.001; R ² =0.050	-0.224	0.000	-	-
Written production F(2.254)=6.619; p=0.002; R ² =0.050	-0.222	0.000	-	-
Vocabulary F(2.254)=5.800; p=0.003; R ² =0.044	-0.162	0.009	0.131	0.033
Pronunciation F(2.254)=3.534; p=0.031; R ² =0.027	-0.153	0.014	-	-
Ortography F(2.254) = 5.142; p=0.006; R ² =0.039	-0.134	0.031	0.145	0.019

A subsequent analysis, last but not least, examined whether the use of Slovak outside the school environment by teachers differs depending on the region in which the school is located. The results showed that the region of the school has a statistically significant effect on the use of the state language in case of the practical-behavioral dimension – F1 ($F(4.252)=3.271$; $p=0.012$). Region explains approximately 4.9 % of the variability in the use of Slovak outside of school (Eta ($\eta=0.222$; $\eta^2=0.049$)). The highest levels of Slovak use were reported by teachers in the Bratislava Region ($M=0.71$; $SD=1.001$), while the lowest values were observed in the Trnava Region ($M=-0.31$; $SD=0.923$). This regional variation aligns with the data from Statistical Office of the Slovak Republic (2021) cited earlier; in regions like Bratislava with the Hungarian minority being lower, the ‘surrounding context’ (Anderson et al., 2018) demands for a more frequent use of the state language are higher than in denser minority environments.

Conclusion

This study investigated the use of state language in a Hungarian minority context in Slovakia in terms of its use by teachers at the primary level of education outside institutional settings. We explored how the language use is connected to motivation, regional contexts and perceived difficulties of language competences of learners. The research successfully developed and psychometrically validated a measurement tool that captured teachers’ use of Slovak outside institutional settings. The factor analysis confirmed a stable structure comprising two dimensions – a practical-behavioral and a motivational-affective dimension, both demonstrating high reliability.

Our results showed that even though educators strongly acknowledge the importance of Slovak for professional life and social integration, their actual everyday use of the state language remains limited, especially in family

and leisure areas. Slovak was found to be used mainly in situational and instrumental contexts, while the minority language – Hungarian continues to dominate in personal and family communication. We also found significant differences in terms of the language of instruction and regional location of teachers. Those using the state language predominantly as the language of instruction reported higher levels of Slovak use outside the institutions, with regional variation further shaping the patterns of everyday language connections.

Lastly, the analysis revealed that there are systematic relationships between the language use, motivation, and perceived difficulties in language acquisition by learners. A more intensive use of the state language and stronger motivational orientation were found to be associated with fewer perceived issues in language acquisition of students. The practical engagement with the state language thus emerged as a significant predictor of both instructional choices and the perceptions of communicative language competences of learners. Overall, our findings highlight the adaptive and context-sensitive nature of state language use in minority education contexts and underscore the central role of educators’ own language use choices in shaping educational outcomes in bilingual educational environments.

Nevertheless, it is important to mention that our study is limited by its reliance on self-assessed data, which may be subject to social desirability bias and its specific focus on primary educators. These may limit the generalizability to other educational levels or minority contexts. Future research should expand this scope to include longitudinal data and a broader range of participants to capture a more holistic view on language socialization in these regions, as well as expand the questionnaire items to include more subdivisions on language utilization across various aspects of private life of language users.

References

Anderson J. A. E., Mak L., Keyvani Chahi A., Bialystok E. The language and social background questionnaire: Assessing degree of bilingualism in a diverse population. In: *Behavior Research Methods*, 2018, 50(1), 250–263. DOI: 10.3758/s13428-017-0867-9

Arefiev A. L. *Iazyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniia: istoriia i sovremennost'* [Languages of Minor Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East in the Education System: History and Present]. M., Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniia i marketinga. 2014

Constitution of the Slovak Republic. 1992. Available at: <https://www.prezident.sk/upload-files/46422.pdf> (accessed 15 January 2026).

De Varennes F. *Language, minorities and human rights*. Leiden, Brill, 2021, 552.

European Commission Directorate-General for Translation. (n.d.). Linguistic diversity in the EU. Available at: https://translation.ec.europa.eu/languages-eu-why-multilingualism-matters/linguistic-diversity-eu_en (accessed 15 January 2026).

Grosjean F. *Bilingual: Life and Reality*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 2012, 304.

Khilkhanova E. V. Changing attitudes toward indigenous languages in Russia: some evidence from the North. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2020, 13(12), 1937–1951. DOI: 10.17516/1997–1370–0696

Kroll J. F., Dussias P. E., Bajo M. T. Language Use Across International Contexts: Shaping the Minds of L2 Speakers. In: *Annual Review of Applied Linguistics*, 2018, 38, 60–79. DOI: 10.1017/S0267190518000119

National Council of the Slovak Republic. Act No. 270/1995 Coll. on the State Language of the Slovak Republic. 1995. Available at: https://www.culture.gov.sk/wp-content/uploads/2020/02/zakon_o_sj_v_anj.pdf (accessed 15 January 2026).

Pasikowska-Schnass M. Regional and minority languages in the European Union. In: *EPRS Briefing*, 2016, 589(794), 1–12.

Smolicz J., Secombe M. Community languages, core values and cultural maintenance: the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups. In: *Australia, Meeting Place of Languages*, 1988, 11–38.

Statistical Office of the Slovak Republic. Sčítanie obyvateľov, domov a bytov 2021: Národná analytická správa [Population, Housing and Dwellings Census 2021: National Analytical Report]. 2021. Available at: <https://www.scitanie.sk> (accessed 15 January 2026).

Szőköl I., Puskás A. Basic pillars of the concept and strategy of teaching Slovak language and Slovak literature in primary schools with Hungarian as the language of instruction. In: *Journal of Language and Cultural Education*, 2021, 9(2), 1–10.

Tulum A. S., Zubalov D. Y. Impact of language ideologies on language practices in Pridnestrovie. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2022, 15(11), 1552–1572. DOI: 10.17516/1997–1370–0936

EDN: ROTYZR
УДК 81'271

Linguistic Transformation in the Context of Urbanisation and Ethno-cultural Change

Rustem K. Kadyrzhanov^a, Anar M. Fazylzhan^b,
Gulsinay S. Issayeva^b and Talshyn K. Chukayeva^b

^a*Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies
Almaty, The Republic of Kazakhstan*

^b*Institute of Linguistics named after Akhmet Baitursunuly
Almaty, The Republic of Kazakhstan*

Received 27.12.2025, received in revised form 09.02.2026, accepted 10.02.2026

Abstract. The study's relevance lies in Kazakhstan's linguistic transformation amid urbanisation and ethno-cultural change, which strengthens the national language and reshapes socio-cultural realities. It examined interactions among Kazakh, Russian, and English in contexts of migration, digitalisation, and national consolidation. Using historical-comparative and cultural approaches to urban change, the study assessed language dynamics. Findings show that urbanisation fosters ethno-cultural convergence, bilingualism, trilingualism, and hybrid speech practices such as code-switching and borrowing. While Kazakh gains strength in symbolic and state domains, it remains linked with Russian in business, science, and interethnic communication, alongside English's growing role in youth and digital spheres. Overall, Kazakhstan's linguistic transformation reflects evolving urban identities shaped by policies promoting Kazakh while preserving Russian and English functions.

Keywords: bilingualism, language, culture, migration processes, globalisation.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Linguistics.

The article was prepared within the framework of the grant funding project AP19680279 "Urbanization of the Kazakh language in the context of national construction in Kazakhstan" by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Citation: Kadyrzhanov R. K., Fazylzhan A. M., Issayeva G. S., Chukayeva T. K. Linguistic Transformation in the Context of Urbanisation and Ethno-cultural Change. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 516–526. EDN: ROTYZR

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: nar20@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6286-8660 (Kadyrzhanov); 0000-0002-0562-4846 (Fazylzhan); 0000-0001-6962-8953 (Issayeva); 0000-0002-0716-8370 (Chukayeva)

Лингвистическая трансформация в контексте урбанизации и этнокультурных изменений

Р.К. Кадыржанов^а, А.М. Фазылжан^б,
Г.С. Исаева^б, Т.К. Чукаева^б

^аИнститут философии, политологии и религиоведения
Республика Казахстан, Алматы

^бИнститут языкознания имени Ахмета Байтурсынулы
Республика Казахстан, Алматы

Аннотация. Актуальность исследования определяется языковыми трансформациями в Казахстане на фоне урбанизации и этнокультурных изменений, усиливающих роль государственного языка и формирующих новую социокультурную реальность. В исследовании рассмотрено взаимодействие казахского, русского и английского языков в контексте миграции, цифровизации и национальной консолидации. Применяя историко-сравнительный и культурный подходы, авторы проанализировали языковую динамику. Установлено, что урбанизация способствует этнокультурной конвергенции, развитию билингвизма, трилингвизма и гибридных речевых практик. Казахский язык укрепляется в символических и государственных сферах, русский сохраняет значение в бизнесе, науке и межэтническом общении, а английский усиливает позиции в цифровой и молодежной среде. В целом языковая трансформация отражает изменение городской идентичности под влиянием политики поддержки казахского языка при сохранении функциональных ролей русского и английского.

Ключевые слова: билингвизм, язык, культура, миграционные процессы, глобализация.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Статья подготовлена в рамках грантового проекта AP19680279 “Урбанизация казахского языка в контексте национального строительства в Казахстане”, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Цитирование: Кадыржанов Р. К., Фазылжан А. М., Исаева Г. С., Чукаева Т. К. Лингвистическая трансформация в контексте урбанизации и этнокультурных изменений. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 516–526. EDN: ROTYZR

Introduction

Urbanisation and linguistic processes in Kazakhstan are one of the key areas of socio-economic and cultural development of the republic in the post-Soviet period. The rapid growth of the urban population and active migration from rural areas lead to a more complex structure of urban communities where

diverse ethnicities and language systems interact. Such diversity stimulated the emergence of hybrid speech practices and expanded bilingualism and emphasised the need for a new language policy that would accommodate the interests of multiple ethno-cultural groups.

Ethno-cultural change under urbanisation in Kazakhstan has intensified tensions in the

interaction of Kazakh, Russian, and English. While Kazakh is increasingly promoted as a marker of national identity, Russian retains its role in education and inter-ethnic communication, and English is expanding through globalisation and digital media. These intersecting dynamics generate new urban speech practices and debates over linguistic and cultural hierarchy.

As the observations of M. Bedeker et al. (2023) revealed, the implementation of the CLIL model in multilingual education in Kazakhstan was a crucial step towards the development of a “third space”. In this space, students demonstrate the ability to freely switch between Kazakh and Russian, which indicates a prominent degree of adaptability of educational strategies in the context of cultural and linguistic diversity.

M.T. Brown (2024) analysed the relationship between language policy and national identity in the context of geopolitical challenges such as the conflict in Ukraine. The researcher emphasised that the slogan “Kazakh means freedom” has become one of the key symbols of contemporary Kazakh identity not by accident.

Against the backdrop of post-Soviet transformations, the findings of O. M. Gnerre (2022), who focused on the role of ethno-cultural traditions in building political strategies in Central Asia, have attracted particular attention.

Roman (2020) examined the formation of national identity in Kazakhstan, emphasising the role of historical experience, political initiatives, and inter-ethnic interaction in shaping collective identity. White (2020) demonstrated that the visual presence of languages in urban space functions as a symbolic mechanism of power and identity formation influenced by both local and global factors. Yedgina et al. (2023) further showed that Kazakhstan’s language policy seeks to balance cultural preservation with integration into the global information space.

At the same time, there is a gap in the scientific literature related to the lack of a holistic analysis of trilingual interaction – Kazakh, Russian, and English – in the context of

urbanisation and ethno-cultural diversity. The available research has predominantly focused on individual languages or institutional aspects, leaving out everyday practices and the dynamics of language preferences. The purpose of the present study was to identify the mechanisms of trilingual coexistence in the urban environment of Kazakhstan. The key objectives included the analysis of language strategies, the influence of politics and social environment on language behaviour, and the role of urbanisation in the transformation of language practices. Trilingualism in Kazakhstan is implemented as a flexible model where language choice depends on social context, identity, and globalisation factors.

Materials and Methods

Theoretical provisions of bilingualism developed by U. Weinreich (2010) formed the basis for analysing the interaction of language systems and speech practices in the multilingual urban environment of Kazakhstan. The selected materials helped to comprehensively examine the specifics of interpenetration of Kazakh, Russian, and English in the context of ethno-cultural and social changes.

The comparative-historical method helped to compare the language situation in various stages (Soviet 1920–1991, post-Soviet 1991–2000, and modern periods since 2001), revealing not only formally established language norms, but also the evolution of cultural and legislative prerequisites. The sociolinguistic method focused on the concrete social factors, urbanisation, educational reforms, and ethno-cultural interactions that directly influence the consolidation or, conversely, the weakening of each of the three languages.

A systemic approach framed language as part of a broader political, economic, and digital context, while discourse analysis identified key features of urban language practices. Modelling was used to describe trilingual communication and its effects on education, business, and everyday interaction. Together, these methods enabled a comprehensive explanation of why trilingualism is becoming dominant in Kazakhstan’s major cities.

Results and Discussion

Theoretical and methodological foundations of linguistic transformation

Linguistic transformation in Kazakhstan under urbanisation and ethno-cultural change is a multifaceted process shaped by structural, behavioural, and socio-cultural factors. The post-Soviet period, marked by the strengthening of Kazakh, the preservation of Russian, and the adoption of English as a global resource, produced a dynamic multilingual environment characterised by code interaction within rapidly urbanising and digitalised society.

To achieve these goals, concrete legal and political mechanisms were required; one of the first steps was the adoption of the Law of the Republic of Kazakhstan No. 151-I “On Languages in the Republic of Kazakhstan” (1997), which legally established Kazakh as the state language and Russian as the language of inter-ethnic communication. This enabled the gradual promotion of the Kazakh language in administrative structures, the judiciary, education, and the media, as well as through state programs. Therewith, the Russian language retained its position in scientific, technical, and educational spheres, especially in cities where the Russian-speaking population was significant. Thanks to this combination, social tensions between diverse ethnic groups were minimised.

A special place in the linguistic transformation is occupied by urbanisation, which began during the Soviet era. At that time, the industrial development of the republic required an influx of labour force, while administrative structures, universities, and research institutes were based mainly in large cities (Almaty, Karaganda, Tselinograd, Shymkent). Russian was consolidated as a means of inter-ethnic communication and administrative work in the cities, Kazakh being predominant in rural areas.

After independence, the state prioritised strengthening the Kazakh language as a foundation of national consolidation, leading to systemic changes in education, administration, and the media. Kazakh was reinforced as a compulsory subject at all levels, the network of Kazakh-language schools and university pro-

grammes expanded, and adult language training was introduced in public and professional spheres, contributing to the broader institutionalisation of Kazakh (Zhalelova et al., 2022).

Language in postcolonial societies became an arena for political debate and a tool of self-identification. In Kazakhstan, this manifested itself in the prioritisation of Kazakh as the only state language and in language reforms designed to ensure its mass use. Examples of such reforms include the adoption of the Law of the Republic of Kazakhstan No. 151-I “On Languages in the Republic of Kazakhstan” (1997), which established Kazakh as the state language and defined Russian as the language of interethnic communication. This was followed in 2001 by the State Programme for the Functioning and Development of Languages for 2001–2010, which made provision for the gradual expansion of the use of the Kazakh language in office work, education, and the media (Decree of the President..., 2001). This policy was continued by the State Programme for Language Development and Functioning for 2011–2020 (Decree of the President..., 2011), which aimed to further strengthen the position of the Kazakh language by modernising teaching methods and promoting it in the information space (Hajar, 2023).

However, language policy encountered objective constraints, as a substantial share of the urban population continued to use Russian as the dominant language of everyday communication. Census data illustrate this persistence: in 2009, only 20.7 % identified Russian as their native language, yet 94.4 % reported fluency in it (Smailova, 2011), while the 2021 census showed a rise in Kazakh as a native language to 80.1 % alongside sustained Russian proficiency at 83.1 % (Ethnic composition, religion and..., 2023).

The linguistic landscape of Kazakhstan has grown more complex with the coexistence of Kazakh, Russian, and English. State initiatives such as the Concept of Development of Foreign Language Education (2006) and the Trinity of Languages Programme (2012) promoted multilingualism while reinforcing the status of Kazakh within the education system. Despite implementation challenges, these

policies contributed to a steady increase in Kazakh-medium education: by 2019, 66 % of school students and about two-thirds of university students were studying in Kazakh (Serikbayeva, 2023).

The technological factor also noticeably influenced language. The spread of social networks (Instagram, Telegram, etc.), the emergence of digital platforms, websites, applications in Kazakh and Russian, and English-language content all encouraged people to interact more actively in a multilingual space. The practice of hybrid writing, when elements of Russian, Kazakh, and English were interspersed in one message, became commonplace.

Cultural symbolism played a central role in Kazakhstan's linguistic transformation, particularly through the transition of Kazakh to the Latin script, which is viewed as a means of expanding its use in education, science, and digital communication (Fazylzhanova, 2020). Increased participation in Kazakh-language cultural production and a sharp rise in Kazakh-language media consumption reinforced the perception of the language's return to urban space, with its share in state media reaching 83 % by 2023 (Internews research..., 2023; Makarov, 2023). As a result, younger urban generations educated in Kazakh, Russian, and English have developed a hybrid linguistic identity that integrates national revival, Soviet legacy, and globalisation without marked cultural conflict.

Thus, the linguistic transformation in Kazakhstan formed a picture of interpenetration of languages in conjunction with social, political, technological, and cultural changes.

Urbanisation and language processes in Kazakhstan

Urbanisation in Kazakhstan was not only a demographic phenomenon, but also a catalyst for socio-political, economic, and cultural processes, including those affecting the linguistic sphere. Since Soviet times, Kazakh cities have been built and grown rapidly under the influence of industrialisation by the Soviet centre. Industrial and scientific resources were concentrated in such megacities as Alma-Ata (Almaty), Karaganda, Tselinograd, Aktau

(formerly Shevchenko), where multinational population was formed. The Russian language in this environment often played the role of a "common denominator".

After independence in 1991, urbanisation in Kazakhstan intensified and acquired new characteristics driven by economic reforms and the relocation of the capital from Almaty to Astana. In this context, language emerged as a key component of urban culture, facilitating communication among populations of diverse regional and ethnic backgrounds (Altayevna and Mirici, 2024).

Urbanisation reshaped language roles in Kazakhstan: while Soviet cities were largely Russified, independence and language policies expanded Kazakh-medium education and introduced bilingual and trilingual institutions incorporating English. This shift produced a diversified urban educational landscape with multiple coexisting models of language learning (Nabidullin and Ordabaev, 2021).

Urban migration in Kazakhstan became increasingly youth-driven, particularly from the late 1990s through the 2000s, as major cities such as Almaty and Astana emerged as centres of education and employment. The influx of young migrants introduced rural, Kazakh-influenced speech into predominantly Russian-speaking urban environments, fostering mixed linguistic forms that reflected demographic change and the expanding use of Kazakh in everyday urban communication (Serikzhanova, 2024).

Urbanisation thus contributed to the creation of idiosyncratic "language islands", when within one megacity different population groups use different language practices (Gaur, 2018).

Global technologies and popular culture have accelerated linguistic change in urban Kazakhstan, as English-language media and digital platforms promote anglicisms and normalise the mixing of Kazakh, Russian, and English within youth subcultures (Linn et al., 2021). Economic globalisation has reinforced this trend, with international businesses in major cities requiring English proficiency and fostering everyday trilingual practices (Yeshpanova and Smailova, 2022). In parallel, the relocation and rapid development of Astana

transformed the capital into a focal site of migration and linguistic experimentation, intensifying language contact and cultural hybridisation (Terlikbayeva and Menlibekova, 2021).

In all cases, urbanisation brought along the factor of socio-professional mobility, which pushed people to master at least two languages, and sometimes three. That is, people realised that to get a higher position or succeed in business, they had to speak Kazakh (public sector), speak Russian (inter-ethnic communication, technical disciplines), and learn English (global market, research, start-ups) (Ualtayeva et al., 2024).

Thus, urbanisation in Kazakhstan turned out to be a factor that not only changed the numerical composition of the urban population, but also fundamentally restructured language communication.

Ethno-cultural changes and their impact on language transformation

Ethno-cultural changes that took place in Kazakhstan after the collapse of the USSR had a key influence on the nature of linguistic transformation, especially noticeable in urban areas. Historically, Kazakhstan was a multi-ethnic region with a special ethno-cultural mosaic (Table 1).

Ethno-cultural change was most pronounced in urban centres, where linguistic di-

versity increased due to migration and mixed families. State Kazakhisation policy further strengthened the use of Kazakh in symbolic, educational, and business domains, encouraging its acquisition by other ethnic groups. This policy was formalised in the State Programme for the Implementation of Language Policy for 2020–2025, which prioritised language modernisation through the Latin script transition, the National Corpus of Kazakh, and the codification of terminology.

Contact language processes intensified urban ethno-cultural change, leading to widespread code-mixing in which Kazakh, Russian, and English elements co-occur, particularly among young people in digital spaces. This practice reflects linguistic flexibility and the absence of rigid boundaries between languages (Akzhigitova and Zharkynbekova, 2014). At the same time, bilingual and trilingual family environments and the activities of urban diasporas supported the preservation of linguistic and cultural identities, while remaining embedded in the broader Kazakh- and Russian-speaking urban context.

The global dimension was also a vital component of ethno-cultural change. The Internet, mass migration, student exchange programmes, tourism all expanded the boundaries of the cultural field where Kazakhstan was located.

Table 1. Ethnic and linguistic composition of the population of Kazakhstan (according to census 2021)

Ethnicity	Number (people)	Share of total population (%)	First (main) language	Kazakh language proficiency (%)
Kazakhs	13,497,891	70.4	Kazakh	99.5
Russians	2,981,946	15.5	Russian	50.2
Uzbeks	614,047	3.2	Uzbek	72.0
Ukrainians	387,327	2.0	Ukrainian/Russian	34.6
Uighurs	290,337	1.5	Uighur	81.3
Germans	226,092	1.2	Russian/German	25.6
Tatars	218,653	1.1	Tatar/Russian	45.3
Azerbaijanis	145,615	0.8	Azerbaijani	50.8
Koreans	118,450	0.6	Korean/Russian	36.9
Belarusians	76,484	0.4	Russian	19.8
Turks	85,478	0.5	Turkish	48.0

Source: compiled by the authors of this study based on Results of the 2021 National Census (2021).

Table 2. Religious composition of the population of Kazakhstan according to the census 2021

Religious affiliation	Number (thousand people)	Share of total population (%)	Urban population (%)	Rural population (%)
Islam (Sunni)	13,297.8	69.3	65.5	34.5
Christianity	3,297.6	17.9	90.6	9.4
Buddhism	15.5	0.08	81.9	18.1
Judaism	7.2	0.04	83.2	16.8
Atheism	432.1	2.25	78.2	21.8
Did not answer	2,112.7	11.01	79.0	21.0

Source: compiled by the authors of this study based on Results of the 2021 National Census (2021).

Religion played a significant role in ethno-cultural change, as Islam, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, and other faiths coexisted in Kazakhstan's urban space. The languages of worship and religious education contributed to linguistic transformation by introducing elements from Arabic, Church Slavonic, and other liturgical traditions into everyday speech through borrowing and calquing.

Ethno-cultural change transformed Kazakhstan's cities into linguistically heterogeneous spaces where Kazakh, Russian, and English speech norms increasingly intersect and hybridise (Yang, 2020). State language policy has sought to manage this diversity by strengthening Kazakh while preserving the functional roles of Russian and accommodating the expanding influence of English. In line with global trends, this has led to the consolidation of trilingualism as a resource rather than a constraint in urban linguistic life (Reeve, 2023).

The analysis showed that linguistic transformation in Kazakhstan is a multilevel process shaped by political, social, and cultural factors, in which urbanisation has intensified bilingualism and trilingualism without eliminating functional language differentiation. While policies strengthened the status of Kazakh, Russian remains essential in education, science, and business, and English serves as the main language of international communication and professional advancement.

The impact of globalisation processes on the spread of Anglicisms in the urban context of Kazakhstan was confirmed in a series of studies, among which it is worth highlighting

the study by S. A. Manan and A. Hajar (2022), who addressed the linguistic landscape of Nur-Sultan. Their analysis focused on the role of English as an index of neoliberal globalisation, reflecting how precisely the urban space of the capital city became an arena for the introduction of English-language elements into everyday speech.

Urbanisation-driven language change in Kazakhstan cannot be separated from broader post-Soviet transformations in Central Asia. While Bodio and Wierzbicki (2020) highlighted the link between urbanisation, political restructuring, and cultural identity, the present study extends their findings by showing that urbanisation also functions as a platform for multilingual communication shaped by state policy and globalisation.

The practice of teaching in English in Kazakhstan's higher education system influenced linguistic transformation in urban centres. Analysing current English language teaching practices in higher education institutions in Kazakhstan, Turkmenistan, Bangladesh, and Nepal, A. Linn et al. (2021) emphasised that the introduction of English as the language of instruction contributed to the expansion of international educational standards and strengthened the role of English in professional training. Linguistic changes are also taking place in the business community of Kazakhstan (Aimoldina & Zharkynbekova, 2022; 2014).

The expansion of digital literacies has played an important role in the linguistic transformation of urban Kazakhstan. Williams (2020) showed that the introduction of digital technologies in education reshaped communi-

cative practices, influencing how language is used and transmitted. Extending this perspective, the present study demonstrates that digital platforms across broader social contexts intensify borrowing and code-switching between Kazakh, Russian, and English.

Özkan (2020) examined the transformation of Kazakh identity through the historical tension between nomadic and sedentary lifestyles. In contrast, the present study addresses contemporary linguistic change driven by urbanisation, employing sociolinguistic methods rather than a historical-ethnographic approach. Despite a shared thematic focus on identity transformation, the two studies differ in methodology and analytical scope.

Conclusions

This study offers a novel, holistic model of linguistic transformation in Kazakhstan by examining trilingual interaction through the combined lenses of urbanisation and ethnocultural change. By systematically integrating social, economic, cultural, and technological factors, it advances existing research and clarifies how state support for Kazakh coexists with the continued functional use of Russian and English in urban education, business, and digital communication.

The results related to historical-comparative analysis showed that the periods of Soviet, post-Soviet, and modern development of Kazakhstan formed different “layers”

of linguistic behaviour, where the role of the Kazakh language gradually increased, but at the same time the Russian-language heritage was preserved and the potential of English was strengthened. Sociolinguistic analysis, considering demographic shifts and educational reforms, confirmed that urbanisation was the driving force behind the growth of multilingualism, and found that youth subcultures and the digital environment were the most productive sites for the development of hybrid forms of speech. Finally, the modelling of trilingual communication showed that this model did not stay static, but adapted to the conditions of educational, business, and domestic spheres, assuming a variable distribution of linguistic roles. This suggested a natural expansion of opportunities for individual language choice depending on current needs and social context.

Despite its scope, the study was limited to Kazakh, Russian, and English, leaving other urban ethno-linguistic groups outside the analysis, and did not examine age or gender variation in language use. Further research could address institutional language support in science and technology, urban–rural interaction, and the role of digital platforms in shaping new linguistic norms across generations. Comparative studies of trilingualism in other multinational states would also help to identify broader patterns and context-specific features of language policy.

References

- Aimoldina A., Zharkynbekova S. Incorporating authentic models into business letter writing within the ESP course at kazakhstani universities. In: *Hacettepe Educational Journal*. 2014, 29(2), 16–33.
- Akzhigitova A., Zharkynbekova S. Language planning in Kazakhstan: The case of ergonyms as another scene of linguistic landscape of Astana. In: *Language Problems and Language Planning*, 2014. 38(1), 42–57. DOI: 10.1075/LPLP.38.1.03AKZ
- Altayevna M.D., Mirici I.H. Application of the linguo coaching in teaching English as a foreign language: Case of Kazakhstan. In: *Pegem Journal of Education and Instruction*, 2024. 14(4), 445–456. DOI: 10.47750/pegegog.14.04.43
- Bedeker M., Ospanbek A., Simons M., Yessenbekova A., Zhalgaspayev M. “I can easily switch to the Kazakh language, also to the Russian language”: Reimagining Kazakhstani CLIL implementation as a third space. In: *Language, Culture and Curriculum*, 2023. 37(2), 121–138. DOI: 10.1080/07908318.2023.2245832
- Bodio T., Wierzbicki A. Research on systemic transformation in the countries of Central Asia. In: *Polish Political Science Yearbook*, 2020. 49(3), 111–133. DOI: 10.15804/ppsy2020307

Brown M. T. “Kazakh means freedom” – Kazakh language policy and national identity before and during the Ukraine war. Columbia: University of South Carolina. 2024. Available at: https://scholarcommons.sc.edu/senior_theses/684/ (accessed 10 December 2025)

Fazylzhanova A. Sotsiolingvisticheskie osnovy modernizatsii kazakhskogo pis'ma (yazykovaya situatsiya i upravlenie riskami) [*Sociolinguistic foundations of the modernization of Kazakh writing (linguistic situation and risk management)*]. Almaty: “El-shezhre”. 2020. Available at: <https://kazneb.kz/en/bookView/view?brId=1668813&simple=true> (accessed 10 December 2025)

Fond granta. Fond razvitiya gosudarstvennogo yazyka (Fund grants. 2025. State Language Development Fund). 2025. Available at: https://www.qazaq-found.kz/rus/?page_id=72m. (accessed 10 December 2025)

Gaur P. Human development in post-Soviet Kazakhstan. In: *Central Eurasian Journal*. 2018. Available at: https://www.academia.edu/44292687/HUMAN_DEVELOPMENT_IN_POST_SOVIET_KAZAKHSTAN (accessed 10 December 2025)

Gnerre O. M. The role of ethnocultural traditions in the new Central Asian politics. In: U. A. Khasanov (Ed.), *Modern Central Asia: Regional Connectivity and Capacity Building*. 2022. 105–119. Tashkent: Publishing House “Fan Ziyosi”. Available at: https://api.uwed.uz/uploads/academic_publications/bHI7HRAdm5aDbxwEEiiVgkm63alXBxoeT9X7cJsQ.pdf#page=105 (accessed 10 December 2025).

Hajar A. Investing in English private tutoring to achieve an ideal multilingual self: Evidence from post-Soviet Kazakhstan. In: K.W.H. Yung, A. Hajar (Eds.), *International Perspectives on English Private Tutoring: Theories, Practices, and Policies*. 2023. 17–35. Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-031-26817-5_2

Issledovanie Internews: media potreblenie v Kazakhstane [Internews research: Media consumption in Kazakhstan]. Tribune. 2023. <https://tribune.kz/issledovanie-internews-mediapotreblenie-v-kazahstane> (accessed 10 December 2025).

Kurambayev B. News translation in a bilingual context: The case of news outlets in Kazakhstan. In: *Media Asia*, 2022. 49(3), 257–273. DOI: 10.1080/01296612.2022.2035150

Linn A., Shrestha P., Bezborodova A., Hultgren A. K. *Current practice in English-medium education in higher education: Case studies from Kazakhstan, Turkmenistan, Bangladesh and Nepal*. London: British Council. 2021. Available at: <https://oro.open.ac.uk/79649/> (accessed 10 December 2025).

Makarov A. In Kazakhstan, the share of the Kazakh language in state media has grown to 83 percent. 2023. Available at: <https://bizmedia.kz/2023-04-28-v-kazahstane-dolya-kazahskogo-yazyka-v-gosmedia-vyrosla-do-83-procentov> (accessed 10 December 2025).

Manan S. A., Hajar A. English as an index of neoliberal globalization: The linguistic landscape of Nur-Sultan, Kazakhstan. In: *Language Sciences*, 2022. 92(1), 101486. DOI: 10.1016/j.langsci.2022.101486

McCollum A. G., Chen S. Kazakh. In: *Journal of the International Phonetic Association*, 2021. 51(2), 276–298. DOI: 10.1017/S0025100319000185

Nabidullin A., Ordabaev C. Influence of English borrowings on the culture and speech of Kazakhstani youth. In: *BULLETIN Series of Philological Sciences*, 2021. 76(2), 29–37. DOI: 10.51889/2021-2.1728-7804.04

Natsional'nyi sostav, veroispovedanie i vladenie iazykami v Respublike Kazakhstan [Ethnic composition, religion and language proficiency in the Republic of Kazakhstan]. 2023. Astana: Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. Available at: <https://stat.gov.kz/upload/iblock/107/5zkn34tqn5atonvbhoob28p7ebnrbc19/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2,%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%20%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%9A.pdf> (accessed 10 December 2025)

Özkan A. *The effect of the nomadic/settled contradiction on the transformation of the Kazakh identity: A reinterpretation*. Ankara: Middle East Technical University. 2020. <https://www.proquest.com/openv>

iew/22bcd894d04d33ecb7e78df6e4d2b0ed/1?pq-origsite=gscholar&cbl=2026366&diss=y (accessed 10 December 2025).

Reeve B. A. *The fate of the language is the fate of the people: A cultural analysis of language education policy in Central Asia*. Columbia: University of South Carolina. 2023. https://scholarcommons.sc.edu/senior_theses/592

Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 1045 “On Approval of the State Program for the Implementation of Language Policy in the Republic of Kazakhstan for 2020–2025”. 2019. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001045> (accessed 10 December 2025).

Results of the 2021 national census. 2021. <https://stat.gov.kz/national/2021/> (accessed 10 December 2025).

Roman A. Identity-building in Kazakhstan. In: *Studia Universitatis Babes-Bolyai-Studia Europaea*, 2020. 65(2), 327–358. DOI: 10.24193/subbeuropaea.2020.2.15

Sartor V. How perceptions of the English language have changed in Kazakhstan: A narrative analysis. In: *Central Asian Affairs*, 2021. 8, 27–57. DOI: 10.30965/22142290-bja10016

Serikbayeva A. Sotsiolingvistikheskiye osobennosti gosudarstvennogo yazyka v usloviyakh tsifrovizatsii Kazakhstana. [Socio-linguistic features of the state language in the digitization of Kazakhstan]. In: *Tiltanym*, 2023. 91(3), 184–191. DOI:10.30965/22142290-bja10016

Serikzhanova S. Internal migrants in the perception of the host population of Kazakhstani cities. In: *Journal of Psychology and Sociology*, 2024. 91(4), 104–109. DOI: 10.26577/JPoS.2024.v91.i4.9

Smailova A. A. Itogi natsional'noy perepisi naseleniya Respubliki Kazakhstan 2009 goda: Analiticheskiy otchet. (*Analytical report: “Results of the national population census of the Republic of Kazakhstan 2009”*). Astana: Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics. 2011. <https://stat.gov.kz/upload/medialibrary/8aa/ie53cqn49nwrdekbf3i2c23tlykmp0v/1-%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82.%20%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8%20%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%202009%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf>

Ten A. On language gifts: Public discourses on Kazakh and Russian in Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 2024. 43(3), 346–365.

Terlikbayeva N., Menlibekova G. The dynamics of language shift in Kazakhstan: Review article. *Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*, 2021. 3(2), 12–22. DOI:10.32996/jeltal.2021.3.2.2

Ualtayeva A. S., Margulan A. S., Apendiyev T. A., Berkinbayev O. U., Sain E. D. Urbanization and the emergence of small towns: Rural urban transformations and the formation of urban vernacular settlements in East Kazakhstan. In: *Journal of the International Society for the Study of Vernacular Settlements*, 2024. 11(6), 104–118. DOI: 10.61275/ISVSej-2024-11-06-06

Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan No. 110 “O Gosudarstvennoi programme razvitiia i funktsionirovaniia iazykov v Respublike Kazakhstan na 2011–2020 gody” [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 110 “On the State Program for the Development and Functioning of Languages in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020”]. 2011. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000110> (accessed 10 December 2025)

Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan No. 550 “O Gosudarstvennoi programme funktsionirovaniia i razvitiia iazykov v Respublike Kazakhstan na 2001–2010 gody” [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan No. 550 “On the State Program for the Functioning and Development of Languages for 2001–2010”]. 2001. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U010000550_ (accessed 10 December 2025)

Upadhyay A. *Transitions in post-Soviet Eurasia: Identity, polity and strategic choices*. London: Routledge India. 2021. 288.

- Weinreich U. *Languages in contact: Findings and problems*. Berlin, New York: Walter de Gruyter. 2010.
- White, K.D. Visualizing the languages of nature, society, power, and politics in contemporary Kazakhstan. In: S. Brunn, R. Kehrein (Eds.), *Handbook of the Changing World Language Map*. Cham: Springer. 2020. 3209–3222.
- Williams K. M. Point, read, think, click: Expanding new literacies in Kazakhstan and Mongolia. In: *International Journal of Education and Development using Information and Communication Technology*, 2020. 16(3), 16–34. https://www.researchgate.net/publication/353463331_Point_Read_Think_Click_Expanding_New_Literacies_in_Kazakhstan_and_Mongolia (accessed 15 December 2025).
- Wirth L. *The Ghetto*. New York: Routledge. 2023. DOI: 10.4324/9781003423485
- Yang L. The evolution of state-religion relations in Kazakhstan. In: *Bulletin of Karaganda University Series History. Philosophy*, 2020. 99(3), 84–94. DOI: 10.31489/2020hph3/84–94
- Yedgina G., Dzhumabekov D., Zuyeva L., Dosova B., Kozina V. Language policy in Kazakhstan in the context of world practice. In: *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*, 2023. 17(1), 76–96. DOI: 10.2478/jnmlp-2023–0004
- Yeleussiz A., Qanay G. Media literacy in Kazakhstan: Educators’ perspectives and policy implementation. In: *Journal of Curriculum Studies Research*, 2025. 7(1), 1–25. DOI: 10.46303/jcsr.2025.1
- Yeshpanova D., Smailova U. Perception of the language situation in the context of cultural integration by Kazakhstanians. In: *Al-Farabi*, 2023. 80(4), 75–88. DOI: 10.2478/jnmlp-2023–0004
- Zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 iulija 1997 goda No. 151-I “O iazykakh v Respublike Kazakhstan”* [Law of the Republic of Kazakhstan No. 151-I “On Languages in the Republic of Kazakhstan”]. 1997. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034&ut (accessed 10 December 2025).
- Zhalelova G., Imanzhusip R., Kalenova T. Kazakhstan model of interethnic relations: Cultural aspect. In: *Migration Letters*, 2022. 19(5), 581–592. DOI: 10.59670/ml.v19i5.2374
- Zhang Z., Tsakhirmaa S. Ethnonationalism and the changing pattern of ethnic Kazakhs’ emigration from China to Kazakhstan. In: *China Information*, 2022. 36(3), 318–343. DOI: 10.1177/0920203X221092686
- Zharkynbekova S., Aimoldina A. The Impact of Socio-cultural Context on Composing Business Letters in Modern Kazakhstanian Business Community: A cross-cultural Study. In: *Journal of Intercultural Communication Research*, 2023, 52(1), pp. 56–78. DOI: 10.1080/17475759.2022.2124304

EDN: QPLLVY
УДК 811.351.12

Ethnolinguistic Characteristics of Male Personal Names in the Shangodin Subdialect of the Avar Language

Zulaikhat M. Mallaeva*

*Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russian Federation, The Republic of Dagestan*

Received 07.09.2025, received in revised form 10.01.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. The article presents a linguocultural analysis of anthroponyms from the Shangodin subdialect, the least numerous within the Andalal dialect of the Avar language. The research addresses a gap in Dagestan studies, which have given insufficient attention to anthroponyms of specific patois, dialects, or subdialects.

The article investigates the reasons behind the changes in the composition of the subdialect's anthroponymicon. It presents an analysis of the ethnocultural processes and trends that have shaped its formation. Furthermore, the study describes the linguocultural components that have entered the subdialect's anthroponymicon from other cultures, namely Arabic, Persian, and Turkic. Over ninety percent of the borrowed male names in the subdialect are of Arabic origin, linked to the spread of Islam in Dagestan. A characteristic feature of native male personal names in the subdialects of the Andalal dialect is that each subdialect possesses a unique set of names. These names are so distinct from those of other subdialects that a person's personal name can serve as an identifier of their specific subdialect.

Keywords: anthroponymicon, personal names, Shangodin subdialect, ethnocultural characteristics.

Research area: Sociolinguistics, Russian language. Languages of the Peoples of Russia; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Citation: Mallaeva Z. M. Ethnolinguistic Characteristics of Male Personal Names in the Shangodin Subdialect of the Avar Language. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 527–535. EDN: QPLLVY

Этнолингвистическая характеристика мужских личных имен шангодинского говора аварского языка

З.М. Маллаева

*Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
Российская Федерация, Республика Дагестан, Махачкала*

Аннотация. Статья содержит лингвокультурологический анализ антропонимов самого малочисленного говора андалальского диалекта аварского языка. Необходимость исследования обусловлена тем, что в дагестановедении недостаточно изучены антропонимы конкретного наречия, диалекта, говора.

В статье исследуются причины, обусловившие изменение состава антропонимикона говора. Представлен анализ этнокультурных процессов и тенденций, повлиявших на формирование антропонимикона говора. Дается описание лингвокультурных компонентов, проникших в антропонимикон говора из других культур: арабской, персидской, тюркской. Более девяноста процентов заимствованных мужских имен говора имеют арабское происхождение и связаны с распространением в Дагестане религии ислам. В качестве характерной особенности исконных мужских личных имен в говорах андалальского диалекта выделяется наличие у каждого говора особого набора имен, отличного от имен остальных говоров настолько, что по личному имени человека можно определить его говор.

Ключевые слова: антропонимикон, личные имена, шангодинский говор, этнокультурные характеристики.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Маллаева З. М. Этнолингвистическая характеристика мужских личных имен шангодинского говора аварского языка. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 527–535. EDN QPLLVY

Введение в проблему исследования

Формирование антропонимической системы напрямую зависит от военно-политических событий в истории этноса, взаимодействия культур, этнокультурных традиций и столкновения идеологий.

Актуальность исследования обусловлена реальной угрозой исчезновения данного говора. Объектом исследования являются мужские личные имена шангодинского го-

вора. Предмет исследования – этнокультурные характеристики мужских антропонимов. Цель статьи заключается в исследовании антропонимикона шангодинского говора в лингвокультурном контексте. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в истории изучения дагестанских языков исследуются личные имена шангодинского говора. Поэтому ономасты Дагестана основное внимание уделяют вопросам происхождения и истории дагестанских

личных имен и взаимовлияния дагестанских языков, прежде всего это труды патриарха кавказской ономастики И. Х. Абдуллаева (Abdullaev, 1970; 1991). На материале аваро-андо-цезских языков вопросы формирования и структурно-семантической организации антропонимов исследуются в трудах П. А. Саидовой (Saidova, 1976), М. Ш. Халилова (Halilov, 1991), Б. М. Атаева и З. А. Шамхаловой, (Атаев, Shamhalova, 2020). Агульские антропонимы в этнолингвистическом аспекте рассматривает С. Н. Гасанова (Gasanova, 2025). Изданы словари лезгинских личных имен (Abdulmutalibov, 2004) и даргинских личных имен (Bagomedov, 2006). В Дагестанском государственном университете создана научно-исследовательская лаборатория «Дагестанская ономастика» под руководством профессора кафедры дагестанских языков М. Р. Багомедова. Нельзя сказать, что антропонимике Дагестана не уделяется внимания, но, учитывая полиэтничность и многоязычие республики, можно утверждать, что предстоит огромная работа по исследованию различных аспектов антропонимикона дагестанских языков, особенно исчезающих говоров и диалектов.

Концептологические основания исследования

Взаимодействие языков – это перманентный процесс, поддерживаемый потребностями и интересами этносов – носителей языков. Одну из причин того, что значительная доля собственных имен любого языка – это заимствования, так или иначе, им адаптированные, А. В. Суперанская видит в том, что собственные имена легче и чаще, чем нарицательные, переходят из одного языка в другой (Superanskaja, 1990). Антропонимическая лексика, в отличие от апеллятивной, наиболее отчетливо отражает национально-культурное мировосприятие, межэтнические и межкультурные связи этноса. Исследуя философию имени, А. Ф. Лосев особое внимание уделяет вопросу значимости имени для разумного бытия: «В слове и в особенности в имени – все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; и не может

быть никакой психологии мысли, равно как и логики, феноменологии и онтологии, вне анализа слова и имени. В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия» (Losev, 1990: 33). А. Ф. Лосев употребляет лексемы «имя» и «слово» в одном понятийном контексте, при этом он подчеркивает, что они не являются синонимами: «...Не каждое слово – имя. Но собственное имя потенциально уже налично в слове и в развитой форме есть не больше как сгущенное в смысловом отношении слово» (Losev, 1990: 126–127).

Постановка проблемы

Антропонимическая система шангодинского говора отражает этногенез и исторические связи дагестанских этносов. Исконные имена шангодинцев почти исчезли из обихода, сохранилась лишь малая часть. Преобладающее большинство личных имен в исследуемом говоре, как и в целом в аварском языке, да и во всех дагестанских языках – это заимствованные имена из других культур, которые подверглись фонетической и морфологической адаптации и не воспринимаются ныне дагестанцами как заимствования.

Проблема заключается в том, что источник формирования антропонимикона общий для всех диалектов и говоров аварского языка, но при этом каждый говор андалальского диалекта по-своему адаптирует заимствованные имена. Так, самое популярное заимствованное из арабского языка мужское имя مخلامد (*Muxlamad*) «Магомед» представлено следующими вариантами в говорах андалальского диалекта: *Muxlama* «Мухама», *Maxlama* «Махама», *Maxlamad* «Махамад», *Maxlakl* «Махак», *Maxlach* «Махач».

Исконные мужские имена каждого говора андалальского диалекта различаются настолько, что по личному имени человека можно определить его говор. Шангодинский говор – самый малочисленный и пока не исследованный.

Методология

Методологическую базу статьи составили научно-теоретические положения,

разработанные в трудах А. В. Суперанской (Superanskaja, 1990; 2007), В. А. Никонова (Nikonov, 1969; 1970), А. Ф. Лосева (Losev, 1990), А. Вежбицкой (Vezhbickaja, 1996) и др. Для исследования собранного нами фактического материала, для его классификации и интерпретации применялся описательный метод, методы идентификации и дифференциации. При описании заимствованных онимов метод синхронного анализа сочетался с элементами диахронного анализа, применялись также элементы структурно-семантического метода.

Обсуждение

Личные имена носителей шангодинского говора аварского языка содержат этнокультурный компонент, который отражает исторические и культурные связи, этнический менталитет и специфику мировосприятия носителей говора. На антропонимы шангодинского говора наложили отпечаток влияния различных культур, прежде всего арабской, персидской и тюркской. Этническое многообразие, необычайное богатство культурного и языкового наследия Дагестана обусловлены географическим положением данного горного края – на стыке двух крупнейших историко-культурных зон Юго-Восточной Европы и Передней Азии. Благодаря такой локации Дагестан издавна служил ареной передвижения различных этнических групп, каждая из которых в той или иной мере оставляла следы в местном антропонимиконе. Такое географическое положение можно рассматривать также в качестве одной из причин полиэтничности, мультикультурности и многоязычия Дагестана. «В Дагестане, известном как «страна гор и гора языков», представлено более сорока автохтонных языков эргативного строя с более чем ста диалектами, носители которых подчас не понимают друг друга» (Mallaeva, Hanbalaeva, 2024: 1007).

Шангодинский говор входит в андалальский диалект аварского языка, который традиционно делится на два наречия: северное (включает три диалекта: хунзахский, салатавский и восточный) и южное (включает семь диалектов: андалальский,

анцухский, гидский, закатальский, карахский, кусурский и батлукский). Андалальский диалект представлен одиннадцатью говорами: гамсутлинским, кегерским, кудинским, обохским, ругжинским, салтинским, сугратлинским, чохским, хоточиндахским, бухтинским и шангодинским (самым малочисленным). По наблюдениям одного из первых исследователей аварских диалектов Ш. И. Микаилова в диалектах южного наречия «в отличие от северных, во множестве сохранились черты племенных диалектов, отражающие эпоху племенной дифференциации носителей языка. Одним из ярких свидетельств этого является совпадение границ распространения диалектов, за немногими исключениями, со следами границ бывшего племенного деления аварцев по территориям» (Mikailov, 1959: 4). Ценность диалектологических исследований значительно возрастает из-за реальной угрозы исчезновения говоров и диалектов.

Исконно аварские личные имена занимают в антропонимиконе шангодинского говора весьма незначительное место. Это следующие имена: *БатИулав*, *Маммалав*, *Хласалав*, *Зубай*, *Къулду*, *Мавра*, *НасухI*, *ПаттахI*, *ПатихI*. Эти онимы не поддаются этимологизации, хотя они изначально были мотивированными. В соседнем ругжинском говоре П. А. Саидова (Saidova, 1976: 218) выделяет следующие исконные имена: *Тухса*, *ЯкIум*, *Кунчак*, *Калас*, *Тирул*, *БитИулав*. В чохском говоре сохранилось больше исконных имен: *Сирки*, *Багъду*, *КъалантIар*, *Зал*, *Базих*, *Мамма*, *Маммалав*, *Къулду*, *Пантикъ*, *ГъалбацI*, *Жабалав*, *Буртти*, *Макълач*, *Сутту*, *Гичи*, *Пакъа*, *Мартак*, *Чанти*, *Сукъа*, *Кикав*, *Генкъав*. Из них этимологизации поддаются имена: *ГъалбацI* «лев», *Кикав* «маленький», *Генкъав* «глухой». В религиозно-философском учении об имени А. Ф. Лосев дает смысловую оценочную характеристику именам собственным: «Каждое имя не дается так просто. В начале своем оно, безусловно, что-то значило. Недаром мы не только собственные имена, но и нарицательные называем именами» (Losev, 1990: 23).

Традиционного взгляда на значение онима придерживается классик отечественной ономастики А.В. Суперанская: «Любое знаменательное слово имеет смысловую (понятийную) и назывную (номинативную) сторону. Первая заключается в его смысловом содержании и понятийной соотнесенности (план логический), вторая рассчитана на определенное воздействие слова и на его реакцию со стороны того, к кому оно обращено (план коммуникативный и эмоциональный). У имен нарицательных, как правило, преобладает логический аспект, у собственных – номинативный» (Superanskaja, 2007: 263–264).

Вызывает сомнение исконность для чохского говора имени *КъалантIар* «Каландар». По разным версиям данное имя имеет арабское («исполнитель желаний»), тюркское («паломник») и иранское («мудрец») происхождение. В чохском говоре – это, скорее всего, заимствование из армянского (*Каландарян* и *Калантарян*) или грузинского (*Каландаршвили*) языка. Имена *Маммалав* и *Къулду* совпадают в чохском и шангодинском говорах. Здесь наблюдается такая закономерность: чем больше количество носителей говора, тем больше исконных имен сохранилось.

Примечательно, что каждый говор андалальского диалекта располагает характерными только для него исконными именами. «Стоит человеку назвать свое имя или фамилию, и в большинстве случаев, можно определить, из какого он селения. Существуют не только характерные для того или иного села аппеллятивные имена, но и манера произношения, способы передачи одного и того же имени носителями определенного говора или диалекта» (Saidova, 1976: 216).

Основное место в современном антропонимиконе шангодинского говора занимают имена религиозного содержания, заимствованные из арабского или через арабский язык. Самое распространенное имя в говоре – это имя Пророка ﷺ – *Мухаммад* (محمد), которое в говоре имеет форму *МухIама* «Мухама» – официальная форма на русском языке – «Магомед». В говоре много также сложных имен, в которых

первым или вторым компонентом идет имя *МухIама*: *МухIама расул* «Магомед-расул», *МухIама хIажи* «Магомедхаджи», *ХIажимухIама* «Гаджимагомед», *МухIама шарип* «Магомедшарип», *МухIама гIали* «Магомедгали», *ГIалимухIама* «Алимагомед», *ГъазимухIама* «Газимагомед». Имя *МухIама* «Магомед» настолько популярно в говоре, что почти в каждой семье есть носители данного имени. Поэтому для уточнения имя Магомед употребляют в сочетании с именем отца или тухума, например: *АхIмал МухIама* «Магомед (сын) Ахмы», *ГIабдулIалмухIама* «Магомед (тухум) Абдулла», *ГIабдуруIил МухIама* «Магомед (сын) Абдурауфа», *ГIалидибирил МухIама* «Магомед (сын) Алидибира», *ГIалистанил МухIама* «Магомед (сын) Алистана», *ГIисал МухIама* «Магомед (сын) Исы», *ГIумарил МухIама* «Магомед (сын) Омара», *Гъарумил МухIама* «Магомед (сын) Гаруна», *Дарбишил МухIама* «Магомед (тухум) Дарбиша», *ДибиргIалил МухIама* «Магомед (сын) Дибирали», *Дибирил МухIама* «Магомед (сын) Дибирала», *Ирбагъинил МухIама* «Магомед (сын) Ибрагима», *Сиражил МухIама* «Магомед (сын) Сиража».

Второе место по популярности в говоре занимают имена четырех праведных халифов (глав мусульман начального периода ислама): *Абакар* ركب وبأ «Абубакар», *ГIумар* رمع «Умар», *ГIусман* – نامثع «Усман» и *ГIали* ي ل اغ «Али».

На третьем месте находятся сложные антропонимы, заимствованные из арабского языка, в которых первый компонент представлен словом *дб* «раб» и второй компонент – одним из 99 имен Аллаха, описывающих прекрасные атрибуты и качества Всевышнего, например: *ГIабдурахIман* «Абдурахман» نم رحل ادب «раб Милостивого», *ГIабдулбари* «Абдулбари» د ب «раб Создателя», *ГIабдулгIазиз* «Абдулазиз» د ب ع ز ع ل «раб Всемогущего», *ГIабдур(а)закъ* «Абдуразакъ» د ب ع ز ل «раб Наделяющего пропитанием», *ГIабдурашид* «Абдурашид» د ب ع ز ل «раб Наставляющего на правильный путь», *ГIабдукарим* «Абдукарим» د ب ع ز ل «раб Щедрого», *ГIабдуруф* «Абдурауф» د ب ع ز ل «раб

Снисходительного», *Габдулварис* «Абдулварис» س راولا دب «раб Истинно наследующего», *Габдукъадир* «Абдукадир» دب «раб Всемогущего», *Габдуссамад* «Абдуссамад» دم صلا دب «раб Вечного», *Габдухаликъ* «Абдухалик» قل اخل ادب «раб Создателя (Творца)», *Габдурахим* «Абдурахим» دب مي رحلا «раб Милосердного», *Габдулхамид* «Абдулхамид» دب مي رحلا «раб Достохвального», *Габдулатип* «Абдулатиф» دب في ظل ادب «раб Доброго, Проницательного». Это самая многочисленная группа теофорных антропонимов говора, заимствованных из арабского языка. В бытовом общении часть этих онимов употребляется без первого компонента, например: *Рашид* вместо *Габдурашид* «Абдурашид», *Варис* вместо *Габдулварис* «Абдулварис», *Къадир* вместо *Габдукъадир* «Абдукадир», *Ссамад* вместо *Габдуссамад* «Абдуссамад», *Халикъ* вместо *Габдухаликъ* «Абдухалик», *Хамид* вместо *Габдулхамид* «Абдулхамид». Примечательно, что остальные имена из этой группы (*Габдурахман*, *Габдулбари*, *Габдулгизиз*, *Габдур(а)закъ* «Абдуразакъ», *Габдукарим* «Абдукарим», *Габдуруп* «Абдурауф», *Габдурахим* «Абдурахим» никогда не используются без первого компонента.

В говоре имеется также незначительное количество онимов, заимствованных из арабского языка, так или иначе связанных с религией ислам: *Хабibuллагъ* «Хабibuлла» ل الل بي بح «любимец Аллаха», *Муслим* «Муслим» م ل س م «мусульманин», *Хаджи* «Гаджи» ج اح «паломник», *Шамсутдин* «Шамсутдин» ش م ن ي دل «солнце религии», *Зайнутдин* «Зайнутдин» ن ي ز «украшение религии», *Нажмутдин* «Нажмутдин» ن ي دل «звезда веры», *Сиражутдин* «Сиражутдин» س ي دوزاري «сияние веры», *Жамалутдин* «Джамалутдин» ن ي دل لام «красота веры».

В антропонимике говора имеются также следующие имена ангелов, заимствованные из арабского языка: *Жарбаил* ل ي ر ب ج «Джибрил», *Микаил* ل ي الك ي م «Микаил», *Исрафил* ل ي ف ا ر س «Исрафил», *Ризван* ا ن ا و ض ر «Ридван».

Имена пророков: *Адам* «Адам», *Идрис* «Идрис», *Гъарум* «Гарун», *Гиса* «Иса», *Ирбагъин* «Ибрагим», *Исмагил* «Исмаил», *Исхлакъ* «Исаак», *Илас* «Ильяс», *Салих* «Салих», *Сулеман* «Сулейман», *Муса* «Муса», *Шуглаб* «Шуайб», *Юсуп* «Юсуп», *Яхия* «Яхья», *Юнус* «Юнус».

Популярны в говоре также имена родственников и сподвижников Пророка ﷺ: *Габдулла* «Абдулла» (отец), *Ханза* «Хамза» (дядя), *Хасан* «Хасан» и *Хусейн* «Хусейн» (внуки), *Халид* «Халид» (полководец), *Билал* «Билал» (первый муэдзин), *Шафиг* «Шафи» (основатель мазхаба), *Гъази* «Гази» (теолог).

Имеется также незначительное количество имен, заимствованных из арабского языка, не связанных с религией: *Султан* «Султан» «правитель», «sultan» (ن ا ط ل س) «власть», «правление», *Анвар* «Анвар», *Сагладу* «Сагладу», *Салим* «Салим», *Хамзат* «Гамзат», *Тагъир* «Тагир» «чистый», *Мурад* «Мурад» «желание, цель», *Хабиб* «Хабиб», *Шарип* «Шарип», *Саид* «Саид».

В антропонимике говора представлена циклическая модель темпоральной картины мира посредством имен из мусульманского лунного календаря, заимствованных из арабского языка: *Ражаб* «**Раджаб**» (ر ج ب) – название седьмого месяца лунного календаря; *Лабазан* «Рамадан» – (ن ا ض م ر) – название девятого месяца лунного календаря; *Шагман* «Шагман» – (ا ب ع ش ن) – название восьмого месяца лунного календаря. Изначально такими именами нарекали детей, родившихся в соответствующие месяцы. Затем стали давать эти имена также в честь родственников или известных людей с такими именами.

В научной литературе неоднократно отмечалось резкое увеличение в XIII веке в антропонимике народов Дагестана количества личных имен, заимствованных из арабского языка. Эти заимствования постепенно вытеснили исконные имена. «Это было обусловлено тем, что арабские слова, непонятные народу по содержанию, были весьма удобными для личных имен. Они, являясь нейтральными по смыслу, не вызывали никаких эмоций, что было очень важ-

но для личного имени» (Атаев, Shamhalova, 2020: 63).

Наличие заимствованных из арабского языка личных имен в дагестановедении традиционно связывают с распространением в Дагестане религии ислам. Бесспорно, религиозный фактор занимает ведущее место в данном процессе. Ислам является духовно-идеологической основой не только антропонимикона, но и науки и культуры того периода. Арабский язык получил в Дагестане широкое функционирование не только в сфере религии, но и в различных отраслях науки и образования. Благодаря знанию арабского языка дагестанцы не только читали научные трактаты, художественные произведения, но и сами создавали как научные труды, так и художественные произведения на арабском языке.

Арабский язык был также языком делопроизводства. На основе арабской графики была создана письменность (аджам), общая для всех дагестанских языков. «Аварская письменность прошла длительный и сложный путь становления и развития. Дошедшие до нас многочисленные памятники аварской письменности свидетельствуют о постепенном приспособлении арабской графической системы к фонетическим особенностям дагестанских языков. Самые ранние из них датируются XIII–XIV вв. Формирование аджамской системы письма способствовало появлению большого количества произведений различных жанров, написанных дагестанскими учеными или переведенных на национальные языки. Зарождение в конце XIX – начале XX в. в Дагестане книгопечатания ускорило процесс развития и распространения аджамской письменности и литературы» (Alibekova, 2020: 230).

Заимствований из тюркских языков в шангодинском говоре, по сравнению с другими говорами и диалектами аварского языка, очень мало. Это следующие имена: *Элдар* «Эльдар» (предводитель), (побеждающий), *Арслан* «Арслан» (лев), *Айдемир* «Айдемир» (*ай* «луна», *демир* «железо») *Султан* «Султан» (власть), хотя последнее имя может быть заимствовано и из араб-

ского языка, ср.: *Султан* «Султан» – *ن ا ط ل س* «власть», «правление».

В говоре имеется также несколько сложных онимов с тюркскими компонентами: *хан* (правитель, властелин) – *МухАмахан* «Магомедхан»; *бег* (господин) – *Искандирбег* «Искандербег», *Галибег* «Алибек». Скорее всего, эти сложные онимы были заимствованы из других дагестанских языков, где были ханы или другие правители, поскольку андалаль – это вольное общество, где правил совет старейшин.

В говоре имеется также незначительное количество личных имен, заимствованных из персидского языка (фарси), такие как: *Дарбиш* «Дарбиш» – «Дарвиш» (бедняк, нищий, аскет); *ЖахИнар* «Джахпар» – «Джахбар» (хранитель мира), *Рустам* «Рустам» (богатырь); *Мирза* «Мирза» (принц, сын правителя), *Дибир* «Дибир» (наставник, учитель). Впрочем, *Дибир* может быть также заимствованием из арабского языка;

В говоре имеется также один сложный оним с персидским компонентом: *мирза* (господин) – *Галимирза* «Алимирза».

Персидские имена проникли в аварский язык преимущественно через произведения классиков персидской литературы, переведенные на арабский язык. Так, *Рустам* – это имя героя персидского эпоса «Шахнамэ», написанного Абулькасимом Фироуси (XI век). Как отмечает Э.Я. Сафаралиева: «имя иранского сказочного богатыря *Рустам* распространилось среди дагестанцев через героический эпос» (Safaraliev, 1981: 66–67). Нельзя исключить еще один путь проникновения персидских имен в дагестанские языки, а именно через торговые связи.

Заключение

Мужские личные имена шангодинского говора андалальского диалекта аварского языка представлены преимущественно заимствованиями из арабского языка, проникшими в дагестанские языки вместе с принятием ислама. В говоре сохранилось лишь десяток личных имен исконно аварского происхождения. Из них пять онимов встречается также в соседних говорах: *Кьулду*, *Мавра*, *НасухI*, *ПатахI* и *Маммалав*.

Исконные личные имена репрезентируют этнические и языковые особенности и отражают этнокультурное мировосприятие.

Абсолютное большинство заимствованных из арабского языка личных имен носят религиозный характер. Лишь незначительная часть онимов арабского происхождения представлены светскими именами, не имеющими отношения к религии.

Общее количество личных имен, заимствованных из персидского и тюркских языков, составляет более десяти единиц. Заимствованные имена репрезентируют не столько языковые, сколько историко-культурные особенности.

Среди мужских личных имен, в отличие от женских, в говоре нет ни одного за-

имствования из русского или европейских языков.

Результаты исследования могут быть использованы при составлении словаря антропонимов аварского языка, материал статьи будет полезным при составлении словарей личных имён дагестанцев, при составлении спецкурсов и спецсеминаров по дагестанской ономастике.

Для перспектив дальнейшей разработки этнокультурного пространства языка в русле антропонимики, этнолингвистическую ценность представляет прежде всего создание словаря антропонимов всех аварских диалектов и говоров, а затем и сравнительные исследования всех дагестанских языков.

Список литературы / References

Abdullaev I. H. Nekotorye voprosy dagestanskoy antroponimii [Some questions of Dagestan anthroponymy]. In: *Lichnye imena v proshlom, nastojashhem i budushhem* [Personal names in the past, present and future]. M., 1970, 136–139.

Abdullaev I. H. O nekotoryh istochnikah popolnenija laksogo imennika [About some sources of replenishment of the Lak name list]. In: *Dagestanskaja onomastika* [Dagestan onomastics]. Mahachkala, 1991, 134–143.

Abdulmutalibov N. Sh. *Slovar' lezginских lichnyh imen* [Dictionary of Lezgin personal names]. Mahachkala, 2004, 199.

Alibekova P. M. Dagestanskije staropechatnye knigi na avarskom jazyke v otdel'e nacional'noj literatury v RNB (Sankt-Peterburg) [Dagestan early printed books in the Avar language in the department of national literature at the Russian National Library (St. Petersburg)]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies], 2020, 12(2), 230–248. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2020.20>

Ataev B. M., Shamhalova Z. A. Arabskij plast lichnyh imen v avarskom jazyke [The Arabic layer of personal names in the Avar language]. In: *Vestnik Dagestanskogo Nauchnogo Centra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center]. 2020, 77, 59–67.

Bagomedov M. R. *Slovar' darginskih lichnyh imen* [Dictionary of Dargin personal names]. Mahachkala, 2006. 170.

Vezhbickaja A. Lichnye imena i jekspressivnoe slovoobrazovanie [Personal names and expressive word formation]. In: *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. M., Russkie slovari, 1996, 89–200.

Gasanova S. N. Agul'skie antroponimy v jetnolingvisticheskom aspekte [Agul anthroponyms in ethnolinguistic aspect]. In: *Problemy obshhej i regional'noj onomastiki. Materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Problems of General and Regional Onomastics. Proceedings of the XIV International Scientific Conference]. Mahachkala, 2025, 53–55.

Dzhidalaev N. S. *Tjurkizmy v dagestanskih jazykah: opyt istoriko-jetimologicheskogo analiza* [Turkisms in Dagestan languages: an attempt at historical and etymological analysis]. M., Nauka, 1990, 248.

Losev A. F. *Filosofija imeni* [Philosophy of the name]. M., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1990, 269.

Mallaeva Z. M., Hanbalaeva S. N. Principy i modeli strukturirovanija prostranstva lokativnymi padezhami dagestanskih jazykov [Principles and Models of Space Structuring by Locative Cases of Dagestanian

Languages]. In: *Zhurn. Sib. feder. un-ta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 2024, 17(5), 1005–1018. EDN: RRLRKF

Mikhailov Sh. I. *Ocherki avarskoj dialektologii* [Essays on Avar Dialectology]. M.-Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1959, 511.

Nikonov V. A. Zadachi i metody antroponimiki [Tasks and methods of anthroponymy]. In: *Lichnye imena v proshlom, nastojashhem, budushhem. Problemy antroponimiki* [Personal names in the past, present, future. Problems of anthroponymy]. M., 1970, 33–56.

Nikonov V. A. Russkaja adaptacija inozazychnyh imen [Russian adaptation of foreign names]. In: *Onomastika* [Onomastics]. M., 1969, 54–78.

Saidova P. A. K voprosu ob antroponimii avarcev (po materialam andalal'skogo dialekta) [On the issue of anthroponymy of the Avars (based on the Andalal dialect)]. In: *Onomastika Kavkaza* [Onomastics of the Caucasus]. Mahachkala, 1976, 215–220.

Safaraliev Ja. Ja. Arabskaja antroponimija v antroponimicheskoj sisteme lezgin'skogo jazyka [Arabic anthroponymy in the anthroponymic system of the Lezgin language]. In: *Dagestanskaja onomastika* [Onomastics of the Dagestan]. Mahachkala, 1991, 150–152.

Starostin B. A. O strukture i istoricheskom razvitanii antroponimii arabskogo proishozhdenija [On the structure and historical development of anthroponymy of Arabic origin]. In: *Antroponimika* [Anthroponymy]. M., Nauka, 1970, 281–285.

Superanskaja A. V. *Obshhaja teorija imeni sobstvennogo*. 2-e izd., ispr. M., URSS, 2007, 368.

Superanskaja A. V. *Imja cherez veka i strany* [Name through centuries and countries]. M., Nauka, 1990, 190.

Hajdakov S. M. Dagestanskije lichnye imena iskonnoego proishozhdenija [Dagestani personal names of original origin]. In: *Onomastika Kavkaza: Mezhvuzovskij sbornik statej* [Onomastics of the Caucasus: Interuniversity collection of articles]. Ordzhonikidze, SOGU, 1980, 55–57.

Halilov M. Sh. K voprosu o zaimstvovannoj antroponimii cezov [On the issue of borrowed anthroponymy of the Tsez]. In: *Dagestanskaja onomastika* [Onomastics of the Dagestan]. Mahachkala, 1991, 129–130.

EDN: UDOEZY
УДК 811.111'373.42:398.91

Types of Punning in Anglo-American Anti-Proverbs About Money

Anna T. Litovkina*

*J. Selye University
Komárno, Slovak Republic*

Received 12.01.2026, received in revised form 5.02.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. For centuries, proverbs have provided a framework for endless transformation. In recent decades, the modification of proverbs has taken such proportions that sometimes we can even meet more proverb transformations than traditional proverbs. Wolfgang Mieder has invented a term *anti-proverb* (or in German *Antispruchwort*) for such deliberate proverb innovations. Although proverb transformations arise in a variety of forms, several types stand out (which are by no means mutually exclusive), e.g., adding new words to the original text, replacing a single word, substituting two or more words, changing the second part of the proverb, melding two proverbs, adding literal interpretations. The main focus of the study is on the discussion of various types of punning in Anglo-American anti-proverbs about money. The article analyses and exemplifies the most frequent types of puns (such as paronyms, homonyms and homophones). It also considers some other types of puns (such as repetitive puns, double and triple puns, puns playing upon personal names, story puns, and bilingual puns). Last but not least, the study examines the choice of a word for punning. The analysis puts main emphasis on the formal features of the anti-proverbs and not on the themes emerging in them. The Anglo-American anti-proverbs discussed in the study were taken primarily from American and British written sources.

Keywords: Anglo-American, anti-proverb, money, pun, homophone, homonym, patronym.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Languages of the Peoples of the Foreign Countries (English).

Citation: Litovkina A. T. Types of Punning in Anglo-American Anti-Proverbs About Money. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 536–546. EDN: UDOEZY

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: litovkinaa@ujs.sk

Типы каламбура в англо-американских антипословицах о деньгах

А.Т. Литовкина

Университет имени Яноша Шейе
Словацкая Республика, Комарно

Аннотация. На протяжении веков пословицы служили основой для бесконечной трансформации. В последние десятилетия модификация пословиц приняла такие масштабы, что иногда мы можем встретить даже больше пословичных трансформ, чем традиционных пословиц. Вольфганг Мидер предложил термин «антипословица» (по-английски: *anti-proverb*, по-немецки: *Antispruchwort*) для обозначения таких намеренных пословичных инноваций.

Хотя трансформации пословиц происходят в самых различных формах, выделяются несколько типов (отнюдь не взаимоисключающих), например, добавление новых слов к оригинальному тексту, замена одного слова, замена двух или более слов, изменение второй части пословицы, контаминация двух пословиц, добавление буквальных толкований. Основное внимание в статье уделено рассмотрению различных типов каламбура в англо-американских антипословицах о деньгах. В статье рассматриваются и демонстрируются наиболее частотные типы каламбуров (паронимов, омонимов и омофонов). Также анализируются некоторые другие типы каламбуров (например, повторяющиеся каламбуры, двойные и тройные каламбуры, каламбуры, обыгрывающие личные имена, сюжетные каламбуры и двуязычные каламбуры). И последнее, но не менее важное – в статье рассматривается выбор слов для каламбура. Основной акцент в анализе делается на формальных особенностях антипословиц, а не на темах, затронутых в них. Источниками англо-американских антипословиц, рассматриваемых в настоящей статье, являются преимущественно американские и британские письменные источники.

Ключевые слова: англо-американский, антипословица, деньги, каламбур, омофон, омоним, пароним.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский).

Цитирование: Литовкина А. Т. Типы каламбура в англо-американских антипословицах о деньгах. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 536–546. EDN: UDOEZY

Introduction

My discussion is organized in two parts. In the theoretical part of the study I briefly treat the background of anti-proverb and pun research and terminology. The main part of this study is devoted to the discussion of various types of puns in Anglo-American anti-proverbs about money

Theoretical Framework

*Anti-proverbs*¹

For centuries, proverbs have provided a framework for endless transformation. In recent decades, the modification of proverbs has taken

¹ Some parts of this study (including the texts of anti-proverbs) have appeared in T. Litovkina, 2005, or have been published in T. Litovkina, 2006a, 2006b, 2009a, 2009b, 2015, 2024; Mieder and Tóthné Litovkina, 1999; T. Litovkina and Mieder, 2006; T. Litovkina et al., 2021.

such proportions that sometimes we can even meet more proverb transformations than traditional proverbs. Wolfgang Mieder has invented a term *anti-proverb* (or in German *Antispruchwort*) for such deliberate proverb innovations, also known as alterations, parodies, transformations, variations, wisecracks, mutations, or fractured proverbs. This term has been widely accepted by proverb scholars all over the world as a general label for such innovative alterations and reactions to traditional proverbs: *антисловица* (Russian), *anti-proverb* (English), *anti(-)proverbe* (French) (see the general discussion of the genre of anti-proverbs in T. Litovkina, 2005; T. Litovkina and Mieder, 2006: 1–54; T. Litovkina et al., 2021; Hrisztova et al., 2023).

Although proverb transformations arise in a variety of forms, several types stand out. There are a number of mechanisms of proverb variation and humor devices (which are by no means mutually exclusive), e.g., adding new words to the original text, replacing a single word, substituting two or more words, changing the second part of the proverb, melding two proverbs, adding literal interpretations, word order reversal, and reversal of sounds, etc. Anti-proverbs may contain revealing social comments, but they may also be based on mere wordplay or puns, and they may very often be generated solely for the goal of deriving play forms.

Puns

A pun is defined by Hempelmann (2014: 612) as “a type of joke in which one sound sequence (e.g., a word) has two meanings, and this similarity in sound creates a relationship for the two meanings from which humor is derived. Puns are one of the most prominent types of humorous text [...]” The unforeseen linking of different words, meanings or ideas creates the comic surprise characteristic of puns. Puns may give us much enjoyment and pleasure, probably as a result of what Sigmund Freud called “an economy of expenditure” (1960: 25) when we use one word which has two separate meanings, or when we slightly modify it.

Salvatore Attardo, along with many other humor researchers, distinguishes four subcategories of puns – paronyms, homonyms, ho-

mographs, and homophones (Attardo, 1994: 110–111)²:

Two words are paronyms when their phonemic representations are similar but not identical. Two words are homonyms when their phonemic or graphemic representation is identical, and two words are homographs when their graphemic representation is identical (i.e., they are spelled the same). Two words are homophones when their phonemic representation is identical (i.e., they are pronounced the same). Homographs and homophones are subclasses of homonyms.

Charles F. Hockett (1972: 157) talks about two categories of puns – “perfect” (identical in sound) and “imperfect” (non identical). Thus, according to his definition, homonyms and homophones could be called perfect puns, and paronyms and homographs – imperfect puns.

Among various types of puns, Heller differentiates (Heller, 1974: 271) the following two – “disambiguational” (in which “although both potential meanings ... are seen, one of them is rejected by virtue of the context”) and “nondisambiguational” (in which “two or more correlations can be perceived”).

According to Evan Esar, “the variety of puns must be infinite” (1952: 77). He lists some puns according to category (e.g., repetitive, blending, divisive, additive, linking, etc.). In addition, certain puns involve not simply single words but groups of words or even sentences.

The Focus of this Study

The focus of the present study is on the analysis of various types of puns Anglo-American anti-proverbs (or proverb transformations) about money. Although proverb transformations in which punning occurs arise in a variety of forms, several types stand out.

Methodology

All’s fair for anti-proverbs – there is hardly a topic that anti-proverbs do not address.

² In this study, contrarily to Attardo’s definition, I interpret homonyms more restrictively, that is, being simultaneously homographs and homophones.

Among the most frequent themes discussed in proverb alterations are women, sexuality, professions and occupations, marriage and love, children, etc. Without any doubt, money is a frequent theme in Anglo-American anti-proverbs³.

The study makes an attempt to analyze various types of punning in 263 transformations of 13 Anglo-American proverbs about money (see the list of them in T. Litovkina 2025a: 85–86). The Anglo-American anti-proverbs discussed and analyzed in the present study were taken primarily from American and British written sources. The texts of anti-proverbs were drawn from hundreds of books and articles on puns, one-liners, toasts, wisecracks, quotations, aphorisms, maxims, quips, epigrams, and graffiti the vast majority of which have been published in two dictionaries of anti-proverbs compiled by Wolfgang Mieder and Anna T. Litovkina: “Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs” (Mieder and Tóthné Litovkina, 1999) and “Old Proverbs Never Die, They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs” (T. Litovkina and Mieder, 2006).

I have to point out here that I will put main emphasis on the formal features of the alterations.

Discussion

At first I will focus on the most frequent types of punning in Anglo-American anti-proverbs about money⁴: paronyms (Section 1). Afterwards I will treat homonyms (Section 2) and homophones (Section 3). Then (Section 4) I will also consider some other types of puns such as repetitive puns, double and triple puns, puns playing upon personal names, story puns, and bilingual puns. Last but not least, at the very end of this section

³ For addition in Anglo-American anti-proverbs about money, see T. Litovkina, 2025c, 2025d; for substitution in Anglo-American anti-proverbs about money, see T. Litovkina, 2025b; for the analysis of various humor devices used in Anglo-American anti-proverbs about money such as repetition of identical or phonetically similar words, literalization, word order reversal, mixing of two proverbs, word class change, syllogisms, see T. Litovkina, 2025a.

⁴ Two other studies of the author explore additional aspects of punning in Anglo-American anti-proverbs about money (see T. Litovkina 2025e, 2025f).

I will address the choice of a word for punning.

It has to be pointed out here that in numerous anti-proverbs punning is combined with some other techniques of proverb alteration such as word repetition, word addition, spoonerism, change of word class etc. While certain types of puns occur pervasively in anti-proverbs about money, others appear in only a few. For this reason, our discussion might sometimes seem uneven and the treatment of certain categories might seem to be either narrower or broader. It must also be mentioned here that in a number of our anti-proverbs several types of puns are employed simultaneously. Such examples could be discussed in various sections of the present study, under various headings. As a rule, anti-proverbs that embrace more than one type of pun will be quoted and discussed only once, except in cases in which only a few anti-proverbs have been identified to illustrate a specific category.

1. Paronomastic puns

Paronomastic puns – i.e., puns involving two similar but not identical strings of sounds and graphemes – constitute by far the largest class of puns analyzed here. Puns of this nature might be called “imperfect” puns (non-identical in sound, i.e., based on paronymy, see Hockett 1972: 157).

The authors of anti-proverbs often try to find a word phonologically similar to one in the original proverb. A parody may twist the content of its source by a very slight distortion of its form. Of particular interest are proverb transformations in which two ideas are conjoined through the substitution (the most frequent), addition or omission of a single phoneme (most frequently consonants)⁵. The most frequent position is at the beginning of the word:

Dime is money. (Margo, 1982) {Time is money}⁶

With corrupt officials, money is the loot of all evil. (Esar, 1968: 96) {Money is the root of all evil}

⁵ It might be connected with the number of vowels and consonants.

⁶ For the reader’s convenience all anti-proverbs in this chapter are followed by their original forms, given in {} brackets.

One phoneme is substituted by two in the following proverb transformation:

Money doesn't grow on sprees. (Safian, 1967: 44, 57) {Money doesn't grow on trees}

The selection of words substituting the word "parted" in the transformation of the proverb *A fool and his money are soon parted* is motivated by phonological convergences:

A fool and his money are soon parted. (Safian, 1967: 28)

A fool and his money are soon partying. (Esar, 1968: 580)

A fool and his money are soon potted. (Safian, 1967: 28)

A fool and his money are soon spotted. (Anonymous, 1908: 56)

While the word "parted" in the four examples above is substituted by the words belonging to the same word class, in our anti-proverb below it is substituted by a paronomastic noun:

Marks' Law of Monetary Equalization:

A fool and your money are soon partners. (Bloch, 1990: 144)

Similar situation is demonstrated in case of the following two mutations of the proverb *Money is the root of all evil*. Sometimes, entirely new word compositions can be observed in the anti-proverbs, as seen in the first anti-proverb below:

Matri-money is the root of all evil. (Anonymous, 1908: 26)

Matrimony is the root of all evil. (Edmund and Workman Williams, 1921: 275)

While in the two proverb alterations above the substitution of the first word takes place (most frequent type of word change in our anti-proverbs, according to T. Litovkina, 2005; T. Litovkina et al., 2021), in the next proverb innovation, as well as in the five transformations of the proverb *A fool and his money are soon parted* above it is the last word (the second most frequent type of word change, according to T. Litovkina et al., 2021) that is substituted:

Money is the root of all idyls. (Safian, 1967: 45)

In our last alteration of this proverb, as well as in the example below, similarly to

the previous examples playing on paronyms "money" and "matri-money" (or "matrimony"), paronymous words "evil" and "idyl" are found. While the first mutation is a perfect example of a change of a single word that frequently takes place in anti-proverbs based on phonological similarity (the word "idyls" replaces the word sounding similarly "evil"), the second alteration is an example of punning combined with word addition and repetition. In fact, this kind of punning might be even called a repetitive pun (see Section 4.1. below on repetitive puns):

Money is the root of all evil – but it's still number one as the root of all idyls. (Safian, 1967: 54)

In the following two transformations of the proverb *Money makes the mare go* a paronym of the word "mare", i.e. "nightmare" is introduced into their context. Similarly to the previous two examples, while the first anti-proverb contains a mere word exchange (the word "mare" is substituted by the word "nightmare", i.e. addition of sounds can be observed here), the second mutation combines punning with word addition and repetition of a paronym (the word "nightmare", similar to the word "mare", is introduced into the context of the tail added to the genuine proverb):

Money makes the nightmare go. (New Yorker, June 28, 1956)

Money makes the mare go – but not the nightmare. (Mieder, 1993: 185)

The distortion of two or more words (i.e. double or triple puns) on a phonological base is quite rare in our material (for more on double and triple puns, see Section 4.2. and Section 4.3. below):

Runny is the snoot of all weevils. (Farman, 1989) {Money is the root of all evil}

2. Homonymous puns

Numerous proverbs in our corpus have provided good models for exploiting ambiguity through the use of a single word that is polysemous (i.e., having two meanings) or two words that are homonymous (i.e., having identical graphemic and phonemic representation), thus creating comic surprise with unforeseen links between words or ideas. Puns of this nature are

referred to in our study as homonymous⁷, or “perfect” (Hockett, 1972: 157) puns.

Certain ambiguous words have become real favorites of punsters in our material (see T. Litovkina, Section 4.7). One of such favorites in Anglo-American proverb transformations about money is the word “root”.

The transformations below play on various meanings of the word “root”:

Money is the root of all evil – but it does seem to grow some mighty fine plants. (Safian, 1967: 54)

Money is the root of all evil – but it doesn’t make it any easier to dig it up. (Safian, 1967: 54)

Money is the root of all evil and a man needs roots. (Kandel, 1976)

The following anti-proverb is an interesting example of mixing (or blending, or contamination) of two proverbs (*Money doesn’t grow on trees* and *Money is the root of all evil*) both of which contain a common component (the word *money*). Similarly to some examples discussed above in this section, this anti-proverb also plays on the two different meanings of the word “root”:

Money doesn’t grow on trees because the Bible tells us it’s a root. (Esar, 1968: 692)

English has many examples of words with the same form used in both nominal and verbal functions. Extension of the use of some noun to a verbal capacity is shown in the following transformation in which the noun “root” is turned into a phrasal verb “roots out”:

Money roots out all evil. (Rosten, 1972: 30) {Money is the root of all evil}

The anti-proverb below, in the form of wellerism, plays on the polysemy of the word “time” which refers to either a watch or clock:

“Time is money,” as the man said when he stole the patent lever watch. (Mieder and Kingsbury, 1994: 138) {Time is money}

3. Homophones

Puns employing homophones (words pronounced the same but spelled differently) are relatively rare in our material.

⁷ In our discussion I don’t distinguish between polysemous and homonymous words.

The most commonly employed homophones in our Anglo-American anti-proverbs about money are, without any doubt, words “root” and “route”. To illuminate it, let us view three transformations of the proverb *Money is the root of all evil*, in all of which the word “root” is substituted by the word sounding identically (“route”):

Monkey is the route to all people. (Rees, 1980: 91) (this pun is discussed below, in Section 4.2 on double puns).

Two additional puns playing on these homophones:

Philanthropy proves that though money is the root of all evil, it is also the route of much good. (Esar, 1968: 595)

Money is the root of all evil – but has anyone ever discovered a better route? (Safian, 1967: 54)

The humorous effect of many modifications using homophones may be appreciated much better when read rather than heard. Some puns employing homophones might not be even perceived as puns if not read, specifically the ones in which no other mechanism of variation occurs. The introduction of the words “Proverbs of Politics” into the context of the following example immediately suggests a reinterpretation of the homophone “mare” dictated by the original proverb text:

Money makes the mayor go. – Proverbs of Politics. (Wurdz, 1904) {Money makes the mare go} (for general discussion of paronomastic, homonymous and homophonic puns in Anglo-American anti-proverbs, see T. Litovkina, 2005: 57–75, 2006b, 2009a, 2025f)

4. Other types of punning

After discussing and exemplifying the most frequent types of punning in Anglo-American anti-proverbs about money, let us consider and illustrate some other types of puns, such as repetitive puns (Section 4.1), double puns (4.2), triple puns (Section 4.3), puns playing upon personal names (Section 4.4), story puns (Section 4.5), and bilingual puns (Section 4.6). Finally, Section 4.7 considers the choice of a word for punning (for general discussion of various types of puns in

Anglo-American anti-proverbs, such as repetitive puns, double and triple puns, puns playing upon personal names, story puns, bilingual puns, etc., see T. Litovkina, 2005: 75–79, 2009b, 2025e).

4.1. Repetitive puns

In the repetitive pun, punning words (be they paronyms, homophones or homonyms) are repeated. Let us examine four repetitive puns in this section. The first three, all of which are transformations of the proverb *Money is the root of all evil*, also employ change of word class. (Indeed, English has many examples of words with the same form used in both nominal and verbal functions.). In all three of them word addition takes place, after the original proverb text (in the second one before the proverb text as well).

In the first anti-proverb added words (or tail) are introduced by conjunction “but”, very frequently employed in our anti-proverbs in order to juxtapose the truth of the proverbs. Moreover, in this example word repetition also takes place, and in the addition a phrasal verb “root for” appears, helping to connect the tail added to the original proverb with the meaning of the original proverb:

Money is the root of all evil...but that's one evil I'm rooting for. (W.L. Deandra, Killed in Ratings, in Simpson, 1993: 173)

Punning playing on the use of triPLICATION is less often encountered among our examples than simple duplication. Observe the example below in which the word “root” is employed three times; however, when it is used the third time, there is a conversion (a noun “root” from the original text of the proverb is changed into a phrasal verb “root for” of its transformation):

Remember – Money is the root of all evil. If money is the root of all evil, why does everyone root for it? (Mieder, 1989: 274)

Repetition in anti-proverbs is not limited to exact duplication or triplication of words; sometimes the parodies repeat only parts of words (such as roots in the words “root” and “uproot”) in the following example:

Money is the root of all evil – but nobody has ever cared to uproot it! (Palma, 1990: 8)

The anti-proverb below plays upon the resemblance of similar-sounding words (such as “mare” and “nightmare”):

Money makes the mare go – but not the nightmare. (Mieder, 1993: 185) {Money makes the mare go}

4.2. Double puns

According to L. G. Heller, “In theory one may have any number of puns embedded in the same utterance” (Heller, 1974: 280). In just a few anti-proverbs in our corpus, a double pun appears, most frequently they are paronomastic. The most popular proverb in our corpus for this kind of punning is *A fool and his money are soon parted*:

A fool and his money are saloon potted. (Safian, 1967: 46)

Double paronomastic puns in our corpus most frequently appear in punchlines of jokes or as the moral of fables, tales or stories (discussed below in Section 4.5 on story puns). Let me list here three examples. All three of them play on the phonological resemblance of the word “mummy” in parodies and the word “money” in the original proverb text. While in the first example the “mule” in transformation substitutes the “fool” in the genuine proverb text, in the second and third anti-proverbs the word “foal” substitutes the word “fool” in the proverb:

A mule and its mummy are soon parted. (Farman, 1989)

A horse farm made it a habit to bottle-feed its colts when they were only a few days old. Hence: a foal and his mummy are soon parted. (Jennings, 1980: 47)

A Kentucky horse breeder named Schubert invariably has his young colts bottle-fed after they're three days old. He knows that a foal and his mummy are soon parted. (Cerf, 1968: 19)

The following mutation also contains two puns but they are of different kind. While the first one is paronomastic (playing on resemblance of the words “money” and “monkey”) the popularity of which in Anglo-American anti-proverbs about money is treated in Section

4.7 below), the second one includes the play on two homophones: “root” and “route” (the popularity of which has already been discussed in Section 3 above):

Monkey is the route to all people.
(Rees, 1980: 91) {Money is the root of all evil}

4.3. Triple puns

Triple puns are extremely rare in the Anglo-American anti-proverbs about money. The distortion of three words on a phonological base, similarly to the double puns quoted above in Section 4.2, almost always occurs in story (or narrative) puns (discussed below in Section 4.5):

Runny is the snoot of all weevils. (Farman, 1989) {Money is the root of all evil}

4.4. Play upon proper names

A popular technique of transformation is the pun using a proper noun, that is, when a common noun of the original text is substituted by a paronymous proper noun in the twisted proverb.

The radio ad below which could have been discussed in Section 4.2 above on double puns functions on several levels: it manipulates two well-known proverbs (*A fool and his money are soon parted* and *Where there's a will, there's a way*), plays with puns generated from these proverbs, replicates the typical performance context of puns by incorporating a groan into the text. Finally, it employs two puns using proper names: while “Phil” substitutes “fool”, “Will” subsequently replaces “will”:

“(Radio advertisement for Fotomat store, Austin, Texas. In the ad, two hypothetical individuals, Phil and Will, go to two stores to have pictures developed. One, Will, goes to the Fotomat store; the other, Phil, goes to another store. Will is satisfied and Phil is not. At the end of the ad, a moral is drawn):

Which just goes to show:
A Phill and his money are soon parted. But, *where there's a Will, there's a way.*
Groan.” (Sherzer, 1978: 344)

4.5. Story puns

In some stories (fables, or jokes) the moral is framed as a parodied proverb, containing

a pun (usually a paronym). Such stories are sometimes known as shaggy dog stories (for shaggy dog stories, see Brunvand, 1963). Kim Binsted and Graeme Ritchie (2001: 275) call this particular class of joke the story pun. This class of joke “consists of an anecdote, which is sometimes quite long and often has no inherently humorous content, followed by a final line which is a distorted form of some well-known phrase, proverb or quotation. Usually this final line purports to summarize or draw a moral from the preceding story” (for a model of story puns, see Binsted and Ritchie, 2001).

John Farman uses anti-proverbs for each of the short stories in his book “*You Can't Tell a Rook by Its Cover*,” the title of which is also a paronomastic pun based on the alteration of the proverb *You can't tell a book by its cover* (see Farman, 1989). It needs to be pointed out, however, that the puns in Farman's book are provided not as punchlines but as titles of the stories following them, each being accompanied by a humorous illustration.

Two examples of such story puns but without pictures – each being a variation of the proverb *Money is the root of all evil* – are demonstrated below. In both puns the distortion of two or (in the first example) even three words occurs on a phonological base. Let us have a look at the first pun followed by a short story:

Runny is the snoot of all weevils.

It is a little known fact that the weevils (family *Carculionidae*) have very little natural insulation from the cold. This explains why they spend most of their wretched little lives burrowing into things. The net result of all this is that the poor weevil has almost continual coughs and colds and a permanently runny nose. (Farman, 1989)

The second story pun is quoted below, without a long story accompanying it:

A mule and its mummy are soon parted. (Farman, 1989)

4.6. Bilingual (or “macaronic”) puns

Puns based on the intermixture of words from two languages may be called bilingual (or “macaronic”) puns. Bilingual puns usually employ words from two languages phoneti-

cally similar (or even identical) but different in meaning. The following example reworking the proverb *Time is money* is based on phonetic and graphemic similarity of words from two languages – the English word “time” and French “thaï” (Thai) (for more about bilingual Anglo-French punning see Leeds, 1992: 137–144):

Fr: Thaï is money. (Mignaval, 2004: 45) {Time is money}

4.7. Choice of a word for punning

In many cases in our corpus of Anglo-American anti-proverbs about money, the choice of a word for punning is obvious or largely predictable, as may be demonstrated through the large amount of proverb transformations using the word in question such as:

- paronyms “evil” and “idol”, “money” and “matrimony” in case of the proverb *Money is the root of all evil*, paronyms “mare” and “nightmare” in case of the proverb *Money makes the mare go* (discussed in Section 1. above), paronyms “mummy” and “money” in case of the proverb *A fool and his money are soon parted* (treated in Section 4.2 above)

- homophones “route” and “root” in case of the proverb *Money is the root of all evil* and homophones “mayor” and “mare” in case of the proverb *Money makes the mare go* (discussed in Section 3. above)

- homonyms playing on various meaning of the word “root” in case of the proverb *Money is the root of all evil* (demonstrated in Section 2 above)

Having discussed above numerous cases in which a single proverb (such as *Money is the root of all evil* or *Money makes the mare go*) gives rise to two or more variations (see Section 2, Section 3., Section 4.1 above), let us here restrict ourselves just to the following transformations playing on paronyms “monkey” and “money”. Indeed, all the three anti-proverbs below are based on different proverbs and play on the resemblance of these words. (Furthermore, the second proverb alteration is a double pun, playing also on the homophones “route” and “root”, very popular in other alterations as well, the first one has been already addressed and exemplified above in Section 3 and Section 4.2):

Monkey is the route to all people. (Rees, 1980: 91) {Money is the root of all evil}

A fool and his monkey are soon parted. (Margo, 1982) {A fool and his money are soon parted}

Money doesn’t grow on trees. And it’s a good thing it doesn’t. It would make monkeys out of lots of people. (Safian, 1967: 57) {Money doesn’t grow on trees}

Conclusion

The present study, while continuing T. Litovkina’s research on punning in anti-proverbs (or deliberate proverb innovations) (see T. Litovkina, 2005, 2006a, 2006b, 2009a, 2009b, 2015, 2025e, 2025f; T. Litovkina et al., 2021), as well as on various mechanisms of proverb variation and humor devices in Anglo-American anti-proverbs about money (see T. Litovkina, 2025a-2025f), has focused on punning in 263 transformations of 13 Anglo-American proverbs about money.

I have explored that while certain types of puns occur pervasively in anti-proverbs about money, others appear in only a few. Furthermore, in a number of our anti-proverbs several types of puns are employed simultaneously. As it was expected, the vast majority of puns in the corpus of Anglo-American anti-proverbs about money are based on sound similarities rather than on sound equivalences; that is, paronyms prevail. Second, come homonyms. Homophones are represented in only a few instances. (No homographs have been found in our material). Therefore, at first I have treated the most frequent types of punning in the Anglo-American anti-proverbs: paronyms, homonyms, and homophones. Afterwards I have considered some other types of puns, e.g., repetitive puns, double and triple puns, puns playing upon personal names, story puns, and bilingual puns.

The article has addressed some additional aspects of punning in Anglo-American anti-proverbs about money, such as the exploration of favorite words of punsters, as well as their predictability (e.g., paronyms “evil” and “idol”, “money” and “matrimony”, “money” and “mummy”, homophones “route” and “root”,

“mayor” and “mare”, and homonyms playing on various meaning of the word “root”).

Similarly to T. Litovkina’s previous research (see T. Litovkina, 2005: 79–86; 2006b) that has shown that in the vast majority of the puns in the corpus of Anglo-American anti-proverbs, only one correlation may be identified (although another potential meaning, the one, indicated by the original text of a proverb is always implicit): that is, the vast majority of

the puns used in the anti-proverbs about money are, according to Heller’s terminology, disambiguational.

Last but not least, it is important to point out that puns are extremely rarely used just on their own, i.e. punning is most frequently combined with other mechanisms of proverb variation in a variety of ways (such as repetition of words, word addition, literalization, word omission, mixing of two proverbs, spoonerism, etc.).

References

- Anonymous. *Toasts and Maxims. A Book of Humour to Pass the Time*. New York R. F. Fenno & Company, 1908.
- Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
- Binsted K. & Ritchie G. D. Towards a model of story puns. *Humor*, 14(3), 2001, 275–292.
- Bloch A. *Murphy’s Law Complete*. London: Mandarin, 1990 [1985].
- Brunvand J. H. A classification for shaggy dog stories. *The Journal of American Folklore*, 76 (299), 1963, 42–68.
- Cerf B. *Treasury of Atrocious Puns*. New York: Harper & Row, Publishers, 1968.
- Edmund P. & Workman Williams H. *Toaster’s Handbook: Jokes, Stories and Quotations*. New York. The H. W. Wilson Company, 1921.
- Esar E. *The Humor of Humor*. New York: Horizon Press, 1952.
- Esar E. *20,000 Quips and Quotes*. Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1968
- Farman J. *You can’t Tell a Rook by Its Cover*. London: Pan Books Ltd. (without pages), 1989.
- Freud S. *Jokes and Their Relation to the Unconscious*. New York: W. W. Norton & Company, Inc., translated and edited by James Strachey, 1960 [1905].
- Heller L. G. Toward a general typology of the pun. *Language and Style*, 7(4), 1974, 271–282.
- Hempelmann Ch. F. Puns. In: Attardo S. (Ed.) *Encyclopedia of Humor Studies* Vol 2. Los Angelis / London / New Delhi / Singapore / Washington DC: Sage Publications, Inc., 2014, 612–615.
- Hockett Ch. F. Jokes. In: Smith M. Estellie (Ed.) *Studies in Linguistics in Honor of George L. Trager*. The Hague: Mouton, 1972, 153–178.
- Hrisztova-Gotthardt H., Vargha K. & Barta P. *Deliberate proverb innovations: Terms, definitions, and concepts*. In: Hrisztova-Gotthardt H, Aleksa Varga M. & Mieder W. (Eds.) *DILIGENCE BRINGS DELIGHT: A Festschrift in Honour of Anna T. Litovkina on the Occasion of her 60th birthday*. Online Supplement Series of Proverbium Yearbook of International Proverb Scholarship Josip Juraj Strossmayer University of Osijek, 2023, 175–196. <https://naklada.ffos.hr/knjige/index.php/ff/catalog/view/14/17/37>
- Jennings P. *Pun Fun*. Feltham, Middlesex: The Hamlyn Publishing Group Ltd., 1980.
- Kandel H. *The power of positive pessimism: Proverbs for our time*. Los Angeles: Price/ Stern/ Sloan Publisher (without pages), 1976 (ninth printing).
- Leeds Ch. Bilingual Anglo-French humor: An analysis of the potential for humor based on the interlocking of the two languages. *Humor*, 5(1/2), 1992, 129–148.
- Litovkina T. A. *Old proverbs cannot die: They just fade into parody: Anglo-American anti-proverbs*. Habilitációs dolgozat. Budapest: ELTE. (manuscript), 2005.
- Litovkina T. A. “На нет и суда нет”: Punning in Anglo-American and Russian anti-Proverbs. In: Бирих, А. К. & Володина Т. В. (ред.) *Слово в словаре и дискурсе. Сборник научных статей к 50-летию Харру Вальтера*. Москва: ЭЛПИС, 2006а, 556–570.
- Litovkina T. A. A good pun is hard to find: Punning in Anglo-American anti-proverbs. In: Benczes R. & Csábi Sz. (Eds.) *The Metaphors of Sixty: Papers Presented on the Occasion of the 60th Birthday of Zoltán*

Kövecses. Budapest: Department of American Studies, School of English and American Studies, Eötvös Loránd University, 2006b, 260–270.

Litovkina T. A. Paronomasia, homonymy and homophony in Anglo-American anti-proverbs. In Soares R. JB & Lauhakangas O. (Eds.) *2 Colóquio Interdisciplinar sobre Provérbios – Actas – 2nd Interdisciplinary Colloquium on Proverbs – Proceedings*. Tavira: Tipografia Tavirense, 2009a, 275–288.

Litovkina T. A. “The pun is mightier than the sword”: Types of punning in Anglo-American anti-proverbs. In: McKenna, Kevin (Ed.) *The proverbial ‘Pied Piper’: A Festschrift volume of essays in honor of Wolfgang Mieder on the occasion of his sixty-fifth birthday*. New York: Peter Lang, 2009b, 141–154.

Litovkina T. A. Anti-proverbs. In Hrisztova-Gotthardt H. & Aleksa Varga M. (Eds.), *Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies*. Warsaw–Berlin: De Gruyter Open, 2015, 326–352.

Litovkina T. A. Main mechanisms of proverb variation in Anglo-American anti-proverbs about Children. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 17(5), 2024, 870–881.

Litovkina T. A. Humor Devices Used in Anglo-American Anti-Proverbs about Money. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 18(1), 2025a, 81–95, Available at https://elibrary.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/154378/08_Litovkina.pdf

Litovkina T. A. Towards a Linguistic Analysis of Substitution in Anglo-American Anti-Proverbs about Money. *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*, 42, 2025b, 267–293, Available at <https://doi.org/10.29162/pv.42.1.1015>

Litovkina T. A. “Money Is not the Root of All Evil – no Money Is”. Do (Anti-)Proverbs Always Tell the Truth? (Using the Example of Addition). *Linguistische Treffen in Wrocław*, 27(1), 2025c, 183–195. Available at <https://doi.org/10.23817/lingtreff.27-11>

Litovkina T. A. Addition in Anglo-American Anti-Proverbs about Money. *Yearbook of Phraseology*, 16(1), 2025d, 153–176, Available at <https://doi.org/10.1515/phras-2025-0007>

Litovkina T. A. Towards an Analysis of Repetitive Puns in Anglo-American Anti-Proverbs from the Second Half of the 20th Century. *Paremia*, 35, 2025e, 145–156, Available at https://cvc.cervantes.es/lengua/paremia/pdf/035/013_litovkina.pdf

Litovkina T. A. “The best things in life are free” Some aspects of punning in Anglo-American anti-proverbs. *The European Journal of Humour Research*, 13(3), 2025f, 76–92.

Litovkina T. A., Hrisztova-Gotthardt H., Barta P., Vargha K. & Mieder W. *Anti-proverbs in Five Languages: Structural Features and Verbal Humor Devices*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021.

Margo E. H. Missprints [sic]. *Verbatim: The Language Quarterly*, 3, 1982, 16.

Mieder W. *American Proverbs: A Study of Texts and Contexts*. New York: Peter Lang, 1989.

Mieder W. *Proverbs Are Never out of Season: Popular Wisdom in the Modern Age*. New York: Oxford University Press, 1993.

Mieder W. & Kingsbury S. A. (eds.). *A dictionary of wellerisms*. New York: Oxford University Press, 1994.

Mieder W. & Tóthné Litovkina A. *Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs*. Burlington: The University of Vermont, 1999.

Mignaval Ph. *Proverbes pour rire – De faux proverbes plus vrais que les vrais*. Paris: Marabout, 2004.

Palma A. *A book of wit*. Excalibur Press of London, 1990.

Rees N. *Graffiti 2*. London: Unwin Paperbacks, 1980.

Rosten L. *Rome Wasn't Burned in a Day: The Mischief of Language*. Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1972.

Safian L. A. *The Book of Updated Proverbs*. New York: Abelard-Schuman, 1967.

Sherzer J. Oh! That's a pun and I didn't mean it". *Semiotica*, 22(3/4), 1978, 335–350.

Simpson J. A. *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford: Oxford University Press, 3rd ed., 1993.

Wurdz G. *The Foolish Dictionary*. Boston, Mass.: The Robinson, Luce Company (without pages), 1904.

EDN: XBLAWE
УДК 811'581

Multimodal Argumentation in Chinese Health Public Service Announcement

Marina V. Terskikh* and Tatiana S. Khriplia

*Omsk State University named after F. M. Dostoevsky
Omsk, Russian Federation*

Received 12.11.2025, received in revised form 15.01.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. The article examines the mechanisms of multimodal argumentation in Chinese health public service announcement. Using print and video PSA (119 posters and 13 videos), a comprehensive analysis of the interaction of verbal, visual, and auditory codes is conducted. Particular attention is paid to the cultural specificity of argumentation, in particular, the unique role of Chinese characters as a synthesis of verbal and visual components. It is demonstrated that the potential effectiveness of the analyzed PSA is due, in part, to the organic combination of modern communication technologies and traditional cultural codes. The research methodology represents an interdisciplinary approach combining multimodal semiotic, contextual, and discourse analysis. Based on the conducted research, a model for analyzing multimodal argumentation is proposed, including modality decomposition, synthesis of their interactions, discursive and cultural interpretation, and an assessment of synergistic effects. The results demonstrate that in Chinese discourse, individual health is inextricably linked to the health of the nation, and persuasion is achieved not so much by logic as by emotional resonance and appeals to cultural identity.

Keywords: health discourse, health public service announcement, public service announcement of China, multimodal argumentation; persuasion strategy, polycode text, multimodal impact.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

The reported study was funded by RSF, Project 24–18–00371 “Discursive Practices in Healthcare Sector and Ways of Their Optimization: Linguistic, Ethical and Legal Aspects”, <https://rscf.ru/project/24–18–00371/>

Citation: Terskikh M. V., Khriplia T. S. Multimodal Argumentation in Chinese Health Public Service Announcement. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 547–559. EDN: XBLAWE

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: TerskikhMV@omsu.ru

ORCID: 0000-0003-0127-6917 (Terskikh); 0009-0008-5224-8020 (Khriplia)

Мультимодальная аргументация в китайской социальной рекламе здоровья

М.В. Терских, Т.С. Хрипля

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
Российская Федерация, Омск

Аннотация. В статье исследуются механизмы мультимодальной аргументации в китайской социальной рекламе здоровья. На материале печатной и видеорекламы (119 плакатов и 13 видеороликов) проводится комплексный анализ взаимодействия вербальных, визуальных и аудиальных кодов. Особое внимание уделяется культурной специфике аргументации, в частности, уникальной роли иероглифов как синтеза вербального и визуального компонентов. Доказывается, что потенциальная результативность анализируемой рекламы обусловлена в том числе органичным соединением современных коммуникативных технологий с традиционными культурными кодами. Методология исследования представляет собой междисциплинарный подход, сочетающий мультимодальный семиотический, контекстуальный и дискурс-анализ. На основе проведенного исследования предлагается модель анализа мультимодальной аргументации, включающая декомпозицию по модальностям, синтез их взаимодействия, дискурсивно-культурную интерпретацию и оценку синергетического эффекта. Результаты работы демонстрируют, что здоровье индивида в китайском дискурсе неразрывно связывается со здоровьем нации, а убеждение достигается не столько логикой, сколько эмоциональным резонансом и апелляцией к культурной идентичности.

Ключевые слова: дискурс здоровья, социальная реклама здоровья, социальная реклама КНР, мультимодальная аргументация, стратегия убеждения, поликодовый текст, мультимодальное воздействие.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–18–00371 «Дискурсивные практики в сфере здравоохранения и направления их оптимизации: лингвистические и этико-правовые аспекты», <https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

Цитирование: Терских М. В., Хрипля Т. С. Мультимодальная аргументация в китайской социальной рекламе здоровья. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 547–559. EDN: XBLAWE

Введение в проблему исследования

Социальная реклама здоровья выступает ключевым элементом государственной и общественной политики, направленной на сохранение и укрепление здоровья населения. В современных коммуникационных

условиях эффективность таких рекламных кампаний во многом зависит не только от содержания, но и от инструментов воздействия, реализуемых через многоуровневые знаковые системы. Так, дискурс социальной рекламы базируется на поликодовом воздействии – использовании различных

коммуникационных кодов (вербальных, визуальных, аудиальных) с целью формирования более глубоких, многослойных и эмоционально насыщенных сообщений. Такая мультимодальная стратегия способствует повышению эффективности социальной рекламы: привлекательности рекламного сообщения и мотивированности аудитории к здоровому поведению. Поликодовый характер воздействия определяет значимость не только вербальных аргументов, к которым прибегает рекламист для эффективного убеждения аудитории, но и «доказательств», транслируемых посредством визуальных и аудиальных кодов.

**Концептологические
основания исследования**

***Мультимодальная аргументация:
выход за пределы логоса***

Традиционная теория аргументации была сосредоточена преимущественно на вербальном модусе. Аргумент понимался как последовательность суждений (посылок), ведущих к заключению, где сила убеждения содержалась в логической структуре, достоверности доказательств и словесном мастерстве. Однако современная коммуникативная среда, насыщенная визуальными образами, звуками, жестами и цифровыми интерфейсами, со всей очевидностью демонстрирует, что инструменты убеждения не всегда базируются на вербальном коде. Ответом на этот вызов стало возникновение и активное развитие теории мультимодальной аргументации – междисциплинарного подхода, который исследует, как аргументативные функции синергетически реализуются с помощью различных семиотических ресурсов (модов).

Теория мультимодальной аргументации возникла на пересечении следующих междисциплинарных подходов:

1. Критика вербоцентризма в теории аргументации: классические модели аргументации часто игнорировали персуазивную силу невербальных элементов, которые, однако, зачастую не просто иллюстрируют вербальный тезис, но и несут самостоятельную аргументативную нагрузку. В своих

работах L. Groarke и J.E. Kjeldsen ставят вопрос о том, что аргументы могут быть представлены не только словесно, но и визуально (Groarke, 2016; Kjeldsen, 2015) и аудиально (Groarke, Kišiček, 2024; Kjeldsen, 2018).

2. Влияние визуальной риторики: так, в частности, в работе Р. Барта «Риторика образа» (Bart, 1984) представлен анализ изображений как носителей смысла – риторический анализ визуального был перенесен в теорию аргументации: изображение стало рассматриваться как элемент аргументативной схемы.

3. Семиотика и мультимодальный анализ: теория мультимодальности, развитая Г. Крессом и Т. ван Левеном предлагает терминологический аппарат для анализа того, как различные знаковые системы взаимодействуют для производства единого смысла (Kress, van Leeuwen, 2001; Kress, van Leeuwen, 2020).

4. Когнитивные исследования: мультимодальные аргументы часто апеллируют к определенным когнитивным схемам; визуальная метафора, например, может активировать целый комплекс ассоциаций практически мгновенно, зачастую минуя вербальную логику.

Результатом трансформации в рамках традиционного подхода к теории аргументации можно считать ряд уточнений в терминологии, характеризующей процесс убеждения: акцент смещается со словесного доказательства на убеждение через множественные каналы восприятия.

Таким образом, мультимодальная аргументация представляет собой форму убеждения, при которой аргументативная функция (выдвижение тезиса, приведение посылок, обоснование вывода) выполняется не исключительно вербальными средствами, а распределяется между двумя или более модами, которые находятся в отношениях взаимодополнения и синергии.

Визуальный аргумент является частным случаем мультимодального аргумента, при котором изображение выступает в качестве ключевого, а иногда и единственного носителя аргументативной структуры.

Аудиальный же аргумент предстает как форма убеждения, в которой основные доказательства передаются исключительно или преимущественно через звук (звуковое воздействие).

Как представляется, каждая из модальностей обладает собственной аргументативной силой: вербальная – обеспечивает логическую структуру, точность формулировок и возможность эксплицитного выражения причинно-следственных связей; визуальная – способна оперативно передавать сложные идеи, вызывать эмоции, создавать визуальные метафоры, формировать ассоциации; аудиальная – влияет на восприятие достоверности и эмоциональной окраски сообщения.

Подчеркнем также, что эффективность мультимодальной аргументации зависит от согласованности между модами. Диссонанс может использоваться как риторический прием, однако может стать и причиной недопонимания и ослабления аргумента.

В последние годы появилось достаточно много работ китайских исследователей, рассматривающих поликодовое воздействие в терминологии мультимодальной аргументации. Материалом для этих исследований служат плакаты социальной рекламы, афиши фильмов, политические видеоролики, новостные видео (Zhang, 2017; Yang, 2016; Chen, 2021). В своих исследованиях китайские ученые опираются на труды западных лингвистов (Zhang, Huang, Xu, 2025), также проводятся совместные исследования (van den Hoven, Yang, 2013). При этом, как и в западных работах, мультимодальная аргументация понимается широко: к ней относят не только изображения или видеоряд, но и музыку, и разнообразное звуковое сопровождение. Так, Чжан Дэлу определяет мультимодальную аргументацию как целенаправленное, рациональное и стратегически организованное взаимодействие различных знаковых средств с целью построения убедительного сообщения, в котором логическая структура аргумента может быть распределена между разными модальностями (Zhang, 2017: 2).

Методология

Целью исследования является комплексный анализ специфики мультимодальной аргументации в китайской социальной рекламе здоровья, направленной на продвижение здорового образа жизни и разработанной в рамках государственной программы «Здоровый Китай 2030»: определение ключевых вербальных, визуальных и аудиальных стратегий аргументации, анализ культурно-специфических элементов, изучение синергетического эффекта от взаимодействия разных семиотических модов в формировании убедительного сообщения.

Материал исследования

Основной массив данных составила сплошная выборка из 119 образцов социальной рекламы серии 文明健康 有你有我 – *Культура и здоровье зависят от тебя и от меня*; для углубленного анализа комплекса «вербальная, визуальная и аудиальная аргументация» были привлечены образцы видеорекламы (13 текстов).

Методология исследования является междисциплинарной и сочетает подходы из лингвистики, семиотики, теории аргументации и дискурс-анализа.

Методы исследования

1. Мультимодальный семиотический анализ, посредством которого анализировалось, как вербальные, визуальные и аудиальные ресурсы взаимодействуют для создания единого аргументативного комплекса.

2. Дискурс-анализ: рассмотрены стратегии и тактики, используемые для позиционирования адресанта и адресата.

3. Контекстуальный анализ: специфика аргументации рассматривалась с учетом культурного контекста Китая.

4. Сравнительно-сопоставительный анализ: сопоставление рекламного материала для выявления общих и специфических паттернов мультимодальной аргументации; сравнение китайской и российской социальной рекламы здоровья для выявления специфики анализируемого материала.

Обсуждение

1. Специфика китайской социальной рекламы здоровья

Социальная реклама здоровья представляет собой разновидность некоммерческой коммуникации, спонсируемой государственными органами, медицинскими учреждениями или общественными организациями и направленной на продвижение здорового образа жизни, профилактику заболеваний, информирование о факторах риска и формирование в обществе установок, которые способствуют сохранению и укреплению как индивидуального, так и общественного здоровья.

Анализ социальной рекламы данного типа позволяет не только определить приоритетные проблемы общества, но и выявить национальные особенности, присущие дискурсу здоровья разных стран.

Китайская социальная реклама здоровья представляет собой особый феномен, поскольку развивается в уникальном медийном пространстве, характеризующемся сильным влиянием государства, глубокой интеграцией традиционной культуры и стремительной цифровизацией общества. С одной стороны, она наследует многовековые традиции визуальной и нарративной культуры, с другой – вынуждена реагировать на современные условия: урбанизацию, изменение демографической структуры, глобальные пандемии.

Для того чтобы понять специфику дискурса здоровья в КНР, нужно обратиться к социальному фону. В 2016 г. в Китае была опубликована программа «Здоровый Китай 2030», в рамках которой здоровье рассматривается «как обязательное требование для всестороннего развития человека и базовое условие социально-экономического развития» (https://www.gov.cn/zhengce/202203/content_3635233.htm). Программа затрагивает следующие аспекты: *правильное питание, борьба со злоупотреблением алкоголем и никотином, обеспечение психологического здоровья граждан, популяризация спорта, улучшение работы системы здравоохранения* (Там же).

С одной стороны, перечень заявленных проблем выглядит вполне стандартным, соответствующим аналогичному комплексу вопросов, поднимаемых в российской социальной рекламе здоровья (Terskikh, 2024, Terskikh, 2025). Вместе с тем анализ материала позволяет выявить ряд существенных отличий как в проблематике, так и в инструментах повышения коммуникативной эффективности.

Отметим важную специфическую черту социальной рекламы в Китае: она является одним из наиболее широко используемых каналов, посредством которого до широких масс населения доступно доносятся политические идеи. С 2020 г. в Китае выходит серия рекламы «*Культура и здоровье зависят от тебя и от меня*». Отдельные административные единицы КНР выпускают свои рекламные сообщения в рамках данной серии, что обеспечивает достаточно обширный материал исследования. Рассматриваемая реклама направлена на решение следующих проблем, связанных со здоровьем населения КНР: использование определенных столовых приборов; отказ от употребления в пищу диких животных / здоровое питание; соблюдение режима дня; психологическое здоровье; избавление от вредной привычки плевать на улице; занятия спортом.

При этом к вышеуказанным проблемам правительство КНР (как заказчик социальной рекламы) подходит в рамках политики, направленной на повышение культуры поведения жителей Китая. Следовательно, выдвигается тезис о связи «культурного» поведения и здоровья. Присутствие в названии серии рекламы слов «культура» и «здоровье» говорит о смешанном характере данной серии рекламы, основы подобной интердискурсивности также заложены в программе «Здоровый Китай 2030», в которой отмечается, что в рамках реализации данной программы необходимо «продвигать строительство духовной культуры, развивать культуру здоровья, изменять существующие нравы и обычаи, формировать привычки, способствующие улучшению жизни (加强精神文明建设, 发展健康文化, 移风易俗, 培养良好的生活习惯)».

Проблемы, затрагиваемые рассматриваемой китайской социальной рекламой здоровья, являются как универсальными (необходимость заниматься спортом, правильно питаться), так и национально-специфическими.

К последним относится необходимость следить за тем, какими столовыми приборами пользуется человек в общественном месте. В Китае, если пищу принимает группа людей (независимо от того, идет ли речь о банкете или обычном обеде), принято ставить блюда в центр стола, чтобы каждый мог сам положить себе в тарелку то, что он захочет. Для этого следует использовать общие, а не индивидуальные столовые приборы, поскольку это позволяет снизить распространение инфекционных заболеваний. 公筷公勺 卫生健康 公筷公勺备一副 无忧无虑享口福 – *Общие палочки для еды, общие ложки, гигиена и здоровье, подготовьте комплект общих палочек и ложек, наслаждайтесь едой без печали и забот.* В вербальной части сообщения используется параллельная конструкция 公筷公勺 – общие палочки для еды, общие ложки. В визуальном компоненте обыгрывается иероглиф 公 – общественный, общий, в котором верхние черты заменены на изображения палочки для еды и ложки.

Кроме того, к национально-специфическим проблемам можно отнести отказ от употребления в пищу диких животных. Традиционно в Китае в пищу используют самых разнообразных животных, борьба с такой практикой стала одним из ключевых направлений в политике правительства КНР, ориентированной на улучшение здоровья населения: 拒绝野味 别让野味 绑架你的健康 – *Откажись от еды из диких животных, не позволяй еде из диких животных похитить твоё здоровье.*

Требование к соблюдению режима дня (规律作息) появилось относительно недавно вслед за медицинскими исследованиями о влиянии режима дня на здоровье¹. Однако в традиционной китайской культуре данная проблематика также присутствовала. Так, в даосском каноне «Чжуан-цзы»

встречается фраза, впоследствии получившая широкое употребление: 日出而作, 日入而息 – *Выходить на работу, когда восходит солнце и отдыхать, когда солнце садится.* Отметим, что лексемы «работать» 作 и «отдыхать» 息 как раз и образуют двухсложное слово 作息, которое на русский язык можно перевести как «режим дня» (буквально работа и отдых).

Интерес вызывает также и проблема психологического здоровья. В древнем Китае психологические вопросы рассматривались в рамках философии. В традиционной китайской медицине психологические проблемы не были темой отдельных исследований, а рассматривались в связи с их влиянием на здоровье физическое: 喜伤心, 怒伤肝, 忧伤肺, 思伤脾, 恐伤肾 – *Чрезмерная радость вредит сердцу, гнев – печени, грусть – легким, тоска – селезенке, страх – почкам* («Хуанди нэйцзин» – трактат по традиционной китайской медицине). Очевидно, что проблема психологического здоровья актуальна для современного китайского общества, в связи с чем возникает необходимость в «объяснении» населению важности решения психологических проблем.

心理咨询 打开心锁 解开心结 – *Психологическая консультация, открой замок на сердце, развяжи узел на сердце.* В примере используется игра слов. Слово 心结 – «забота, тревога» буквально переводится как узел на сердце, что обыгрывается во фразе с параллельными конструкциями: Открыть замок на сердце – развязать узел на сердце.

Отметим, что тема табакокурения и злоупотребления алкоголем не выделяется отдельно, как это делается в российской социальной рекламе здоровья, а присутствует в текстах некоторых рекламных сообщений как дополнительная информация.

规律作息 健康常伴 按时睡觉 健康饮食 适当运动 勿过度饮酒 – *Соблюдай распорядок работы и отдыха, и здоровье станет твоим постоянным спутником, своевременный отход ко сну, здоровая пища, адекватные занятия спортом, отказ от употребления алкоголя.*

¹ https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_30296137

Ключевой идеей данного рекламного сообщения является соблюдение режима работы и отдыха. Однако далее в сообщении – более мелким шрифтом – перечисляются привычки, которые также влияют на здоровье адресата.

Таким образом, тематика анализируемой рекламы дает понять, что в китайском обществе происходят изменения, связанные с пониманием того, что относится к здоровому образу жизни.

2. Вербально-визуальная аргументация в социальной рекламе здоровья

Вербально-визуальная аргументация в китайской социальной рекламе здоровья – это стратегически организованный коммуникативный процесс, в котором вербально-визуальные элементы синтезируются в единое смысловое целое для убеждения целевой аудитории в необходимости следования определенным моделям здорового поведения, пропагандируемого в рамках государственной политики КНР в сфере здравоохранения.

Анализ китайской социальной рекламы здоровья позволяет говорить о мультимодальном характере аргументации даже в случае использования в сообщении только иероглифов, что связано с особой природой знаков данного типа. Использование иероглифов в качестве инструмента вербально-визуальной аргументации – это уникальное явление, основанное на фундаментальном отличии идеографической письменности от алфавитной. Здесь слово не просто озвучивает понятие, но и специфическим образом визуально воплощает его: иероглиф синтезирует вербальную (значение, звучание) и визуальную (графическая форма, композиция) составляющие в неразрывное целое. В контексте аргументации это позволяет не просто сообщать информацию, но и выстраивать убеждение через саму графическую природу знака, обращаясь к культурным архетипам, визуальным аналогиям и эмоциональному восприятию формы. Таким образом, уникаль-

ная природа иероглифа позволяет создавать лаконичные и культурно-резонансные аргументы, воздействующие на аудиторию одновременно на интеллектуальном и эмоциональном уровнях.

Помимо иероглифов, представляющих собой специфическое вербально-визуальное явление, китайская социальная реклама здоровья сопровождается и традиционным визуальным компонентом – иллюстрацией. Соотношение иероглифа и иллюстрации в китайской социальной рекламе здоровья представляет собой согласованную мультимодальную аргументативную стратегию: каждый режим берет на себя ту часть аргументации, которую он выполняет наиболее эффективно, что в результате обеспечивает синергетический воздействующий эффект.

Во многом рассматриваемое вербально-визуальное взаимодействие зависит от тематики рекламного сообщения. Так, в сообщениях о распорядке дня, правильном питании или психологическом здоровье визуальный компонент уточняет значение вербального. Например, через рисунок поясняется, что под соблюдением режима работы и отдыха в первую очередь понимается своевременный отход ко сну. Визуальный компонент, сопровождающий вербальный *科学饮食 – питание по науке*, демонстрирует, какие именно продукты и в каком объеме следует есть. В рекламе о необходимости уделять внимание своему психологическому здоровью визуальный компонент поясняет, что именно необходимо делать, чтобы снизить стресс (слушать музыку, ходить на прогулки, заниматься йогой).

В сообщениях, посвященных популяризации спорта, визуальный компонент чаще всего дублирует вербальный. В рекламе, призывающей отказаться от употребления в пищу диких животных, а также в рекламе, запрещающей плевать на улице, в визуальном компоненте используются символические знаки: перечеркнутый красный круг; скрещенные столовые приборы, перечеркивающие лежащую на тарелке еду из диких животных.

3. Стратегия дискурсивного позиционирования как инструмент мультимодальной аргументации

Одним из инструментов мультимодальной аргументации в социальной рекламе здоровья можно считать стратегию дискурсивного позиционирования, повышающую убедительность рекламного сообщения. Дискурсивное позиционирование в данном случае представляет собой стратегический процесс конструирования и закрепления в сознании аудитории определенных ролей, ценностных ориентаций и моделей поведения, связанных со сферой здоровья. Данная стратегия реализуется через скоординированное использование мультимодальных ресурсов, формирующих целостный аргументативный комплекс, направленный на изменение установок и поведенческих паттернов реципиентов.

Рассмотрим дискурсивные характеристики рекламы серии «Культура и здоровье зависят от тебя и от меня». В данных сообщениях широко применяется стратегия дискурсивного позиционирования, для реализации которой используется тактика надевания маски. В рекламе адресант предстает в следующих ролях. Информатор: *规律作息 健康常伴 – Соблюдай режим работы и отдыха, и здоровье станет твоим постоянным спутником.* Автор-трибун: *生命在于运动 热爱运动 保心健康 – Жизнь зависит от спорта, любите спорт, сохраняйте здоровье.* Автор-советчик: *心理咨询. 身体生病了找医生新也是一样 – Психологические консультации. Когда заболело тело, мы ищем врача, с сердцем нужно поступать так же.*

Для осуществления стратегии формирования положительного отношения используются тактики апелляции к личному опыту и формированию образа адресата, которые оказываются тесно связанными.

Адресат рекламы либо не вербализуется, либо обозначается местоимением *我 – я* (или *我们 – мы*: *我运动 我健康 我快乐 – Я занимаюсь спортом, я здоров, я счастлив*). Отдельно нужно отметить употребление местоимения *自我 – сам*, которое

указывает на активную позицию адресата в отношении поддержания собственного здоровья. Особенно часто это местоимение встречается в рекламе, посвященной психическому здоровью: *做好自我调适 以“平常心”对待一切事物 – Научись сам регулировать (свое эмоциональное состояние), относись ко всему спокойно.*

В некоторых рекламных сообщениях используются лексические единицы с собирательным значением, таким образом, адресант выступает не как отдельный индивид, а как часть социума: *全民健身始于心 和谐社会践于行 – Здоровье народа начинается с сердца, гармония общества начинается с движения.*

Воздействующий эффект также оказывается через тактику эмоционального настроения, в рамках которой осуществляется обращение к рациональному, осознанному поведению, для чего используются следующие определения, имеющие в данном контексте положительную оценочность: *规律 – регулярный (规律作息 работа и отдых по расписанию – букв. регулярные работа и отдых), 文明 – культурный (文明行为 культурное поведение), 科学 – научный (科学运动 – занятие спортом по науке, 科学饮食 – питание по науке), 适当 – оптимальный (适量运动 – оптимальное занятие спортом), 合理 – рациональный (合理搭配 – рациональное сочетание (о продуктах)).*

Мнемоническая стратегия реализуется через тактику использования синтаксических и лексических повторов: *公筷公勺 分食分餐 – Общие палочки для еды, общие ложки, раздельное и порционное питание; 一汤一勺 一菜一筷 – Одна порция супа – одна ложка, одно блюдо – одна пара палочек.*

Реже используется стратегия управления критичностью восприятия. Она реализуется через тактику провоцирования эмоций, которая встречается в визуальном компоненте некоторых рекламных сообщений, посвященных психическому здоровью и отказу от употребления в пищу диких животных. В отличие от российской социальной рекламы здоровья, в анализируе-

мой рекламе отсутствует фрустрационная стратегия. Это можно объяснить тем, что через социальную рекламу, продвигающую одобряемые модели поведения, формируется положительное отношение адресатов к данным моделям. В связи с этим авторы целенаправленно избегают возникновения негативных ассоциаций у адресата.

Таким образом, стратегия дискурсивного позиционирования предстает как сложный процесс мультимодального конструирования реальности, в ходе которого через отбор и комбинацию вербальных и визуальных знаков создается специфическая модель здоровья и болезни, определяются роли и ответственность адресанта и адресата, формируется иерархия ценностей, делающая предлагаемую модель поведения не просто логичной, но и единственно верной в рамках заданного дискурсивного поля.

4. Мультимодальная аргументация в китайской видеорекламе

Анализ материала исследования показал, что видеоряд и музыкальное сопровождение позволяют адресату интерпретировать вербальный компонент рекламного сообщения в эффективном с точки зрения заказчика рекламы ключе. Музыкальное сопровождение создает эмоциональный фон: меланхоличная, грустная музыка сообщает адресату, что речь пойдет о какой-то серьезной проблеме еще до того, как в рекламе зазвучит речь диктора или появится текст на экране. Этот же эффект оказывает и голос диктора, даже если адресат не вслушивается в то, что диктор произносит, он улавливает веселые и грустные интонации, за счет чего происходит погружение в атмосферу рекламного сообщения.

Смена кадров также задает темп повествования, в роликах с размеренным повествованием кадры сменяются реже, также мало резких наездов камер и необычных углов съемки, в свою очередь, в динамичных роликах кадры и ракурсы сменяются часто.

Еще одним невербальным аргументом является использование цвета и света. Видеоролики, в которых идет речь о «пра-

вильном» поведении или об изменении образа жизни в лучшую сторону, используют яркие цвета, в кадре много света. В сообщениях, в которых описываются проблемы современного общества, меньше света и больше темных цветов.

Так, в ролике *用健康记录美好的生活 – «Используй здоровье для записи прекрасной жизни»* – речь идет о предпочтительном образе жизни и тех привычках, которые помогут адресату стать здоровее. Позитивная атмосфера создается за счет яркого визуального ряда с быстро сменяющимися кадрами, веселой музыки и бодрой интонации диктора. Название видео «Используй здоровье для записи прекрасной жизни» обыгрывается через видеоряд: в первом кадре появляется надпись *健康贴士 – стикеры здоровья* – и изображение окна, в котором виден летний пейзаж, на окно приклеены стикеры. Видеоряд в этом кадре сопровождается звуком щебетания птиц, что указывает на раннее утро. Это подтверждается первой фразой, звучащей в ролике: *开心的一天 从干干净净的开始 – Счастливый день начинается с чистоты*. В дальнейшем каждая фраза диктора дублируется надписью на стикере и дополнительно аргументируется последующим видеорядом, который более детально раскрывает значение этих фраз:

(1) *开心的一天 从干干净净的开始 – Счастливый день начинается с чистоты* (мать с дочерью умываются и дурачатся в ванной комнате).

(2) *再忙再拼 也要好好吃饭 – В суматохе все равно нужно есть как следует* (мужчина завтракает и пьет молоко).

(3) *适量运动 活力满满 – Умеренные занятия спортом наполняют (вас) жизненной силой* (мужчина играет в бадминтон).

(4) *记得喝水 加速代谢 – Не забывайте пить воду, (чтобы) ускорить метаболизм* (девушка работает за компьютером и пьет воду).

(5) *好好休息 迎接美好的明天 – Хорошо отдохните, (чтобы) встретить прекрасное завтра* (девушка ложится спать).

(6) *偶尔放空身心 保持良好的心态 – Иногда (следует) дать отдохнуть душе и телу,*

(чтобы) сохранить хорошее настроение (девushка приехала на велосипеде на природу).

(7) 用健康记录美好的生活 – Используй здоровье для записи прекрасной жизни (на фоне многочисленных стикеров появляется название социального ролика).

В вербальном компоненте рекламы используются короткие безличные предложения императивной модальности. Преобладает лексика с положительной оценочностью: 开心 – *счастливый*; 好好 – *хороший / хорошо*; 活力满满 – *наполненный жизненной силой*; 美好 – *прекрасный*; 良好 – *хороший / позитивный*. Кроме того, в 4 из 7 фраз используются удвоенные формы прилагательного: 干干净净 – *чистый*; 好好 – *хороший*; 满满 – *наполненный*. Удвоенная форма прилагательного не только усиливает выразительность речи, но и упрощает восприятие текста и облегчает его запоминание.

Рассмотрим рекламный ролик 健康第一 阳光成长 – «Здоровье на первом месте, возрастим жизнерадостность», посвященный проблемам психологического здоровья у детей².

В первой части видео происходит постановка проблемы. Важность для китайского общества вопросов, связанных с нарушениями детской психики, подчеркивается и посредством спокойной, меланхолической музыки, кадры сменяются реже, общий темп видео намного более размеренный, чем в предыдущем ролике. В первой части видео повествование ведется от первого лица, адресат слышит расстроенные голоса детей:

(1) 我总是没法集中注意力, 怎么办? – Я никогда не могу сосредоточиться, как же быть? (мальчик сидит на занятии и вместо того, чтобы слушать урок, рисует в тетради).

(2) 总是不太自信, 害怕做不好, 大家不喜欢我。 – Я всегда не уверена в себе, боюсь сделать что-то плохо, тогда я никому не буду нравиться (девочка сидит в одиночестве на лавочке, пока другие дети игра-

ют; когда ей предлагают присоединиться к игре, она встает и уходит).

(3) 我总有莫名的压力, 不想和别人交流。 – Я постоянно испытываю невыразимое напряжение, не хочу общаться с другими людьми (мальчик приходит домой, его родители в это время готовят обед; мальчик не отвечает на приветствие отца, а уходит к себе в комнату, где в одиночестве сидит на кровати).

В этой части видео дети изображены как наброски рисунков, у которых есть контур, но сами рисунки не закрашены. В вербальном компоненте используются слова и выражения, указывающие на душевное состояние детей: 没法 – *никак не могу*, 怎么办 – *как быть*, 不太自信 – *не очень уверен в себе*, 害怕做不好 – *боюсь сделать что-то плохо*, 不喜欢我 – *я не понравлюсь*, 莫名的压力 – *невыразимое напряжение*, 不想 – *не хочу*. При этом каждая фраза начинается с местоимения 我 – я. Использование местоимений первого лица может рассматриваться как маркер фиктивного диалогического взаимодействия, так как они помогают выстроить диалогическую перспективу – «текст рекламы словно вступает в диалог с адресатом, что повышает эмоциональную вовлеченность последнего» (Alekseenko, 2022: 296).

В следующей части видео музыка становится веселее. Голос за кадром замолкает, а повествование ведется посредством надписей, появляющихся на экране. В видеоряде мы видим, что благодаря помощи окружающих дети преодолевают свои страхи и «оживают»: из набросков превращаются в «настоящих» детей. Этот переломный момент подчеркивается через императивную модальность появляющихся на экране предложений и через использование таких эпитетов, как 足够 – *достаточный*, 专业 – *профессиональный*, 有效 – *эффективный*.

В видеоролике 健康你我, 健康中国 – «Здоровые ты и я – здоровый Китай» – жители Китая разных возрастов и национальностей передают друг другу эстафетную палочку с надписью 健康中国 – «Здоровый Китай». В ролике используется прием, при котором значение вербального

² https://www.bilibili.com/video/BV1zsyGYnEHJ/?spm_id_from=333.337.search-card.all.click

месседжа раскрывается через визуальный ряд. Используются параллельные конструкции и анафора – первые 4 предложения начинаются со слова 健康 – «здоровье», таким образом делается акцент на семантически значимом слове. Для дополнительного акцентирования внимания на этом слове также используется визуальная аргументация: когда на экране появляется надпись, дублирующая речь диктора, слово 健康 – «здоровье» обводится сердечком. Фразы, звучащие в ролике, могут быть интерпретированы по-разному (что значит *Здоровье у тебя под ногами?*), именно видеоряд позволяет адресату понять смысл фразы нужным для адресанта образом. Кроме того, в данном рекламном ролике визуальный ряд является дополнительным аргументом в пользу единства всех жителей Китая. В ролике показаны представители разных национальностей, проживающих на территории Китая, все они участвуют в эстафете передачи палочки «Здоровый Китай». Это сопровождается фразой *每个人的健康会聚成健康中国 – Здоровье каждого человека формирует здоровый Китай*, следовательно, подчеркивается, что здоровье всех категорий населения Китая в равной степени значимо.

Таким образом, при анализе аргументации в поликодовых текстах видеорекламы необходимо учитывать компоненты разных кодов, не только вербальный и визуальный, но и звуковой, включая музыкальное сопровождение и интонацию диктора, а также особенности нарезки кадров. Совокупность всех перечисленных компонентов задает тон повествованию, погружая адресата в атмосферу видео, благодаря чему получается комплексный воздействующий эффект.

5. Модель анализа мультимодальной аргументации в социальной рекламе

Проведенный анализ позволяет предложить следующую модель анализа мультимодальной аргументации в социальной рекламе, что позволит описать, как различные семиотические режимы взаимодей-

ствуют для создания единого убеждающего высказывания.

1. Декомпозиция. Анализ отдельных режимов: 1) вербальный (лексика; синтаксис и риторика; выявление основного тезиса и вспомогательных аргументов); 2) визуальный (иконография; композиция; цвет и свет; специфически китайский аспект – анализ иероглифа как вербально-визуального феномена); 3) аудиальный (музыкальное сопровождение, звуковые эффекты; речь диктора); 4) темпо-ритмический режим (монтаж; продолжительность планов).

2. Синтез. Анализ взаимодействия режимов: тип взаимодействия режимов (дублирование; дополнение; усиление; структурное слияние); распределение аргументативной нагрузки (режим, который отвечает за логику и тезис; режим, который отвечает за эмоциональное воздействие и т.п.).

3. Контекстуальный и дискурс-анализ: 1) дискурсивное позиционирование (роль адресата и адресанта; стратегии формирования убедительного высказывания); 2) культурная специфика (традиционные культурные концепты; апелляция к коллективизму и т.п.); 3) связь с государственной политикой.

4. Интерпретация и выводы: 1) аргументативный эффект (насколько убедительно / эффективно); 2) синергетический эффект (достигнуто ли согласованное воздействие, где целое больше суммы частей); 3) культурная эффективность (органичное объединение современных техник убеждения с традиционными культурными кодами).

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности китайской социальной рекламы здоровья, определяющие как культурную специфику, так и аргументативный потенциал проанализированных рекламных сообщений. В частности, было отмечено, что социальная реклама здоровья в КНР является не просто средством информирования, но и сложным инструментом формирования общественного

сознания в рамках государственной политики. Китайская социальная реклама здоровья органично интегрирует актуальные проблемы здравоохранения в более широкий дискурс культурного развития и гражданской ответственности, что закреплено в национальной программе «Здоровый Китай 2030».

Специфика вербально-визуальной аргументации в китайской рекламе напрямую связана с природой иероглифической письменности. Иероглиф выступает не просто как знак, а как синтез вербального смысла и визуального образа, что позволяет создавать культурно-обусловленные и мнемонически эффективные аргументы. Использование параллельных конструкций, лексических повторов, личных местоимений формирует дискурс коллективной ответственности и личной вовлеченности.

Анализ видеорекламы продемонстрировал, что мультимодальная аргументация достигает максимальной результативности за счет синергии всех компонентов: вербального (лаконичные императивные высказывания, оценочная лексика), визуального (цвет, свет, композиция, смена кадров)

и аудиального (музыка, интонация диктора, звуковые эффекты). Именно согласованное воздействие через все каналы восприятия позволяет не только транслировать информацию, но и конструировать нужный эмоциональный настрой, погружать аудиторию в проблему и предлагать убедительные пути ее решения.

Таким образом, китайская социальная реклама здоровья представляет собой модель мультимодальной коммуникации, в которой традиционные культурные коды (иероглифика, коллективистские ценности) успешно адаптируются к задачам современной государственной политики. Аргументация при этом строится на убеждении через апелляцию к здоровому смыслу, эмоциям и чувству гражданской общности, при этом здоровье личности неразрывно связывается со здоровьем и процветанием всей нации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы / References

- Alekseenko N. V. *Polymodality of fictitious communication in the discourse of social advertising Polymodal dimensions of discourse: monograph*. M., Publishing house YASK, 2022. 264–297. ISBN978–5–907290–80–8, 978–5–907290–81–5.
- Bart R. Rhetoric of the Image. *Selected Works: Semiotics. Poetics*. M., 1994. 297–318.
- Cheng L. A Multimodal Discourse Analysis on the Reports of China's First. *2021 3rd International Conference on Economic Management and Cultural Industry (ICEMCI 2021)*, 2021, 2081–2084. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.211209.341>.
- Groarke L., Kišiček G. Auditory arguments, advertising, and argumentation theory: Hitting sour notes or ringing true? In: *Journal of Argumentation in Context*, 2024. 13(2), 177–202. <https://doi.org/10.1075/jaic.00027.gro>.
- Groarke L., Palczewsk C. H., Godden D. Navigating the Visual Turn in Argument. In: *Argumentation and Advocacy*, 2016, 52(4), 217–235. <https://doi.org/10.1080/00028533.2016.11821871>.
- Kjeldsen J. E. The rhetoric of sound, the sound of arguments. Three propositions, three questions, and an afterthought for the study of sonic and multimodal argumentation. In: *Argumentation and Advocacy*, 2018. 54(4), 364–371. <https://doi.org/10.1080/10511431.2018.1525013>.
- Kjeldsen J. E. The Study of Visual and Multimodal Argumentation. In: *Argumentation*, 2015, 29, 115–132. <https://doi.org/10.1007/s10503-015-9348-4>.
- Kress G., van Leeuwen T. *Multimodal discourse: the modes and media of contemporary communication*. London, Hodder Education, 2001. 160. ISBN978–0–340–60877–7.

Kress G., van Leeuwen T. *Reading images: The Grammar of Visual Design*. London, Routledge, 2020. 310. ISBN: 978-1-000-20787-3.

Terskikh M. V. Polikodovaya metaforizatsiya v social'noj reklame zdorov'ya [Polycode Metaphorization in Social Advertising of Health]. *Aktual'ny'e problemy' filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistic]*, 2024, 4, 133–151. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-4-133-151>.

Terskikh M. V. Vizual'naya intertekstual'nost' v social'noj reklame zdorov'ya [Visual intertextuality in social advertising of health]. *Kommunikativny'e issledovaniya [Communication Studies]*, 2025, 12(2), 436–452. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12\(2\).436-452](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12(2).436-452).

van den Hooven P., Yang Yi. Multimodal Argumentation Discourse Reconstruction: Taking a News Story from ABC as an Example. *International News Community*, 2013, 35(4), 62–75. <https://doi.org/10.13495/j.cnki.cjjc.2013.04.002>.

Yang Yi. A Multimodal Discourse Analysis of Chinese-related News in American Media: A Case Study of a CNN Television Report. In: *Journal of Zhejiang University of Media and Communications*, 2016, 23(5), 14–20. <https://doi.org/10.13628/j.cnki.zjcmxb.2016.05.003>.

Zhang Ch., Huang L., Xu C. Research on Multimodal Argumentation Discourse from the Perspective of Pierce Shenfu Theory. In: *Journal of Zhejiang University (Humanities and Social Sciences Edition)*, 2025, 55 (6), 41–49.

Zhang D. Exploration of Multimodal Argumentation Rhetoric Framework. *Contemporary Rhetoric*, 2017, 1, 1–8. <https://doi.org/10.16027/j.cnki.cn31-2043/h.2017.01.001>.

EDN: YFIKCU
УДК 81'373.4:778.5:355.426(460)

Reconstructing the Collective Memory of the Civil War in Spanish Cinema

Yulia A. Gornostaeva* and Anna E. Khokhriakova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 27.01.2026, received in revised form 5.02.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. The article examines the linguistic description of the routinization of cultural trauma associated with the Spanish Civil War in the collective memory of the Spanish people. The routinization process occurs in three stages: 1) the formation of a “language of trauma” through the actualization of the nature of pain, images of victims and antagonists, and the establishment of intergenerational connections; 2) the consolidation of diachronic linguocognitive patterns of memory; 3) the use of a range of figures of speech that transform historical facts into ethical categories. This routinization results in the creation of a socio-memorial framework for the collective memory of the Civil War, complemented by the personal recollections of society members. The authors conclude that contemporary Spanish cinema discourse functions as an active actor in the politics of memory, providing space for the routinization of collective memories of the traumatic event and constructing a new collective identity for democratic Spain.

Keywords: Civil War, collective memory, cultural trauma, routinization, Spanish cinema.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Citation: Gornostaeva Yu. A. and Khokhriakova A. E. Reconstructing the Collective Memory of the Civil War in Spanish Cinema. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 560–571. EDN: YFIKCU

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: yulyatald@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6233-4995 (Gornostaeva); 0009-0005-8892-6506 (Khokhryakova)

Реконструирование коллективной памяти о Гражданской войне в испанском кинематографе

Ю.А. Горностаева, А.Э. Хохрякова

Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена проблеме языкового описания процесса рутинизации культурной травмы, связанной с Гражданской войной, в коллективной памяти испанского народа. Процесс рутинизации осуществляется в три этапа: 1) формирование «языка травмы» через актуализацию природы боли, образов жертвы и антагонистов и установление межпоколенческой связи; 2) закрепление диахронических лингвокогнитивных паттернов памяти; 3) использование комплекса художественных средств, трансформирующих исторические факты в этические категории. В результате рутинизации создается социально-мемориальный каркас коллективной памяти о Гражданской войне, дополняемый личными воспоминаниями членов социума. Авторы заключают, что современный испанский кинодискурс функционирует как активный актер политики памяти, предоставляя пространство для рутинизации коллективных воспоминаний о травмирующем событии и конструируя новую коллективную идентичность демократической Испании.

Ключевые слова: Гражданская война, коллективная память, культурная травма, рутинизация, испанский кинематограф.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Горностаева Ю. А., Хохрякова А. Э. Реконструирование коллективной памяти о Гражданской войне в испанском кинематографе. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 560–571. EDN: YFIKCU

Введение

Коллективная память является пространством трансляции и передачи травматического опыта прошлого новым поколениям, формируя коллективную идентичность народа. Память коллектива не выходит за его пределы, поскольку определяется передающимися из поколения в поколение репрезентациями, отобранными определённой культурой для конкретной группы, формируя социально-мемориальный каркас памяти этой группы. Так, коллективная память о значимых травматических событиях всегда реконструируется средствами языка в соответствии с актуальными идеологи-

ческими и ценностными установками общества, что позволяет говорить о процессе конструирования коллективных интерпретаций и репрезентаций знаковых событий прошлого, которые вызывают у индивидов эмоциональную вовлеченность и конструируют коллективную идентичность «Мы». Гражданская война в Испании стала ярким примером травматического события, воспоминания о котором прочно закрепились в коллективной памяти испанцев и стали частью их новой постфранкистской коллективной идентичности.

Так, цель данного исследования – описать процесс рутинизации травматического

опыта, связанного с Гражданской войной, в испанской культуре, выявив особенности языковой репрезентации травмирующего события в современном испанском кинематографе и определив ключевые травмирующие паттерны и узлы коллективной памяти, являющиеся основой постфранкистской коллективной идентичности испанцев.

Научная новизна работы определяется полипарадигмальным междисциплинарным исследовательским подходом, объединяющим две научные концепции – культурной травмы и коллективной памяти.

Методология и материал

Методика данного исследования базируется на утверждённом лингвистическом инструментарии дискурсивного анализа, позволяющем проанализировать язык в социальном контексте и включающем в себя семантический, контекстуальный и прагматический анализ, а также элементы общенаучных методов систематизации, обобщения и сравнения.

Материалом исследования стали документальные фильмы на испанском языке, в центре внимания которых находятся события Гражданской войны. Картины сняты после завершения политики забвения, которая господствовала при диктатуре Ф. Франко: *Exilio. El exilio republicano español (1936–1978)* (2002), *Espejo Rojo* (2005), *La Guerra Civil en Aragón* (2011), *La gran historia de la Guerra Civil Española* (2014), *España dividida: La Guerra Civil en color* (2016), *España en dos trincheras: La Guerra Civil en color* (2016), *La Guerra Civil: Como nunca la habías visto* (2025).

Рутинизация травматического опыта в коллективной памяти на фоне культурной травмы

Культурная травма – это динамичный процесс, перестраивающий коллективную идентичность народа, который закрепляет травматический опыт в его коллективной памяти средствами языка (Smelser, 2004; Gornostaeva, 2023). Коллективная память, в свою очередь, находится в тесном взаимодействии с культурой общества и представ-

ляет собой механизм хранения и трансляции информации о прошлом (Lotman, 1992).

Память, будучи социальным конструктом (Assmann, 1995), всегда испытывает на себе влияние текущего идеологического контекста, а конструирование памяти о травмирующем событии происходит в процессе взаимодействия индивида с социумом, который устанавливает рамки памяти, намеренно запоминая или подвергая забвению определенные исторические события (Khalbvaks, 2007). Запоминаются события, которые соответствуют актуальным ценностным ориентирам общества, а конструирование памяти возможно только в процессе социализации индивида (Assmann, 1995; Assmann, 2004; Khalbvaks, 2007). Так, основным механизмом формирования памяти вполне обоснованно считается коммуникация, которая может осуществляться не только синхронно, но и диахронически – через межпоколенческую коммуникацию посредством дневников, мемуаров, произведений искусства и другой субъективной исторической хроники (Assmann, 2014).

На фоне травмирующего события запускается социально и политико-обусловленный процесс превращения памяти исторической в память коллективную, который приводит к формированию культурной травмы (Alexander, 2004). Так, на первом этапе историческое событие осмысливается и категоризируется как травмирующее. На втором – травмирующий опыт проговаривается посредством языка травмы, формируя господствующий нарратив. При этом в формировании господствующего нарратива ключевую роль играют четыре типа языковой репрезентации культурной травмы: 1) природа боли; 2) природа жертвы; 3) связь жертвы травмы с широкой аудиторией; 4) возложение ответственности. Далее травмирующее событие закрепляется и транслируется последующим поколениям через различные формы рутинизации: посредством устных, письменных и мемориально-символических форм. Охватываются все культурообразующие сферы институционального пространства:

политическая (законодательство), экономическая (отчеты), социальная (традиции, ритуалы, образование) и культурная (искусство, кино, литература). Последняя представляет наибольший интерес в рамках настоящего исследования. На завершающем этапе через переосмысление прошлого пересматривается коллективная идентичность, появляются новые доминирующие структуры и ценности, что неизбежно приводит к формированию дискурса травмы, который, в свою очередь, образует социально-мемориальный каркас коллективной памяти (Alexander, 2004, Eyerman, 2001; Eyerman, 2004; Shagoian, 2021).

Полипарадигмальная перспектива изучения памяти позволяет провести детальный анализ памяти как ключевого элемента публичной репрезентации социума, благодаря которой индивид интерпретирует историческое прошлое и получает возможность ассоциироваться с ним (Balan, 2023).

Гражданская война как культурная травма в коллективной памяти испанцев

Некоторые ученые связывают политико-институциональный кризис, с которым столкнулось современное испанское общество, с событиями прошлого, пытаясь найти ему объяснение в истории (Khenkin, 2018). Одним из таких событий стала Гражданская война в Испании, которая привела к установлению диктатуры Франко и обусловила курс развития государства на несколько десятилетий вперед. С точки зрения *memory studies* война стала ключевым событийным референтом как в процессе публичной коммеморации, так и в контексте конструирования коллективной памяти испанцев.

Гражданская война началась в 1936 году как результат острого противостояния двух противоборствующих сторон – либерально-демократического левого сектора и правых партий и монархистов. Этому предшествовало поражение монархии на муниципальных выборах 1931 года, по результатам которых король Альфонс XIII сложил полномочия, а Испания была признана республикой. Новое пра-

вительство, ожидая всплеска активности со стороны оппонентов, в 1936 году создает Народный фронт, в который входят Социалистическая партия, коммунисты и левые республиканцы. Народному фронту противостоял Национальный фронт в составе Испанской конференции народных правых, монархистов и других традиционалистов. На выборах 1936 года победу одержал Народный фронт, но 17 июля 1936 года произошел государственный переворот под предводительством генералов, который позднее возглавил Франсиско Франко и поддерживался фашистскими странами. Военный мятеж дал начало гражданской войне, разделившей страну на два лагеря (Mukhamedzhanov, 2012).

Вопросы языковой репрезентации коллективной памяти испанцев о Гражданской войне и других травмирующих событиях затронуты некоторыми исследователями, которые в большей степени фокусируются на описании комплекса языковых средств, используемых для репрезентации определенного исторического события, а также анализе отражения культурно-исторической памяти в концептосфере испанского языка (Balan, 2023). Коллективная память в контексте испаноязычных исследований рассматривается с точки зрения актуализации коммеморативного дискурса как пространства функционирования интенционально и идеологически обусловленных лингвокогнитивных паттернов памяти (Raevskaia, 2012, 2021, 2025).

Актуализацией и сохранением памяти о Гражданской войне в Испании занимаются определенные мемориальные институции, среди которых *Amigos de los Caídos por la Libertad*, *La Asociación de Amigos de las Brigadas Internacionales*, *Asociación por un Archivo de la Guerra y el Exilio*, *La Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica* (Balan, 2023). Деятельность подобных организаций направлена на консолидацию институтов для сохранения памяти, защиту прав пострадавших и поиск пропавших без вести. Так, они способствуют включению памяти индивидуальной в память коллективную.

Рис. 1. Места памяти о Гражданской войне в Испании
 Fig. 1. Places of remembrance of the Spanish Civil War

К местам памяти относятся символические пространства, связанные с определенным историческим событием и наполненные эмотивными компонентами (Noga, 2005). В контексте Гражданской войны в Испании ключевыми местами памяти являются Долина павших и памятники жертвам войны (рис. 1). После принятия Законов об исторической (2007) и демократической памяти (2022) власти Испании направляют силы на реставрацию воспоминаний о Гражданской войне, уничтожая символику диктатуры Ф. Франко, а места памяти переосмысливаются и приобретают новые культурные смыслы.

Память о гражданской войне многие годы оставалась дискуссионным вопросом, претерпевая диахронические изменения, обусловленные главным образом идеологическими установками властных структур и политических партий (Khenkin, 2019), которые в борьбе за власть разыгрывают «войны памяти», определяющие общественные настроения и значительную часть политического дискурса (Grantseva, 2022). Десятилетия франкизма и последующий негласный запрет на обсуждение последствий Гражданской войны (Balán, 2023), зафиксированный в Пакте о забвении и сформулированный в Законе об амнистии, приводят к намеренному игнорированию исторической памяти, вытеснению и маргинализации многих воспоминаний (Vinyes, 2014). Так, например, умышленному забвению придавалась память о Второй Республике, проигравшей Гражданскую войну (Balán, 2023; Ramblado-Vinero, 2011). Долгие годы

реконструирование коллективной памяти силами католической церкви и франкистов проводилось в конкретном направлении: реализованный 18 июля 1936 года милитаристский захват действующего на тот момент правительства Второй Республики преподносился как противостояние безверным коммунистам (Khenkin, 2019) и устранение красной угрозы миру и спокойствию в Европе (Orekhova, 2016).

Только в начале XXI века предпринимаются попытки восстановления исторической памяти и формирования нового господствующего нарратива. В 2007 году принимается Закон об исторической памяти, дающий начало открытому обсуждению событий Гражданской войны и франкизма (Balán, 2023), снимается ряд документальных фильмов о Гражданской войне, в которых жертвы получают возможность открыто транслировать травматический опыт новому поколению. Так, запускается процесс рутинизации травматического опыта в коллективной памяти.

Текущие смысловые доминанты конструирования политики памяти во многом определяются курсом конкретной политической партии Испании. Так, например, Испанская социалистическая рабочая партия поддерживает антифранкистское содержание памяти о Гражданской войне, а левые партии заинтересованы в воздании почестей жертвам войны. Правые партии, напротив, считают республиканцев и националистов в равной степени ответственными за произошедшее. Праворадикальная партия «Вокс» как последо-

вательница франкизма перекладывает всю вину за случившееся на республиканцев (Kostenko, 2022).

Языковая репрезентация культурной травмы в испанском кинематографе

На первом этапе выявлены и описаны аспекты языковой репрезентации культурной травмы по Дж. Александру: вербализации 1) природы боли, 2) природы жертвы, 3) природы антагонистов и 4) связи жертвы травмы с широкой аудиторией.

Так, **природа боли** и глубокая травмированность общества связаны с тем, что война породила классовую вражду и расслоение общества, которые переросли в геноцид и привели к политическим репрессиям и разрыву социальных (*el odio de la clase* – классовая ненависть, *la envidia de clase* – классовая зависть, *depuraciones internas* – внутренние чистки,) и семейных связей (подробнее – в примерах 1–2).

(1) *Y cientos de familias españolas se van a ver separadas por el tajo geográfico de la contienda durante casi 3 años.* Целых три года сотни испанских семей окажутся разделены географической пропастью, возникшей из-за войны (*La gran historia de la Guerra Civil Española*).

(2) *El exilio político, la represión y la violencia desatada por el franquismo.* Политическое изгнание, репрессии и насилие, развязанные франкистским режимом (*La Guerra Civil: como nunca la habías visto*).

На языковом уровне природа боли представлена языковыми единицами с семантикой физических страданий и дегуманизации (*epidemias de tifus, hambre, enfermedades, episodios de violencia, enfrentamientos*), а также военной терминологией (*encarcelar, fusilar, detener, bombardear, la artillería, la primera línea de frente, Junkers H52, tanques T26, bombas de mano, cargas explosivas, municiones, dinamiteros, fusiles*). Приводятся количественные данные об участниках и свидетелях боевых действий, конструируются места памяти, связанные с переломными для Гражданской войны историческими событиями (*la caída de Cádiz, la*

toma de Málaga, la ocupación de Cataluña, el asalto a Madrid).

К **жертвам** травмы (примеры 3–4) относят республиканцев и левоцентристские политические силы, крестьян, рабочий класс, ополченцев и мирных жителей, которые репрезентированы как уязвимые и невинные социальные классы (*solo mueren inocentes desarmados* – погибают только невинные и безоружные). Происходит деперсонализация и коллективизация образа жертвы, высокие моральные качества которой репрезентируются через идею героического сопротивления (*resistencia heroica*). Образ коллективной жертвы подчеркивает массовость и масштабность нанесенной травмы и обеспечивает ее моральную сакрализацию.

(3) *Las guardias sin uniforme, ni gorra, ni nada más que el correa y el fusil. Ya heridos y maltrechos.* Гвардейцы без униформы, без фуражек, ничего, кроме португалии и винтовки. Уже раненые и подвергшиеся жестокому обращению (*La Guerra Civil en Aragón*).

(4) *Son 300 000 muertos. Medio 1 000 000 de prisioneros en cárceles y campos de concentración. Y otro medio 1 000 000 de exiliados. 300 000 погибших, 1 000 000 заключенных в тюрьмах и концлагерях. Еще 1 000 000 ссыльных (España en dos trincheras: La Guerra Civil en color).*

Группа **антагонистов**, напротив, персонифицируется в образах франкистов и конкретных исторических личностей, относящихся к правым силам (*los derechistas, José Antonio Primo de Rivera, Emilio Mola, José Centaño, los espías de Franco, España oligárquica, generales facciosos* – правые, Хосе Антонио Примо де Ривера, Эмилио Мола, Хосе Сентано, шпионы Франко, испанские олигархи, генералы-мятежники), и внешних агрессорах (*los fascistas italianos del Corpo di Truppe Volontarie, los fascistas alemanes* – итальянские фашисты экспедиционного корпуса, немецкие фашисты), которые приравниваются к жестоким убийцам и морально порицаются. Персонификация виновников способствует делегитимации травмирующего события в глазах общества. Делается акцент на нелегитимности военного переворота, поддерживае-

мого внешней интервенцией, происходит прямое возложение ответственности на фашистские войска посредством инвективы и атрибуции (примеры 5–6).

(5) *157 división alemana compuesta de 12.000 hombres con artillería de montaña con la aviación que bombardea cada día*. 157-я немецкая дивизия в составе 12 000 человек с горной артиллерией и авиацией, бомбящей каждый день (Exilio. El exilio republicano español).

(6) *Tú (Franco) que abriste las puertas al fascismo, tendrás eternamente nuestra maldición*. Ты, открывший двери фашизму, навеки будешь нашим проклятием (La Guerra Civil: Como nunca la habías visto).

Связь жертвы травмы с широкой аудиторией вербализуется через идеи совместной судьбы и общей европейской коллективной памяти, высказываются сожаления об упущенных из-за войны возможностях, которые могли бы значительно улучшить жизнь народа сейчас (примеры 7–8).

(7) *Eso hubiera hoy si la República hubiese ganado la guerra y hemos perdido todos los beneficios que teníamos*. У нас бы все это было сейчас, если бы Республика победила в войне, но мы потеряли все преимущества, которые у нас были (Espejo Rojo).

(8) *Los que vienen a defender a la República se aglutinan en las llamadas brigadas internacionales. Hombres de todo el mundo (europeos, norteamericanos, hispanoamericanos y asiáticos) vienen a España a combatir por los españoles y por ellos mismos*. Те, кто приезжают защищать Республику, объединяются в так называемые интернациональные бригады. Люди со всего мира (европейцы, североамериканцы, латиноамериканцы и азиаты) приезжают в Испанию сражаться за испанцев и за себя.

Судьба женщин и детей конструируется в испанском кинодискурсе как структурная составляющая культурной травмы: они являются свидетелями социальной и эмоциональной пустоты в военное время – отсутствие мужчин, нормальной жизни и мирного детства. Их индивидуальные воспоминания о войне и эмоциональные

переживания событий являются главным средством создания эмпатической связи и основным каналом трансляции и рутинизации травматического опыта.

Документальные исторические фильмы являются пространством манифестации и трансляции травматического опыта. Языковые средства, используемые в кинодокументалистике о Гражданской войне, создают «язык травмы» и формируют нарративные механизмы вербализации травматического опыта. Гражданская война последовательно трансформируется из исторического события в устойчивый компонент коллективной памяти, а проговаривание исторического опыта в процессе рутинизации способствует категоризации данного события как травмы. Опыт испанцев вписывается в общеевропейский антифашистский нарратив, что обеспечивает межпоколенческую трансляцию травматического опыта в коллективной памяти.

Лингвокогнитивные паттерны коллективной памяти испанцев

В ходе анализа были выделены и писаны ключевые лингвокогнитивные паттерны коллективной памяти испанцев, связанные с Гражданской войной, в диахроническом аспекте: 1) 1900–1930 гг. – до провозглашения Республики, 2) 1931–1936 гг. – после провозглашения Республики и до начала Гражданской войны, 3) 1936–1975 гг. – во время Гражданской войны и после победы франкистов и установления диктатуры.

В начале XX в. до прихода к власти республиканцев (1900–1930) доминирующим паттерном является «Социальная несправедливость», которая отражает структурное насилие, депривацию и угнетение испанского народа. Актуализируются идеи о нищете, отсутствии прав и свобод, рабстве и репрессиях (примеры и анализ представлены в табл. 1).

При реконструировании памяти о республиканском периоде (1931–1936) вводятся паттерны «Политическая поляризация общества» и «Акты насилия», которые образовались из-за диссонанса двух когнитивных моделей. Справедливость, равен-

Таблица 1. Реконструирование коллективной памяти о периоде 1900–1930 гг.
Table 1. Reconstructing collective memory of the period 1900–1930

Аспект	Примеры	Вербализации
Нищета	(1) <i>Alcanzaban mantener a sus familias tirándose los pelos.</i> Им удавалось содержать семью, рвя на себе волосы (Espejo Rojo) (2) <i>Los campesinos que trabajan esos latifundios subsisten con dificultades y penurias.</i> Крестьяне, работающие в латифундиях, живут в трудностях и нищете (España dividida: La Guerra Civil en color)	Языковые единицы с семантикой бедности и ЛТГ «Социальные проблемы». Метафоры невыносимости условий проживания
Отсутствие прав и свобод	(3) <i>A los obreros no les pertenecía nada más que sus brazos para trabajar.</i> Рабочим ничего не принадлежало, кроме собственных рук, чтобы работать (4) <i>No había ni domingos, ni sábados.</i> Не было ни субботы, ни воскресенья (Espejo Rojo)	Усилительная отрицательная частица <i>ni</i> , метафоры, синекдоха «человек лишь инструмент»
Рабство	(5) <i>Era una vida más que esclava.</i> Жизнь была больше, чем рабской (Espejo Rojo)	Языковые единицы с семантикой рабства в превосходной степени
Репрессии	(6) <i>Había represión, claro que había, lo encarcelaron, estuvo detenido.</i> Были репрессии, конечно же, были репрессии, его арестовали, он был в заключении (Espejo Rojo)	Языковые единицы с семантикой государственного террора

ство и свобода были противопоставлены хаосу, восстаниям и насилию, царившим по всей Испании. Так, с одной стороны, упоминаются положительные реформы нового правительства и мирный настрой республиканцев, а многочисленные восстания и уличные беспорядки – с другой (табл. 2).

В период Гражданской войны и диктатуры Франко (1936–1975) паттерны «Систематический террор» и «Экзистенциальный кризис народа» актуализируют две основные идеи: целенаправленное, военное, идеологическое уничтожение и полная утрата социальных, моральных и этических принципов в обществе. В испанском кинодискурсе данные паттерны реконструируются через описание кровавых репрессий, массовых убийств, потерю прав и свобод и голод, с которыми столкнулись испанцы при франкистском режиме (табл. 3).

Таким образом, лингвокогнитивные паттерны служат средством фиксации социально-политических условий, которые послужили причинами травматического события и триггерами, запустившими процесс культурной травматизации. Паттерны

коллективной памяти предоставляют индивиду модели категоризации событий и опыта для дальнейшей интерпретации истории и установления устойчивых связей с травмированным коллективом. Выделенные лингвокогнитивные паттерны являются репрезентациями образцов, моральных ценностей и установок испанского общества в условиях определенной политической, социальной и культурной парадигмы.

Кинодискурс о войне изобилует 1) метафорическими выражениями перенесения физической боли на моральное и эмоциональное состояние (*Comer el amargo pan de la confianza errada.* Есть горький хлеб преданного доверия); 2) идиоматическими выражениями, означающими безнаказанность и тотальный контроль (*La dictadura de franco se vio con las manos libres para llevar a cabo una implacable represión.* У диктатуры Франко были развязаны руки для проведения безжалостных репрессий); 3) антитезами, отражающими социальный раскол (*La guerra civil es un estallido interno entre personas que se conocen. Y de la noche a la mañana se despiertan como enemigos unos de*

Таблица 2. Реконструирование коллективной памяти о республиканском периоде 1931–1936 гг.
Table 2. Reconstruction of collective memory about the Republican period of 1931–1936

Аспект	Примеры	Вербализации
Политические и светские реформы	(1) <i>La extensión de la educación laica. La reestructuración del ejército. Y un Estatuto de Autonomía para Cataluña. En noviembre de 1933 se celebran nuevos comicios. Será la primera vez que voten las mujeres.</i> Расширение светского образования. Реструктуризация армии. Каталония получает автономный статус. В ноябре 1933 года были проведены новые выборы. Это будет первый раз, когда женщины проголосуют (España dividida: La Guerra Civil en color)	Языковые единицы с семантикой всеобщности, справедливости, свободы. Апелляция к универсальным демократическим ценностям. Перечисление и синтаксический параллелизм
Позитивные реформы для рабочих	(2) <i>El decreto a los trabajadores que no se podía trabajar más de 8 horas, ley de desahucio.</i> Декрет о восьмичасовом рабочем дне, закон о не выселении (Espejo Rojo) (3) <i>Proyectan una reforma agraria. Mejoras en las condiciones de los trabajadores.</i> Они планируют земельную реформу. Улучшение условий труда работников (España dividida: La Guerra Civil en color)	Языковые единицы с семантикой правовой защиты, материальных улучшений в сочетании с ЛТГ «Рабочий класс»
Мирное урегулирование со стороны республиканцев	(4) <i>Muy tímida, muy moderada, la República entró sin sangre, sin barbaridades, sin ninguna violencia, no se hizo nada malo ni contra unos, ni contra otros.</i> Очень скромная, очень сдержанная, Республика пришла без кровопролития, без варварства, без жестокости, не сделала ничего плохого ни одним, ни другим (Espejo Rojo)	Языковые единицы с семантикой сдержанности. Предложные конструкции с предлогом <i>sin</i> + существительное из ЛТГ «Жестокость», синтаксический параллелизм
Восстания и беспорядки	(5) <i>En España los meses de marzo abril y mayo de 1932 son trágicos: bombas, atracos, muertos, agresiones, motines, tiroteos, peleas, asaltos a cortijos y cuarteles de la guardia Civil.</i> В Испании март, апрель и май 1932 года были трагическими месяцами: взрывы бомбы, грабежи, убийства, нападения, беспорядки, перестрелки, драки, нападения на фермерские дома и казармы гражданской гвардии (La gran historia de la Guerra Civil Española)	Языковые единицы с семантикой разрушения, физического насилия, системного террора. Бессюжное перечисление (асиндетон). Безличные конструкции
Ограничение деятельности церкви	(6) <i>Ni sacerdotes, ni religiosos tendrán derecho a ejercer la enseñanza ni ningún tipo de actividad Industrial ni mercantil.</i> Ни священники, ни религиозные деятели не имеют права заниматься преподавательской деятельностью, а также какой-либо промышленной или коммерческой деятельностью (La gran historia de la Guerra Civil Española)	Языковые единицы из ЛТГ «Секуляризация». Отрицательная частица <i>ni</i> . Будущее время <i>Futuro Simple</i> . Номинативные конструкции

los otros. Гражданская война – это внутренняя вспышка между людьми, которые знают друг друга, а на следующий день просыпаются врагами); 4) метафорическими сравнениями, демонстрирующими смерть общества и исчезновение жизни в индустриальных центрах Испании (*Barcelona parece un enorme cementerio*. Барселона похожа на огромное кладбище. *Madrid es más una ciudad de muertos que de vivos*. Мадрид –

это скорее город мертвых, чем живых); 5) олицетворениями, отождествляющими оружие с преследователем и фатумом, предсказывающим неотвратимую смерть (*Si una bomba lleva tu nombre, de nada sirve que te escondas. Dará contigo*. Если бомба названа в честь тебя, тебе нет смысла прятаться. Она тебя найдет); 6) природными аналогиями, вербализирующими глубину человеческой трагедии и насилия со стороны фашистов

Таблица 3. Реконструирование коллективной памяти о периоде Гражданской войны и диктатуре Франко (1936–1975 гг).

Table 3. Reconstruction of collective memory about the Civil War and Franco's dictatorship (1936–1975).

Аспект	Примеры	Вербализации
Репрессии и изгнание	(1) <i>Áspero camino de exilio</i> . Тернистый путь изгнания (Espejo Rojo). (2) <i>Fueron ejecutados al momento o enviados a los campos de exterminio nazi. Auschwitz, Mauthausen, Buchenwald, Ravensbrück</i> . Их казнили сразу или отправили в нацистские лагеря смерти. Освенцим, Маутхаузен, Бухенвальд, Равенсбрюк (Exilio. El exilio republicano español)	Языковые единицы с семантикой потери, террора, системного убийства. Дисфемизмы. Названия концентрационных лагерей. Риторический вопрос. Языковые единицы из ЛТГ «Эмиграция». Топонимы
Массовые убийства республиканцев, жестокость	(3) <i>Cuando ganó Franco hubo un verdadero exterminio</i> . Когда Франко выиграл, началось настоящее истребление (4) <i>Fusilamientos en masa, juicios sumarísimos, campos de concentración, batallones de castigo</i> . Массовые расстрелы, суммарные судебные процессы, концентрационные лагеря, карательные батальоны (Exilio. El exilio republicano español)	Термины государственного террора. Языковые единицы с семантикой целенаправленного истребления, варварства. Номинативные конструкции
Потеря прав и свобод, имущественная	(5) <i>Eso hubiera si hoy la República hubiese ganado la guerra y hemos perdido todos los beneficios que teníamos</i> . У нас бы все это было сейчас, если бы Республика победила в войне, но мы потеряли все преимущества, которые у нас были (Espejo Rojo)	Языковые единицы с семантикой потери, неопределённости. Сослагательное наклонение
Голод и нищета	(6) <i>Por la carencia de alimentos, los barceloneses llegan incluso a alimentarse de gatos callejeros y de palomas</i> . Из-за нехватки еды жители Барселоны вынуждены питаться бездомными кошками и голубями (La gran historia de la Guerra Civil Española)	Языковые единицы с семантикой бедности, дегуманизации, отчаяния. Семантика нарушения табу и социальных норм

(*Empezaron a sonar tiros por todos lados y los hombres cayeron segados como un campo de trigo*. Со всех сторон начали раздаваться выстрелы, и люди падали как скошенное пшеничное поле. *Nevaba en el invierno y la escalera estaba roja de sangre*. Зимой шел снег, а лестница была красной от крови).

Художественные приемы используются в исторических нарративах кинодискурса для моделирования процесса переживания травматического опыта в индивидуальном сознании. Выделенные лингвистические средства позволяют вписать личную историю травмы в универсальный нарратив страдания, тем самым реконструируя полноценную коллективную память о травмирующем событии.

Эмоциональная вовлеченность, имеющая немаловажное значение для формирования сплоченной коллективной идентич-

ности, достигается включением эмотивной лексики, актуализируя эмоции жалости и коллективного стыда за произошедшее. Унаследованный моральный долг демократии перед жертвами Гражданской войны транслируется от поколения к поколению, являясь инструментом реутилизации и политики памяти, что также становится основой формирования коллективной идентичности в посттравматическом пространстве. Это завершающий этап процесса рутинизации травматического опыта в коллективной памяти на фоне культурной травмы.

Заключение

Коллективная память о Гражданской войне является активно конструируемым пространством, в котором язык становится основным инструментом манифестации, категоризации и трансляции травматиче-

ских воспоминаний о прошлом. Испанский кинематографический дискурс о войне, сформированный в период проведения политики памяти, является пространством рутинизации травматического опыта в коллективной памяти испанцев и служит основой для конструирования посттравматической коллективной идентичности.

Процесс рутинизации травматического события осуществляется за счет актуализации компонентов нарративов социальных страданий в документально историческом кинематографе. Так, выполняются две важные функции: мемориальная фиксация травмы и ее терапевтическое осмысление. Иными словами, происходит закрепление компонентов травмы (природа боли, природа жертвы, возложение ответственности) в коллективной памяти, осуществляется моральная оценка и достигается эмоциональная вовлеченность представителей социума (связь жертвы травмы с аудиторией), что само по себе является механизмом компенсации травмы.

Следующий этап рутинизации реализуется через систему устойчивых лингво-

когнитивных паттернов. Диахронический анализ позволил определить критерии категоризации исторических событий как политически, социально, культурно и идеологически обусловленных. Средства художественной выразительности кинодискурса служат инструментом трансформации исторических событий в морально-психологические категории.

Завершающим этапом процесса рутинизации травматического события является формирование социально-мемориального каркаса коллективной памяти, который постоянно дополняется личными воспоминаниями членов общества. Такая коллективная память служит средством определения и укрепления межпоколенческих связей и основой конструирования новой коллективной идентичности. Травматические события формируют долговременные структуры общественного сознания, а господствующий нарратив является одновременно способом репрезентации прошлого и инструментом его осмысления.

Список литературы / References

Alexander J. C. Toward a Theory of Cultural Trauma. In: *A Cultural Trauma and Collective Identity*, 2004, (1), 1–30.

Assmann A. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaiia politika [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]*. М., Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328.

Assmann J. *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom I politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of Antiquity]*. М., Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 368.

Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity. In: *New German Critique, Cultural History/ Cultural Studies*, 1995, 65, 125–133.

Balan E. G. *Iazykovaja reprezentatsiia kul'turno-istoricheskoi pamiat' v kontseptosfere ispanskogo iazyka [Linguistic representation of cultural-historical memory in the conceptsphere of the Spanish language: PhD thesis in philology]*. М., 2023. 152.

Boyd C. P. The Politics of History and Memory in Democratic Spain. In: *Ann. Am. Acad. Political Soc. Sci.*, 2008, 617(1), 133–148.

Eyerman R. Cultural Trauma. In: *A Cultural Trauma and Collective Identity*, 2004, (3), 30–60.

Eyerman R. *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African Identity*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 316.

Gornostaeva Iu. A. *Iazykovye markery kul'turnoi travmy v narrativakh sotsial'nykh stradanii (na materiale narrativov meksikantsev ob ispanskoi konkiste) [Linguistic markers of cultural trauma in social suffering narratives (based on Mexican narratives about the Spanish conquest)]*. In: *Vestnik MGPU. Seriiia "Filologiiia. Teoriiia iazyka. Iazykovoie obrazovanie" [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 2023, 3 (51), 130–146. DOI: 10.25688/2076–913X.2023.51.3.11

Grantseva E. O. Zakon o demokraticeskoi pamiati v Ispanii: popytka konsolidatsii ili novaia faza konflikta? [The law of democratic memory in Spain: an attempt at consolidation or a new phase of conflict?]. In: *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh [Latin American Historical Almanac]*, 2022, 36, 76–113. DOI:10.32608/2305–8773–2022–36–1–76–111

Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamiati [The social frameworks of memory]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007. 346.

Khenkin S. M. Ispaniia: polemika vokrug istoricheskoi pamiati [Spain: Controversy around Historical Memory]. In: *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]*, 2019, 12(4), 72–87. DOI: 10.23932/2542–0240–2019–12–4–72–87

Khenkin S. M. Ispaniia: problemy konsolidirovannoi demokratii v sravnitel'no-istoricheskom kontekste [Spain: Problems of consolidated democracy in a comparative historical context]. In: *Sravnitel'naia politika [Comparative politics]*, 2018, 9(1), 124–135. DOI: 10.18611/2221–3279–2018–9–1–124–135

Kostenko Iu. V. Politika pamiati o grazhdanskoi voine v dokumentakh sovremennykh ispanskikh partii (2007–2021) [Civil War Memory Policy in the Documents of Contemporary Spanish Parties (2007–2021)]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]*, 2022, 27 (4), 239–250. DOI:10.15688/jvolsu4.2022.4.21

Lotman Iu. M. Pamiat' v kulturologicheskom osveshchenii [Memory in Cultural Lighting]. In: *Lotman Iu. M. Izbrannye stat'i [Lotman Y. M. Selected Articles]*, 1992, 200–202. Available at: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92f.htm> (accessed 7 January 2026).

Mukhamedzhanov M. M. K istorii Grazhdanskoi voiny v Ispanii (1936–1939 gg.) [To the history of the Civil War in Spain (1936–1939)]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2012, 2, 102–108.

Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamiati [The world triumph of memory]. In: *Neprikosnovennyi zapas [The inviolable reserve]*, 2005, 2–3, 40–41.

Orekhova M. S. Grazhdanskaia voina v Ispanii (1936–1939) v germanskoi propagande [The Civil War in Spain (1936–1939) in German propaganda]. In: *Nauchnye vedomosti BelGU. Istorii. Politologiiia [Belgorod State University Scientific bulletin. History. Political Science]*, 2016, 8(3), 70–74.

Raevskaya M. M. Bazovye simvoly natsional'nogo samoopredeleniia v ispanskom iazyke (istoricheskii raskurs) [The basic symbols of national self-determination in the Spanish language (historical perspective)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Bulletin]*, 2012, 3, 67–76. DOI:10.1080/00085006.1995.11092095

Raevskaya M. M. Diskurs vlasti v sovremennom mire: sotsial'no-orientirovannaia kommunikatsiia ispanskoi monarkhii [Discourse of power in the modern world: socially-oriented communication of the Spanish monarchy]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Bulletin]*, 2021, 4, 93–107.

Raevskaya M. M. Kommemoratsiia v diskurse sovremennogo ispanskogo monarkha: iazykovaia ob'ektivatsiia i kommunikativno-pragmaticheskii aspekt [Commemoration in the discourse of the modern Spanish monarch: linguistic objectification and communicative-pragmatic aspect]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Bulletin]*, 2025, 28(3), 120–136. DOI: 10.55959/MSU-2074–1588–19–28–3–7

Ramblado-Minero M. C. Sites of Memory. In: *Sites of Oblivion in Contemporary Spain. Rev. Can. Estud. Hisp.*, 2011, 36(1), 29–42.

Shagoyan G. A. Kul'turnaia vs kollektivnaia travma: memorializatsiia sovetskikh repressii v postsovetskoi Armenii po modeli pamiati o genotside [Cultural vs. collective trauma: The memorialization of Soviet repression in post-Soviet Armenia modeled on genocide remembrance]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniia [Siberian historical research]*, 2021, 2, 73–98. DOI: 10.17223/2312461X/32/4

Smelser N. J. Psychological Trauma and Cultural Trauma. In: *A Cultural Trauma and Collective Identity*, 2004, (2), 31–59.

Vinyes R. «Making Peace». On Symbols and Monuments: The Construction of the Syncretic Museum [«Hacer las paces». Sobre símbolos y monumentos: la construcción del museo sincrético]. In: *Clepsidra. Revista Interdisciplinaria de estudios sobre memoria*, 2014, 2, 12–17.

EDN: COVZQQ
УДК 82.09–94:821.511.141–14(=111)

The Combination of Urban Symbols and Transculturalism in Imre Oravecz's English-Language Haiku

Zoltán Csehy^a and Emil Jezsó^{b*}

^a*Comenius University
Bratislava, Slovak Republic*
^b*J. Selye University
Komárno, Slovak Republic*

Received 29.01.2026, received in revised form 5.02.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. Scholarly attention has only been directed toward the features of transculturalism in the past few decades, despite the fact that the phenomenon itself has long been present. Urban symbolism also emerged long ago; nevertheless, both concepts are considered relatively recent from the perspective of literary studies. Japanese culture has become particularly popular worldwide, along with its poetry and verse forms. The haiku is perhaps the most widely known Japanese verse form, one that took root even in Hungarian poetry during the twentieth century. The present study examines the relationship between transculturalism and urban symbols in the English-language haiku of a contemporary Hungarian poet, Imre Oravecz. It examines a distinctive phenomenon in which these elements intersect. Following a brief overview of transculturalism, the study introduces the concept of urban symbolism and then outlines the defining characteristics of the haiku. Subsequently, it focuses on the transcultural specificities of Imre Oravecz's poetry. The central aim of the study is to demonstrate the connection between transcultural features and urban symbolism through the poet's English-language haiku. The study also demonstrates the presence of anti-urban symbols alongside the urban symbols in the poems.

Keywords: transculturalism, urban symbolism, contemporary poetry, Imre Oravecz, haiku, English-language poetry, multilingualism.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Transcultural Literature.

Citation: Csehy Z., Jezsó E. The Combination of Urban Symbols and Transculturalism in Imre Oravecz's English-Language Haiku. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 572–580. EDN: COVZQQ

Сочетание городских символов и транскюльтурализма в англоязычных хайку Имре Оравеча

З. Чехи^а, Э. Йежо^б

^аУниверситет Коменского

Словацкая Республика, Братислава

^бУниверситет имени Яноша Шейё

Словацкая Республика, Комарно

Аннотация. Внимание ученых к особенностям транскюльтурализма было привлечено лишь в последние несколько десятилетий, несмотря на то, что само явление существует уже многие годы. Городская символика также появилась давно, однако с точки зрения литературоведения оба понятия считаются относительно новыми. Японская культура стала особенно популярной во всем мире, включая поэзию и стихотворные формы. Хайку является самой известной японской стихотворной формой, которая в XX веке укоренилась даже в венгерской поэзии. В настоящей статье рассматривается взаимосвязь между транскюльтурализмом и городскими символами в англоязычных хайку современного венгерского поэта Имре Оравеча. Анализу подвергается характерное явление, в котором пересекаются эти элементы. В статье также вводится понятие городского символизма, описываются определяющие характеристики хайку и транскюльтурные особенности поэзии Имре Оравеча. Основная цель статьи – продемонстрировать связь между транскюльтурными особенностями и городской символикой на примере англоязычных хайку поэта. В статье также отмечается наличие в стихах поэта не только городских символов, но и символов антигородских.

Ключевые слова: транскюльтурализм, городская символика, современная поэзия, Имре Оравеч, хайку, англоязычная поэзия, многоязычие.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.2. Литературы народов мира.

Цитирование: Чехи З., Йежо Э. Сочетание городских символов и транскюльтурализма в англоязычных хайку Имре Оравеча. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 572–580. EDN: COVZQQ

Introduction

Transculturalism is based on the idea that cultures influence one another and integrate elements from each other. The concept has been addressed by several disciplines, including literary studies (Németh, 2022: 35). It is a widespread concept that certainly merits examination, especially when connected to another noteworthy concept: urban symbolism.

Urban symbolism is more than a reflection of society. Rather, it is an integral part of so-

ciety that shapes and changes social relationships. (Nas & De Giosa, 2011: 283) Urban symbols carry different meanings designated by people. To understand the symbols, it is necessary to understand their socio-cultural context, as well.

Imre Oravec is a contemporary Hungarian transcultural poet. He writes poems in both Hungarian and English, and he uses different verse forms and techniques. His collection of haiku contains a notable, complex phenome-

non: the unique relationship of transculturalism and urban symbolism, all set in another, even wider transcultural context.

The focus of the present study is on the appearance and recurrence of urban symbols in the transcultural context of Imre Oravecz's haiku, which are part of the poet's volume *Egy földterület növénytakarójának változása* (Description of the Vegetation Cover of a Land Area), published in 1979.

Theoretical Framework

The Definition of Transculturalism

In its simplest form, transculturalism can be defined as the interaction between cultures (Giffard, 2016: 30). The term transculturalism was introduced by Wolfgang Welsch in the 1990s, which indicates that it is a relatively new concept. According to Welsch, it is a consequence of the inner differentiation complexity of cultures. He argues that transculturalism is the most adequate cultural approach today, as cultures are highly interconnected and entangled (Welsch, 1999: 194, 196–197). Tareva and Tarev suggest that transculturalism can be viewed as the value of the global woke world; it functions as a symbol of open societies and as a dynamic process in which one culture enters the system of another (Tareva & Tarev, 2024: 2256).

Arianna Dagnino outlines the main principles of transculturalism as follows: the concept promotes an inclusive approach to culture; cultures are not pure and holistic, they are seen as interconnected hybrid formations; cultural individual formations are dynamic; and cultural dispositions are unavoidable (Dagnino, 2012: 36–37).

Transculturalism is also related to the concepts of interculturalism and multiculturalism; however, Welsch contrasts these approaches with transculturalism, claiming that they are inappropriate to describe the phenomenon (Welsch, 1999: 196).

The topic of transculturalism has been widely discussed in many areas of humanities and social sciences, including literary studies. Dagnino states that transcultural literature crosses cultures and acknowledges their transforming power. For this reason, it is no surprise

that the roots of this type of literature are in parallel to globalization (Dagnino, 2013: 4). Magdalena Roguska-Németh also claims that the works of transcultural authors are at the intersection of two cultures, nations and languages. Because of this in-between position, transcultural authors are often excluded from the national literary canons (Németh, 2022: 43–44).

Overall, transcultural literature is an essential part of the literary canon and strengthens connections between individual cultures. Many aspects of literary diversity are the result of transcultural relations.

Urban Symbolism

The city is a complexity of numerous phenomena, shaped by dynamic interactions of its inhabitants. There are several dimensions of the city that can be studied, such as economic, demographic, administrative, and socio-cultural. The cultural dimension of the city includes urban symbols and rituals. Urban symbolism is only partially recognized by science, although the situation has improved over the last few decades, especially in the USA and Europe, where urban anthropology has gained greater attention. Before we discuss urban symbolism, it is important to define the related terms. A symbol is something that refers to something else; it bears extrinsic values. Urban symbols are objects, buildings, places, or even events within a city that carry meanings associated with urban life and culture (Nas et al., 2011: 8). Urban spaces are often given symbolic meanings. Cities are frequently used to represent concepts such as decay, freedom, and oppression (Thakur & Diwan, 2021: 9378).

Relatively little academic literature addresses the relationship between urban symbols and literature, although it is undeniable that such elements are appearing more frequently in literary works. Over the past two hundred years, American writers have made urban life the focus of their works, although they often focused on the negative aspects of the city. The image of the dark, pessimistic and dangerous city recurs frequently in works written in the nineteenth century. It is often compared to ru-

ral life, which, in contrast to urban life, is often idealized. This is the place where life-changing events take place. James L. Machor introduces the term anti-urban to describe this phenomenon (Machor, 1987: 3). Later, we will show that Imre Oravecz's symbols may also be more closely aligned with the concept of anti-urban.

Characteristics of Haiku

Japanese versification is commonly described as syllable-counting; however, more precisely, it is mora-counting, which makes it unique in this respect. Its basic prosodic unit is the *onetsu*, which is similar to mora. The moraic value of words approximately corresponds to European metrical units, with only minimal differences. The rhythm of Japanese poetry is based on the fixed mora count of the lines. Rhyme is not a feature of Japanese verse (Szepes & Szerdahelyi, 1981: 504–505).

The most well-known Japanese verse form, the haiku, is a short poem consisting of only three lines and seventeen morae. Its structure is as follows: 5–7–5. This limited space is all that is available to poets to express their thoughts and emotions, while it is the reader's task to continue and complete these feelings and fragments of thought. The haiku is one of the most condensed fixed poetic forms. (Higginson, 1996: 19–20; Vihar, 1994: 61) The master of haiku, Bashō believed that this verse form is based on opposition. The first two lines contrast with the final line, which typically contains a punchline. This semantic contrast is introduced by the *kireji*, the so-called 'cutting word' which divides the text into two parts (Shirane, 1998: 100–101).

Another essential element of the haiku is the *kigo*, or seasonal word. These seasonal words form a complex symbolic system that evokes an entire season in the reader's mind. They refer to simple phenomena and images characteristic of a given season in Japan. In the past, Japanese people were closely connected to nature, both physically and metaphorically. As a result, various seasonal phenomena were widely recognized, making it easy to associate, for example, cherry blossom or an insect awakening from hibernation with spring (Higginson, 1996: 20–22).

Condensing all of this into three lines and seventeen syllables is not an easy task. Words used in haiku always refer to something more; through association, a single word may contain an entire world. On the other hand, it is also noteworthy that nowadays, fewer haiku follow the strict rules and use the same type of natural symbols. The modern haiku is freer and thus may use even urban symbols.

Introduction to Imre Oravecz's Poetry

Imre Oravecz's poetry has long been linked to the concept of transcultural literature in many ways. His volume entitled *Egy földterület növénytakarójának leírása* (Description of the Vegetation Cover of a Land Area, 1979) astonished Hungarian readers simply by the fact that it included poems written in English.

But the poet stepped outside not only his linguistic comfort zone, but also the traditional Central European spaces of cultural familiarity. He crossed boundaries on linguistic, cultural, and poetic levels alike. Zoltán Kulcsár-Szabó interpreted this poetic innovation as "the creation of a non-modernist, non-concrete, and non-neo-avantgarde version of poetry without the self" (Kulcsár-Szabó 1995: 60). This approach essentially leads to a mixing of time and space and a questioning of identifiability.

This transcultural space includes, among other elements, the mythology of the Hopi Indians and the haiku form, which transcends its original form. The 1983 work entitled *A hopik könyve* (The Book of the Hopi Indians) not only bridged the geographical distance between Europe and America but also introduced rhetorical and stylistic innovation into Hungarian poetry. The texts attributed to the Hopi Indians extended free verse toward a modern reinterpretation of archaic and mythical experience. Oravecz employed repetitive structures in an almost ritualistic manner and drew parallels between the archaic layers of consciousness in Indian culture and Hungarian peasant culture. The result of this comparison is the monumental epic poem *Halászóember – Szajla* (Fishing Man – Szajla, 2006; Szajla is the name of a village in northern Hungary), in which the poet also appears as an archaeologist of common consciousness. Ancient American cultures

and Hungarian peasant culture find common ground. The cycle of natural time and the observation of natural phenomena also play a fundamental role in shaping the structural dynamics of Oravecz's poetry collections. However, this type of structural and stylistic scheme is by no means untouched and pure, let alone idyllic. Oravecz also integrates elements of the big city and industrialization into his poems, often dissolving the lyrical subject into the impersonality of objective descriptions.

Oravecz's view of language, which assigns a privileged role to language and the experience of existence through language, thus becomes exceptionally important. The linguistic form of the poem delineates the boundaries of our world, since reality can only be grasped within the possibilities of language, thus the truth of referentiality is rendered vulnerable in the face of the truth of language. In this sense, the use of English also serves as an instrument for expanding experience, as crossing linguistic boundaries offers the chance to conquer and understand reality from a different perspective.

Oravecz's haiku results not only in cultural and linguistic change, but also in a shift of genre. The fixed syllabic structure forces the poet to exercise strict linguistic self-discipline and connects him to a transcultural circulation that represents the cultural diversity of the spread of this Japanese form, which is particularly popular in the English-speaking world.

In Oravecz's poems, the experience of foreignness has a revelatory force: the foreign form becomes familiar by preserving its genetic ties to the layered tradition that connects a given form or genre to universal consciousness and anthropological experience. Genres and poetic forms are unable to protect or maintain their integrity, as the relationship between language and reality is transformed when they enter a new linguistic space.

The multilingual nature of Oravecz's poems immediately raises the question of translatability: would the Hungarian texts work in English, and would the English texts work in Hungarian? What explains the absence of translation beyond a desire for exoticism? It is evident that the inclusion of English-language texts in a predominantly Hungarian-language

volume is not a self-serving gesture, but a functional one. This function can be explained partly by the diversity of linguistic experience and partly by the intention to convey the relationship between familiarity and foreignness, the authentic and the global.

The prose poem entitled *A chicagói magasvasút montrose-i állomásának rövid leírása* (Brief Description of the Montrose Station of the Chicago Elevated Railway) develops an objective descriptive technique that elevates description itself to a fundamental technique of poetic perception. The poet approaches his subject with near-technical and historical precision, allowing observation to bury the poetic self beneath it. In his Hopi-themed poems, the poet similarly becomes an impassive "ethnographer" who acknowledges events without shaping them, registering experiences transformed through language without molding them into his own image. Oravecz does not seek explanations for unusual phenomena, but records strangeness and familiarity in the same manner, without hierarchy. This poetic stance is closely related to the nature of haiku poetry, in which perception, observation, description, and the recording of change play a decisive role. Oravecz submits to the determining power of language and form, accepting the axiom that the maximum objectivity of language may also yield the maximum intensity of poetic description.

Discussion

Imre Oravecz's haiku hold a unique place in haiku literature, despite the fact that he wrote relatively few poems in this form. In the previously mentioned volume *Egy földterület növénytakarójának leírása*, nine haiku can be found, six of which are written in English and are grouped together under the title *Six Haikus from a Travelogue*. These poems are mementos of the poet's travels in America.

The presence of the six English-language poems in an otherwise Hungarian-language volume is in itself a transcultural phenomenon, and moreover a multilayered one, as it involves the combination of a Hungarian poet, a Japanese genre, and the English language. The interpretation of the motifs that appear in the

poems is multilayered in each case. On the one hand, most scenes can be interpreted as a literal event. On the other hand, each motif is also associated with an emotional charge, which is far less unambiguous.

The first of the six poems, entitled *on Midwest* does not use direct urban imagery; instead, it relies on symbols that represent the American Midwestern mentality. Rather than presenting a concrete, easily visualized scene, the poem is more like a snapshot of an idea, which makes it abstract. After quoting the poem, we will analyze it and present our interpretation, which is by no means exclusive or objective.

they are making pigs
out of corn, freedom, history
out there in Iowa
(Oravecz, 1979: 66)

From a formal perspective, the poem follows the rules of the haiku. Enjambment is essential because the entire poem consists of a single sentence divided into three lines – a feature, as we mentioned earlier, that is typical of the haiku. The Japanese verse form functions well with English-language expression in this poem. Another noteworthy feature in the poem is that neither the title nor the poem begins with a capital letter. Punctuation is also almost entirely absent; a comma appears only in the case of enumeration. This can be attributed to Oravecz's stylistic practice.

Iowa, a Midwestern state, is often called “the Corn State” because it is the top corn producer in the United States. The name Iowa evokes images of farmlands and cornfields. It may also be seen as a symbol of “real America.” This background information helps us move closer to uncovering the haiku's potential meaning, as it allows us to decode the symbolism of corn, which can stand for agriculture, wealth, and even life itself.

From a literal perspective, the poem may simply describe farming practices: pigs are fed corn, and nothing more. However, the inclusion of the words *freedom* and *history* elevates the poem to a different level of interpretation. The text moves beyond realistic description, as it

invites symbolic and critical reading. Freedom has always been a symbol of the ideal America and is often associated with individualism; meanwhile history shapes identity, it can be seen as a collective memory of the past. The combination of these concepts, together with the image of corn being used as pig food, creates a bizarre, almost grotesque picture.

The pig may also be interpreted as a symbol, as it commonly represents excessive consumption, gluttony and greed. If we accept that the pig symbolizes these concepts, it becomes evident that the central message of the haiku concerns the commodification of everything in America. Freedom – a long cherished ideal – and history – priceless past – are no longer valued. The poem criticizes these economic and social changes in the Midwest.

It is safe to say that this haiku is closer to an anti-urban perspective than to an urban one. The urban symbols are clearly interconnected, forming a complex network of meanings that serve to carry a central, pessimistic idea. Moreover, once the symbols are decoded, it becomes evident that corn and pigs function as opposing symbolic elements, each representing an American ideal that stands in contrast to the other.

Another haiku from the group, entitled *on a late night show*, also presents unique interconnected phenomena. Apart from being a transcultural haiku by nature (a Japanese verse form written in English in the English cultural context by a Hungarian poet), it also introduces an intermedial reference. One possible interpretation is that the central message of this poem is very similar to that of the previous haiku. The analysis is presented below, following the poem's quotation.

John Wayne on tv
accidentally involved
in a commercial
(Oravecz, 1979: 67)

The poem strictly follows the formal rules of the haiku: a single sentence divided into three lines, each containing the appropriate number of syllables (5–7–5). As a result, enjambment appears throughout the poem. The

tsuiku is also present, as the third line can be considered a punchline – the symbol appearing in the last line contrasts with the symbol of the first two lines. The transcultural aspect of the poem is evident and reinforced by the presence of urban symbols that refer to American culture.

John Wayne was a famous actor and an icon of Western movies. He portrayed several characters who embodied similar ideals, such as bravery, heroism, and freedom. He was idealized and became the symbol of these values in the eyes of Americans. A commercial, by contrast, can be interpreted as the symbol of the forces controlling consumer society. The idea that even John Wayne can appear in a commercial implies that he, too, can be sold, and it makes this poem absurd by suggesting that the ideals he represented can also be given a price tag. From this perspective, it is evident that this poem also criticizes the process of commodification.

The commercial and the presence of the Western icon function not only as urban symbols but also as elements of intermediality. There is a significant difference between the function of commercials and movies, even if they belong to the same medium: the screen. But as they appear within another medium – in a haiku, in this case – we are talking about intermediality. It is noteworthy that the poet used intermediality to make his message as clear as possible.

The third and final haiku we will analyze here is entitled *on a stop*. Among the six poems, this one has the darkest tone and the starker contrast between its symbols. After quoting the poem, we will analyze its symbols and possible interpretations.

coyote's body
run over on 80 West,
the view undamaged
(Oravecz, 1979: 66)

This poem also follows the formal rules of haiku, consisting of three lines with a 5–7–5 syllabic structure. An implicitly expressed tsuiku can be identified, as there is a clear contrast between the first two lines and the third,

but there is no kireji, so the contrast cannot be precisely localized.

The poem presents a snapshot of an absurd scene. On the one hand, there is the body of a run-over coyote on the road. On the other hand, there is the view that remains unaffected by the presence of the carcass. This poem can thus be considered pessimistic, even disturbing. There are two poles confronting one another. The symbol of the undamaged view represents the positive pole, while the symbol of the dead coyote embodies the negative one. This ambiguous contrast hinders the interpretation. This poem perfectly demonstrates that a haiku may carry (at least) two possible meanings. On a literal level, the scene can easily be imagined as a real incident. From the perspective of urban symbolism, interpretation becomes more complicated. The indifference of people who enjoy the view, unaffected by the carcass, suggests ignorance and insensitivity.

Another noteworthy thing about the poem is the symbol of the road, 80 West, which functions as an in-between urban symbol. It leads to the “undamaged” view, aligning it with the positive pole. On the other hand, it is the site where the coyote was run over, which is a reminder that a road does not just lead to a destination, it can also be a place of death. Among the haiku in this group, this poem is the closest to anti-urbanism, as its contrast reinforces its negative message.

Besides the poems quoted in this study, Oravecz's other haiku from the group *Six haikus from a travelog* reflect on social and abstract phenomena in the American context. All of them contain urban symbols, and some even include historical references – such as the poem entitled *on California*, which refers to the Gold Rush. In another poem, *on a direction*, Oravecz searches for the “western way” which has been lost both internally and externally. These symbols connect the Japanese verse form with American mentality and culture. From this perspective, urban symbolism can be understood as a means of connection.

Apart from his English-language haiku, Oravecz also wrote a few Hungarian haiku that use urban symbols. One of these haiku is entitled *Haiku a 80-as autópályára Salt Lake City-i*

*följárójára*¹ (Haiku for the Salt Lake City on-ramp of Highway 80). In addition to relying on urban symbolism, this poem also works with an element of taboo. Two of its key symbols are pornographic magazines and a fire at the gas station. The poem criticizes the reduction of human desire to the level of the body, while the fire creates an ominous atmosphere.

Imre Oravecz has long been known for his metrical experiments. One of the reasons he is regarded as a transcultural poet has now been demonstrated. The interconnected web he creates by using a Japanese verse form, incorporating urban symbols with American references, and doing all of this in English results in this multilayered phenomenon and forms a unique overall picture.

Conclusion

The main aim of this study was to demonstrate and analyze the connection between transcultural elements and urban symbols in Imre Oravecz's English-Language haiku. The connection appears differently in each poem, so direct quotations were necessary to clarify the analysis.

In the first section, we introduced the intersecting elements one by one, beginning with transculturalism, which has received scholarly attention only in the past few decades. This was followed by an introduction to urban symbolism, a relatively new field of study that focuses on the symbolic representation of the city. Subsequently, we briefly introduced one of the most condensed Japanese verse forms: the haiku. This section concluded with a short introduction to Oravecz's poetry, which also highlights the poet's transcultural nature.

¹ The volume *Egy földterület növénytakarójának változása* was republished in 2010 and again in 2019. The title of this poem was changed to *Haiku egy amerikai útkereszteződésre* (Haiku for a Crossroads) in these later editions.

References

- Dagnino A. Transculturalism and Transcultural Literature in the 21st Century. In: *Transcultural Studies*. 2012, 8(1), 1–11. doi: 10.1163/23751606–00801001
- Dagnino A. Transcultural Literature and Contemporary World. Literature(s). In: *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2013, 15(5), doi: 10.7771/1481–4374.2339 available at: <https://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol15/iss5/7/> (accessed on 24 January 2026)

In the next section, we analyzed selected poems from Oravecz's English-language haiku from the volume entitled *Egy földterület növénytakarójának változása* (Description of the Vegetation Cover of a Land Area). We analyzed three of the six poems in detail, while the others were introduced briefly in terms of their central concepts, and we also introduced a Hungarian-language haiku with a similar concept.

First, we proved the transcultural nature of each poem, showing that each combines a Japanese verse form with American cultural references, all written by a Hungarian poet. This was followed by an analysis of the symbols, their potential meanings, and their urban (or anti-urban) nature.

Most haiku allow at least two levels of interpretation: on a literal level, each poem presents a snapshot of reality. On a symbolic level, the poems evoke a bizarre, often absurd atmosphere. Beneath the urban symbols lies a central message with a critical tone.

We also demonstrated that urban symbols often function as a means of connection between the two cultures. They provide opportunities for forms and ideas to intersect.

We can conclude that Oravecz's haiku lean toward anti-urban symbolism, as the symbols either represent the negative pole (e.g., the run-over coyote or the pig), or they provide a way to reinforce that pole (e.g., the road, the actor John Wayne, the western way). The overall message of the poems is never hopeful or positive, instead, Oravecz's critical voice resonates throughout them.

This study may provide a framework for further research on the connection between transculturalism and urban symbolism. As urban symbolism has rarely been explored in the context of Hungarian poetry, this study offers a foundation for further studies on the topic.

- Giffard H. Transculturalism and Translation. New approaches to cultural contact zones. In: *International Journal for History, Culture and Modernity*. 2016, 4(1), 29–41. doi: 10.18352/hcm.501.
- Higginson W.J. *The haiku seasons. Poetry of the natural world*. Tokyo. KODANSHA INTERNATIONAL. 1996, 171.
- Kulcsár Sz.Z. Poetry on the Border [Költészet a haráron]. In: *Alföld*. 1995, 46(10), 59–73.
- Machor J.L. *Pastoral Cities: Urban ideals and the Symbolic Landscape of America*. Wisconsin, London, The University of Wisconsin Press. 1984, 272.
- Nas P.J. M., de Groot M., Schut M. Introduction: Variety of Symbols. In: *Cities Full of Symbols. A Theory of Urban Space and Culture*, ed. Nas, P. J. M., Amsterdam. Leiden University Press. 2011, 7–26.
- Nas P.J. M., Giosa P.D. Conclusion: Feeling at Home in the City and the Codification of Urban Symbolism Research. In: *Cities Full of Symbols. A Theory of Urban Space and Culture*, ed. Nas, P. J. M., Amsterdam. Leiden University Press. 2011, 283–292.
- Németh R. M. Transculturalism in literature as reflected in the works of translingual writers from the Hungarian cultural context. In: *World Literature Studies*. 2022, 14(3), 35–47. doi: 10.31577/WLS.2022.14.3.4
- Oravecz I. *Description of the Vegetation Cover of a Land Area [Egy földterület növénytakarójának változása.]* Budapest, Magvető Könyvkiadó. 1979, 124.
- Shirane H. *Traces of Dreams. Landscape, Cultural Memory and the Poetry of Bashō*. Stanford. Stanford University Press. 1998, 400.
- Szepes E., Szerdahelyi I. *Prosody [Verstan]*. Budapest, Gondolat Könyvkiadó. 1981, 598.
- Tareva E. G., Tarev B.V. Dialogue of culture vs non-dialogue of cultures in Woke World: Case of foreign language teaching. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2024, 17(11), 2256–2267. EDN: TNOYVL
- Thakur M., Diwan G. The City in Literature: Urban Spaces and Identities. In: *Ilkogretim Online – Elementary Education Online*. 2021, 20(5). 9374–9381. doi: 10.17051/ilkonline.2021.05.1022
- Vihar J. *The Short History of Japanese Literature [A japán irodalom rövid története]*. Budapest, Nemzeti Tankönyvkiadó. 1994, 112.
- Welsch W. Transculturality – the Puzzling Form of Cultures Today. In: *Spaces of Culture: City, Nation, World*, ed. Featherstone, M. and Lash, S., London, Sage, 1999, 194–213.

EDN: CSXVFN
УДК 81'23

A Parametric Model for Describing Physician Communication Skills from the Patient's Perspective

Oxana S. Issers*

*Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russian Federation*

Received 22.01.2026, received in revised form 5.02.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. The article discusses the principles of parametric description of the communication skills of medical professionals. The potential of this approach for solving several interrelated tasks is considered: diagnostics of the communicative competence of medical professionals; development of methods for the formation of communicative skills of medical professionals; generalization of up-to-date information about doctors on specialized Internet resources in order to optimize the search for specialists who meet the requirements of the consumer of medical services. The parametric model assumes the allocation of a stable set of features characterizing the verbal and non-verbal aspects of interaction in the dyad “doctor-patient”. The meaningful content of the model is carried out due to the results of a communicative and pragmatic analysis of patient reviews, which reflect on certain aspects of communicative interaction in medical communication. Based on the review analysis, the following parameters are highlighted: 1) the communicative skill of information exchange; 2) the communicative skill of expressing empathy; 3) the communicative skill of tact (observing the boundaries of the personal sphere); 4) the communicative skill of organizing a dialogue; 5) the communicative skill of choosing a language code and tone of communication. The article presents a fragment of the description of the doctor's communication skills using the example of two parameters – “Communication skill of information exchange” and “Communication skill of empathy expression”. The author believes that the parametric approach opens up opportunities for the creation of valid tools for diagnosing communication skills, the development of targeted educational programs, and, ultimately, for the standardization and improvement of the quality of one of the key components of medical care.

Keywords: medical discourse, medical communication, doctor-patient communication, medical ethics, patient reviews, medical empathy, communication skills of a doctor.

The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), Project № 24–18–00371, <https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: issero@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4027-6346

Research area: Communication Studies, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Citation: Issers O. S. A Parametric Model for Describing Physician Communication Skills from the Patient's Perspective. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 581–594. EDN: CSXVFN

Параметрическая модель описания коммуникативных навыков врача с позиции пациента

О.С. Иссерс

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Российская Федерация, Омск*

Аннотация. В статье обсуждаются принципы параметрического описания коммуникативных навыков медицинских специалистов. Рассматривается потенциал данного подхода для решения нескольких взаимосвязанных задач: диагностики коммуникативной компетентности медицинских работников, разработки методик формирования коммуникативных навыков медицинских специалистов; обобщения актуальной информации о врачах на специализированных интернет-ресурсах в целях оптимизации поиска специалистов, отвечающих требованиям потребителя медицинских услуг. Параметрическая модель предполагает выделение стабильного набора признаков, характеризующих вербальные и невербальные аспекты взаимодействия в диаде «врач-пациент». Содержательное наполнение модели осуществляется за счёт результатов коммуникативно-прагматического анализа отзывов пациентов, в которых отражена рефлексия по поводу тех или иных аспектов коммуникативного взаимодействия в медицинском общении. На основании анализа отзывов выделены следующие параметры: 1) коммуникативный навык информационного обмена; 2) коммуникативный навык выражения эмпатии; 3) коммуникативный навык тактичности (соблюдение границ личной сферы); 4) коммуникативный навык организации диалога; 5) коммуникативный навык выбора языкового кода и тональности общения. В статье представлен фрагмент описания коммуникативных навыков врача на примере двух параметров – «Коммуникативный навык информационного обмена» и «Коммуникативный навык выражения эмпатии».

Отмечено, что параметрический подход открывает возможности для создания валидных инструментов диагностики коммуникативных навыков, разработки адресных образовательных программ и в конечном итоге для стандартизации и повышения качества одной из ключевых составляющих медицинской помощи.

Ключевые слова: медицинский дискурс, медицинская коммуникация, общение врача с пациентом, медицинская этика, отзывы пациентов, медицинская эмпатия, коммуникативные навыки врача.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–18–00371, <https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

Цитирование: Иссерс О. С. Параметрическая модель описания коммуникативных навыков врача с позиции пациента. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 581–594. EDN: CSXVFN

Введение

В современной медицине традиционная патерналистская модель коммуникации меняется на пациент-ориентированный подход, предполагающий партнерский, коллегиальный тип взаимоотношений врача с пациентом (Chebotareva, 2006; Klimovich, 2019; Cherednichenko, 2023; Majboroda, 2025). В свете указанного подхода эффективные коммуникативные навыки врача становятся одним из существенных факторов успеха лечения, напрямую влияющим на общие результаты терапии.

В связи с этим закономерно встает вопрос о содержании коммуникативных компетенций медицинского специалиста, способах и этапах их формирования. Данная проблематика активно обсуждается в профессиональной медицинской среде как в России, так и за рубежом: рассматриваются различные аспекты медицинского общения, которые требуют сформированных навыков коммуникации; выявляются причины некорректного поведения врача или пациента и способы их устранения; анализируются методики диагностики коммуникативных компетенций медицинских работников (Stewart, 1995; Arora, 2003; Nicolai et al., 2007; Fong Ha, Longnecker, 2010; Silverman et al., 2018; Moudatsou, 2020; Astanina et al. 2023; *Коммуникативные основы...*, 2025).

Коммуникативная компетентность врача сегодня признаётся компонентом, равным по значимости базовым медицинским знаниям и клиническим навыкам. Традиционно отмечается ее актуальность на уровне содержания и стиля общения, что находит отражение и в образовательной практике

(Kinnersley, Edwards, 2008; Butt-Rowden et al., 2013; D'yachenko et al., 2015; Gatsura et al., 2019; Chizhkova, 2020; Guzhina, 2024). Также единодушно разделяются медицинским сообществом основные цели эффективного общения с пациентом: создание отношений доверия и поддержки, продуктивный обмен информацией, вовлечение пациентов в процесс принятия решений. Однако сами эти компетенции зачастую описываются несколько декларативно и фрагментарно: общеизвестными требованиями к медицинскому общению являются полнота и точность передаваемой информации, эмпатия врача, целенаправленный контроль за организацией диалога, выбор кода, соответствующего когнитивной базе пациента («доступная форма»), и др. Применительно к российской медицинской практике они далеко не всегда иллюстрируются речевыми паттернами – как позитивными образцами, которым надо следовать, так и негативными, которых необходимо избегать. Заметим, что эти примеры нередко имеют лингвокультурную специфику и требуют адаптации рекомендаций, представленных в описании зарубежных практик, к российской коммуникативной культуре (ср. (Hojat et al., 2018)).

Как отмечают исследователи, процесс формирования коммуникативных компетенций в системе российского медицинского образования сталкивается с комплексом системных проблем: дефицитом унифицированных методик, снижением внимания к развитию эмпатии как ядру компоненту коммуникативной компетентности и др. (D'yachenko et al., 2015, Bril' et al., 2022, Astanina et al., 2023, Matskevich,

Shirokogorova, 2023). Однако ключевой проблемой, по мнению специалистов, является разрыв между знанием и действием. Даже при наличии теоретических знаний об эффективной коммуникации без отработки поведенческих и речевых паттернов в смоделированных ситуациях компетентность не формируется. Следует отметить, что в разработке практических рекомендаций по эффективному общению с пациентами обычно участвуют практикующие врачи и психологи, при этом лингвистическая интерпретация конфликтогенных ситуаций и способов их устранения отсутствует или носит необязательный характер.

Проблемы использования вербализованных алгоритмов в медицинской коммуникации, наиболее значимые в аспекте достижения комплаенса, в последние годы оказываются в фокусе междисциплинарных исследований (Gatsura et al. 2019; Kommunikativnye osnovy..., 2025). Так, активно разрабатываются модели поведения врача в случае сообщения «плохих новостей» – неблагоприятного прогноза заболевания, пожизненных ограничений и др. Как показывает анализ литературы, наиболее проработаны именно те аспекты, которые позволяют алгоритмизировать коммуникативное поведение врача, представить его в серии последовательных дискурсивных шагов и речевых действий (см., например, модели структурированного медицинского общения, такие как Калгари-Кембриджская модель или SPIKES (Silverman et al. 2013; Baile et al. 2000)¹. В то же время в общении врача с пациентом многочисленны ситуации, не связанные с «плохими новостями», но требующие не меньшего проявления такта, эмпатии, сотрудничества. Они более разнообразны в аспекте нарушения коммуникативных норм медицинского общения, однако систематизация и осмысление в плане клинических рекомендаций этого «отрицательного языкового материала» еще

далеки от своего завершения (Issers, 2021; Issers, 2025; Melkonyan, Nagieva, 2025).

Репрезентативным источником для формирования эмпирической базы исследования кооперативных и конфликтных моделей взаимодействия в медицинском общении являются отзывы пациентов, которые дают богатый материал для постановки и решения задач совершенствования коммуникативных навыков медицинских специалистов (Issers, 2025; Melkonyan, Nagieva, 2025). Изучение рефлексии пациентов по поводу различных аспектов медицинского общения позволяет преодолеть методологические трудности для систематизации, объективной оценки и целенаправленного формирования коммуникативных навыков.

Методы и материал исследования

Преодоление разрыва между признанием значимости коммуникативных компетенций врача и возможностями их целенаправленного формирования и последующей оценки видится в разработке структурированной **параметрической модели описания коммуникативных навыков медицинского специалиста**. Такая модель позволит перейти от общих рассуждений об «эффективном общении» к анализу конкретных, наблюдаемых и измеримых параметров профессиональной коммуникации. Теоретические и практические предпосылки для создания подобной модели обусловлены потенциалом параметрического подхода, применяемого в лингвистике и смежных дисциплинах. Его суть заключается в рассмотрении целостного феномена (в нашем случае – профессионального коммуникативного поведения врача) как набора взаимосвязанных факторов – параметров, обнаруживающихся в определенных наблюдаемых признаках.

В лингвистических исследованиях метод параметризации, заимствованный из сферы инженерии и точных наук, позволяет описать состав признаков тех или иных языковых / коммуникативных явлений или процессов, прототипические формы их проявления и диапазон их варьирования.

¹ В настоящее время именно на основании Калгари-Кембриджской модели осуществляется оценка навыка коммуникации при аккредитации медицинских специалистов в Российской Федерации (Bril' et al., 2022).

Данный подход успешно применяется в типологических исследованиях, в том числе для контрастивного анализа коммуникативного поведения различных социальных и профессиональных групп, в лингвистической экспертизе и др. (Dem'yankov, 1996; Sternin, 2000; Osadchij, 2012). В коммуникативистике построение параметрических моделей осуществляется на основе описания вербальных и невербальных признаков поведения, выявленных путем анализа эмпирического материала. Методика параметризации позволяет обозначить границы нормы и коммуникативные риски, что дает возможность говорящему контролировать их, а исследователю и педагогу (если речь идет об образовательном процессе) – моделировать процессы управления рисками.

Адаптация этого подхода к медицинской коммуникации предполагает выделение стабильного набора признаков, характеризующих вербальные и невербальные аспекты взаимодействия в диаде «врач-пациент».

Близкими к параметрическому подходу являются измерительные методики для оценки поведения врача, которые используются в зарубежных медицинских учреждениях и в последнее время адаптируются в России (шкала эмпатии Джефферсона, шкала REM и др. (Hojat et al., 2018; Nicolai et al., 2007; Matskevich, Shirokogorova, 2023)). Например, тестирование по шкале REM, цель которого – оценить эмпатию в поведении врача, включает 9 вопросов, каждый из которых получает значение от 1 до 7 баллов (Nicolai et al., 2007). Однако существенной особенностью подобных инструментов является использование смоделированных ситуаций (иногда видеосюжетов, снятых с актерами), а не реальных мнений пациентов. Таким образом, предметом анализа является не перлокутивный эффект высказывания или неречевого действия медика, а его оценка специалистом с профессиональной точки зрения. Вследствие этого многие ситуации, которые пациенты оценивают как конфликтные, потенциально травмирующие, выпадают из сферы наблюдений.

Как показал анализ материалов специализированных сайтов и медицинских форумов с отзывами пациентов, оценка потребителя медицинских услуг, как правило, включает и мнение о коммуникативных навыках врача (Issers, 2025; Melkonyan, Nagieva, 2025). Это позволяет использовать материалы отзывов потребителей в качестве эмпирической базы для верификации данных о структуре и проблемах формирования коммуникативной компетенции, полученных из научных источников и практических рекомендаций специалистов.

Таким образом, разработка параметрической модели описания коммуникативных навыков врача представляется актуальной междисциплинарной задачей, отвечающей на вызовы современной клинической практики и медицинского образования. Методологической основой для неё служит параметрический подход, успешно применяемый в науках о коммуникации. Содержательное наполнение модели возможно за счёт результатов лингвистического анализа отзывов пациентов, в которых отражена рефлексия по поводу тех или иных аспектов коммуникативного взаимодействия в медицинском общении. Создание такой модели открывает возможности для создания валидных инструментов диагностики коммуникативных навыков, разработки адресных образовательных программ и в конечном итоге – для стандартизации и повышения качества одной из ключевых составляющих медицинской помощи.

Материалом для наблюдений за рефлексией носителей языка по поводу позитивных и негативных результатов коммуникации с врачом послужили отзывы пациентов, размещенные на специализированных медицинских порталах, таких как ПроДокторов, СберЗдоровье, НаПоправку, где пациенты делятся опытом и помогают другим сделать выбор, а также отзывы на сайтах государственных и коммерческих учреждений здравоохранения. В соответствии с Законом о персональных данных и условиями цитирования материалов ряда сетевых ресурсов ФИО врача и название клиники не указываются. Материалы до-

полнены примерами, полученными на предыдущих этапах исследования методом анкетирования (Issers, 2021) и путем личных наблюдений.

Для установления параметров коммуникативных навыков и репрезентирующих их признаков была сформирована выборка фрагментов отзывов, направленная на выявление в текстах эксплицитных оценочных высказываний о коммуникативных навыках врача либо имплицитных оценок, отношение которых к коммуникативной компетенции специалиста устанавливается путем логического вывода.

Проблема формирования эмпирической базы обусловлена тем, что пациенты запоминают и описывают в отзывах общее впечатление и эффект от общения, а не дают стенограмму приема. Фразы вроде «он меня внимательно выслушал», «врач внушил надежду», «я чувствовала, что мы вместе», «все разложил по полочкам и наметил план действий» – и есть свидетельства коммуникативной компетентности врача. Для сбора аутентичных текстов потребовались бы не публичные отзывы, а аудиозаписи или расшифровки реальных врачебных консультаций, что связано с вопросами этики и конфиденциальности.

Общее количество материала составило более 280 фрагментов отзывов, в которых представлена позитивная либо негативная оценка коммуникативного поведения медицинского специалиста.

Структура параметрической модели разработана на основании гипотезы о выражении коммуникативной компетентности во взаимодействии врача с пациентом, которая осуществляется за счет различных приемов (тактик) на когнитивном, коммуникативном и собственно языковом уровне, что нашло подтверждение в эмпирическом материале. В отзывах пациентов на это указывает описание конкретных действий врача, в первую очередь речевых (*обнадежил, изменил мой настрой, слушал не перебивая, нашел нужные слова* и др.). К языковым маркерам, отражающим восприятие врача пациентом, относятся содержащиеся в текстах отзывов оценочные характеристики

его речи и поведения (*деликатный, тактичный, отнесся по-человечески*).

Таким образом, материал позволяет построить оценку коммуникативных навыков врача на основании перлокутивного эффекта высказываний медицинского специалиста, а не его иллокутивного намерения, которое, возможно, было благим, но не нашло реализации в речи и невербальных действиях врача.

Результаты и обсуждение

Основой для создания параметрической модели являются коммуникативные признаки речевого и неречевого поведения врача, выделенные из фактического материала – отзывов пациентов. В целях систематизации они обобщаются в параметры, которые отражают основные аспекты взаимодействия с пациентом в медицинском общении.

Набор параметров определяется в соответствии с основными задачами медицинской консультации и значимостью этих задач для пациента. Отметим, что именно этот подход позволяет соотнести задачи формирования коммуникативных навыков в медицинском образовании с особенностями их проявления в профессиональной практике медицинских специалистов.

С позиции пациента коммуникативные навыки врача актуальны в процессе анамнеза, когда пациент рассказывает о своем заболевании, при получении информации о предстоящем лечении; для него значимо проявление эмпатии и получение психологической поддержки, понимание этапов лечения и его перспектив и т.д. Исходя из указанных аспектов, выявленных при анализе материала, признаки объединены в следующие параметры: 1) коммуникативный навык информационного обмена; 2) коммуникативный навык выражения эмпатии; 3) коммуникативный навык тактичности (соблюдение границ личной сферы); 4) коммуникативный навык организации диалога; 5) коммуникативный навык выбора языкового кода и тональности общения. Набор параметров не является закрытым спи-

ском – он может расширяться и корректироваться в зависимости от фактического материала, отражающего потребности пациентов. Признаки могут проявляться через положительные или негативные примеры речевого / неречевого поведения, что является основанием для оценки сформированности коммуникативных навыков конкретного специалиста. Отметим, что в тексте отзывов признаки и тем более параметры, как правило, не названы прямо, а выявляются исследователем путем интерпретации. Для описания параметров и использования их в целях характеристики коммуникативных навыков медперсонала могут использоваться семантические инварианты, в обобщенной форме отражающие те или иные оценки пациентов (ниже они фиксируются в виде речевых клише в скобках).

Представим фрагмент описания коммуникативных навыков врача на примере двух параметров – «**Коммуникативный навык информационного обмена**» и «**Коммуникативный навык выражения эмпатии**».

Параметр 1. Коммуникативный навык информационного обмена.

Обмен информацией на врачебном приеме является одним из ключевых факторов успешной постановки диагноза и выработки стратегии лечения (Roter, 1982). Признаками сформированности указанного навыка у медицинского специалиста могут служить следующие факты и оценки в отзывах о нем:

1) сбор анамнеза удовлетворил пациента («выслушал внимательно, не перебивая», «я рассказал все по порядку», «врач выяснил все от и до, задал уточняющие вопросы»);

2) врач предоставил необходимую пациенту информацию о заболевании, его прогнозе и лечении в доступной форме («объяснил доступно», «на пальцах объяснил»);

3) информация была структурированной («разложил по полочкам», «объяснил план лечения»);

4) проверка понимания: врач убедился в том, что пациент правильно понял содержание его рекомендаций («спросил, все ли понятно, остались ли вопросы»).

Пациенты оценивают, насколько полно и внимательно врач выяснил историю болезни и обстоятельства заболевания, насколько сосредоточено было его внимание на этом этапе, в какой степени врач умеет запросить недостающую информацию.

Признак 1. Сбор анамнеза удовлетворил пациента, если врач выслушал его внимательно, не перебивая, не ограничился устным рассказом о симптомах, а изучил медицинскую документацию, что пациент оценил как качественный сбор информации. Прямо указывает на удовлетворенность оценка продолжительности и системности сбора анамнеза.

(1) Врач внимательно выслушала, подробно опросила, посмотрела ребёнка².

(2) Врач выслушала жалобы и изучила все мои предыдущие обследования.

(3) Прием длился целый час. Доктор задавала множество уточняющих вопросов не только о текущей проблеме, но и об образе жизни, перенесенных болезнях. Создалось впечатление, что она хочет разобраться в причине, а не просто снять симптомы.

Сбор анамнеза не удовлетворил пациента, если врач был невнимателен, игнорировал его жалобы, ограничился формальными вопросами, не углубляясь в детали, полагался только на данные анализов или записи других специалистов, игнорируя субъективные ощущения пациента, делал преждевременные выводы, не дослушав.

Маркерами неудовлетворенности могут служить оценка незаинтересованности врача, вследствие чего пациент ощущает, что его информация о симптомах, истории заболевания оказалась недостаточной, неполной (4, 5), указание на краткосрочность приема (6), ориентация на документацию и игнорирование субъективных показаний пациента (7), отсутствие зрительного кон-

² Здесь и далее тексты отзывов приведены в соответствии с правилами орфографии и пунктуации. Стилистические особенности сохранены.

такта, прерывание опроса (4, 5, 7, 8) и поспешные выводы (5, 7) и т.д.

(4) *Не дал мне даже слова сказать. Я хотела объяснить свою проблему, а он сразу начал тыкать в монитор со снимками и говорить свое.*

(5) *Пришла с сильными болями в суставах и температурой. Врач даже не спросил, как давно и где именно болит, с чего началось. Спросил только: «На что жалуетесь?», и когда я начала говорить, перебил фразой: «Это все возрастное, что вы хотите в ваши годы». Выписал обезболивающее и выпроводил.*

(6) *Прием длился 7 минут. Вопросы были такие: «Голова болит? Шум в ушах есть? Спите плохо?». На все я ответил «да». Он даже не уточнил характер боли, частоту, локализацию. Сразу выписал стандартный набор таблеток и отправил на МРТ.*

(7) *Врач вообще не смотрела на меня, только в компьютер с моими старыми анализами. Я пыталась рассказать про новые симптомы (сильную слабость и выпадение волос), которые появились после смены препарата. Она отмахнулась: «В анализах все в пределах нормы, это не связано». Через месяц у меня нашли серьезный дефицит – то, о чем я и пыталась сказать!*

(8) *Я только начала описывать боли в желудке и сказала, что они связаны с определенной едой, как врач перебил: «А, понятно, у вас типичный гастрит. Все студенты с этим ко мне ходят. Вот вам диета и таблетки».*

Признак 2. Врач предоставил необходимую пациенту информацию о заболевании, его прогнозе и лечении в доступной форме.

Доступность передаваемой информации для адресата является одним из главных условий успешной коммуникации и определяется пропорцией между новым, оригинальным и известным, обыденным. Доступность достигается в том числе и за счет избыточности информации – полного или частичного повторения сообщения, разъяснения, которое служит для проверки и корректировки адекватного вос-

приятия сообщения. В отзывах регулярно присутствуют оценки понятности информации, которую пациент в итоге получил от врача.

Информация была предоставлена в доступной форме, если у пациента не возникло проблем с ее интерпретацией (сложная медицинская информация предоставлена с учетом когнитивной базы и образовательного уровня пациента). Семантическим инвариантом, указывающим на наличие этого коммуникативного навыка, является прямая оценка понимания («доступно объяснил») либо отстройка от негативных вариантов («рассказал без заумных терминов»).

(9) *Предельно четко и очень подробно объяснил план лечения!*

(10) *Диагноз и лечение объясняет доступно.*

(11) *Я пришла с паническими атаками, не понимая, что со мной. Доктор объяснила механизм их возникновения на пальцах, без заумных терминов, рассказала, чего ожидать в процессе терапии. Стало намного спокойнее.*

На отсутствие навыка адаптации информации с учетом ее доступности указывают примеры негативной оценки в отзывах пациентов:

(12) *Врач объяснял, чем уколы лучше таблеток, используя в качестве аргументов непонятные термины.*

(13) *Врач спросил, есть ли у моей мамы ХОБЛ. Я даже не знала, что это: заболевание или какой-то медицинский прибор.*

Особой коммуникативной проблемой является выбор врачом ролевой стратегии по отношению к пациенту, который находится в диапазоне от «невежды» до «просвещенного», почти специалиста. Стратегии врача варьируются от пренебрежения к знаниям и опыту пациента («не лезьте не в свое дело») до просветительского энтузиазма, нацеленного на предоставление максимальной информации, в том числе с неактуальной детализацией медицинских подробностей заболевания и лечения.

(14) Был на приёме у стоматолога – кандидата наук, преподавателя вуза. Она разговаривала со мной, как со студентом старшего курса, понимающим терминологию. И совершенно не старалась «перевести» на простой язык, как это делают обычные врачи из клиник.

Признак 3. Информация была структурированной.

Эксперты отмечают, что около 40–80 % медицинской информации, предоставляемой врачами, пациенты сразу же забывают³. Нередко это связано с тем, что информация была плохо структурирована. Маркером сформированности этого коммуникативного навыка является использование врачом приемов структурирования: нумерация шагов (этапов) в плане лечения, выделение главного и второстепенного, обозначение временного диапазона для каждого этапа, разделение жалоб на конкретные проблемы, резюмирование («подведем итоги»). Пациенты отмечают данные признаки как значимые для врачебной консультации характеристики.

(15) Объясняет каждый шаг диагностики и лечения, лишних анализов не назначает...

Маркером здесь является «каждый шаг», что указывает на последовательное, поэтапное изложение, то есть на структуру.

(16) Предельно четко и очень подробно изложил план лечения!

Само понятие плана лечения, озвученного пациенту, подразумевает структурированность (цель, методы, этапы).

Наиболее ярким маркером навыка структурирования является резюме врача:

(17) После обследования доктор сел и сказал: «Давайте подведем итоги. У вас, во-первых, А, это лечится так. Во-вторых, Б, на это нужно обратить внимание. И самое главное – В, вот наш основной план действий». Очень четко и по делу. Я все запомнил.

Отсутствие навыка структурирования и резюмирования подтверждают отзывы пациентов, где отмечается недопонимание

диагноза, причин и прогноза заболевания, плана дальнейших действий.

(18) Ничего не объяснил – ни что за болезнь, ни почему эти лекарства, ни сколько болеть буду. Выписал несколько лекарств, не ясно, что от чего. Чувствовала себя как на конвейере.

Признак 4. Проверка понимания: врач убедился в том, что пациент правильно понял содержание его рекомендаций.

Это самый редкий в отзывах, но критически важный с точки зрения клинического общения навык. Пациенты редко формулируют это прямо, но эти действия можно вывести из импликатур.

(19) В конце приема доктор спросил, все ли мне понятно, и попросил повторить, как я буду принимать лекарства. Я сначала смутилась, но потом поняла, как это важно.

Это прямое указание на технику «обратного обучения» (teach-back method), самый надежный способ проверки понимания.

(20) Дала рекомендации по питанию и упражнениям, спросила, есть ли у меня вопросы, и уточнила, смогу ли я это выполнить в моем ритме жизни.

Открытый вопрос и уточнение реализуемости рекомендаций – форма проверки не только понимания, но и согласия/возможности следовать плану.

(19) Врач ответил на все мои вопросы, развеял сомнения. Стало более понятно про лечение.

Как следует из описания врачебного приема в (19), сам врач не инициировал проверку понимания активно, однако диалог привел пациента к состоянию «стало понятно», что является результатом успешного обмена информацией.

В то же время отсутствие навыка контроля понимания приводит к неудовлетворенности пациента и необходимости повторного посещения врача.

(20) Врач-гастроэнтеролог выдала рекомендации, но, когда я пришел домой, я не мог разобраться, как мне пить лекарства (всего было выписано 8), в какой после-

³ <https://nrccrm.ru/patient-guide/live-healthy/sweet-lie/>

довательности и сколько времени каждое. Пришлось идти снова в клинику, чтобы уточнить. И только тогда она мне распланировала схему лечения.

Таким образом, явное упоминание активных действий врача по проверке понимания («повторите, как поняли», «объясните своими словами») встречается в отзывах крайне редко. Чаще в описании отмечается итоговое состояние понимания («все стало ясно») или упоминаются ответы на вопросы пациента, что является более пассивной формой обратной связи.

Параметр «Коммуникативный навык выражения эмпатии»

Признаками наличия указанного навыка у медицинского специалиста могут служить следующие факты и оценки в отзывах о нем:

1) врач обладает навыками рефрейминга (изменения рамки ситуации);

2) врач располагает арсеналом приемов поддержки, утешения и ободрения пациента («чуткий», «внушил надежду», «всегда на связи»);

3) врач пользуется приемами эвфемизации, отбора лексики, не травмирующей пациента («подбирает слова»).

Признак 1. Рефрейминг ситуации и метафоризация

В лингвистическом аспекте рефрейминг – это прием целенаправленного изменения восприятия ситуации, который осуществляется за счет использования ресурсов языка (лексики, синтаксиса, риторических приёмов). Это делает рефрейминг мощным инструментом как в повседневном общении, так и в институциональных медицинских практиках. Одним из эффективных способов выражения эмпатии врача является рефрейминг неблагоприятного прогноза заболевания. В этом случае перлокутивный эффект эмпатии заключается в смещении у пациента фокуса с неконтролируемой ситуации угрозы на конкретный план и управляемые действия, вселяющие надежду. Врач не меняет факты (диагноз, прогноз), но меняет **когнитивную рамку**, в которую эти факты помещены. Это при-

водит к смене ментальной модели у пациента: от модели **жертвы и ситуации поражения** к модели **агента, способного контролировать ситуацию («проект»)**. Это мощнейший инструмент психологической поддержки, который напрямую влияет на приверженность лечению и качество жизни пациента.

(21) *Врач не стал отрицать серьезность диагноза. Вместо этого он сказал: «Теперь у вас есть новый и очень важный проект под названием “Ваше здоровье”. Я – ваш консультант и руководитель проекта. У нас есть четкий протокол (план проекта), состоящий из этапов: операция, терапия, реабилитация. Наша задача – системно и последовательно выполнять каждый этап этого плана. Давайте сосредоточимся не на страхе, а на тактике выполнения первого этапа». Это перевернуло всё в моей голове. Я не “борюсь”, я “работаю” по плану. Это дало невероятные силы и уверенность.*

Так путем метафорического рефрейминга врач заменил рамку ситуации и **ролевую модель**.

В последнем примере рефрейминг выполнен за счет переосмысления и замены негативных концептов: «ограничение» → «новые исходные данные»; «неизлечимая болезнь» → «состояние, которым можно управлять»; «инвалидность» → «адаптивная активность».

(22) *Когда мне диагностировали хроническое аутоиммунное заболевание, первый врач сказал: «С этим живут, но вам придется забыть о спорте, серьезных нагрузках, возможно, будет инвалидность». Я погрузился в депрессию. А другой врач меня настроил: «Да, у вас теперь **новые исходные данные**. Наша цель – не “вылечить” в старом смысле, а **добиться стойкой ремиссии**. Это состояние, при котором болезнь – просто фон, а не хозяин вашей жизни. <...> Ваша задача – **научиться управлять** своим состоянием, а не быть его заложником». После разговора со вторым у меня появилась дорожная карта. Слово “ремиссия” стало целью, а не приговором. Это дало огромный заряд мотивации строго следовать лечению.*

Усилению эффекта рефрейминга способствует **использование позитивной модальности**: «вы сможете», «научиться управлять», «наша цель», «добиться ремиссии», **замена пассивной конструкции на активную**: «болезнь будет ограничивать» → «вы сможете управлять».

Признак 2. Коммуникативные приемы эмпатии

На коммуникативном уровне стратегия эмпатии реализуется в приемах утешения, ободрения и поддержки, взаимодействия с пациентом в границах такта, деликатности, организации равноправного участия в диалоге.

Пациенты ценят в эмпатии врача не просто формальную вежливость, а конкретные действия: отсутствие осуждения, ясные объяснения и профессиональную, но человеческую вовлечённость на всех этапах лечения, создание доверительной и безопасной атмосферы, утешение и поддержку через конкретные действия. О сформированности коммуникативных навыков эмпатии можно судить по оценочным номинациям качеств врача (*чуткий, внимательный, сочувствующий, тактичный*), его действий (*выслушал, успокоил, похвалил, расспрашивал*) и перлокутивно-эффекту врачебного приема – прямым указаниям на то, что чувствуют пациенты (см. примеры 24, 26, 27).

(23) *Очень понравилось отношение врача ко мне. Чутко и досконально изучил мою историю текущей болезни, много расспрашивал про жизнь, начиная с детства до текущего момента. Обозначил диагноз, прописал препараты, подробно рассказал о возможных побочных эффектах. На повторном приёме не менее чутко расспрашивал о текущем состоянии, рассказывал, что меня ждёт и как со всем справляться. Похвалил за то, что не забываю приходить на приёмы.*

(24) *За время терапии с В.Ч. я чувствовала поддержку, уважение и бережное отношение.*

(25) *О.Н. чуткий, внимательный доктор, выслушав мою историю, обследовав меня, она прописала лечение. Всегда на свя-*

зи, по любому вопросу ответит и подскажет.

(26) *Была на приеме в достаточно тяжелый период. Впервые за долгое время появилась надежда.*

(27) *Ушла с чувством, что меня выслушали и поняли.*

Отсутствие сформированных навыков эмпатии также легко определить: в отзывах пациенты прямо описывают поведение врача, не соответствующее биомедицинской этике.

(28) *Пришла за помощью с надеждой и верой на помощь, но этот врач ее отобрал! Вместо этого предлагал варианты, которые не рассматриваю по финансовым возможностям, в итоге пришел к тому, что вот попробуйте лекарство, но если оно не поможет, то вам ничего не поможет, грубо говоря, разбирайтесь сами! Никакие объяснения и просьбы не были услышаны!*

Признак 3. Тактики эмпатии на лингвистическом уровне

Отзывы позволяют выявить эффективные речевые приемы, которые строятся на стремлении дать надежду на позитивный исход лечения, избежать травмирующих слов и выражений путем выбора лексики и лексико-грамматических конструкций. Применительно к медицинскому общению это проявляется в сознательном отборе лексических единиц, не только точно передающих информацию, но и выражающих сопереживание, поддержку и установку на доверительный контакт с пациентом.

Типичной ситуацией, требующей эмпатии, является сообщение врачом неблагоприятного прогноза развития заболевания, когда информация должна быть передана в максимально деликатной форме. Это достигается за счет комплексного использования языковых ресурсов: определения врачом баланса между приемами эвфемизации / дисфемизации (29, 30), включения инклюзивного МЫ как маркера участия в сложной ситуации (31, 32) и невербальных действий (33).

(29) *Был неприятный диагноз. Врач не стал меня пугать, а объяснил все очень*

взвешенно и по-деловому, назвав вещи своими именами, но без жестокости. Сказал, что ситуация серьезная, но решаемая, и расписал четкий план. После разговора с ним стало спокойно на душе.

(30) Очень тактично и корректно объяснил деликатную проблему, не используя грубых или пугающих слов.

(31) Доктор с первой минуты расположил к себе. Спокойным голосом объяснил, что и как будет делать, постоянно повторяя: «Мы с вами справимся». Это вселяло уверенность.

(32) Доктор сразу сказал: «Вместе разберемся», «Мы это пройдем». Чувствуется, что он не бросит тебя одного с болезнью.

(33) Прием длился целый час! Врач ни разу не посмотрел на часы, вел себя как старый добрый знакомый, все объяснял с улыбкой и на простых примерах.

Выбор языкового кода с учетом когнитивной базы пациента также является маркером эмпатического общения с пациентом, что находит отражение в отзывах. Однако для соблюдения принципов параметрического описания мы выделили этот показатель, а также эмпатическое слушание в признаки отдельных параметров (см. выше).

Заключение

Принципы параметрического описания коммуникативных навыков меди-

цинских специалистов и представленные выше фрагменты подобного анализа позволяют оценить эффективность данного подхода с учетом нескольких взаимосвязанных задач: 1) диагностики коммуникативной компетенции медицинских работников в процессе формирования и совершенствования их навыков общения с пациентом; 2) разработки методик формирования коммуникативных навыков медицинских специалистов с учетом лингвистического аспекта; 3) обобщения актуальной информации о врачах по параметрам, актуальным для пациентов, на специализированных интернет-ресурсах в целях оптимизации поиска специалистов, отвечающих требованиям потребителя медицинских услуг.

Перспективой исследования является уточнение структуры параметрической модели коммуникативных навыков медицинских специалистов и описание каждого из параметров через признаки, отраженные в отзывах пациентов. Это позволит разработать научно обоснованные технологии формирования сведений не только о конкретных врачах, но и об учреждениях здравоохранения с использованием больших данных на основе параметрического подхода в описании коммуникативных навыков специалистов конкретной больницы, клиники, медицинского центра.

Список литературы / References

Arora N.K. Interacting with cancer patients: the significance of physicians' communication behavior: In: *Social Science & Medicine*. 2003, 57(5), 791–806. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/1285010/>. (accessed: 20.12.2025)

Astanina S. Yu., Kalinina A. M., Shepel' R.N., Drapkina O. M. Metodicheskie osobennosti formirovaniya kommunikativnoj kompetentsii vracha-terapevta uchastkovogo v provedenii profilakticheskogo konsul'tirovaniya [Methodological features of the development of the communicative competence of local general practitioner in preventive counseling]. In: *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika [Cardiovascular Therapy and Prevention.]*. 2023. 22. (2S), 3648. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3648>

Baile W.F., Buckman R., Lenzi R., Glober G., Beale E. A., & Kudelka A. P. SPIKES – A six-step protocol for delivering bad news: application to the patient with cancer. In: *The oncologist*. 2000, 5(4), 302–311.

Bril' E.V., Hasina A. V., Zimnyakova O. S., Fedorova N. V. Kommunikaciya s nevrologicheskim pacientom [Communication with a neurological patient]. In: *Zhurnal nevrologii i psixiatrii im. S. S. Korsakova [S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry]*. 2022. 122(2), 36–42.

Butt-Rowden S., Chisolm M. S., Anton B., Flickinger T. E. Teaching Empathy to Medical Students: An Updated Systematic Review. In: *Academic Medicine*. 2013, 88(8), 1171–1177. <https://doi.org/10.1097/ACM.0b013e318299f3e3>.

Chebotareva O. A. Paternalizm v otechestvennoj meditsine [Paternalism in domestic medicine]: dis. ... kand. sotsiol. Nauk [PhD Thesis]. Volgograd, 2006. 132.

Cherednichenko D. V. Sovremennyye modeli obshcheniya vracha s patsientom [Modern Models of Physician-Patient Communication]. *Meditsinskie Novosti [Medical News]*. 2023(11), 9–16.

Chizhkova M. B. Kommunikativnaya kompetentnost' vracha i eyo formirovanie v predstavleniyakh ordinatorov: k postanovke problem [Physician Communicative Competence and Its Formation in Residents' Perceptions: A Problem Statement]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education]*. 2020. (2). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29727> (accessed: 20.12.2025) DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.29727>.

Dem'yankov V. Z. Parametrizatsiya [Parameterization] In: *Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrac Yu. G., Luzina L. G. Pod obshchej redaktsiej E. S. Kubryakovoj. Kratkij slovar' kognitivnykh terminov [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]*. M., Filologicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1996, 118–123.

D'yachenko E. V., Noskova M. V., Shikhova E. P., Kropaneva E. M., Kazaeva A. V., Andrega D. S. Kommunikativnye kompetentsii vracha: aktual'nost' problemy, printsipy formirovaniya v meditsinskom vuze, metodika otsenki [Communicative Competencies of a Physician: Relevance of the Problem, Principles of Formation in a Medical University, Assessment Methodology]. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta [Bulletin of the Ural State Medical University]*. 2015(1), 28–30.

Fong Ha, J. and Longnecker N. Doctor-Patient Communication: A Review. In: *Ochsner Journal*. March, 2010, 10(1), 38–43. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3096184/>. (accessed: 20.12.2025)

Gatsura S. V., Gatsura O. A., Deryushkin V. G. Pervyj rossijskij opyt ispol'zovaniya shkaly empatii Dzheffersona dlya otsenki kommunikativnoj kompetentnosti vypusknikov meditsinskogo vuza [The first Russian experience of using the Jefferson Empathy Scale to assess the communicative competence of medical school graduates]. *Infektsionnye bolezni: novosti, mneniya, obuchenie [Infectious Diseases: News, Opinions, Training]*. 2019, 8(3), 85–89. <https://doi.org/10.24411/2305-3496-2019-13013>.

Guzhina E. A. Problemnye aspekty podgotovki kommunikativnoj kompetentsii vracha [Problematic aspects of training physicians' communicative competence] *Permskij meditsinskij zhurnal [Perm Medical Journal]*. 2024. 41(1), 120–127.

Hojat M., DeSantis J., Shannon S. C., et al. The Jefferson Scale of Empathy: a nationwide study of measurement properties, underlying components, latent variable structure, and national norms in medical students. In: *Adv in Health Sci Educ*. 2018, 23(5), 899–920. <https://doi.org/10.1007/s10459-018-9839-9>.

Issers O. S. (2021). Conflict-generating factors of doctor-patient communication in russian-language discursive practices. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 14(10), 1567–1580. DOI: 10.17516/1997-1370-0840

Kinnersley P., Edwards A. Communication skills teaching for medical students. In: *The Clinical Teacher*. 2008, (5), 245–250.

Klimovich A. I. Evolyutsiya modelej kommunikatsii vrach-patsient v sovremennoj meditsine [Evolution of Doctor-Patient Communication Models in Modern Medicine] *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki [Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences]*. 2019 (15), 88–91.

Kommunikativnye osnovy meditsinskoj deyatel'nosti (obshchenie vracha i patsienta) [Communicative Foundations of Medical Activity (Communication between Doctor and Patient)] Chast' 1. Medpodgotovka.ru [Medpodgotovka.ru.] URL: https://medpodgotovka.ru/blog/about_kommunikacii (accessed: 20.12.2025).

Majboroda S. V. Lingvisticheskie sposoby vyrazheniya paternalistskikh otnoshenij v sovremennom diskurse vracha i patsienta [Linguistic ways of expressing paternalistic relationships in modern doctor-patient discourse]. *Kommunikativnye issledovaniya [Communication studies]*. 2025. 12(2), 345–359.

Matskevich E. E., Shirokogorova T. G. Effektivnaya patsient-orientirovannaya kommunikatsiya v meditsinskom universitete [Effective patient-oriented communication at a medical university]. *Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psikhologiya [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]*. 2023. 12, 4(45), 107–111.

Melkonyan G. A., Nagieva E. B. Kommunikativnaya toksichnost' v meditsinskom diskurse [Communicative toxicity in medical discourse] *Kommunikativnye issledovaniya [Communication studies]* 2025. 12(2), 360–374. DOI: 10.24147/2413–6182.2025.12(2).360–374.

Moudatsou M, Stavropoulou A, Philalithis A, Koukoulis S. The Role of Empathy in Health and Social Care Professionals: In: *Healthcare (Basel)*. 2020, 8(1), 26. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32019104/> <https://doi.org/10.3390/healthcare8010026> (accessed: 20.12.2025)

Nicolai J., Demmel R., Hagen J. Rating Scales for the Assessment of Empathic Communication in Medical Interviews (REM): Scale Development, Reliability, and Validity: In: *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*. 2007, 14(4), 367–375. <https://www.researchgate.net/publication/225325398/> (accessed: 20.12.2025)

Osadchij M. A. Russkij yazyk na grani prava: Funkcionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyah pravovoj reglamentacii rechi [Russian Language on the Edge of Law: Functioning of the Modern Russian Language in the Context of Legal Regulation of Speech]. M., Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. 256.

Roter D. L. Physician/patient communication: transmission of information and patient effects. In: *Maryland State Medical Journal*. 1982, 32(4), 260–265. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/6865482/> (accessed: 20.12.2025)

Sil'verman Dzh., Kyorts S., Drejper Dzh. Navyki obshcheniya s patsientami [Communication Skills with Patients.]. Per. s angl. M., GRANAT, 2018. 304.

Silverman J., Kurtz S., & Draper J. *Skills for communicating with patients* (3-rd ed.). CRC Press. 2013, 317.

Sternin I. A. Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya [Models for Describing Communicative Behavior]. Voronezh: Garant, 2000. 27.

Stewart M. A. Effective physician-patient communication and health outcomes: a review. In: *CMAJ*. 1995, 152(9), 1423–1433. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/7728691/> (accessed: 20.12.2025)

EDN: BONPXC
УДК 81'234

Speech Impairment Level Distribution in Alzheimer's Disease

Elena V. Nikolaeva^a, Yana V. Popova^b,
Natalia G. Burmakina^b, Vladislav G. Abramov^c
and Iurii I. Poliakov^d

^a Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

^b Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

^c Federal Siberian Research Clinical Center under FMBA of Russia
Krasnoyarsk, Russian Federation

^d Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences,
First Pavlov State Medical University of St. Petersburg,
North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov
Saint Petersburg, Russian Federation

Received 26.01.2026, received in revised form 05.02.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. This study aims to classify speech impairments in English- and German-speaking patients with Alzheimer's disease by language level and to determine their frequency. The main objective of the work is to identify patterns of distribution of speech impairments across language levels (phonetic, morphological, lexical, and syntactical) and to test the hypothesis about the predominance of the amnesic type of aphasia in Alzheimer's disease. The results showed that, in patients of both language groups, lexical impairments were most common, followed by phonetic, syntactic, and morphological ones. This pattern indicates a predominance of the amnesic type of aphasia and confirms the need to classify it as a distinct type with its own symptom complex. The obtained data allow us to clarify the specifics of speech impairments in Alzheimer's disease and can be used to develop methods for diagnosing and treating aphasic impairments.

Keywords: Alzheimer's disease, speech impairments, speech disorders, aphasia, neurodegenerative diseases, neurolinguistics, speech analysis, linguistic biomarkers.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Clinical Linguistics, Neurolinguistics, Speech and Language Pathology.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: nburmakina@mail.ru

ORCID: 0009-0005-9978-606X (Nikolaeva); 0000-0001-9435-8617 (Popova); 0000-0003-2102-4258 (Burmakina); 0000-0002-4063-4951 (Abramov); 0000-0003-1664-2107 (Poliakov)

Citation: Nikolaeva E. V., Popova Ya. V., Burmakina N. G., Abramov V. G., Poliakov Iu. I. Speech Impairment Level Distribution in Alzheimer's Disease. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 595–604. EDN: BONPXC

Уровневая организация речевых нарушений при болезни Альцгеймера

Е.В. Николаева^а, Я.В. Попова^б, Н.Г. Бурмакина^б,
В.Г. Абрамов^в, Ю.И. Поляков^г

^аСанкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург

^бСибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

^вФедеральный сибирский научно-клинический центр ФМБА России
Российская Федерация, Красноярск

^гИнститут физиологии им. И. П. Павлова РАН;
Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. академика И. П. Павлова;
Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Исследование направлено на классификацию речевых нарушений при болезни Альцгеймера по уровням языка. Количественный анализ применяется в качестве метода исследования устной речи англо- и немецкоязычных пациентов. Основная задача работы заключается в выявлении закономерностей распределения речевых нарушений по языковым уровням (фонетическому, морфологическому, синтаксическому и лексическому) и проверке гипотезы о преобладании амнестического типа афазии при болезни Альцгеймера. Результаты исследования демонстрируют, что у пациентов обеих языковых групп чаще всего наблюдаются лексические, а за ними уже следуют фонетические, синтаксические и морфологические нарушения речи. Эта закономерность указывает на преобладание амнестического типа афазии и подтверждает необходимость ее классификации как отдельного типа с уникальным симптомокомплексом. Полученные данные позволяют уточнить специфику речевых нарушений при болезни Альцгеймера и могут быть использованы для разработки методов диагностики и лечения афазических расстройств.

Ключевые слова: болезнь Альцгеймера, нарушения речи, афазия, нейродегенеративные заболевания, нейролингвистика, анализ речи, лингвистические биомаркеры, уровневая организация.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.12.3 Междисциплинарные исследования языка.

Цитирование: Николаева Е. В., Попова Я. В., Бурмакина Н. Г., Абрамов В. Г., Поляков Ю. И. Уровневая организация речевых нарушений при болезни Альцгеймера. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 595–604. EDN: BONPXC

Introduction

In the context of increasing life expectancy, the investigation of neurodegenerative disease symptoms has become particularly significant. Cerebral damage and the consequent memory deficits observed in patients with Alzheimer's disease (AD) not only reduce their capacity for social adaptation but also contribute to the development of various speech impairments. Studying the causes and symptoms of these impairments is an important task in the relatively young but rapidly developing field of clinical linguistics (Burmakina, Kulikova & Popova, 2020).

The number of relevant interdisciplinary studies devoted to speech impairments in patients with AD is minimal. We believe that classifying such impairments by language level could help provide a clearer picture of the aphasia symptom complex in patients with AD and, potentially, identify key interventions for the rehabilitation of patients with these conditions.

The World Health Organization identifies AD as the predominant cause of dementia, responsible for an estimated 60–70 % of all occurrences worldwide. (World Health Organization, 2025). AD is associated with speech impairments that lead to social, daily, and occupational maladaptation. (Zakharov, Voznesenskaya, 2013; Yakhno et al., 2010).

There are various approaches to assessing, describing, and classifying aphasia. Conventionally, all aphasias are divided into fluent and nonfluent types based on the degree of difficulty with expressive and receptive speech. However, such a classification seems too general. The most widely used classification of aphasia abroad was proposed by specialists at the Boston School of Language and Language Arts in 1952 (American Psychiatric Association, 1994). According to this classification, aphasia can be divided into the following eight types:

- Broca;
- Wernicke;
- Transcortical motor;
- Transcortical sensory;
- Mixed transcortical;
- Conduction;
- Anomic;

Global (Goodglass, Kaplan, Baressi, 2001).

Within this classification framework, patients with AD are most commonly diagnosed with Wernicke's aphasia or transcortical sensory aphasia.

In Wernicke's aphasia, speech is fluent, but there are significant problems understanding the speech of others and repeating what has been heard. This type of aphasia is called Wernicke's aphasia because it is associated with damage to the area of the same name. With damage to Wernicke's area, a person, despite having no hearing problems, cannot understand native speech; words fail to evoke associations, and their native language generally sounds foreign.

In transcortical sensory aphasia, damage primarily affects not Broca's and Wernicke's areas themselves, but the neurons connecting them to other parts of the brain. Patients with this type of aphasia retain the ability to repeat, but may have difficulty with repetitive speech.

Specially developed assessment tools are used to identify specific impairments within this classification and to determine their degree of severity. The most common are the Boston Diagnostic Aphasia Examination and the Western Aphasia Battery. This classification also serves as the basis for the most widely used test for German-speaking patients: the Aachen Aphasia Test (Der Aachener Aphasie-Test), developed in 1983 by W. Huber, K. Poeck, D. Weniger, and K. Wilmes (Huber et al., 1983).

Theoretical Framework

A distinct neuropsychological classification system, originally proposed by Alexander R. Luria, is presently applied in Eastern Europe and Latin America. According to this classification, aphasia can be divided into the following seven forms:

- Afferent motor aphasia;
- Efferent motor aphasia;
- Dynamic aphasia;
- Sensory (acoustic-gnostic) aphasia
- Acoustic-mnestic aphasia;
- Semantic aphasia;
- Amnestic aphasia (Luria, 1947; 1962).

According to Luria's classification, AD is typically diagnosed as either acoustic-mnemonic or amnesic aphasia. In acoustic-mnemonic aphasia, the core characteristic is a disruption of auditory-verbal memory, accompanied by an impairment of receptive speech. The patient experiences difficulty with word retrieval, often exhibiting verbal paraphasias, agrammatisms, and contaminations. However, the ability to name objects is relatively preserved.

Amnesic aphasia is likely the most common in patients with AD, especially in the advanced stages of the disease. It is often believed that this form manifests only as a symptom of acoustic-amnesic aphasia. However, their symptom complexes differ. A patient with amnesic aphasia retains receptive speech, while the central symptom of this form of aphasia is difficulty naming objects. The patient may also be verbose.

Statement of the Problem

In modern medical and neuropsychological practice, amnesic aphasia is rarely considered a distinct form of speech disorder. This leads to difficulties in the differential diagnosis of AD based on the analysis of speech symptoms. Most existing aphasia classifications focus primarily on motor and sensory impairments, while amnesic aphasia, characterized by deficits in nominative and semantic processes, remains understudied.

Analysis of speech impairments in patients with AD reveals consistent features consistent with the amnesic type of aphasia, including word-finding difficulties, decreased verbal memory, and impaired semantic organization of utterances. This confirms the need to classify amnesic aphasia as a distinct type with its own symptom complex and diagnostic criteria. Clarifying its status within the clinical classification of aphasia will improve the accuracy of early AD diagnosis and the effectiveness of cognitive speech therapy.

Methods

The present study aims to categorize speech impairments in English- and German-speaking patients with AD. This allows for the analysis of patterns of speech impairment

and their comparison between native speakers of different languages. The empirical material for the study consists of authentic videos with English- and German-speaking patients posted on the youtube.com platform, including documentaries, reports, and educational videos containing patients' speech in natural settings. The total duration of the videos was 10 hours and 12 minutes, providing a sufficient volume of data for a systematic analysis of speech characteristics and the identification of typical patterns of impairments. The methodological basis of the study combines several approaches: conversation analysis was used to study the characteristics of interaction between patients and their interlocutors and to identify strategies for compensating for speech deficits; Language analysis of textual material allowed for the systematization and classification of lexical-semantic, morphosyntactic, and phonetic impairments. Descriptive and comparative methods were used to compare data between English- and German-speaking patients to identify common and specific patterns. A quantitative method ensured the measurement of the frequency of specific speech impairments and an assessment of their severity. Empirical material was selected using a continuous sampling method, which allowed for the inclusion of all available video recordings that met the study criteria, without biased exclusions, ensuring representativeness of the data and an objective picture of speech impairments in patients with AD in the English- and German-speaking populations.

Discussion

1. Analysis of Speech Impairments in English-speaking patients with Alzheimer's Disease

1.1. Phonetic Level Speech Impairments

Among the phonetic impairments observed in patients with AD, pauses in speech deserve special attention, representing one of the most informative symptoms. These pauses occur primarily during moments of difficulty finding the right word or when attempting to recall a specific lexical unit, reflecting a decrease in the efficiency of lexical access and verbal memory processes.

Pauses often disrupt the intonation and melodic structure of utterances, making speech fragmented and rhythmically unstable. As a result, the fluency and prosodic integrity of speech are impaired, hindering comprehension and reducing the effectiveness of communication overall. The frequency and duration of such pauses can correlate with the degree of cognitive deficit, particularly in short-term memory and semantic processing, making them a valuable diagnostic indicator when assessing the level of speech impairment in patients with AD:

If I could I would be in...at a college.

Such pauses are often accompanied by interjections, filler sounds and syllables like “uh-uh,” “uh-huh,” “oh,” and others. They serve a compensatory function during speech production. These fillers serve as markers of word-finding difficulties and indicate a disruption in the automated mechanisms of speech programming. They allow the patient to gain time to find the desired lexical unit, partially maintaining communicative activity and creating the illusion of speech continuity.

In the, uhm... Uhm... A cup away.

Difficulty recalling words or remembering them also affects intonation in a sentence. When trying to recall certain information, a person loses confidence in what was said and abruptly changes intonation from affirmative to interrogative:

I did modeling? (рассказывая о себе).

Another common factor influencing intonation and rhythmic flow of speech is stuttering, which is quite common in AD:

P-t-t-t I would've lov-love-ved it.

Pronunciation difficulties are a particular problem among phonetic impairments in patients with AD. In many cases, identifying the underlying cause of such errors can be quite difficult. The underlying cause may be a general deterioration in diction associated with orthodontic problems common in the elderly (missing teeth, ill-fitting dentures, malocclusion), improper functioning of the speech apparatus due to decreased facial muscle tone (also typical in the elderly), or the underlying cause may actually be the destruction of brain cells. Identifying the true problem will require, if not a diagnosis, then at least more careful observa-

tion of the patient's speech over a longer period of time.

It was frustrating trying to get it into the box [It wɪz frʌʃtɪŋ tɪ ˈɡet ɪt ɪn tuː bɒks].

Among the speech impairments identified in English-speaking patients with AD, phonetic impairments accounted for 23.9 % of the total. Thus, phonetic errors were the second most common among English-speaking patients. In the initial stages, the most common phonetic speech impairments include stuttering and pausing errors, likely manifesting as a symptom of amnesic aphasia (the patient pauses to find or recall the necessary word). In later stages of AD, the patient's speech becomes virtually unintelligible, initially partially, then completely.

1.2. Morphological Level Speech Impairments

Morphological impairments are often difficult to distinguish from lexical and phonetic ones. Identifying the underlying cause of an impairment can be virtually impossible due to the interrelationship between different levels of language. For example, it can be difficult to distinguish whether a patient's use of an incorrect suffix is due to literal paraphasia or whether it is a morphological error. The same applies to grammatical errors: the use of an incorrect auxiliary verb or its absence can be considered both a lexical-grammatical and a morphological impairment:

Where is my pills?

Overall, according to the analysis, morphological impairments are the least common among English-speaking patients with AD (accounting for 15.2 % of the total number of analyzed examples).

1.3. Lexical Level Speech Impairments

Lexical impairments are the most common in patients with AD. This is likely related to one of the main symptoms of AD: memory impairment. Memory impairments can affect the lexical level of language and lead to a variety of lexical-semantic, lexical-grammatical, and lexical-stylistic errors.

The most common are lexical-semantic errors. Among these, difficulties with word actualization are extremely common. The patient

painfully searches for the desired lexical unit, unable to recall it.

It's like, it's your genes, you know, and so... uhm... I forgot where I was going.

Instead of filler words, pauses may be filled with entire phrases and expressions. These stand out from the rest of the utterance primarily because of their dynamism. The patient pronounces them noticeably faster, often with less articulatory precision, as if memorized. In some cases, such insertions can be seen as a manifestation of automated speech, reflecting the preservation of routine linguistic patterns despite a general decline in cognitive control. Such elements may serve a compensatory function, helping the patient maintain speech rhythm and temporarily avoid word-finding difficulties:

You know, I—I was – I was... you know, I couldn't do my work. Yeah, I was the only one doing it. You know.

The patient can compensate for the lack of lexical units by mimicking the forgotten words:

*I went up there, sat down, and all that bloody hell **there (runs his hand over his back), there, there.***

Often, the patient may confuse lexical units and replace the one being sought with one that has the same root or is similar in sound:

Don't see stupid things. If you're going to speak, speak sensibly.

Substitutions are also possible based on less obvious signs. In the following example, an unsuitable verbal utterance may be linked to the general holiday semantics of the words "Christmas" and "Birthday":

– It's seven o'clock in Christmas morning and Holly is filming us.

*– **Happy Birthday to you! Happy Christmas to you!** (later).*

When a suitable lexical unit is found, fixation may occur; the patient seems to "hover" on the word they were having difficulty with, slowly repeating it. The patient's gaze is often unfocused, seemingly directed inward:

*It was **pouring, pouring** rain.*

Or the patient may use the found word several times in adjacent sentences, emphasizing it with intonation, involuntarily forming anaphoras and epiphoras:

*There was a **stream**. And I wanted to get in the **stream**.*

As AD progresses, it becomes increasingly difficult for the patient to recall essential vocabulary. Ultimately, the patient's speech may be reduced to the intonation of individual sounds and, eventually, to a complete lack of speech:

(Asks about the food on the plate)

– You know what this is, huh?

– I...

– What's this? There's fish, and there...

What is it?

– ...

The second most common lexical errors are lexical-grammatical ones. These typically involve prepositions. The patient may have difficulty finding the correct preposition, article, or conjunction, or even miss them entirely:

*If I could, I would be **in...at** a college.*

Patients may also have difficulty choosing grammatical tenses. For example, they may use one tense while using the grammatical markers of another, or fail to correlate the grammatical tense used with the meaning of the statement. Such errors can be seen as a consequence of weakening grammatical control and a decrease in the ability to syntactically plan an utterance:

*I actually **cried soon**.*

Since the division into language levels is arbitrary, it is often difficult to distinguish between certain errors. For example, the incorrect use (or absence of necessary) of suffixes can be classified as both lexical-grammatical and morphological impairments:

*She's not ugly. On the contrary, she's very **beauty[ful]**.*

araphasia can be identified at the intersection of lexical-semantic and lexical-grammatical impairments. With paraphasia, the patient's speech loses both meaning and grammatical structure:

***We shall find. If the way long service l-long little come out act-not-act** (Malcolm and Barbara: Love's Farewell).*

Impairments at the lexical-stylistic level are often associated with coprolalia, which can be a consequence of increased aggression in patients with AD. Patients may use obscene language in inappropriate situations,

for example, towards close relatives, which was previously completely atypical behavior for them:

*You are a **fucking bitch** (to the daughter).*

Thus, it can be argued that language impairments at the lexical level (particularly at the lexical-semantic level) are most prevalent in English-speaking patients with AD. Such impairments can distort the meaning of utterances, hindering successful communication, which is particularly important for patients' social adaptation. Importantly, the prevalence of lexical-semantic errors over other types indicates amnesic aphasia as the most common type of aphasia in patients with AD.

1.4. Syntactical Level Speech Impairments

Syntactical level errors are most closely related to lexical and phonetic level errors. For example, when trying to find or recall a necessary word, the patient breaks off a sentence literally in mid-sentence, which not only prevents the patient from completing the sentence (syntactical level) but also disrupts the melody of speech (phonetic level):

*This morning I...**uhm**...went off to...**uhm**...my, no, where did I go, where did I go this morning?*

Impoverishment of the lexical level of a language leads to simplification of syntactic constructions and, in some cases, to parcellation or parallelism. Additional pauses free up time for attempting to recall specific information or lexical units:

*There was a **stream**. And I wanted to get in the **stream**.*

Along with morphological errors, syntax errors are considered less common than lexical and phonetic ones in English-speaking patients with AD. It's also fair to note that many syntactic impairments are primarily lexical impairments, which justifies the hierarchical system of language levels. Without the necessary set of lexical units for a given linguistic situation, the patient is unable to construct a complete (or at least adequate) syntactic construction from it.

2. Analysis of Speech Impairments in German-Speaking Patients with Alzheimer's Disease

2.1. Phonetic Level Speech Impairments

Phonetic impairments are typically recognized by listeners earlier than impairments at other language levels. They often serve as an early marker of cognitive decline and a signal to the interlocutor, warning of potential communication difficulties. Such disturbances can manifest as changes in speech rate, decreased articulation clarity, and disruptions in the prosodic organization and rhythmic structure of utterances. In some cases, monotony of intonation or, conversely, excessive fragmentation are observed, making speech less expressive and difficult to understand. Such changes at the phonetic level can be seen as a reflection of decreased motor control and disturbances in speech movement planning, making them an important diagnostic indicator in the early stages of AD.

As in English-speaking patients, difficulties recalling the required lexeme provoke pauses, which disrupt the intonation pattern of the utterance and, consequently, impede auditory comprehension:

*Also... **Das. Ist. Quatsch.***

German-speaking patients with asthma are significantly less likely to experience embolalia than English-speaking patients. Most patients in the video recordings studied did not fill the resulting pauses, but there were exceptions:

***Ehe-a Uh-ehe-a...** Ich könnte auch nicht...*

Pronunciation difficulties, the etiology of which cannot be determined without a more detailed analysis, deserve special mention among phonetic impairments. However, in cases where pronunciation errors occur in individual words, rather than systematically in similar or related groups of sounds, the disorder is likely cognitive rather than physiological in nature:

Jedes Jahr ein Kind ['je-je:da 'zo a 'kɪnt].

With the progressive deterioration of mental functions, the patient ceases to be able to adequately assess the situation and monitor their

own impulses, so the patient's intonation may be inappropriate to the situation:

– *Sie können nicht mehr...*

– *Ta-te, ta-te! Versuche ich [j]! Ich mach es kaputt! (loudly).*

According to the analysis, phonetic impairments are the second most common among German-speaking patients with AD, just like among English-speaking patients. They account for 28.4 % of all errors and are often characterized by unclear etiology (difficulty pronouncing individual words) and lexical determinacy (pausing due to the inability to recall a necessary lexical unit).

2.2. Morphological Level Speech Impairments

As in English-speaking patients with AD, morphological impairments are less common in German-speaking patients than at other language levels. However, in German, they are of a different nature, due to structural differences between the languages. Since German, unlike English, is a synthetic language and is characterized by a more developed morphological system, the number of possible combinations of affixes and morphemes is significantly greater, increasing the likelihood of errors at this level. The most common disturbances involve the use of prefixes and suffixes: one prefix may be replaced by another based on formal or phonetic similarity, or the patient may be unable to select a suitable prefix to match the verb's meaning. In some cases, there is a loss of the ability to distinguish between productive and non-productive word-formation patterns, leading to the creation of non-existent forms. These deviations indicate decreased morphological flexibility and impaired access to internal linguistic templates, reflecting a disruption of morphological encoding mechanisms. Thus, morphological errors in the German speech of patients with AD represent not only a quantitative but also a qualitative difference from similar mistakes in English speech, where the morphological system is significantly less pronounced:

Ich wird vorbrannt (instead of verbrannt) und dann bin ich Asche.

Omission of individual morphemes and articles may also be observed:

Ich bin (ein) Mensch...

A person may become confused with articles and prepositions and be unable to recall the required functional part of speech. Such difficulties are often accompanied by pauses:

Ich sehe nicht nur der, die...

Also, German-speaking patients often have difficulty choosing the correct verb form:

Mich an Manches nicht mehr erinnern kann, konnte was am Vortag passiert ist... Uhm...Ja...

Morphological impairments in German-speaking patients with AD account for 10.5 % of the total number of disturbances and, as among English-speaking patients, are the least common.

2.3. Lexical Level Speech Impairments

Lexical impairments in German- and English-speaking patients with AD generally demonstrate similar patterns. Both languages exhibit word-finding difficulties, the use of semantically similar but imprecise lexemes, and frequent recourse to general or indefinite nominations. The only significant difference is a slightly higher frequency of article errors in German-speaking patients, which can be explained by the greater complexity of the German article system, where the choice of form depends not only on the definiteness of the noun but also on the gender, number, and case of the noun. As a result, patients often either substitute articles based on formal similarity or omit them entirely, especially in spontaneous speech. These differences highlight the influence of language typology on the manifestations of cognitive impairment: the more morphologically loaded a category is, the more likely it is to become disorganized as cognitive control declines.

Most frequently, both English- and German-speaking patients experience difficulties with recall and selecting the required lexical unit, further highlighting the nature of the disease. Pauses often accompany this impairment and, as a result, emboli, sometimes leading to parcellation:

Und...Denke immer...Uhm...

Patients often try to compensate for the depletion of the lexical level of language by mimicking the forgotten words:

– *Ich bin achtundachtzig, wird noch (zeigt mit der Hand das Wort «achtundachtzig»)*

– *Eh, schminkt.*

The impoverishment of the lexical level also manifests itself in the form of repeated lexemes:

Wichtiger Schritt wieder oder noch ein wichtiger Schritt zum Leben. Das wird noch Hoffnung, das wird noch der ganze Weile in relativ gesund Zustand noch...

Against the background of concomitant mental disorders, patients with AD may develop speech perseverations (persistent repetitions):

– *Ne.*

– *Möchte nicht?*

– *Ne. Ne.*

When the breakdown of speech reaches a critical level, lexemes are replaced by interjections, individual sounds, and acquire minimal semantic coloring only due to intonation or extralinguistic components of the utterance:

– *Oh, Frau Veil...*

– *Uhm?*

– *Denn gelacht davon, uhm? Das es Ihnen alles zu viel...*

– *(Nods).*

In later stages of aphasia, the patient's speech completely loses its meaning and is a set of incoherent sounds, lexemes, and morphemes:

Ebe-de-tse sproch wird da-da tse-tse emp-farts raus!

Impairments at the lexical level are also the most common among German-speaking patients with AD. The proportion of such impairments identified in our study was 33.7 %. It is also important to note that, as in English-speaking patients, many impairments at other levels were determined by difficulties at the lexical level, revealing the nature of aphasia in AD.

2.4. Syntactical Level Speech Impairments

As in English-speaking patients with AD, most syntax errors in German-speaking patients are due to lexical impairments. In many cases, syntactic structure depends on the patient's ability to select the right lexical unit. When struggling to find the right word, the

utterance often breaks off or is restructured on the fly. The patient may abruptly stop a phrase, replace it with a pantomimic gesture, or switch to descriptive constructions, simplifying the syntax. This leads to the appearance of incomplete sentences, parcellation, and a decrease in the overall coherence of the utterance. In German, such impairments are particularly noticeable in complex structures that require precise grammatical connections between the main and subordinate clauses, as well as when using verbs with separable prefixes, the position of which in the sentence is determined by syntactic rules. Thus, syntactic deviations often represent a secondary manifestation of lexical and morphological difficulties, reflecting a general weakening of the ability to plan and sequentially organize speech utterances:

Und...Denke immer...Uhm...

Similarly, the patient may also unwittingly employ the parcellation technique. Pauses between sentences can be an opportunity to recall necessary information:

Also... Das. Ist. Quatsch.

The poorer the patient's vocabulary, the shorter their lexical constructions become. Eventually, they may all consist of just one word:

– *Ne.*

– *Möchte nicht?*

– *Ne. Ne.*

Syntactic impairments are the third most common impairment among both English- and German-speaking patients with AD. Among the impairments identified in German-language material, syntactic impairments accounted for 27.4 % of the total.

Results

The results were systematized by language level organization, calculated, and visualized in graphs. Thus, in English-speaking patients with Alzheimer's disease, the most common impairments are at the lexical level (42.4 %), followed by phonetic (23.9 %), syntactical (18.5 %), and morphological (15.2 %). A similar trend is observed in German-speaking patients with Alzheimer's disease. Lexical impairments rank first (33.7 %), followed by phonetic

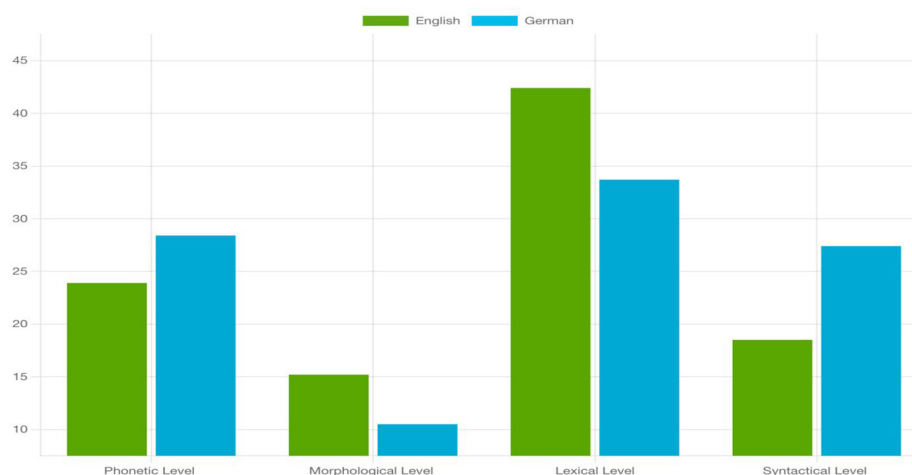

Fig. 1. Quantitative ratio of violations by levels

(28.4 %), syntactic (27.4 %), and morphological (10.5 %).

This pattern characterizes the specific symptoms of AD and indicates the prevalence of amnesic aphasia among patients with this disease. The results also support distinguishing amnesic aphasia as a distinct type of aphasia, rather than treating it as an acoustic-amnesic type, given its widespread prevalence and a clearly defined symptom complex.

Further research prospects may include comparing the obtained results with the results of speech impairment analysis in patients who are native speakers of other languages. In the future, the results of the study may be used to develop a more targeted treatment system for speech impairments in patients with AD, as well as additional testing methods for amnesic or other types of aphasia.

References

- American Psychiatric Association. Diagnostic criteria from DSM-IV. Washington, DC, American Psychiatric Press Inc., 1994. 358.
- Burmakina N. G., Kulikova L. V., Popova Ia. V. Internationalization of clinical linguistics experience: an analysis of European approaches to testing speech disorders in aphasia [Internatsionalizatsiia opyta klinicheskoi lingvistiki: analiz evropeiskikh podkhodov k testirovaniu rechevykh narushenii afazicheskogo tipa]. In: *Politicheskaiia lingvistika [Political linguistics]*, 2020, 82(4), 73–80.
- Goodglass H., Kaplan E., Barresi B. *Boston Diagnostic Aphasia Examination*. Boston, MA, Lippincott Williams & Wilkins, 2001. 31.
- Huber W., Poeck K., Weniger D., Willmes K. *Aachen Aphasia Test (AAT) [Aachener Aphasie Test (AAT)]*. Göttingen; Toronto; Zürich, Verlag für Psychologie, 1983. 153.
- Iakhno N. N., Zakharov V. V., Lokshina, A. B., Koberkaya N. N., Mkhitaryan E. A. *Dementii [Dementias. A guide for physicians]*. M., Medpress-inform, 2010. 272.
- Luriiia A. R. *Vysshie korkovye funktsii cheloveka [Higher cortical functions of man]*. M., 1962. 432.
- Luriiia A. R. *Travmaticheskaiia afaziia. Klinika, semiotika, vosstanovitel'naia terapiia [Traumatic aphasia. Clinical features, semiotics, rehabilitation therapy]*. M., Izdatel'stvo AMN SSSR, 1947. 367.
- World Health Organization. (2025). *Dementia fact sheet*. Available at: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/dementia> (accessed 15 October 2025)
- Zakharov V. V., Voznesenskaia T. G. *Nervno-psikhicheskie narusheniia: diagnosticheskie testy [Neuropsychiatric disorders: diagnostic tests]*. M., Medpress-inform, 2013.320.

EDN: GULITQ
УДК 81'373.46:316.774

Determinologization in the Language of the Media and Related Semantic Processes

Ol'ga N. Kolchina* and Tat'jana V. Romanova

*National Research University Higher School of Economics
Nizhnij Novgorod, Russian Federation*

Received 28.12.2025, received in revised form 15.01.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. This article examines the semantic and pragmatic transformations of cognitive linguistic terms influenced by mass media. When introduced into non-specialized discourse, a term can lose its connection with its scientific concept and develop new, common meanings through processes of narrowing, broadening, differentiation, attraction, metaphorical and metonymic transfer, and more. This results in an incorrect representation of the terms' content in the minds of native speakers. The article presents these processes accompanying the phenomenon of lexeme determinologization. The terms selected for analysis (script, conceptualization) are common not only in the cognitive sciences, and therefore may be familiar to native speakers. The results of the analysis showed that the common usage of terms differs from their scientific use in favor of greater generalization, narrowing, and metaphorization, as well as the emergence of emotional components.

Keywords: term, determinologization, semantic processes, pragmatic transformations, media discourse.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

The publication was prepared as part of the research under the Scientific Foundation Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2026, project 26–00–025 “Terms of cognitive science based on Russian media of the 21st century: a discursive dictionary-reference book”.

Citation: Kolchina O. N., Romanova T. V. Determinologization in the Language of the Media and Related Semantic Processes. In: J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 2026, 19(3), 605–617. EDN: GULITQ

Детерминологизация в языке СМИ и сопутствующие семантические процессы

О.Н. Колчина, Т.В. Романова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Нижний Новгород

Аннотация. В статье исследуются семантические и прагматические трансформации терминов когнитивной лингвистики, которые происходят под влиянием массмедиа. Попадая в неспециализированный дискурс, термин может утрачивать связь с научным понятием, развивает новые, узуальные значения в результате процессов сужения, расширения, дифференциации, аттракции, метафорического и метонимического переносов и др. В результате формируется некорректное представление содержания терминов в сознании носителей языка. В статье представлены данные процессы, сопровождающие явление детерминологизации лексемы. Выбранные для анализа термины (*скрипт, концептуализация*) являются распространенными не только в когнитивных науках, поэтому могут быть достаточно известны носителям языка. Результаты анализа показали, что узуальное бытование терминов отличается от их научного употребления в сторону большего обобщения, сужения и метафоризации, появления эмоциональных компонентов.

Ключевые слова: термин, детерминологизация, семантические процессы, прагматические трансформации, медиадискурс.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация подготовлена в рамках проведения исследования по Программе Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2026 г., проект 26–00–025 «Термины когнитивистики по данным российских СМИ XXI века: дискурсивный словарь-справочник».

Цитирование: Колчина О. Н., Романова Т. В. Детерминологизация в языке СМИ и сопутствующие семантические процессы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 605–617. EDN: GULITQ

Введение

в постановку проблемы

В настоящее время актуальной является проблема исследования активных коммуникативных процессов, вызывающих изменения в языке. Данные процессы отражаются в первую очередь в языке массмедиа, что обусловлено влиянием медиа на современное общество. Это приводит к медиатизации языка в целом и терминологии как

подсистемы языка в частности. В медийном пространстве семантическая структура термина меняется в результате многократного употребления и переосмысления. Данные изменения в семантической структуре термина и его функциях отражают закономерные языковые изменения, присущие языку как явлению. Однако не всегда узуальные изменения оказываются зафиксированными в лексикографических работах, что обуслав-

ливаает актуальность данного исследования, направленного на изучение терминов в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, который рассматривает термины как единицы знания, коммуникации, сознания. В 2022 году наш исследовательский коллектив создал проект справочника функционирования терминов когнитивной лингвистики в российском научном дискурсе (Romanova, Kolchina, Kulikova & Khomenko, 2022). В настоящее время важной проблемой для исследования терминотерминологической системы когнитивистики стал анализ функционирования соответствующих терминов в медиадискурсе, лексикографическое описание результатов их узуально-употребления. Это определяет новизну данной работы.

Концептологические основания исследования

Вопросами терминологии и терминотерминологической системы занимались такие лингвисты, как А. А. Потеня, Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. А. Гречко и др. Уже Б. Н. Головин выступал против строгих требований к определению термина (точность, однозначность, отсутствие синонимии) и утверждал необходимость новых лексикографических описаний терминов (Golovin, 1981: 3–10). Применение терминов и терминотерминологической системы зависит от коммуникативной ситуации и личности того, кто употребляет термины в разных условиях речи. Размывание границ бытования терминов вызвано, по мнению Б. Н. Головина, единением разных сфер человеческой деятельности в результате научно-технического прогресса (Golovin, Kobrin, 1987: 16). К этому присоединяется современная открытость и доступность информации, что способствует распространению терминов, известности его среди тех говорящих, кто не знаком со специальной областью употребления терминотерминологической системы.

Л. М. Алексеева, Д. В. Василенко пишут о новом периоде развития терминоведения – когнитивном направлении, которое изучает термин как постоянно изменяющееся явление с открытой семантикой, что

способствует развитию полисемии термина (Alekseeva, Vasilenko, 2015: 5–13). Указанные причины способствуют процессу детерминологизации, т.е. семантическому переосмыслению термина, в результате чего нивелируется или исчезает собственно терминологическое значение слова. Таким образом, слово утрачивает связь с научным понятием, используется в общеупотребительном, иногда метафорическом значении. Об этом процессе писали Ю. А. Бельчиков, Д. Н. Шмелев, И. А. Стернин, В. М. Лейчик, А. В. Суперанская, Л. К. Граудина, О. Ю. Шмелева. Экстралингвистическим фактором, влияющим на этот процесс, может быть популяризация научного знания в СМИ, в результате чего термин используют не только специалисты, слово теряет однозначность и научную точность. Внутрязыковой причиной развития многозначности слова может являться закон языковой экономии. Повторное использование имени для называния другого понятия в когнитивистике получило название семантической деривации.

Как правило, слово-термин, попадая «в чужую среду», развивает свое значение. В качестве сопутствующих детерминологизации семантических процессов, способов развития значения называют следующие: сужение и расширение, дифференциацию и аттракцию, метафору и метонимию, развитие в слове ассоциативных признаков, оценочных коннотаций и др. Но одновременно наблюдается тенденция сохранения терминологического значения у подобных лексем. Понятия когнитивистики важны для носителей языка, так как осваиваются через тексты медиадискурса. Однако в результате медийного существования когнитивные термины меняют свое значение, что приводит к его некорректному представлению в сознании читателей.

Постановка проблемы

В 2022 году наша исследовательская группа создала корпус научных источников (<https://marina-kaz-cognitive-corpus-corpus-appmain-page-fd6fnt.streamlit.app/>) и на его основе «Проектный словарь-справочник

когнитивных терминов». Тогда же на перспективу нами была поставлена задача рассмотрения функционирования когнитивных терминов не только в профессиональном, научном дискурсе, но и в междискурсивном аспекте, на примере «чужого», медийного дискурса. Накопленный исследовательский опыт описания семантических сдвигов в значениях терминов в результате их медиатизации (Kulikova, 2024: 162–180; Romanova, 2025: 130–137) сформировали представление о возможной структуре словаря нового, дискурсивного, типа. Несмотря на то что медиаречь представляет собой актуальный современный объект наблюдения, в том числе и для лексикографов, подобных словарей в отечественной лексикографической практике недостаточно.

В числе опубликованных словарей можно назвать следующие проекты и словари: проект СПбГУ «DATASLOV» – медиасловарь ключевых слов текущего момента (<https://dataslov.ru/>), содержащий в том числе и термины, получившие распространение в современном обществе (например, *дефолт*); «Ассоциативный словарь медиасобытий начала XXI века» (Dudareva, Shpil'naja & Moskvitina, 2020: 1069–1078), в котором в качестве стимулов выступают медицинские термины; коллектив авторов Кемеровского государственного университета (О.Н. Кондратьева, Ю.С. Игнатова) разрабатывает идею словаря юридических терминов в медиа (Ignatova, 2024).

В настоящее время известно несколько лексикографических работ, посвященных когнитивным терминам: например, «Краткий словарь когнитивных терминов» Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Ю.Г. Панкраца, Л.Г. Лузиной под общей редакцией Е.С. Кубряковой (1996); Trask L.R. *Key concepts in language and linguistics* (1999); Evans V. *A Glossary of cognitive linguistics* (2007); «Проектный словарь-справочник когнитивных терминов» Т.В. Романовой, О.Н. Колчиной, В.А. Куликовой, А.Ю. Хоменко под общей редакцией Т.В. Романовой (2022), представляющий полное, систематичное описание когнитивных терминов по данным совре-

менного российского научного дискурса. Так как язык медиа активно, по нашим наблюдениям, осваивает терминологию когнитивной лингвистики, то необходимым оказывается словарь, представляющий комплексное рассмотрение медиатизации этой сферы знания и отражающий реальную картину функционирования терминов за пределами научного дискурса.

В качестве источника материала для статьи использован Национальный корпус русского языка (Газетный подкорпус центральных и региональных СМИ, подкорпус Социальные сети). Выбор медийных источников обусловлен в том числе возможностью автоматического скачивания текстов для их обработки.

Методология

Лексикографическое описание функционирования когнитивных терминов в медиадискурсе основано на когнитивно-дискурсивном подходе, ориентирующемся на включении в описание термина «социокоммуникативный компонент» (Kiseleva, Rosyanova, 2018: 23). Анализ трансформации семантики термина в чужом для него дискурсе основывается на теории прототипов (Б. Берлин, П. Кэй, Э. Рош) и шкале переходности В.В. Бабайцевой с целью выявления центральных и периферийных лексико-семантических вариантов, типичных, периферийных, промежуточных употреблений, в том числе для анализа несвободной сочетаемости слова. Значение, которое представлено в словарях первым, чаще всего является типичным и отражает базовый уровень категоризации в языке явлений окружающего мира. Для исследования функционирования терминов в неспециализированном дискурсе применялись следующие методы: корпусный метод, контент-анализ, дефиниционный, компонентный, дистрибутивный, концептуальный, сопоставительный анализ, метод метафорического моделирования. Уточняют контекстуальное значение использование приемов анализа парадигматически связанных слов и анализа синтагматически связанных слов.

Для сбора и анализа материала используются методы корпусной и компьютерной лингвистики.

Обсуждение

Предварительные замечания

Определяя семантику слова в текстах СМИ, необходимо учитывать его многозначность и диффузность значений, дискретность, синкретизм. Вслед за Анной А. Зализняк в нашем исследовании используется понятие семантического перехода, совмещения в одном слове двух значений либо в результате синхронной полисемии, либо диахронического развития (Zaliznjak, 2009). Учет семантических переходов позволяет выявить общее и различное в языковых картинах мира. Семантические переходы базируются на компонентах прототипической ситуации употребления слова (отраженных в его значении), данная ситуация в абстрактном виде присутствует и в производных значениях, объединяя их (Kustova, 2000: 108).

Особого внимания при анализе также требуют ассоциативные признаки, потому что «во многих случаях они служат основой различных метафорических переносов», и та часть прагматики слова, которая включается в модальную рамку толкования лексического значения (Argesyan, 1995: 69).

Для семантического анализа важны также дистрибутивные признаки единицы, ее валентностные характеристики и всевозможные контексты ее употребления (Sulejmanova, 2004: 11).

Таким образом, исследование учитывает терминологическое значение лексемы, образование производных значений в медийном дискурсе, трансформация семантики в результате ее употребления в различных контекстах.

Анализ материала

В качестве примера рассмотрим семантические трансформации термина СКРИПТ при функционировании его в медийном дискурсе.

По запросу СКРИПТ найдено и рассмотрено 225 примеров из подкорпуса центральных СМИ НКРЯ, 5 примеров из под-

корпуса региональных СМИ и 328 примеров из подкорпуса социальных сетей.

В «Проектном словаре-справочнике когнитивных терминов» (Romanova, Kolchina, Kulikova & Khomenko, 2022: 165–167) представлены следующие сведения о термине:

СКРИПТ (69, IPM: 8.48) – вид фрейма, одна из разновидностей структур сознания, выполняющая то или иное задание в обработке естественного языка.

СИНОНИМЫ: *сценарий, фрейм-сценарий, подфрейм.*

ГИПЕРОНИМЫ: *схема знания, ментальная репрезентация, когнитивная структура, категория когнитивной парадигмы, когнитивная модель, фрейм, формат знания.*

СУЖЕНИЕ (СПЕЦИФИКАЦИЯ): *скрипт коммуникативного поведения, лингвокультурный скрипт, культурный скрипт.*

ДЕРИВАЦИОННО-ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ:

Скрипт – скриптовый – фреймово-скриптовый

Скрипт – концепт-скрипт

КОЛЛОКАТЫ: *типовой (2.64), сценарий (2.23), фрейм (2.22), сценарий (1.99), схема (1.40), входит, становится (1.39), событие, термин (1.37).*

Н-ГРАММЫ: *типовой (7), сценарий, входит, событие, предтекст, становится, сценарий, термин (2).*

В рассмотренном медийном материале термин не используется в когнитивном значении ‘разновидность структур сознания’, а функционирует как термин из сферы программирования и компьютерных технологий, например: *С английского языка слово «скрипт» переводится как сценарий, из чего уже можно сделать определенные выводы. Это набор команд, то есть строк кода, которые вкупе выполняют конкретную задачу. Для ее выполнения и создаются скрипты. Они могут быть как очень маленькими по объему и отвечать за запуск каких-то простых служб операционной системы, так и объемными, сравнивая переменные и выводя результат на сайте*

(Что такое скрипт. <https://timeweb.com/ru/community/articles/chto-takoe-skript>) или: *Python-разработчик – специалист, который создает вычислительные программы, администрирует работу парсеров, пишет скрипты, разрабатывает веб-сервисы, игры и приложения на языке программирования Python* (Университет СИНЕРГИЯ Воронеж. Образование, 2022)¹.

Сферы функционирования термина, обозначенные в медийных текстах, это программирование, банковская сфера, информационные системы, контактные центры компаний, работа колл-центров.

Дистрибуция термина представлена следующим образом:

- Предикаты (обычно обозначающие функции): *внедряются, отвечают за ..., сломался; «вшиты» в сайты; оценит их как ошибочные и будет требовать настоящие данные; компилирует и сразу генерирует бинарник; работает, спасает, сработал.*

- Частотна пассивная страдательная конструкция: *прописаны, разработаны (кем-то), подчищались, опубликован, управляется скриптом, заготовленные скрипты, созданный, обновляется, пишется.*

- Девербативная сочетаемость: *требования по скриптам, применение скриптов, соблюдение скриптов, создание скриптов.*

- Дуплексивы: *сделать ваши скрипты более надежными и безопасными (функциональная сема 'защита').*

При предикате-действии *скрипт* обозначает объект, на который направлено действие (*обновить, предлагать, разработать, блокировать, соблюдать, создать, избавиться от скрипта, обнаружить, блокировать, выявить, использовать, установить, сбросить, качать, закидывать в папку, добавить запускать, переписать, забабалал*), объект, охваченный действием (*двигается по скрипту, обновился по скрипту; заюзать этот скрипт*); орудие/ средство (*применить, с помощью скриптов; использует скрипты; смотреть через скрипт без подписки; скриптом отключить показ постов*), объект целевого назначения (*написать,*

создать, делать, активизировать, для оптимизации, сделать), объект речемыслительной и интеллектуальной деятельности (*рассказываем скрипты, изучать*).

Правый контекст конкретизирует/ специфицирует значение. Функциональное назначение: *скрипт привычного общения; скрипты продаж; скрипт вредоносной программы, из правильных ответов; скрипты опроса при звонке пациентов; скрипт от этой гадости; программист написал скрипт для таблицы; для сервера; запуска; скрипты, извлекающие данные из интернета; для сканирования; обновления; на проверку задач на антиплагиат; сделать скрипт, который весь диск на ноль умножит. По принадлежности: скрипт поставщиков. По месту нахождения: скрипт контрольного сервера. Характеристика по содержанию исполнения: на питоне.*

При номинации марки, вида, типа скрипта слово еще более терминологизируется: *Нет, речь не про простой SQL-скрипт в мелкопиксельном виде, и даже не скрипт в бинарном виде в картинке (30666517. vk 30666517, 28.11.2021); Почти никто не скажет «Да, я люблю писать bash-скрипты», и поэтому этой теме уделяют мало внимания (20629724. vk 20629724, 19.11.2021); Поэтому пользуюсь tampermonkey со скриптом ruadlistjs вместе с ublockorigin, ничего не проскочит (RozetkedDiscuss. telegramRozetkedDiscuss, 02.09.2021). В данных контекстах реализуется сема 'функция защита'.*

В левом контексте, как правило, находят оценочные определения и определения по разным параметрам: *готовый, новый, строго прописанный, минимальные, шпионский, специальный, вредоносный, зловредный, подозрительный, заготовленные скрипты, созданный, глючный, простой, самописный, самопальный, конфигурационные скрипты. В глагольной сочетаемости обнаружить, блокировать, выявить, внедряются, вшиты в сайты, избавиться от...; сбросить* появляются семы 'опасность', 'зловредность', 'препятствие'.

Метафоризация термина *скрипт* происходит в сочетаниях: *сломался* (сема пред-

¹ Здесь и далее иллюстративный материал НКРЯ.

метности, функциональности = 'вышел из строя'), *вшиты в сайты* (сема предметности 'вставлять во что-то'), *интернет-жучки* (общая сема функционального назначения 'следить', 'препятствовать'), *запахло скриптами* (натуроморфная метафора; сема 'обнаружение'). Есть стертые метафоры: *работает, спасает, скрипт выглядел так*. Персонализация: *внедряются, отвечает за ...; зловерный; довериться скрипту: Если жертва ошибется или умышленно введет неверную пару для аутентификации, то скрипт оценит их как ошибочные и будет требовать настоящие данные* (Новый взломщик Windows обнаружили в открытом доступе // Lenta.ru, 15.03.2018).

В контекстах обнаруживаются явления синонимии. Употребляется синоним *сценарий*. Представлена квазисинонимия (гипо-, гиперо-, конкретизация, спецификация): *способ, вопрос-ответ, скрипт из правильных ответов, интернет-жучки, шаблон, алгоритм общения; «определенные слова, которые используются при общении», бот/скрипт*, общая сема 'шаблон': *Сколько ещё заготовленных скриптов в твоём арсенале???* (Мой Тамбов чат, 2023); общая сема 'программа': *Есть версия, что он написал скрипт, который ищет в сети базы данных, к которым возможен доступ без пароля или под каким-то простейшим паролем* (Вести.net: у Telegram вышло крупное обновление // Vesti.ru, 28.07.2020), термин в последнем примере поясняется через дескрипцию.

Кроме того, обнаруживается антонимия: *В ВК можно вручную или скриптом отключить показ постов от всех сообществ*. (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss, 14.10.2021), реализуется сема 'автоматический ресурс'.

Термин вводится/ объясняется с помощью:

- контекстуального определения, в следующем примере – во вставной пояснительной конструкции: *Уже во II квартале 2019 года у банков появятся четкие сценарии общения с клиентами при продаже финансовых продуктов (так называемые*

скрипты), *сообщил «Известиям» Василий Заблоцкий*. (Открыть со скриптом: правила продажи финпродуктов подготовят к лету // Известия, 08.04.2019).

- приложения в форме дескрипции: *В документе будут четко прописаны скрипты – фразы, которые можно и нельзя использовать при продаже населению финансовых продуктов* (Скриптовалюта: банкам пропишут, что можно и нельзя говорить клиентам // Известия, 05.03.2019).

- собственно номинация, конкретизирующая значение термина: *В программе – экскурсия в краеведческом музее, экскурсия в скрипт «Древний Туров», где можно увидеть раскопки фундамента храма 12-го столетия, посещение церкви Всех Святых, где хранятся каменные кресты, которые приплыли из Киева по Припяти против течения, посещение Борисоглебского кладбища, на котором растет из земли каменный крест, исцеляющий от многих недугов* (Приглашаем отдохнуть в белорусском Полесье // «Астравецкая праўда», 11.07.2012). Здесь *скрипт* = 'сайт'.

- синонимия: *Знакомый делал бота/скрипт, чтобы синхронизировать его движения в темп песни (а я с ффтрег часто вожусь)* (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss, 18.09.2022).

Однородный ряд, уточняющий контекстуальную семантику, сферу употребления термина, формирует квазисинонимия: *Запрещается применение каких бы то ни было методов голосования с использованием компьютерных технологий (автоматический ввод САРТСНА, скрипты для голосования и т.п.) и других способов накрутки* (Голосуй за символ Оренбуржья // «Вечерний Оренбург», 12.07.2013). Или в других примерах: *с кучей формул, скриптами и т.д.; прописать регламенты, должностные инструкции, скрипты*.

В качестве еще одного примера рассмотрим семантические трансформации термина КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ при функционировании его в медийном дискурсе.

Для определения направлений лексикографической интерпретации лексем по данным медийных источников обра-

тимся к толковым словарям, «Проектному словарю-справочнику когнитивных терминов», проанализируем контексты употребления лексемы в НКРЯ.

В толковых словарях современного русского языка лексема *концептуализация* часто не представлена в отдельной словарной статье или входит в словарную статью глагола *концептуализировать* как отглагольное существительное, совпадающее по семантике с глаголом. В «Большом толковом словаре» С. А. Кузнецова *концептуализация (концептуализировать)* – это ‘определение концепта или выработка концепции’ (Кузнецов, 2000).

В качестве термина данная лексема содержится в философских словарях, энциклопедии и словарях социологии, в работах по психологии и когнитивной терапии (Kholodnaja, Khazova, 2017: 5–6), а также понимается в менеджменте как обозначение ‘выработки теоретической базы, модели, концептов, объясняющих эмпирические данные’ (Kudrjavceva, 2013).

В «Проектном словаре-справочнике когнитивных терминов» (Romanova, Kolchina, Kulikova & Khomenko, 2022: 97–101) определение лексемы *концептуализация* соответствует определению, данному в «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило: «процесс познавательной деятельности человека, ориентированный на осмысление поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека (Zherebilo, 2010).

СИНОНИМЫ: *представление мира, когнитивная модель, значение, ментальный опыт, семиотизация.*

ГИПЕРОНИМЫ: *модификация информации, ментальный процесс, классификационная деятельность, способы хранения и представления знания о мире.*

ОТНОШЕНИЯ РАСШИРЕНИЯ: *познание, когниция, интерпретация знания, речемыслительная деятельность, номинативная и речевая деятельность, сознание.*

ГИПОНИМЫ: *метафора, миф, проекция, концепт.*

ОТНОШЕНИЯ СУЖЕНИЯ: *первичная/вторичная концептуализация, оценочная/интерпретативная концептуализация, лексическая концептуализация, пространственная/топологическая концептуализация, профессиональная концептуализация.*

ДЕРИВАЦИОННО-ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ:

Концептуализировать–концептуализация

Концептуализировать–концептуализатор

КОЛЛОКАТЫ: *категоризация (12.35), процесс (9.76), мир (6.77), способ (6.35), вторичный (5.96), проблема (5.83), действительность (5.31), языковой*

(4.97), особенность (4.91), метафорический (4.59), событие (3.90), понятие (3.73).

Н-ГРАММЫ: *категоризация (171), процесс (54), мир (49), действительность (27), языковой (25), способ (24), вторичный (22), проблема (19), метафорический, событие (17), понятие (16), количество (15).*

НЕТОЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ: *концептуализация синоним категоризации.*

В НКРЯ лексема *концептуализация* в подкорпусе медиа, в том числе региональном, встречается 32 раза, в подкорпусе социальных сетей найдено 35 примеров. В основном это статьи политического характера, научные нелингвистические публикации, в меньшей степени – сферы искусство и культура, бизнес, религия.

Основной компонент значения, который реализуется в большинстве контекстов – ‘выработка теории, теоретической модели’. Как лингвистический термин данная лексема употреблена в одном контексте, содержащем названия докладов по филологическим проблемам: *Социокультурные аспекты концептуализации индивидо-авторской языковой картины мира* (Александр МЕШКОВ. Вдихглубкий, поглядщирий, руки в боки, три-чотири! // Комсомольская правда, 24.03.2003).

В качестве управляемых слов выступают следующие, чаще всего абстрактные существительные: *модель, действия, идеи, доктрина, звук* (в значении ‘звучание’), *мистический опыт, замысел, барочная склад-*

ка (в значении 'линия на барочных картинах' как составляющая смысла, данное значение представлено, например, в работе Жюль Делёза «Складка. Лейбниц и барокко, 1997 (Deljoz, 1997), *национальный интерес, регионализация, принципы*. Объектами, испытывающими концептуализацию, являются мыслительные процессы (*идеи, опыт, интерес, замысел*) и результаты мыслительной деятельности (*модель, действия, регионализация*). Основное значение лексемы *концептуализация* реализуется в сочетании с данными существительными, но одновременно наблюдаются некоторые сдвиги в значении.

1. Концептуализация как 'результат обобщения, формирование выводов': *Термин «гибридная война» применяется в западных средствах массовой информации с самого начала событий на Украине для концептуализации действий России, говорит Роджер Макдермотт из вашигтонского Jamestown Foundation (НАТО изучает способы противодействия российской «гибридной войне» // Ведомости, 2015.06.23). Обобщение всех действий России называется здесь концептуализацией.*

2. Концептуализация как 'содержательная проработка идей': *Теория самоутверждения России стала серьезно прорабатываться (концептуализироваться) (Революционные чипы // Ведомости, 2007.01.18). Или: Здесь еще многое предстоит сделать: по части содержательной проработки этих идей (их концептуализации), в смысле их политизации (аполитичность ЮНЕСКО во многом ограничивает развитие идей культуры мира) и модификации применительно к условиям России, а также по созданию надлежащей для предвыборной кампании «упаковки» (Марк Рац, «Лишь бы не было войны!» // Независимая газета, 04.03.1999). Концептуализация определяется через синонимию.*

3. Концептуализация определяется как 'особый тип мышления (сходно с теоретизированием)': *Теперь он гордо заявляет, что сейчас стиль его мышления точно такой же, как и 60 лет назад: «Это концептуализация, внимание к статисти-*

ке, силлогизмы и алгебра» (Молодежная безработица бьет рекорды // Ведомости, 2010.08.13). Лексема концептуализация здесь гипоним по отношению к словосочетанию стиль мышления.

4. Концептуализация – 'обоснование определенного замысла или действий (например, регионализации)': *Концептуализация регионализации силами самих регионов обусловлена не только групповыми интересами местных элит, но и общим состоянием общественной и экономической жизни в регионах (Сергей Барзилов. Периферия и ядро // Независимая газета, 26.03.1998). Передача властных компетенций региональным органам объясняется интересами элит.*

В медийных текстах у термина появляется эмоциональная окрашенность. Данная коннотация обнаруживается, например, в оппозиционном употреблении лексемы. Слово *концептуализация* контекстуально антонимично *эмоциональности, импульсивности*: *...процесс формирования идей субъекта, с одной стороны, сочетает в себе импульсивность, склонность к эмоциональной логике и внутренним первичным побуждениям, а с другой – повышенную неэластичность формирования идей с тенденцией к постоянной концептуализации...* (Максим Соколов. Роте штерн фюр психоаналитик // Известия, 15.08.2008). Концептуализация приравнивается к рациональности, таким образом, к негибкости мышления.

Также лексема *концептуализация* употребляется в качестве антонима лексемы *тенденции* со значением 'направленность развития, определённая склонность' (Kuznesov, 2000): *Вместо каких-то концептуализаций автор просто описал новейшие тенденции...* (Иван Езерский. Они строят новое тысячелетие // Независимая газета (приложение «Ex Libris НГ»), 02.03.2000). В подобном противопоставлении высвечивается сема слова *концептуализация* 'проработанность', в отличие от тенденций. Однако в этом же контексте создается негативная оценка анализируемой лексемы. Форма множественного числа не нормативна для отглагольных существительных,

поэтому оказывается маркированной; употребление неопределенного местоимения *какие-то* усиливает пренебрежительный оттенок.

Кроме того, слово *концептуализация* в форме творительного падежа с семантикой 'инструмент' входит в сложное словосочетание *без нанесения ей непоправимого вреда ограничивающими ее концептуализацией, предикацией-атрибуцией...* (Григорий Сабуртало. Три джокера в складках рукава // Независимая газета (приложение «ExLibris НГ»), 17.12.1998). «Большой универсальный словарь русского языка» указывает отрицательную оценочность слова *вред* (Morkovkin, Bogachjova & Luskaja, 2023). В словосочетаниях *ересь безответственной концептуализации, бес безответственной концептуализации* лексема является несогласованным определением у пейоративных слов и сама при себе имеет определение с отрицательной коннотацией (Kuznesov, 2000).

В одном из контекстов лексема реализует гиперо-гипонимические отношения, в качестве согипонимов выступают слова *догадки, допущения*, гипероним – *вольности: И во-вторых, было принято очень сдержанно относиться к допущениям, догадкам и концептуализациям: по возможности, не позволять себе в этом деле никаких вольностей* (Вячеслав Курицын. Ересь. О «Конце Цитаты» Михаила Безродного // Независимая газета, 29.08.1996). В этом употреблении значение лексемы *концептуализация* становится противоположным словарному: так как гипероним *вольность* образован от прилагательного *вольный* в значении 'не вполне точный; субъективный' (Kuznesov, 2000), то *концептуализация* тогда означает 'неточное обобщение, выводы'.

Наблюдается и неверное употребление термина, создающее тавтологичное высказывание: *концептуализация теории, концептуализация доктрины*. Значение слова *доктрина* также имеет сему 'теория' (Kuznesov, 2000).

Словосочетание *концептуализация мистического опыта православия* становится

оксюмороном. Как представляется, мистический опыт веры не может быть теоретизирован или подчинен некоей концепции, поэтому выражение становится отчасти бессмысленным.

Интересно, что содержание термина почти никак не вводится в контексте, лексема используется как всем известная. Среди единичных случаев можно выделить синонимию: *концептуализация – содержательная проработка*.

Заключение

Подведем некоторые итоги. В данной статье была определена и обоснована ходом анализа лексем *скрипт, концептуализация* методика интерпретации употребления терминов когнитивных наук в медиадискурсе. В результате исследования удалось показать, что необходимо учитывать валентность лексической единицы, ее дистрибутивные признаки, анализировать контексты употребления, это позволяет более точно обнаруживать семантические сдвиги в значении. Привлечение научного содержания термина, указанного в проектном словаре когнитивных терминов, позволило сравнить, какие связи внутри терминосистемы оказались нарушены при его функционировании в медиадискурсе.

Терминологические лексемы, выбранные для анализа, являются распространенными в когнитивных науках, поэтому могут быть достаточно известны носителям языка.

Термин *скрипт* реализует значение из сферы программирования. Однако происходит метафоризация термина, возникшие синонимы совпадают с синонимами термина когнитивной лингвистики (*скрипт – сценарий*).

Термин *концептуализация* реализует как терминологическое значение, так и нетерминологическое. Семантические сдвиги показывают восприятие лексемы как явление, связанное с работой мышления, возникают также эмоциональные коннотации негативного порядка. В медиадискурсе *концептуализация* предстает только как выработка теории, обобщение.

Лексема *скрипт* вводится в текст разнообразными способами, а функционирование термина *концептуализация* отличается их отсутствием, что свидетельствует о большей известности данного термина

носителям русского языка. Таким образом, узуальное бытование терминов отличается от их научного употребления в сторону большего обобщения, метафоризации, появления эмоциональных компонентов.

Список литературы / References

Alekseeva L.M., Vasilenko D.V. Sistemnost' terminologii [Systematic terminology]. In: *Vestnik Permskogo universiteta [Perm University Herald History]*. 2015, 4(32), 5–13. DOI 10.17072/2219–3111

Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy, tom I. Leksicheskaya semantika [Selected Works, volume 1. Lexical semantics]*. М., Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995, 472.

Bel'chikov Ju. A. *Russkij literaturnyj jazyk vo vtoroj polovine XIX v. [Russian literary language in the second half XIX century]*. М., Vyssh. shkola, 1974, 192.

Valgina N.S. *Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke: Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov [Active Processes in Modern Russian: A Textbook for University Students]*. М., Logos, 2003, 304.

Golovin B.N. Tipy terminosistem i osnovaniya dlja ih razlichenija [Types of terminology systems and the basis for their distinction] In: *Termin i slovo. Mezhvuzovskij sbornik [Term and Word. Interuniversity Collection]*, 1981, 3–10.

Golovin B.N., Kobrin R. Ju. *Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah: Ucheb. posobie dlja filol. spec. vuzov [Linguistic foundations of the theory of terms: Textbook for philological specialized universities]*. М., Vyssh. shkola, 1987, 104.

Graudina L.K. Semanticheskie preobrazovanija jazykovyh edinic v pograničnyh zonah literaturnogo jazyka [Semantic transformations of linguistic units in the border zones of the literary language]. In: *Russkie jazykovye znachenija v funkcional'nom i jesteticheskom aspektah. Vinogr. cht.XIV–XV [Russian linguistic meanings in the functional and aesthetic aspects. Vinogradovsky reading XIV–XV]*. М., 1987, 33–47.

Del'joz Zhil' Skladka. *Lejbnic i barokko. [Fold. Leibniz and the Baroque]*. Obshhaja redakcija i poslesl. V.A. Podorogi. Per. s franc. B.M. Skuratova. М., Logos, 1997, 264. Available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze=le_pli=leibniz_et_le_baroque=ann.htm#_Toc86345240

Donskova Ju. V., Kiseleva A. Ju. Priemy definirovanija terminov genetiki kak osnovnyh jelementov nauchno-populjarnogo mediadiskursa [Methods of defining genetic terms as basic elements of popular science media discourse]. In: *Medialingvistika [Medialinguistics]*. 2025, 12(1), 59–76. DOI: 10.21638/spbu22.2025.104. Available at: <https://medialing.ru/priemy-definirovaniya-terminov-genetiki-kak-osnovnyh-ehlementov-nauchno-populyarnogo-mediadiskursa/>

Dragichevich R. Mediatekst kak istočnik izučeniya novyh slovoobrazovatel'nyh i leksiko-semanticheskikh izmenenij v sovremennom serbskom jazyke [Media text as a source for studying new word-formation and lexical-semantic changes in the modern Serbian language]. In: *Medialingvistika [Medialinguistics]*. 2023, 10(1), 104–114. DOI:10.21638/spbu22.2023.106. Available at: <https://medialing.ru/mediatekst-kak-istochnik-izucheniya-novyh-slovoobrazovatelnyh-i-leksiko-semanticheskikh-izmenenij-v-sovremennom-serbskom-yazyke/>

Dudareva Ja.A., Shpil'naja N.N., Moskvitina T.V. «Associativnyj slovar' mediasobytij nachala HHI veka»: koncepcija leksikograficheskogo izdanija novogo tipa [“Associative Dictionary of Media Events of the Early 19th Century”: The Concept of a New Type of Lexicographical Publication]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: gumanitarnye i obshhestvennye nauki [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences]*. 2020, 22(4), 1069–1078. DOI:10.21603/2542–1840.

Evans V. *A Glossary of cognitive linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 239.

Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov: Izd. 5-e, ispr-e idopoln. [Dictionary of linguistic terms: 5th edition, corrected and supplemented]. Nazran', Izd-vo «Piligrim», 2010. Available at: <http://ger-bilo.ucoz.ru/>

Zaliznjak Anna A. O ponjatii semanticheskogo perehoda [The concept of semantic transition]. In: *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2009» (Bekasovo, 27–31 maja 2009 g.). Vyp. 8(15)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue 2009” Issue 8 (15)]. M., Russian State University for the Humanities, 2009, 107–111.

Ignatova Ju. S. Leksikograficheskaja interpretacija juridicheskoj terminologii, funkcionirujushhej v rossijskom mediadiskurse: avtoref. dis. ... kand. filolog. Nauk [Lexicographic interpretation of legal terminology functioning in Russian media discourse: autoref. dis. ... candidate of Philology]. Kemerovo, 2024, 24.

Kiseleva S. V. Rosyanova T. S. Kognitivnyi sdvig v sovremennom zarubezhnom terminovedenii: obzor osnovnykh napravlenii issledovaniya [Cognitive shift in modern foreign terminology: a review of the main research areas]. In: *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University]. 2018, 2(49), 21–25.

Kozyulina M. S. Korpus mediatekstov, sodержashchii kognitivnye terminy [Corpus of media texts containing cognitive terms]. Available at: <https://marina-kaz-cognitive-corpus-corpus-appmain-page-fd6fnt.streamlit.app/>

Kubrjakova E. S., Dem'jankov V. Z., Pankrac Ju. G., Luzina L. G. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. M., Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1996, 245.

Kudrjavceva E. I. *Kognitivnyj menedzhment: konceptualizacija upravlencheskoj jeffektivnosti* [Cognitive Management: Conceptualizing Managerial Effectiveness]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, 224.

Kuznecov S. A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. 2000. Available at: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42)

Kuznecova T. Ju. Strategii semantizacii slov i faktory, determinirujushhie ih vybor [Word semantization strategies and factors determining their choice]. In: *Vestnik Tomskogo gos. Un-ta. Filologija* [Tomsk State University Journals. Philology]. 2011, 343, 15–18.

Kulikova V. A. Mediatizacija kognitivnyh terminov: korpusnoe issledovanie [Mediatization of cognitive terms: a corpus study]. In: *Medialingvistika* [Medialinguistics]. 2024, 11(2), 162–180. DOI: 10.21638/spbu22.2024.201. Available at: <https://medialing.ru/mediatizaciya-kognitivnyh-terminov-korpusnoe-issledovanie>

Kustova G. I. Kognitivnye modeli v semanticheskoi derivacii i sistema proizvodnyh znachenij [Cognitive models in semantic derivation and the system of derived meanings]. In: *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics]. 2000, 4, 85–109.

Lejchik V. M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. M., Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009, 256.

Morkovkin V. V., Bogachjova G. F., Luckaja N. M. *Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo jazyka: v 2-h tomah* [The Comprehensive Universal Dictionary of the Russian Language: in 2 volumes]. M., Gramota: AST-Press Shkola, 2023, 751. Available at: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka>

Prokof'eva N. A., Shhegl'ova E. A. «Mediaslovar' ključevykh slov tekushhego momenta» v real'nosti cifrovoj sredy [“Media dictionary of current keywords” in the reality of the digital environment]. In: *Medialingvistika. Vyp. 10. Jazyk v koordinatah massmedia: mat-ly VII Mezhdunar. nauchn. konferencii (Sankt-Peterburg, 28 ijunja – 1 ijulja 2023 g.)* [Medialinguistics. Issue 10. Language in the Coordinates of Mass Media: Proceedings of the VII International Scientific Conference (St. Petersburg, June 28 – July 1, 2023)]. SPb., Mediapapir, 2023, 99–103.

Rjabceva N. K., Kovshova M. L., Dronov P. S., Orlova O. S. *Predstavlenie jemocional'noj sfery cheloveka na materiale raznyh jazykov* [Presentation of the human emotional sphere using materials from different languages]. M., Institut jazykoznanija RAN, 2020, 244.

Romanova T. V. Transformacija semantiki leksicheskih edinic v medijnom diskurse [Transformation of the semantics of lexical units in media discourse] In *Medialingvistika. Vyp. 12. Jazyk v koordinatah massmedia: mat-ly IX Mezhdunar. nauchn. konferencii (Sankt-Peterburg, 25 ijulja – 28 ijulja 2025 g.)* [Medialinguistics. Issue 12. Language in the Coordinates of Mass Media: Proceedings of the IX International Scientific Conference (St. Petersburg, July 28 – July 28, 2025)]. SPb., Mediapapir, 2025, 130–137.

Romanova T. V., Kolchina O. N., Kulikova V. A., Khomenko A. Ju. *Proektnyj slovar'-spravochnik kognitivnyh terminov: Uchebnoe posobie* [Project Dictionary and Reference Book of Cognitive Terms: A Study Guide]. Nizhnij Novgorod, DEKOM, 2022, 216.

Sternin I. A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985, 171.

Sulejmanova O. A. Gipotetiko-deduktivnyj metod v sovremennoj semantike [The hypothetico-deductive method in modern semantics] In *Lingvistika na rubezhe jepoh: dominanty i marginalii: sb. statej. Vyp. 2* [Linguistics at the turn of eras: dominants and marginalia: collection of articles. Issue 2]. M., MSPU, 2004, 6–17.

Superanskaja A. V. *Obshhaja terminologija: Voprosy teorii* [General Terminology: Theoretical Issues]. M., Editorial URSS, 2003, 243.

Trask L. R. *Key concepts in language and linguistics*. L. – N. Y.: Routledge, 1999, 256.

Kholodnaja M. A., Khazova S. A. Fenomen konceptualizacii kak osnova produktivnosti intellektual'noj dejatel'nosti i sovladajushhego povedenija [The phenomenon of conceptualization as a basis for the productivity of intellectual activity and coping behavior]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2017, 5(38), 5–17.

Shmelev D. N. *Ocherki po semasiologii russkogo jazyka* [Essays on the Semasiology of the Russian Language]. M., Prosveshhenie, 1964, 243.

Shmeleva O. Ju. K voprosu o raznonapravlennyh tendencijah v oblasti terminologii (na materiale terminosistemy marketinga) [On the issue of multidirectional trends in the field of terminology (based on the marketing terminology system)]. In: *Izvestija Sankt-Peterburg-skogo universiteta jekonomiki i finansov* [News of the St. Petersburg University of Economics and Finance]. 2009, 2(58), 76–81.

EDN: JNMGKM
УДК 81'27:004.7

Features of Linguistic Identification of Language Markers of the Semantic Field “Internet”

Aliaksandr Barkovich* and Ekaterina Astapkina

Belarusian State University
Minsk, The Republic of Belarus

Received 27.10.2025, received in revised form 11.01.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. The article is devoted to identifying the features of linguistic identification of language markers of the semantic field “Internet”, assessing the potential of its effectiveness and scientifically based adducing of the obtained data and metadata. The relevance of such vector of research is obviously due to the rapid growth in the volume and diversity of Internet content, which inevitably increasingly falls into the focus of linguistic research. The purpose of the study is to characterize the features of linguistic identification of language markers of the semantic field “Internet”. The object is the semantic field “Internet”. The study was carried out using a wide range of linguistic tools, using the procedures of analysis and synthesis, quantitative and qualifying methods. The referential language units identified in the process of studying the semantic field “Internet”, being consistently interpreted, made it possible to fully present the volume and structure of the representation of object semantics. To achieve this goal, the representation of Russian language units related to this semantic continuum was analyzed according to dictionaries, including thesauri; corpora and Internet content. Lexemes associated with the conceptual phenomenon *Internet* were characterized as language markers of the corresponding semantic field, relevant for its linguistic analysis. Data from dictionary, thesaurus, corpus, and neural network representations were variably generalized into an integrated synthetic representation. The obtained results hold promise as comprehensively tested material, including for supplementation and development in the context of a wide range of scientific research.

Keywords: semantic field, conceptual phenomenon, language marker, Internet, representation, identification, model.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Citation: Barkovich A., Astapkina E. Features of Linguistic Identification of Language Markers of the Semantic Field “Internet”. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 618–630. EDN: JNMGKM

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: barkovichaa@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8469-8431 (Barkovich); 0009-0005-5941-1730 (Astapkina)

Особенности лингвистической идентификации языковых маркеров семантического поля «Интернет»

А. Баркович, Е. Астапкина

Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, Минск

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей лингвистической идентификации языковых маркеров семантического поля «Интернет», оценке потенциала ее результативности и научно обоснованному представлению полученных данных и метаданных. Актуальность данного вектора исследования очевидно обусловлена быстрым ростом объема и разнообразия интернет-контента, неизбежно все чаще попадающего в фокус лингвистических исследований. Цель исследования – охарактеризовать особенности лингвистической идентификации языковых маркеров семантического поля «Интернет». Объект – семантическое поле «Интернет». Исследование проведено посредством широкого спектра лингвистического инструментария, с использованием процедур анализа и синтеза, количественных и качественных методик. Выявленные в процессе исследования семантического поля «Интернет» референтные ему языковые единицы, будучи последовательно интерпретированными, позволили достаточно полно представить объем и структуру репрезентации объектной семантики. Для достижения поставленной цели была проанализирована представленность соотносящихся с данным семантическим континуумом единиц русского языка по данным словарей, в том числе тезаурусов, корпусов и интернет-контента. Связанные с понятийным феноменом *Интернет* лексемы были квалифицированы как языковые маркеры соответствующего семантического поля, релевантные для его лингвистического анализа. Данные словарной, тезаурусной, корпусной и нейросетевой репрезентаций были вариативно обобщены в виде интегрированной репрезентации синтетического характера. Полученные результаты перспективны в качестве многосторонне апробированного материала, в том числе при их дополнении и развитии в контексте широкого спектра научных изысканий.

Ключевые слова: семантическое поле, понятийный феномен, языковой маркер, Интернет, репрезентация, идентификация, модель.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Цитирование: Баркович А., Астапкина Е. Особенности лингвистической идентификации языковых маркеров семантического поля «интернет». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 618–630. EDN: JNMGKM

Введение

Все, что связано в языке с Интернетом, актуализировалось сравнительно недавно – история, очевидно, самого востребованного

артефакта XXI ст. измеряется буквально несколькими десятилетиями. При этом сама лексема *Интернет* (англ. *Internet*) была создана в 1974 г. и впервые попала в словарь

в 1985 г. Вместе с тем динамичное опосредование коммуникации компьютерными системами уже существенно повлияло на качество современных текстов, а также обеспечило возможности их практически неограниченного масштабирования и преобразования. В свою очередь, это повлекло быструю эволюцию норм и обычаев метаязыковой сферы (Garfinkel, 2000; Pinker, 2000; Crystal, 2001 и др.). Естественным образом экспансия информационно-компьютерных технологий затронула не только формат коммуникации, но и обусловила значимые изменения в ее содержании, семантике (Dubina, 2013; Kondrasheva, Tinina, 2019; Sapone, 2021 и др.). Фактически, благодаря коммуникационным трансформациям и новшествам, существенно сократилась дистанция между речевой практикой и ее научной рефлексией (Barkovich, 2019: 12). Язык меняется с каждым фактом его использования, и в контексте высоких темпов развития социокультурной и производственной сфер в XXI веке темпы эволюции языка существенно возросли. Подобного рода динамика присуща и русскому языку, одному из самых востребованных средств коммуникации в интернет-дискурсе (см., напр., <http://w3techs.com>).

Многие из вновь созданных, актуализированных и задействуемых для обеспечения трансляции содержания интернет-дискурса языковых средств изначально были сугубо терминологичны, однако высочайшая востребованность нуждающихся в семиотическом оформлении и сопровождении артефактов обеспечила массовый транзит соответствующих номинаций в узус. Обусловленное этим совершенствование лингвистической сферы становится все более насущным, выводя при этом на передний план инновационные инструменты метаописания: «В последнее время лингвисты, недовольные интуитивным решением проблемы формирования лексического состава словарей, все чаще обращаются к Национальному корпусу русского языка и данным интернета, а также к лингвистическому эксперименту как более надежным источником» (Golev, 2015: 185).

«Лингвистические эксперименты» сегодня все чаще проводятся с использованием компьютерного моделирования, и, конечно, ключевую роль в такого рода исследованиях играют репрезентанты языковой специфики, ее маркеры. Языковые маркеры – универсальный инструментальный арсенал современной лингвистики, ориентированной в контексте компьютерного опосредования коммуникации на тотальную формализацию и структуризацию (параметризацию) языка. Под *языковым маркером* в данном исследовании понимается лексически выраженная единица определённого семантического поля, обладающая способностью «маркировать» соотносительность значимости того или иного контекста, текста или дискурса с этим семантическим полем. Релевантность термина *языковой маркер* широкому кругу лингвистической проблематики формировалась постепенно на протяжении второй половины XX века. Некогда заметную роль в его актуализации сыграл У. Лабов, оперировавший термином *маркер* в контексте социолингвистической стратификации языка (Labov, 1966). В отечественном языкознании термин закрепился в 1980–2000-х годах в трудах Б. А. Ларина, В. Ю. Апресян, Е. Ф. Тарасова и др. В настоящее время термин *языковой маркер* востребован для обозначения языковых средств, выполняющих индикативную функцию, т.е. свидетельствующих о наличии какого-либо семантического, стилистического или иного лингвистически определяемого компонента в тексте. В данном исследовании в фокусе исследования – ассоциирующийся с понятийным феноменом *Интернет* семантический компонент языковой практики. *Языковой маркер* – в отличие от более общего понятия *языковое средство* – идентифицируемая, количественно и качественно определяемая и функционально значимая языковая единица. Соответствующий метаязыковой конструкт особенно актуален при компьютерно-обеспеченном изучении речи, например, посредством корпусной или нейросетевой методик. В данной связи актуально то, что языковой маркер, указы-

вая на присутствие определенной семантики, удобен для формализации и параметризации ее метаописания.

Целесообразное переосмысление и развитие сложившихся метаязыковых шаблонов, наряду с диверсификацией методологии – тенденция научной рефлексии современных языковых реалий. С этой методологической интенциональностью полностью согласуется *цель* нашего исследования – охарактеризовать особенности лингвистической идентификации языковых маркеров семантического поля «Интернет». С учетом специфики *объекта* – семантического поля «Интернет» – целесообразной *предметной* спецификой является лингвистическая интерпретация совокупности языковых единиц, лексически маркирующих соответствующую значимость.

Методы и материал

Методика, задействованная в данном исследовании, посвященном *Интернету* как одному из самых на сегодня актуальных понятийных феноменов, является комплексной и технологически обеспеченной. Она базируется на апробированном лингвистическом инструментарии: дискурсивном анализе, практически безальтернативном для изучения больших объемов речевой продукции, и компонентном анализе, позволяющем детализировать структуру языковых единиц и пути их модификации. В современной лингвистической практике гармонично сосуществуют структуралистские подходы к описанию языковой системы с прикладными, ориентированными на коммуникацию методическими разработками, посвященными речевой практике (см., напр., Titscher S., Meyer M., Vetter E., Wodak R., 2000; Widdowson 2005; Barkovich, 2025). При этом для решения задач исследования аналитическая, синтетическая, сопоставительная и статистическая парадигмы были целесообразно интегрированы для решения задач многоаспектного семантического анализа. Референтность аналитической составляющей, воплощенной в процессе рассмотрения комплекса словарной, тезаурусной, корпусной и нейросетевой

репрезентаций, была подтверждена содержательностью двухаспектной интегрированной репрезентации – по синтетическим моделям «пересечения множеств» и «объединения множеств». Синтез как результирующий этап выполненной метаязыковой обработки материала был задействован для формирования совокупной общности языковых маркеров в рамках интегрированной репрезентации на фоне реалий современной речевой практики. Подобный прагматически выверенный подход к формированию исследовательской стратегии является принципиально обоснованным (см., напр., Schiffrin, 2006).

Важной с методологической точки зрения является *кваликативно-количественная* сбалансированность и специфицированность исследования. Так, в частности, в качестве качественных инструментов исследования языкового материала были задействованы такие методы, как *лексикографический анализ*, позволивший интерпретировать содержание орфографических, толковых словарей и тезаурусов, и *компонентный анализ*, применявшийся для деривационной реконструкции композитов с основой *-интернет*. Не менее продуктивным было задействование количественных инструментов исследования, в частности *корпусного анализа*, посредством которого на основе поисковых и частотных функций корпусных менеджеров «Национального корпуса русского языка» («НКРЯ») и корпуса «Russian Web 2017» были эксплицированы и ранжированы референтные языковые маркеры, и *нейросетевого моделирования*, в ходе которого на статистически репрезентативном материале интернет-контента были выявлены и подвергнуты уровневой (стратной) дистрибуции языковые средства, интерпретированные искусственным интеллектом как маркеры семантического поля «Интернет».

Материал исследования был представлен как широким кругом лексикографических источников, так и многообразной и аутентичной языковой практикой, представленной в составе корпусов текстов и в интернет-контенте. Анализ языковых

данных был выполнен в рамках словарной, тезаурусной, корпусной и нейросетевой репрезентаций. Для словарной репрезентации объектной семантики были привлечены разноструктурные словари русского языка: как регулирующие реалии речевой практики, в частности орфографические, так и интерпретирующие ее, в частности толковые. Далее для лингвистической интерпретации структуры и особенностей развития семантического поля «Интернет» были рассмотрены особенности ее тезаурусной репрезентации. Также данные языковой практики были верифицированы на материале «Национального корпуса русского языка» (<http://www.ruscorpora.ru>) и корпуса «Russian Web 2017», доступного посредством ресурса *Sketch Engine* (<https://www.sketchengine.eu>). Нейросетевая репрезентация (на базе стратного моделирования) – не регламентированного искусственно интернет-контента с фокусировкой на понятийный феномен *Интернет* – выполнялась посредством технологии *GPT4* (<https://openai.com>). Совокупности языковых маркеров, представляющих семантическое поле «Интернет», выявленные посредством анализа словарной, тезаурусной, корпусной и нейросетевой репрезентаций, в свою очередь, послужили материалом для их интерпретации в качестве метаданных в рамках интегрированной репрезентации синтетического характера.

Результаты

Многоаспектное рассмотрение особенностей идентификации языковых маркеров семантического поля «Интернет» позволило сформировать целостное представление о связанной с ней лингвистической практике, включающее ее ретроспективу, текущее состояние и перспективы развития.

В частности, проведенное исследование показало весьма значительный нереализованный лексикографический потенциал фиксации связанных с понятийным феноменом *Интернет* языковых единиц. При этом было установлено, что регулирующие языковую практику словари отражают происходящие изменения шире и полнее,

чем словари интерпретирующей направленности – толковые. На 2024 г. в наиболее репрезентативном орфографическом словаре русского языка появилось 194 лексемы, являющихся дериватами от основы *-интернет-*. В толковых словарях таких языковых маркеров пока мало, лишь в один из них было включено 17 референтных единиц. Качество презентации выявленных единиц потребовало устранения среди них дублирования. Также была выполнена деривационная реконструкция композитов. Узкой оказалась тезаурусная репрезентация, учитывающая в одном из самых представительных ресурсов лишь 13 связанных с понятийным феноменом *Интернет* языковых единиц. Подобное положение дел отнюдь не способствует лингвистически объективному отражению быстро меняющихся реалий коммуникации.

Тем не менее содержание объектного семантического поля оказалось многоплановым, о чем свидетельствуют корпусная и нейросетевая репрезентации языкового материала. При отсутствии технических ограничений по формированию перечня референтных семантическому полю «Интернет» языковых единиц – корпусная репрезентация в нашем исследовании была ограничена 100 самыми частотными единицами, что сопоставимо с объемом других задействованных репрезентаций. Нейросетевая репрезентация выполнялась по стратной модели, что позволило дополнительно охарактеризовать структуру рассматриваемого семантического поля. Совокупность референтных языковых маркеров оказалась представлена 71 единицей. Онтологичность данной совокупности проявилась незначительно, что позволило сделать умозаключение о высокой и далекой от завершения динамике объектного семантического поля.

В целом полученные данные аналитического характера помогли составить обоснованное представление о возможностях лингвистической идентификации релевантных языковых маркеров. Общее количество агрегированных посредством разных аналитических репрезентаций и подвергнутых предобработке языковых маркеров состави-

ли 368 единиц. Репрезентации аналитического плана были интерпретированы в контексте синтетической интегрированной процедуры. В рамках интегрированной репрезентации по модели «пересечения множеств» были идентифицированы 8 единиц, по модели «объединение множеств» – 294 единицы.

Полученные результаты позволяют оценить практику лингвистической идентификации языковых маркеров семантического поля «Интернет» как результативную и эффективную. Вследствие этого имеются основания для масштабирования полученного опыта и его распространения на решение подобных лингвистических и междисциплинарных задач.

Обсуждение

1. Анализ словарной репрезентации

В контексте обозначенных выше параметров исследования обоснован интерес к представленности языковых маркеров семантического поля «Интернет» и рассмотрению сопутствующих этому лингвистических особенностей в традиционных *словарях*. Логика структуры таких словарей обуславливает практически безальтернативную ориентацию идентификации той или иной семантики на форму слова, в частности его основу – *-интернет-*. При этом выбор лексикографических ресурсов оказывается ограниченным: многие толковые словари русского языка по понятным причинам (они не обновляются) не содержат лексемы *Интернет* (Ozhegov, Shvedova, 1994; Ushakov, 2008 и др.). Но необходимо отметить, что лексема *Интернет* и 17 производных от нее лексических единиц уже зафиксированы в «Современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой: *Интернет*; *интернет-издание*; *интернет-кафе* и др. (Efremova, 2006). Сам понятийный феномен *Интернет* в вышеупомянутом источнике толкуется достаточно лаконично, однако, например, уже два его значения зафиксированы в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова: «ИНТЕРНЕТ [тэрнэ], -а; м. [англ. *Internet* от *international net* – международ-

ная сеть]. 1. [с прописной буквы] Всемирная компьютерная сеть (информационная система связи, объединяющая множество компьютеров во всем мире). Выйти в И. Открыть собственный сайт в Интернете. 2. Разг. Система связи для получения и передачи цифровой информации. Заплатить за и. Установить дома и.» (Kuznetsov, 2000). Здесь, правда, связанной с *Интернетом* лексики тоже немного (5 единиц): *интернет-аудитория*; *интернет-аукцион*; *интернет-версия*; *интернет-издание* и *интернет-карта* (Kuznetsov, 2000). Отдельные примеры отражают общую тенденцию: стремящиеся к отражению узуса толковые словари русского языка пока весьма избирательно подходят к лингвистической «легализации» языковых маркеров семантического поля «Интернет».

Вместе с тем представленность языковых маркеров, связанных с семантическим полем «Интернет», намного лучше оказалась в регулирующей речевую практику русского языка ресурсе «Русский орфографический словарь» под редакцией В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой (Russian spelling dictionary, 2013). Принципиально орфографическая обеспеченность языка играет важную роль в поддержании его стабильности и верификации новаций, которые в любом живом языке неизбежны (см. напр., Bogacheva, Olkhovskaya, Paramonova, 2017; Khokhlova, 2021; Sheypak, 2024). В упомянутом выше самом представительном из русскоязычных орфографических словарей хорошо прослеживается динамика идентификации новых языковых маркеров на базе речевой практики. Так, согласно данным наблюдения за десятилетний период – с 2014 г. по 2024 г. – представленность интернет-лексики в данном словаре расширилась почти в 4,5 раза: с 44 единиц до 194 (Astapkina, Barkovich, 2025). На сегодняшний день это уже статистически значимый объем лексики: *доинтернетовский*; *интернет-автор*; *интернет-агентство* и др. (Russian spelling dictionary, 2013). Для корректного рассмотрения единиц данного словаря потребовалось устранить некоторое дублирование и разместить

их в алфавитном порядке. Дополнительно для последовательной лингвистической идентификации данной совокупности была выполнена деривационная реконструкция зафиксированных словарем лексем, абсолютное большинство из которых являются композитами. Отсекая в них сам компонент *-интернет-*, мы получаем перечень из 184 языковых маркеров, прямо связанных с понятийным феноменом *Интернет*.

2. Анализ тезаурусной репрезентации

Очевидным образом, круг задействованной семантики в интернет-обусловленной коммуникации сегодня достаточно широк. Для ее объективной идентификации безусловный интерес представляет *тезаурусная* репрезентация языковых маркеров семантического поля «Интернет»: тезаурус – целевой в данном плане ресурс для лингвистической интерпретации языковой значимости. В данной связи тезаурусная репрезентация призвана решать задачи отражения структуры семантического поля и особенности ее систематизации. Однако тезаурусный потенциал, как оказалось, в современной лингвистической практике задействуется весьма фрагментарно, и тезаурусная репрезентация пока мало что может проиллюстрировать. Фактически далеко не все тезаурусы русского языка (как и многих других языков) «успели» отреагировать на появление понятийного феномена *Интернет*.

Так, один из немногих уделивших внимание семантическому полю «Интернет» ресурс «Тезаурус русского языка *RuWordNet*» (<https://www.ruwordnet.ru>) на запрос «Интернет» выдает весьма своеобразный список из 13 русскоязычных единиц: *веб, Всемирная Паутина, всемирная сеть, всемирно протянутая паутина, глобальная компьютерная сеть, глобальная паутина, глобальная сеть, инет, интернет-пространство, интернет-сеть, международная компьютерная сеть, мировая паутина, сеть Интернет*. Принципиально объем данного онлайн-ресурса ничем не отличается от объема любого другого «бумажного» словаря: «Всего те-

заурус *RuWordNet* содержит 111,5 тысяч слов и выражений русского языка» (Russian Thesaurus *RuWordNet*). 11 единиц из предлагаемого данным ресурсом перечня ориентированных на семантическое поле «Интернет» акцентированы на «сетевом» характере коммуникационной сети «Интернет», что, конечно, не исчерпывает всего спектра ее семантического образа. Такая доминанта тезаурусной репрезентации, конечно, существенна, но ее ярко выраженное преобладание оставляет в тени другие не менее важные элементы семантики всего поля «Интернет». Упоминание здесь, в частности, «интернет-пространства» и «компьютерности» его «сетевого» формата несущественно обогащает репрезентацию. Дополнительная «пространственная» атрибуция понятийного феномена *Интернет* при этом формируется преимущественно косвенно – путем отсылок к семам ‘всемирности’, ‘протянутости’, ‘паутинности’, ‘глобальности’, ‘пространственности’ и ‘международности’. Такая детализация во многом дублирует языковую идентичность определяемых языковых маркеров и лишь незначительно расширяет рамки репрезентации, очевидно, семантически гораздо более насыщенного поля «Интернет».

3. Анализ корпусной репрезентации

Для представления особенностей языковой реализации того или иного понятийного феномена достаточно апробированным уже на сегодня лингвистическим потенциалом обладают *корпусы текстов*, или «лингвистические корпусы» (Barkovich, 2015). В целом возможности *корпусной репрезентации* сегодня достаточно широки. Постоянно модернизируемое программное обеспечение корпусов и наполнение их материалом позволяет выполнять все более глубокую и структурированную идентификацию особенностей реализации объектной семантики.

Характерно, что корпус и словарь на сегодняшний день нередко взаимобусловлены. В частности, «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной уже в середине XX века

создавался на базе своеобразного корпуса текстов: «Словарь составлен на основании обработки средствами вычислительной техники одного миллиона словоупотреблений, что дало около 40 тыс. единиц словаря» (Frequency dictionary of Russian, 1977). Во времена его создания «корпусный» формат еще был лингвистической экзотикой, но сегодня такую базу языковых данных, конечно, прямо назвали бы «корпусом». На современном этапе развития лингвистики кооперация создателей корпусов текстов и самых разных словарей является широко распространенной и плодотворной практикой (Frequency dictionary of modern Russian, 1993; Lyashevskaya, Sharov, 2009; Collins English Dictionary).

Так, например, на 2014 г. в аспекте представленности семантического поля «Интернет» в «Основном корпусе» «НКРЯ» в 2305 «документах» фиксировалось 6468 «вхождений» референтной лексики по самому простому запросу «-интернет-». Конечно, корпус не может отразить все многообразие речевой практики. В частности, на сегодняшний день в конкордансе «НКРЯ» нет таких, казалось бы, уже распространенных в интернет-дискурсе единиц, как *интернет-эквайринг*, *интернет-билет*. При этом они востребованы в интернет-дискурсе:

Интернет-эквайринг нужен онлайн-бизнесу, чтобы сократить трудозатраты сотрудников, автоматизировать продажи с сайта и ускорить работу с онлайн-заказами (<https://cloudpayments.ru/>).

Вместе с тем, например, специализированный на интернет-дискурсе корпус «Russian Web 2017», доступный посредством *Sketch Engine*, содержит огромный объем 11,242,755,163 токенов, в том числе 9,034,837,939 словоупотреблений, и 18,320,181 текстов, состоящих из 629,266,009 предложений (<https://www.sketchengine.eu>). Наличие здесь языковых маркеров семантического поля «Интернет» фактически анонсировано его названием. Анализ языковой практики, проведенный посредством инструментария «Thesaurus» весьма технологичного ресурса *Sketch Engine*, показал, что их частотность здесь

сопоставима с распространенностью самых востребованных номинаций русского языка. Так, встречаемость здесь самой лексемы *Интернет* составила 210,33 единицы на 1,000,000 токенов (0.012 %), еще популярней оказалась лексика с компонентом «-интернет-» – 312.52 / 1,000,000 (0.012 %). А самая востребованная номинация русского языка *год* встречается здесь 2,929.58 раз на 1,000,000, что составило 0.29 % относительной частотности, или 0,29 «индекса семантической», представляющего удельный «вес» лексемы в совокупности текстов (Barkovich, 2020: 213). Такие распространенные лексемы, как *человек* (1,928.39 / 1,000,000 (0.19 %)) и *жизнь* (863.66 / 1,000,000 (0.086 %)), также обладают сопоставимой с лексемой *Интернет* частотностью. И вот как может выглядеть визуализация совокупности ключевых языковых маркеров семантического поля «Интернет» по данным корпуса «Russian Web 2017» (рис. 1):

Очевидным критерием лингвистической идентификации при *корпусной репрезентации* языковых маркеров является их статистическая востребованность, так или иначе актуализирующая их значимость.

Рис. 1. Визуализация совокупности ключевых языковых маркеров семантического поля «Интернет» по данным корпуса «Russian Web 2017»

Fig. 1. Visualization of a set of key linguistic markers of the semantic field "Internet" based on the data from the "Russian Web 2017" corpus

Корпусный менеджер не имеет ограничений по охвату единиц, отвечающих опциям запроса (в данном случае – *Интернет*). В частности, единица *система* продемонстрировала здесь самый высокий «индекс частотности» 0.126 (в абсолютном представлении – 11,353,987), у 20-го по популярности языкового маркера *почта* – 0.008 (736,001). Диапазон статистических данных, как можно видеть, оказывается достаточно большим, ввиду чего для нашего исследования, видимо, вполне достаточно ограничиться объемом из 100 самых частотных языковых маркеров.

4. Анализ нейросетевой репрезентации

Релевантной моделью для *нейросетевой* репрезентации является стратная, дополнительно к формированию заданной совокупности единиц отражающая их иерархию и сферы влияния. Алгоритмически данный тип анализа в исследовании обеспечивался логикой функциональности нейросетевых моделей, реализующих многоступенчатую обработку и дифференциацию речевого материала на основании верифицированных шаблонов его интерпретации на уровне метаданных. Сфера компьютерных технологий принципиально функционирует на дискретных алгоритмах, в основе которых лежит бинарный код, а значит, статистика. При этом Интернет, будучи компьютерно-обеспеченной коммуникационной средой, не требует специального структурирования языкового материала, в ней представленного, что позволяет проводить обработку больших массивов интернет-дискурса посредством нейросетевого инструментария. Интерфейсы нейронных сетей позволяют выполнять запросы на обычном естественном языке, в том числе с учетом лингвистической специфики запрашиваемой информации. Соответственно, принципиальным основанием для стратной дистрибуции маркеров в нашем исследовании были следующие дифференциальные метапризнаки, отраженные в параметрах алгоритма нейросетевой репрезентации семантического поля «Интернет» посредством технологии *GPT*. К ядру

были отнесены доминирующие в языковой практике единицы, указывающие на характерные для семантического поля «Интернет» атрибуты его функционирования и имеющие высокую ценность как маркеры референтной семантики. Метаязыковая значимость данных единиц обусловлена их действительной востребованностью в речевой практике, о чем свидетельствует их высокая частотность и синтагматическая активность. В *приядерную зону* были включены высоко репрезентативные в речевой практике и непосредственно ассоциирующиеся с семантическим полем «Интернет» единицы, обладающие зависимой от приоритетных (ядерных) маркеров значимостью. В *периферийную зону* были сгруппированы единицы, факультативно или косвенно отражающие эмерджентные, инновационные или специализированные свойства приядерных маркеров, детализирующие их и указывающие на их вторичные или перспективные в семантическом плане аспекты функциональности.

В результате *стратная модель* нейросетевой репрезентации действительно отразила ее уровневое структурирование, позволившее выделить иерархически однородные гипер- и суб-страты ядерного, приядерного и периферийного классов. Такого рода иерархическое структурирование референтных языковых единиц посредством ресурса *OpenAI* (<https://openai.com>) идентифицировало как **ядерные** репрезентанты семантического поля «Интернет» следующие лексемы: *связь (коммуникация, общение, информация, данные); сеть (глобальная сеть, мировая паутина, инфраструктура); технологии (компьютеры, серверы, протоколы, сети, Wi-Fi, кабели) и контент (веб-сайты, видео, музыка, текст, изображения, приложения)*.

Логично было бы ожидать, что все семантически связанные с ядерными языковыми маркерами единицы (указанные выше в скобках) окажутся в приядерной и периферийной зонах стратной модели. Это было бы естественно для уже сформированных семантических полей. Однако для семантического поля «Интернет»,

как можно видеть, подобная иерархичность и предсказуемость пока не сформировались. Так, только единица *веб-сайты* из страты приядерных оказалась прямо связана с ядерным репрезентантом *контент* как компонент его ядерной значимости. Все остальные приядерные репрезентанты (*социальные сети, электронная почта, поисковые системы, онлайн-игры, электронная коммерция и браузеры*) не отразили прямо определенную для них компьютерным алгоритмом семантику ядерного для них языкового маркера и, в свою очередь, не спроецировали прямо свою семантику на страту периферийной значимости.

Кроме вышеупомянутого языкового маркера *веб-сайты* – определяющего для *страниц, блогов, порталов, форумов* – в *приядерной* зоне стратной модели нейросетевой репрезентации семантического поля «Интернета» также были идентифицированы *социальные сети*, определяемые именованными сущностями *Facebook, ВКонтакте, Instagram, Twitter*; *электронная почта*, ассоциируемая с *письмами и сообщениями*; *поисковые системы*: представленные *Google, Яндекс, Bing*; *онлайн-игры*, ассоциируемые с *играми и киберспортом*; *электронная коммерция*, которая связана с *онлайн-магазинами, покупками, платежами и браузерами*, среди которых – *Chrome, Firefox, Safari, Edge*.

Соответственно, к страте *периферии* были отнесены *IP-адреса* («числовые идентификаторы»); *доменные имена* («адреса сайтов»); *протоколы (HTTP, HTTPS, TCP/IP)*; *кибербезопасность* (в том числе *защита данных, вирусы, хакеры*); *интернет вещей* («умные устройства»); *цифровой разрыв* («неравный доступ к интернету»); *цифровая экономика* («экономика, основанная на интернете»); *Big Data* («большие данные»); *искусственный интеллект* («искусственный интеллект в интернете»); *метавселенная* («виртуальные миры»); *блокчейн* («технология блокчейн»).

Общее количество языковых маркеров, идентифицированных в составе нейросетевой репрезентации посредством стратного моделирования, составило 71

единицу. В контексте задействования компьютерно-обеспеченных технологий можно отметить, что состав компонентов нейросетевой и корпусной репрезентаций в целом коррелирует, однако их соотнесение требует отдельного метаописания.

5. Синтез интегрированной репрезентации

Многоаспектность вышеописанных репрезентаций не исключает их обобщения и представления некоей общей совокупности языковых маркеров семантического поля «Интернет». С учетом наличия совокупностей данных аналитического характера, полученных посредством разнообразных, но не взаимоисключающих методик, для получения интегрированной репрезентации целесообразна процедура синтеза. Исходными данными для интегрированной репрезентации посредством синтеза являются словарная, тезаурусная, корпусная и нейросетевая репрезентации. Очевидными и основными вариантами (моделями) синтеза здесь могут быть: *пересечение множеств* и, соответственно, агрегация в интегрированную репрезентацию общих для них языковых маркеров исходных совокупностей и *объединение множеств* и, соответственно, агрегация всех уникальных элементов исходных совокупностей. Обе модели, «пересечение множеств» и «объединение множеств», применимы в данном контексте, однако необходимо учитывать, что пересечение множеств является высоко результативной моделью обработки близких по содержанию исходных датасетов, а их объединение позволяет учесть все многообразие существенно не совпадающих синтезируемых совокупностей.

Предварительная подготовка материала для интегрированной репрезентации, как было упомянуто выше, незначительно сузила его базу. В том числе после лингвистической обработки словарную репрезентацию составили 184 единицы, тезаурусную – 13 единиц, корпусную – 100 единиц, нейросетевую – 71 единица языковых маркеров. Если просуммировать общий количественный состав всех репрезентаций, получается 368 языковых маркеров. Однако уже пред-

варительное их сопоставление показывает наличие в них аналогичных лексем. Такая ситуация предполагает формирование интегрированной репрезентации того или иного типа. Реализация вышеописанных моделей показывает, что в «пересечении множеств» оказывается лишь 8 общих единиц (2.17 %): *сеть, связь, компьютер, сервер, приложение, технология, форум и игра*. Вместе с тем «объединение множеств» позволяет агрегировать уже 294 единицы (79.89 %): в том числе *автор, агентство, аддикция, администратор* и др.

Оба полученных перечня языковых маркеров являются информативными и в качестве метаданных могут использоваться в разного рода лингвистических и интердисциплинарных обобщениях о структуре и функциональности семантического поля «Интернет». Преимущество совокупности, полученной по модели синтеза пересечения множеств, – в ее универсальности; преимущество совокупности, полученной по модели объединения множеств, – в ее представительности. В общем, интегрированная репрезентация подтвердила целесообразность как многоаспектного анализа семантического поля, так и синтеза полученных данных, позволяющего повысить уровень систематизации знаний.

Заключение

Таким образом, для достижения поставленной цели был задействован комплекс лингвистических средств, что, как показало проведенное исследование, было обоснованным и целесообразным. В целом полученные результаты свидетельствуют о сохраняющейся релевантности изучению семантики современного русского языка традиционных методик, основанных на лексикографических практиках. Наиболее чувствительными к фиксации динамики языковых единиц весьма востребованного сегодня семантического поля «Интернет» оказались регулирующие языковую практику орфографические словари. Однако их прескриптивная направленность на регулирование норм речи ограничивает их использование для решения задач семантического

плана рамками лексико-грамматической интерпретации той или иной лексемы, в частности лексемы *Интернет*. Выявленная деривационная активность основы *-интернет-* оказалась весьма высокой. Однако идентификация лишь формально (грамматически) связанных с самим понятийным феноменом *Интернет* языковых маркеров не позволяет выявить весь спектр связанных с ним семантически языковых единиц. Лексикографические источники интерпретирующей направленности, в частности толковые словари, как показало проведенное исследование, «реагируют» на достаточно очевидную экспансию семантического поля «Интернет» с опозданием и крайне избирательно. Наиболее научно целесообразными ресурсами идентификации семантически связанных языковых единиц, обладающими потенциалом «маркирования» ассоциированности с понятийным феноменом *Интернет*, являются тезаурусы. Однако именно тезауральная репрезентация де-факто оказалась наименее представительной как количественно, так и качественно. Корпусная репрезентация продемонстрировала тотальный охват языковых маркеров. При этом необходимо отметить определенную статичность корпусных ресурсов, формируемых из ограниченного круга источников. Наиболее синхронизированной с практикой коммуникации оказалась нейросетевая репрезентация, ориентированная на находящийся в открытом доступе интернет-контент, что позволило учесть его динамику. Интегрированная репрезентация позволила обобщить полученные посредством аналитических методик совокупности данных и реорганизовать их как метаданные, являющиеся онтологически верифицированным и функционально систематизированным источником знаний о лингвистической специфике идентификации и дальнейшем использовании языковых маркеров.

Структура и функциональность самого семантического поля «Интернет» в русскоязычной речевой практике находятся в процессе формирования и активного развития. Об этом свидетельствуют как высокая де-

ривационная активность системообразующей для нее основы -интернет-, подтвержденная словарной репрезентацией, так и нечеткость ее иерархической организации, подтвержденная нейросетевой репрезентацией. Низкий показатель статистики языковых маркеров по модели пересечения множеств, подтвержденный интегрированной репрезентацией, указывает на разобщенность подходов к метаязыковой идентификации семантического поля «Интернет» и актуальность ее разновекторного совершенствования.

В целом выявление и характеристика многообразной и широкой базы языковых маркеров семантического поля «Интернет» позволяют аргументированно основывать на полученных в ходе проведенного исследования результатах дальнейшие научные изыскания широкого методологического

и целевого спектра. Ценность полученных результатов обусловлена их прямой релевантностью активно развивающимся и востребованным во всех сферах человеческой деятельности технологиям коммуникационной сети «Интернет», значимость которой уверенно преодолела информационно-компьютерные рамки. В частности, они релевантны при идентификации и квалификации особенностей формирования современного узуса, интра- и экстралингвистических параметров его функционирования, корректной оценки речевых новаций и совершенствования методологической парадигмы языкознания. Описанное в рамках данной статьи исследование, несомненно, будет полезным для дальнейшей научной рефлексии реалий современного русского языка, в том числе в интердисциплинарной практике.

Список литературы / References

Astapkina E. S., Barkovich A. A. Dinamika russkoyazychnogo internet-diskursa: osobennosti slovarnoi reprezentatsii leksiki [Dynamics of Russian language internet discourse: peculiar representation of lexis in dictionaries]. In: *Rusistika [Russian Language Studies]*, 2025, 23(1), 97–116. DOI: 10.22363/2618–8163–2025–23–1–97–116.

Barkovich A. Informational Linguistics: Computer, Internet, Artificial Intelligence and Language. In: *2019 IEEE 1st International Conference on Artificial Intelligence in Information and Communication (Okinawa, Japan, February 11–13)*, 2019, 008–013. DOI: 10.1109/ICAIC.2019.8668989.

Barkovich A. *Informational Linguistics: The New Communicational Reality*. Cambridge, Cambridge Scholars Publ. 2020, 271.

Barkovich A. A. Ekologicheskii diskurs: spetsifika lingvoinformatsionnogo modelirovaniya kontseptosfery [Ecological Discourse: the Specificity of Linguainformational Modeling of the Concept Sphere]. In: *Zhurn. Sib. feder. un- ta. Gumanitarnye nauki [J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.]*, 2025, 18(1), 143–157. EDN: OLTNEC.

Barkovich A. A. Funkcional'nost' diady «kommunikatsionnyj – kommunikativnyj»: diskursivnyj aspekt [Functionality of the Dyad «communicational – communicative»: Discursive Aspect]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philology]*, 2015a, 5(37), 37–52. DOI: 10.17223/19986645/37/3.

Bogacheva G. F., Olkhovskaya A. I., Paramonova M. K. Elektronnyi ideograficheskii slovar': teoreticheskii i prikladnoi aspekty (na materiale «Russkogo tematicheskogo slovary») [An electronic ideographic dictionary: theoretical and practical aspects (on the material of the Russian Thematic Dictionary)]. In: *Voprosy leksikografii [Russian Journal of Lexicography]*, 2017, 12, 39–60. DOI: 10.17223/22274200/12/3.

Collins English Dictionary. 2025. Available from: <https://www.collinsdictionary.com/> (Accessed: 12.05.2025).

Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press. 2001, 272.

Dubina L. V. Trends of developments of the Russian language in the context of internet-communication]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*, 2013, 2, 177–181.

- Efremova T.F. *Sovremennyyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 3 tomah* [Modern explanatory dictionary of the Russian language: In 3 volumes]. M., AST. 2006, 3312.
- Frequency dictionary of modern Russian*. Ed. L. Lönnngren. In *Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia*. 32. Uppsala. 1993, 188.
- Frequency dictionary of Russian: about 40,000 words*. Ed. L.N. Zazorina. M., Russian language. 1977, 934.
- Garfinkel S. *Database Nation: The Death of Privacy in the 21st Century*. Sebastopol, O'Reilly & Associates. 2000, 336.
- Golev N.D. Slovoobrazovatel'nyj tip kak funkcional'naja edinica leksicheskoj sistemy russkogo jazyka (v aspekte kvantitativnoj derivatologii) [Word-Building Type as a Functional Unit of the Lexical System of the Russian Language in the Aspect of Quantitative Derivatology]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]*, 2022, 24(2), 153–164. DOI: 10.21603/2078–8975–2022–24–2–153–164.
- Khokhlova M.V. Atributivnye kollokatsii v zolotom standarte sochetaemosti russkogo jazyka i ikh predstavlenie v slovaryakh i korpusakh tekstov [Attributive Collocations in the Gold Standard of Russian Collocability and Their Representation in Dictionaries and Corpora]. In: *Voprosy leksikografii [Russian Journal of Lexicography]*, 2021, 21. 33–68. DOI: 10.17223/22274200/21/2.
- Kondrasheva E.V., Tinina A.O. Novaya leksika jazyka interneta: sposoby obrazovaniya, prichiny povavljeniya [New lexicon of the Internet language: methods of formation, reasons for its emergence]. In: *Jepoha nauki [Era of science]*, 2019, 18, 134–139.
- Kuznetsov S.A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. SPb., Norint. 2000, 1536.
- Labov W. *The social stratification of English in New York City*. New York, Center for Applied Linguistics. 1966, 655.
- Lyashevskaya O.N. & Sharov S.A. *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo jazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Materials of the Russian National Corpus)]. M., Azbukovnik. 2009, 1090.
- Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 72,500 Words and 7,500 Phraseological Expressions]. M., Az. 1994, 907.
- Pinker S. *The language instinct*. New York, Harper Perennial Modern Classics. 2000, 525.
- Russian spelling dictionary (approx. 200,000 words). Ed. V.V. Lopatin, O.E. Ivanova. M., Ast-press book. 2013. 896.
- Russian Thesaurus RuWordNet*. 2025. Available from: <https://www.ruwordnet.ru/> (Accessed: 12.05.2025).
- Sapone L. Moving fast and breaking things: an analysis of social media's revolutionary effects on culture and its impending regulation. In: *Duquesne Law Review*, 2021, 59, 362–384.
- Schiffrin D. From linguistic reference to social reality. In: *Discourse and identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 103–131.
- Sheypak S.A. Ot traditsionnogo slovarya k onlain-slovarju: razvitie leksikograficheskoi kul'tury pol'zovatelya [From paper to online dictionary: Development of user's lexicographical culture]. In: *Voprosy leksikografii [Russian Journal of Lexicography]*, 2024, 33, 29–51. DOI: 10.17223/22274200/33/2.
- Titscher S., Meyer M., Vetter E., Wodak R. *Methods of Text and Discourse Analysis*. London, Sage. 2000, 278.
- Ushakov D.N. *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow: Alta-Print, Dom. XXI century. 2008, 510.
- Widdowson H. Applied linguistics, interdisciplinarity, and disparate realities. In: *Directions in Applied Linguistics*. Clevedon, UK, Multilingual Matters. 2005, 12–25.

EDN: KWVBUB
УДК 81'25:808.2

The Role of Text Variants in the Development of Translation Strategies

Anikó Polgár*

*J. Selye University
Komárno, Slovak Republic*

Received 01.02.2026, received in revised form 05.02.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. The study uses the increased significance of variants in connection with the cultural turn in philology as its point of departure. The first subchapter deals with the role of variants in philological thinking and in the practice of philologists and text editors. The second subchapter points to the multiformity of translated texts and the connections between variants and translation strategies, arguing that a new approach to the material dimension of texts can also be applied in translation studies, that variants play an important role in translation work, and that they are also related to translation strategies. Replacing the static concept of text with a dynamic one sheds new light on the variants of translation texts (created during the process of creation, text refinement, and preparation of new editions). As a case study, Gábor Devecseri's Hungarian translations of Homer is examined, in which the dynamics of variants greatly influenced the development of translation strategies.

Keywords: philology, variant, translation, translation strategies, the concept of dynamic text.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Languages of the Peoples of the Foreign Countries (Hungarian).

Citation: Polgár A. The Role of Text Variants in the Development of Translation Strategies.
In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 631–639. EDN: KWVBUB

Роль текстовых вариантов в разработке переводческих стратегий

Анико Полгар

*Университет имени Яноша Шейе
Словацкая Республика, Комарно*

Аннотация. В статье отмечается возросшая важность текстовых вариантов в связи с культурным поворотом в филологической науке. В ней рассматривается роль текстовых вариантов в филологическом мышлении и практике филологов и редакторов текстов, указывается на многообразие переведенных текстов, выявляется связь между текстовыми вариантами и стратегиями перевода. Предлагается новый подход к материальному измерению текстов, который может быть также применен в переводоведении. Вместо статической концепции текста применяется динамическая концепция текста, которая проливает новый свет на варианты переведенных текстов, которые возникли в процессе создания, доработки текста и подготовки новых изданий. В качестве примера в статье рассматриваются переводы произведений Гомера Габором Девечери на венгерский язык, в которых динамика вариантов оказала большое влияние на развитие переводческих стратегий.

Ключевые слова: филология, текстовый вариант, перевод, переводческие стратегии, динамическое восприятие текста.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (венгерский).

Цитирование: Полгар А. Роль текстовых вариантов в разработке переводческих стратегий. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 631–639. EDN: KWVBUB

Introduction

The cultural studies turn in philology brought the concept of the variant to the fore: the single, closed, perfect form was replaced by the open, transitional form manifested in multiple ways. This new approach to the material dimension of texts has not only paved the way for new, differently conceived editions of translations, but also sheds new light on the variants of translated texts (produced during the process of creation, text refinement, and in the course of preparing new editions for publication). Text variants also play an important role in shaping translation strategies.

This study, which focuses on the concept of variants, is divided into three subsections. The first section summarizes how the assessment of variants has changed in philological thinking.

The second section addresses the question of the multiplicity of forms of translation texts and examines how text variants are related to translation strategies. The third section discusses Gábor Devecseri's Hungarian translations of Homer as a case study, in which the dynamics of variants also influenced the development of translation strategies.

Methods

The findings are based on empirical research and the examination of manuscript/type-script and published versions of Devecseri's translations. During the investigation, I sought answers to the following questions: based on the findings of the text analysis, what changes occurred in the translator's working method, what is the reason for the multitude of variants,

and what connection can be identified between the text variants and the translator's strategies?

1. The Revaluation of Variants in Philology

In order to establish the main text, the philologist must first examine the variants, establish their chronology, classify them into groups and types, and then select the most relevant version from among the others. Traditional philology, after collecting texts and sifting through textual variants, focused on a corrected and pre-read text, removing the variants from their context and squeezing them into the critical apparatus. According to the Lachman tradition, philologists elevate, to the main text, the version they have amended and compiled as opposed to the variants included in the apparatus, because they believe that it is closest to the author's own variant and is the best version of the text. Critical editions produced using the classical method create and highlight a text that, according to the editors, is most worthy of analysis, interpretation, and reading.

The basic principle of old-style philology, according to which collecting and sifting through variants brings us closer to the author's original intention, has been called into question in many respects by today. The text editing proposals of recent philological practice were prompted by doubts about classical critical editions, which question the primacy of the main text and the subordinate role of variants confined to the critical apparatus. The foundations of traditional philology can also be called into question by the unstable concept of authorship in the Middle Ages, and medieval texts, which exist exclusively in variants, also draw attention to their importance. As Cerquiglini pointed out, variants are not accidental; variance is a natural feature of pre-modern literature, and text editors need to be aware of this (Cerquiglini, 1999).

Medieval studies and the study of Homeric textual variance can be considered two important points of departure for the new philology. The study of variance in Homer's texts "began in the 1930s, primarily as a result of the research of Milman Parry and Albert Lord" (Déri et al., 2011: 21). Parry has "shown that the formulas form a specific system"

(Ritoók, 2019: 152). Contemporary Homer scholar Gregory Nagy prefers the concept of multiformity to that of variants, referring to Albert Lord's definition, who emphasized that multiformity does not favor any word or text, "instead it acknowledges that the idea may exist in several forms" (Nagy, 2001). Instead of recognizing this multiformity, we usually search for an original or ideal text, but in the case of oral tradition, that is not possible. According to Nagy, in the case of Homeric texts, "there can be no 'original' version for us to reconstruct," it is true that the text associated with the Panathenaic is "relatively less multiform than other epic traditions, but this evidence cannot be reduced to a single 'uniform' Panathenaic text" (Nagy, 2001).

The multitude of variants and the difficulty of ascertaining the author's intention are not unique to the age of manuscripts; even printed texts do not always correspond to what the author had in mind. We must also take into account that some of the variants are not the result of modifications by outside hands or the arbitrariness of later editors but originate from the author themselves; indeed, diversity may have been the author's intention.

The revaluation of textual variants was brought about not only by changes in the philological approach, but also by the development of information technology: the screen is dialogical and multidimensional, and digital forms of publication allow for the communication of multiple parallel, equal texts, without the need to make a strict distinction between the main text and its variants. The cultural studies turn has raised awareness of the defining nature of changes in technical media, and "there has arisen an opportunity for the former static concept of text in philology to give way to a dynamic one, which seeks to 'record' text as a constantly changing process" (Tamás, 2018: 69).

2. The Multiplicity of Translation Texts and the Relationship Between Variants and Translation Strategies

The text is one of the basic concepts not only of philology, but also of translation studies (Alexeeva, 2011). Traditional philology re-

gards text as an ideal entity, “which, in a kind of simplified Platonism, can only be an imperfect shadow of itself in its physical manifestations” (Déri et al., 2011: 24). The philologist attempts to reconstruct this imagined, ideal text, bringing together the scattered elements in the course of his work. The translator also strives to achieve an ideal text, with the ideal of perfect translation in mind, but unlike the traditional philologist, the translator does not create a unity from “corrupted” variants but works on creating variants which, in their view, bring them closer to perfection.

In the case of translations, as emphasized by variational translation theory (Liu, 2023), variations may be influenced by the needs of the audience and cultural adaptation, but variations are also part of the translation process even when translators strive to create a final, definitive translation text.

An important part of the translator’s work, as is evident from the analysis of the translation process and the statements of translators, is revision. In his essay *A javító toll nyomában* [In the footsteps of the correction pen], László Németh, Tolstoy’s Hungarian translator, states that a prose writer does not need to make as many corrections to their own texts during the work process as a literary translator does when creating a translation text. He explains this by saying that in the case of one’s own texts, the idea determines the plan, so there are no linguistically awkward solutions at the first attempt, as may be the case with translation (Németh, 2001: 1101). Gábor Devecseri, the Hungarian translator of Homer, made a similar statement: “I rarely make changes to my own poetic texts – they go through the long process necessary to reach their final form before they are written down” (Devecseri, 1974: 62). In the case of translation, however, the revision process takes much longer than the creation of the first draft: “It happens sometimes that what I finish in half a day, I spend half a year changing,” he said (Devecseri, 1981: 414). The work of the correction pen is necessarily lengthy, but it is finite, and the translator must be satisfied with a roughly adequate version. “You delete here, insert there, throw words around and swap them until you finally settle on the sen-

tence in front of you,” writes László Németh (2001: 1101).

The multitude of translator variants stems not only from internal needs but is also supported by external reasons. The reasons for the creation of variants may include the translator’s working method, the preparation of new editions of literary works, the client’s requirements, the nature of the publication in question, and media differences, e.g., in the case of theater and radio genres. Sometimes translators work like Greek sculptors, who roughly carve out the whole figure first and then polish it (Szilágyi, 1977: 573). A half-finished translation is therefore one that has been roughly prepared in its entirety and is awaiting further refinement. The translator is driven by an inner need that stems from the fact that they do not consider the work to be final. In addition to the translator, the proofreader and editor may also participate in the polishing process. New editions of literary works may also reflect changes in approaches to translation that have occurred in the meantime, and the need for corrections may also meet the expectations of the age. In the Hungary of the 1950s, for example, many emphasized that the new era demanded new methods and that previous bourgeois ideals needed to be reexamined in the field of literary translation (Kardos, 1959: 281).

Translators encounter variants at all linguistic levels in their work: there are several possibilities at the level of individual sound variants, words, expressions, phrases, and sentence structure, and the choice is the responsibility of the translator or the result of a joint decision by the editor, proofreader, and translator. Sometimes the variants that arise during the translation process are not retained, in which case the text appears uniform, but if it is possible to look at the background material for the translation, a series of variants becomes apparent.

The multiplicity of form for the translated text also raises philological problems for the publication of the text. While in the case of original texts, publishers generally apply the principle of *ultima manus* (the last hand), in the case of translations, this principle is often

questioned. It sometimes happens that the philologist publishing a literary translation does not consider the last variant to be the only acceptable one and, relying on their own taste, returns to an earlier version, considered better. The choice may also be influenced by external factors (e.g., the nature of the publication).

3. Case Study: Variants in the Translations of Gábor Devecseri

In what follows, the role of variants in a selected sample of translations by the 20th-century Hungarian literary translator Gábor Devecseri (1917–1971) will be examined. The translator’s work and the publisher’s background work are documented in the materials found in the Manuscript Collection of the Petőfi Literary Museum in Budapest. The research is based on an examination of the handwritten and typed manuscripts of the translations, as well as the publisher’s proofs, and the translator’s essays, statements, and correspondence relating to the translations also helped to draw conclusions.

Gábor Devecseri’s translations have survived in numerous versions, as the translator constantly polished and corrected his earlier variants, giving the texts the appearance of incompleteness and unfinishedness (Polgár, 2016). Although each published volume is a complete work, if we compare the revised and modified editions of the Hungarian versions of individual ancient works, we are confronted with a multitude of variants, especially in the case of texts that were published several times during the translator’s lifetime (such as the poems of Catullus, the epics of Homer, and the comedies of Plautus). The picture becomes even more varied, and the text even becomes opaque, if we examine the manuscripts and typescripts left in the Devecseri papers.

Devecseri developed his translation method, which is based on numerous variants and a gradually perfected text, when translating the Iliad. He later applied this method to the translation of other texts and also revised his earlier translations according to these new principles (Polgár, 2024). In his translation of Homer, Devecseri strove to translate the recurring passages – what he calls epic single words (Devecseri, 1959: 123) and epic

sentences (Devecseri, 1970: 79)—as consistently as possible. These recurring passages not only link the two epics but also connect them to the Homeric hymns, which Devecseri began translating from the Homeric corpus at the earliest stage. Comparing and reconciling the variants spanned several volumes and decades, and was not only a translator’s but also for a philologist’s challenge. Through continuous revision of the text, Devecseri created a wealth of textual variants, “some 150,000 lines of poetry [...] from the approximately 32,000 lines of Homer’s work,” with “each line (on average) produced in four or five variants” (Devecseri, 1970: 108).

As Zsigmond Ritoók, a researcher of Homer’s influence in Hungary, notes, Devecseri “knew that the Homeric language was formulaic, full of repetitions, he knew that this had to be reproduced as accurately as possible, and he also knew why: because this was the basis for the two, by no means identical, interpretations of Homer in that era, those of Milman Parry and Wolfgang Schadewaldt, and the reader can decide for themselves what conclusions to draw from the repetitions, what kind of Homer to read” (Ritoók, 2019: 308). Devecseri also refers to Milman Parry’s theory (Devecseri, 1970: 53–54) and emphasizes that the repeated lines, half-lines, and adjectives point to essential connections, while “lines that are distant from each other and identical to each other hold the epic together at countless points like iron links, or rather like living iron muscles” (Devecseri, 1970: 42). According to him, it is the translator’s task to reveal these connections, together with their musical structure.

Devecseri used Eduard Schmidt’s *Parallel-Homer* (1885) to identify recurring lines in Homer. In addition to reconciling the recurring elements, he also took care to reproduce numerous small details during the translation and revision process. He strove to reproduce the formal elements (the meter of the original text, the occasional rhymes, assonances, and alliterations of the ancient verses), to round off the lines of verse (avoiding enjambements), highlighting the characteristics of the original language, retaining the so-called “guard words”

(words beginning or ending lines of verse, Devecseri, 1961: 614), conveying the mood and etymology of words (in Devecseri's poetic formulation: their atmosphere, entourage, and roots, Devecseri, 1961: 616).

Often, several aspects were taken into account when correcting a single line, but it also happened that the new variant raised further problems from the perspective of Devecseri's own system of rules. Devecseri's working method – especially starting with the translation of the Iliad – was aimed at restoring the details one by one. During subsequent corrections, he returned to previously unresolved embellishments, and the expressions that were replaced, the adjectives that were added, the words placed at the beginning or end of lines, and the onomatopoeic or other musical elements often increased the linguistic strangeness of the text and made it more difficult to understand.

However, the variants are not only the result of subsequent refinement, but also a natural consequence of the translation process. Devecseri started from variants during translation, often typing several versions one below the other, and later selecting from among them; typescripts containing such variants typed one below the other have remained, for example, from the Catullus translations

and from key texts such as the opening lines of the Iliad. He usually first quickly drafted a translation of the entire work, then began to work out the details during the revisions (he marked unresolved formal phenomena with the symbols F, FF, and FFF in the margins of the typescripts), and wrote the corrected versions into the typescript by hand (based on which a new typescript was later prepared). Under each hexameter line, elements that can be inserted like a mosaic are lined up, typed under the corresponding part of the hexameter line, and if we substitute the expressions written under the line one by one, we get four or five variants of that line.

The table below (Table 1) systematizes the Hungarian variants of the first two lines of the Iliad and, for comparison, also gives the Greek original and an English prose translation.

During the translation process, Devecseri strove to arrange the lines in a similar order to the Greek, from a semantic, grammatical and, where possible, metrical point of view. This is why the postmodifying adjective is placed at the beginning of the second line, just as in the Greek. Devecseri took great care to retain the names of Greek mythological figures and peoples; his equivalent of Ἀχαιοῖς [Achaiois] is not Greeks, but Achaeans. In the first draft of

Table 1. Text variants of lines 1–2 of the Iliad, Book I

Source	Text
Iliad, Greek text (Homer 1999)	μῆνιν ἄειδε θεὰ Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος, / οὐλομένην, ἣ μυρὶ Ἀχαιοῖς ἄλγε' ἔθηκε
Iliad, English prose translation (Homer, 2019, 15)	Sing, O goddess, the anger of Achilles son of Peleus, that brought countless ills upon the Achaeans.
Typescript (Devecseri, Analekta)	Istennő, haragot zengj, Péleión Achileusét / vészest, mely az achájoknak szerzett sokezer kint
Typescript (Devecseri, Analekta)	Istennő, haragot zengj, Péleión Achileusét, / vészest, mely sokezer kint szerzett annyi achájnak
Typescript (Devecseri, Analekta)	Istennő, haragot zengj, Péleión Achileusét, / vészest, mely sok kint szerzett az acháj seregeknek;
Typescript (Devecseri, Analekta)	Istennő, haragot zengj, Péleión Achileusét, / vészest, mely sokezer kint szerzett minden achájnak
Homer 1952, 33.	Istennő, haragot zengj, Péleidés Achileusét, / vészest, mely sokezer kint szerzett minden achájnak
Homer 1967, 7.	Haragot, istennő, zengd, Péleidész Akhileuszét / vészest, mely sokezer kint szerzett minden akhájnak

the Iliad, we find several variants of the second line, typed one below the other. The reason for the correction was initially metrical: in the first version, the syllable *mely* “which” was followed by a word beginning with a vowel, which he later tried to avoid. In order to preserve the metrical structure of the hexameter, he was forced to insert adjectival constructions (*annyi achájnak* “for so many Achaeans”, *az acháj seregeknek* “for the Achaean troops”, and *minden achájnak* “for every Achaean”) through word order changes.

The first version of Devecseri’s translation of the Iliad was published in 1952. The key word of the first line of the Iliad, and indeed of the entire epic, is anger (*μῆνις* ‘*menis*’), which begins with a long syllable in Greek and a short syllable in Hungarian, so it cannot be placed at the beginning of a Hungarian hexameter if we adhere to the rules of prosody. Devecseri began the first version with the address to the goddess, but in the last version published during the translator’s lifetime (1967), he accepted the disruption of the meter and swapped the words “goddess” and “anger” in order to emphasize the key word. Based on the philological principle of *ultima manus*, this version was included in the text edition of the collected works (Homer, 1974: 9), and from there it found its way into textbooks and anthologies. The translation is not only metrically incorrect (it begins with three short syllables instead of a regular dactyl, which can only be resolved when reading if we consider the first syllable, which is stressed, to be long: this, however, is a procedure that Devecseri protested against countless times), but also ungrammatical in Hungarian.

However, the application of the *ultima manus* principle is not self-evident in the case of translations. After Devecseri’s death, various approaches to text editing have been used in various texts. During the translator’s lifetime, four different printed versions of Catullus’s poems were published, but after his death, there were text editors (Catullus, 1978) who did not consider any of them acceptable and chose to freely select from Devecseri’s line variants, thus creating line combinations that had never existed in Devecseri’s work before. “This work is thankless, if only because its results cannot

be objectively verified, and the responsibility lies entirely with the editor,” wrote János György Szilágyi (2011: 204) in his review of the method, considering this procedure based on editorial boldness to be justified “instead of the comfortable and mechanical, but in this case unjustified position of respecting the final text” (Szilágyi, 2011: 204), but he himself did not use the method when he edited Devecseri’s minor translations for publication. “The purpose of editing, beyond achieving the aforementioned possible completeness, could be nothing other than to establish and communicate the latest text claimed by the poet as his own,” he wrote in his editorial note (Szilágyi, 1979: 442). This does not always mean accepting the version that appeared in the last published work, but also involves taking into account the manuscript legacy. However, the dating of manuscripts and typescripts, and even their order of creation, is uncertain, which makes the application of this principle even more complicated. The most practical solution may be to strive for digital editions that allow for the publication of numerous variants and abolish the primacy of the main text.

Conclusion

This study has addressed the issue of the role of variants in philological and translation work. Reflecting on the cultural turn in philology, the first section has discussed the increased importance of variants and the prevalence of a dynamic conception of text over a static one, based on the relevant philological literature. In the second section, it has been demonstrated how this new approach to the material dimension of texts can be applied in translation studies, what role variants play in translation work, and how variants can be related to translation strategies. The multitude of variants is a natural part of translation work and also highlights the differences between the mechanisms of literary translation and original creation. In the third section, in a case study based on the manuscript material of Gábor Devecseri’s Hungarian translations of Homer, I have attempted to identify the mechanisms of translation variants in a concrete example, confirming the open-ended nature of the

translated text. When analyzing a translation text that is in a process of continuous transformation, instead of placing translation variants in a hierarchical relationship, it is more appropriate to take into account the polyphonic nature of the text, replacing the ideal of an unattainable perfect translation with the dynamics of variants.

References

- Alexeeva I. S. The Text as the Dominant Feature of Translation. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2011, 10(4), 1375–1384.
- Catullus C. V. *Poems* [Versei]. Ed. Zsolt, A. Budapest, Európa, 1978. 190.
- Cerquiglini B. *In Praise of the Variant. A Critical History of the Philology*, translated by Wing, B., Baltimore, London, The Johns Hopkins University Press, 1999, 93.
- Déri B., Kelemen P., Krupp J., Tamás Á. Preface. Philology as a Cultural Praxis [Előszó. A filológia mint kulturális gyakorlat]. In: *Metaphilology I. Text – variant – commentary* [Metafilológia 1. Szöveg – variáns – kommentár]. Budapest, Ráció, 2011, 9–44.
- Devecseri G. *Analekta. Literary Translations. Homer: Iliad* [Analekta. Műfordítások. Homérosz: Iliász]. Petőfi Literary Museum Manuscript Collection, Budapest. Gábor Devecseri estate. No. 1998/7 (manuscript)
- Devecseri G. *Workshop and Magic. Graeco-Roman Studies* [Műhely és varázs. Görög–római tanulmányok]. Budapest, Szépirodalmi, 1959, 323.
- Devecseri G. Epistle to Horace or the art of translation [Epistula ad Horatium sive de arte interpretandi liber. Levél Horatiushoz avagy a fordítás művészete]. In: Horatius, Q.F. *All the Poems* [Összes versei]. Budapest, Corvina, 1961, 601–623.
- Devecseri G. *A Guid to Homer* [Kalauz Homéroszhoz]. Budapest, Szépirodalmi, 1970, 460.
- Devecseri G. *The Advantages of Abdominal Stabbing. To Disprove Impermanence* [A hasfelmetszés előnyei. A mulandóság cáfolatául]. Budapest, Magvető, 1974, 494.
- Devecseri G. *Ancient Studies II. Workshop and Magic* [Antik tanulmányok II. Műhely és varázs]. Budapest, Magvető, 1981, 517.
- Homer. *The Iliad* [Iliás]. Translated by Devecseri, G. Budapest, Szépirodalmi, 1952, 422.
- Homer. *The Iliad* [Íliász]. Translated by Devecseri, G. Budapest, Európa, 1967, 456.
- Homer. *The Iliad. The Odyssey. Homeric Poems* [Íliász. Odüsszeia. Homéroszi költemények]. Translated by Devecseri, G. Budapest, Magyar Helikon, 1974, 967.
- Homer. *Iliad*. 1999. <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.01.0133> (accessed 20. April 2024).
- Homer. *The Iliad*. Translated by Butler, S. London, Arcturus, 2019, 384.
- Kardos L. *Sketches, Essays, Critiques. New Hungarian Literature* [Vázlatok, esszék, kritikák. Új magyar irodalom]. Budapest, Szépirodalmi, 1959, 463.
- Liu L. Chinese Translation Discourse: variational Translation Theory. Retrospect and Prospect. In: *International Journal of Education and Humanities*, 2023, 8(1), 91–96.
- Nagy G. Homeric Poetry and Problems of Multiformality: The ‘Panathenaic Bottleneck’. In: *Classical Philology*, 2001, 96(2), 109–119. <https://chs.harvard.edu/curated-article/gregory-nagy-homeric-poetry-and-problems-of-multiformity-the-panathenaic-bottleneck/>(accessed 10. December 2025).
- Németh L. *In the Grip of Responsibility. Signs for Society, 1945–1975. Essays, Studies, Journalistic writings* [A felelőség szorításában. Jelek a társadalomnak 1945–1975. Esszék, tanulmányok, publicisztikai írások]. Budapest, Püski, 2001, 1584.
- Polgár A. In the thick of variants. The phenomenon of the incompleteness of literary translation in the work of Gábor Devecseri [A variánsok sűrűjében. A műfordítás lezáratlanságának jelensége Devecseri Gábornál]. In: Misad Katalin – Csehy Zoltán (Eds.) *Nova Posoniensia VI. Yearbook of the Hungarian Department of Bratislava*. [Nova Posoniensia VI. A pozsonyi magyar tanszék évkönyve]. Bratislava, Szenci Molnár Albert Egyesület, 2016, 90–113.

Polgár A. "I cannot even ignore the veins in the leaves". Observations on Gábor Devecseri's Approach to Translation and his Working Methods as a Translator [„Még levelei erezetét se hagyjam figyelmen kívül”. Észrevételek Devecseri Gábor fordításszemléletéről és fordítói munkamódszeréről]. In: *Studia Litteraria*, 2024, 63(1–2), 41–57. DOI: 10.37415/studia/2024/1–2/41–57.

Ritoók Z. *Homer in Hungary. Additions* [Homéros Magyarországon. Adalékok]. Budapest, Pesti Kalligram, 2019, 328.

Schmidt C. E. *Parallel Homer or Index of all Homeric Iterati in Lexical Order* [Parallel-Homer oder Index aller homerischen Iterati in lexikalischen Anordnung]. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1885, 250.

Szilágyi J. G. *Plautus and its Hungarian Translation* [Plautus és magyar fordítása]. In: *Plautus. Comedies* [Vígjátékai]. Vol. II. Translated by Devecseri, G. Budapest, Magyar Helikon, 1977, 573.

Szilágyi J. G. Editor's Note. [Szerkesztői megjegyzés]. In: Devecseri G. *Golden Lyre. Minor Translations I*. [Arany lant. Kisebb fordítások I.]. Budapest, Magyar Helikon, 1979, 441–442.

Szilágyi J. G. *Above the Sea. Writings on Ancient Greek and Italian Cultures* [A tenger fölött. Írások ókori görög és itáliai kultúrákról]. Budapest, Gondolat, 2011, 386.

Tamás Á. Philology [Filológia]. In Kricsfalusi, B., Kulcsár Szabó, E., Molnár, G. T., Tamás, Á. (Eds.) *Media and Cultural Studies. Handbook* [Média- és kultúratudomány. Kézikönyv]. Budapest, Ráció, 2018, 65–78.

EDN: LPUMSK
УДК 81'42:372.881.111.1

Pragmatic Representations of Intercultural Communication in EFL Coursebooks

Sándor János Tóth^a, Erika Bertók^b
and Orsolya Kiss^b

^a*Comenius University
Bratislava, Slovak Republic*

^b*J. Selye University
Komárno, Slovak Republic*

Received 30.01.2026, received in revised form 05.02.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. The study investigates how intercultural communication is pragmatically represented in English (EFL) as a foreign language coursebooks used in secondary schools with special attention to the linguistic resources through which cultural meaning is constructed. Drawing on theories of intercultural pragmatics and discourse analysis, the study examines how speech acts, politeness strategies and interactional norms are presented in the selected coursebooks. The analysis focuses on the extent to which the materials included in the coursebooks reflect on cultural variety and intercultural processes or whether the selected coursebooks promote native-speaker-centric, homogenous models of communication. In case of the latter, the study argues that these representations may limit learners' intercultural pragmatic competence. The study discusses implications for the linguistic design of EFL coursebooks and emphasizes the importance of integrating intercultural pragmatics in coursebook design and development.

Keywords: intercultural communication, coursebook development, intercultural pragmatics, EFL, cultural variety.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics, EFL Pedagogy, Intercultural Communication.

Citation: Tóth S. Já., Bertók E., Kiss O. Pragmatic Representations of Intercultural Communication in EFL Coursebooks. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 640–648. EDN: LPUMSK

Прагматика межкультурной коммуникации в англоязычных учебниках

Шандор Янош Тот^а, Эрика Берток^б, Оршоья Кишш^б

^аУниверситет Коменского

Словацкая Республика, Братислава

^бУниверситет имени Яноша Шейё

Словацкая Республика, Комарно

Аннотация. В статье рассматривается проблема прагматики межкультурной коммуникации посредством учебников английского языка как иностранного (EFL), которые используются в качестве обучающего ресурса в средней школе. Особое внимание к данным лингвистическим ресурсам обусловлено их потенциалом конструирования культурных смыслов. Опираясь на теории межкультурной прагматики и дискурс-анализа, в статье рассматривается представленность речевых актов, стратегий вежливости и норм взаимодействия в выбранных для анализа учебниках. Исследование сосредоточено на том, в какой степени материалы, включенные в учебники, отражают культурное разнообразие и межкультурные процессы, и как в них передаются модели коммуникации, ориентированные на носителей языка. Изучение моделей коммуникации, ориентированных на носителей языка, позволяет утверждать, что они могут ограничивать межкультурную прагматическую компетенцию учащихся. В статье также обсуждаются последствия для лингвистического дизайна учебников английского языка как иностранного, подчеркивается важность интеграции межкультурной прагматики в их дизайн и разработку.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, разработка учебников, межкультурная прагматика, английский язык как иностранный, культурное разнообразие.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Тот Ш. Я., Берток Э., Кишш О. Прагматика межкультурной коммуникации в англоязычных учебниках. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 640–648. EDN: LPUMSK

Introduction

The spreading use of the English language as a global instrument of communication reflects the importance of intercultural communication within the field of English as a Foreign Language (EFL) education. Hua (2014) views language classrooms as the sites of intercultural communication, regardless of the reason for language learning. However, language and culture are closely linked in a particular context according to Hua (2014:

3–4). For speakers from diversified cultural and linguistic backgrounds around the world, the English language serves as a mutual international means. Efficient communication in the English language requires grammatical accuracy, still pragmatic consciousness and awareness of intercultural communication are equally important. By analysing the underlying meaning and rules of conversation and social interactions, pragmatics helps to understand intercultural communication in discourse.

Pragmatic competence is a necessary component of intercultural competence from the perspective of the relationship of intercultural experiences and pragmatic norms. Managing intercultural and social communication and the meanings behind it with high proficiency is a crucial part of intercultural communication, from which the knowledge of pragmatics is simply indispensable in culturally diverse contexts.

Coursebooks remain the central instructional materials within the EFL classroom, which interfere and represent linguistic, cultural and pragmatic knowledge as well. EFL coursebooks' representation of intercultural communication and pragmatics has a compelling role on the understanding and development of the intercultural context of learners. Promoting cultural variety and intercultural processes is a crucial part of coursebooks and should be preferred, and placed before native-speaker-centric and homogenous models of communication. Learners' intercultural pragmatic competence may be limited by these representations, and because of this, integrating intercultural pragmatics in coursebook design and development is extraordinarily important.

The present study focuses on the pragmatic representation of intercultural communication in EFL coursebooks used in secondary schools, with special attention to the linguistic resources through which cultural meaning is constructed. The main aim of this study is to investigate intercultural communication and interactions constructed in EFL coursebooks, and to explore to extent which they reflect variability of intercultural pragmatic representations.

Theoretical Framework

Conceptualising Intercultural Pragmatics and Discourse Analysis

While traditional pragmatics frequently provides linguistic interactions between speakers- 'I' and 'you' (Wierzbicka, 2003: 5), intercultural pragmatics explores the level of language interactions and interpretations of speakers from various linguistic and cultural backgrounds, communicating in a common language. Intercultural pragmatics, which also depicts a socio-cognitive perspective, assumes

that pragmatic meaning surfaces from speakers' cultural knowledge and communicative expectations, while focusing on language use (Kecskés, 2014: 15, 21). Hall (1959) claims that culture makes talking a "highly selective process", and this means that it emphasises some things at the expense of others while talking. According to him, no culture has ever invented a way to speak without this process. Hall also highlights how significant the Communication Theory (how information is given, received and understood while focusing on the meanings) is in order to detect what happens when people talk (Hall, 1959: 120). Discourse analysis examines the structure of cultural identities and social communication through analysing spoken and written texts. In other words, discourse analysis demonstrates how meaning works in language use. In addition, intercultural communication explains why these meanings work variously in divergent cultural contexts. From the point of view of the structure of the linguistic image of the world, lexical units play an important role, since the elements of the vocabulary are classifiers of reality. The linguistic image of the world is also formed by the forms of lexemes, which indicate how speakers determine certain phenomena (Tóth, 2015: 167). Discourse analytic studies of intercultural communication widely adopt this distinction, and may be a huge assistance in the analysis of EFL coursebooks.

According to Tareva, there are two basic keys for the success of intercultural communication. Firstly, the value system and priorities of the culture of the communication partner and the cultural and personal priorities, respect for interest and equality of cultural values should characterise the model of communication behaviour. Secondly, the topic of conversation, the choice of linguistic means and the speakers' behaviour determine the topic of conversation necessarily by knowledge, understanding and proper interpretation of an intercultural communication situation (Tareva, 2018: 1701).

Critical discourse analysis is an influential part of intercultural pragmatics and discourse analysis. Van Dijk defines Critical Discourse Analysis (CDA) as a discourse analytical research which studies how inequality is vali-

dated and maintained in written and spoken contexts. There is no special method used in CDA: however, many relevant methods from social sciences may be used. CDA focuses on social (and political) problems while explaining them through multidisciplinary analysis (Van Dijk, 2015: 466–467). Through the analysis of coursebooks, CDA may be useful in identifying the norms that become dominant in EFL teaching.

Intercultural Pragmatic Competence in EFL and Its Pragmatic Dimension

Intercultural pragmatic competence is a central part of successful communication in the English language in the EFL context. Intercultural pragmatic competence highlights the learners' capability of appropriate language usage and interpretation according to the cultural and social norms of cultures. The knowledge of the pragmatic dimension of intercultural competence and the development of pragmatic awareness helps to avoid misunderstandings in intercultural interactions. This idea may be supported by Hall's point of view, according to which no two languages are the same and each must be approached from a different perspective; moreover, there are some languages that are so different that they push the speakers into various realities (Hall, 1959: 121). Hall also claims that culture can be analysed into sets (words), isolates (sounds) and patterns (syntax) in order to understand communicative ways (Hall, 1959: 125).

According to Bennett (1998), most people see language only as a communication tool; however, it is also a system for thinking and perception. He claims that this directs speakers on how they experience reality, while this also captures interculturalists' attention. Bennett draws attention to the Whorf/Sapir hypothesis, which has two forms, namely a "strong form" (language determines how we understand reality) and a "weak form" (language, thought, and position are interrelated) (Bennett, 1998: 7–8). Tóth deals with the relevance of the Whorf/Sapir hypothesis to grammar (Tóth, 2018: 16–17) and course books. "The linguistic image of the world is most clearly accentuated in the course of learning foreign languages. Differences in

thinking are best revealed through interlinguistic connections, which we must parallel with the structure of the language when teaching a foreign language" (Tóth, 2015: 166).

Bennett insists that people's habitual and thought patterns are widely determined by culture and are embodied in communication behaviour and styles of communication (Bennett, 1998: 12). Intercultural pragmatic competence may help EFL learners to communicate more effectively. Authentic intercultural materials in EFL coursebooks may encourage learners during real-life context communication.

Socio-cognitive approach to intercultural pragmatics is a model designed by Kecskés that combines individual and societal factors, including cooperation and egocentrism. According to this model, which also serves as a theoretical framework to intercultural pragmatics, pragmatic meaning comes from the interaction of earlier experience and situational context. Kecskés claims that in a communicative process, the speaker and the hearer are equally important, however, their goals are different in these roles, and communication shapes them at the same time (Kecskés, 2014: 42, 46–47). Kecskés also says that in case of intercultural miscommunication, the fault is immediately sought in cultural differences; however, pragmatic competence may help to understand the problem on a deeper level (Kecskés, 2014: 59–60). In the EFL context, learners often have limited access to target-language pragmatic norms, and from this viewpoint, Kecskés' model helps to understand the importance of inclusion of intercultural pragmatics in the EFL classroom.

Pragmatic competence is primarily a developmental issue; however, it plays a huge role in intercultural communication. Kasper and Rose's model of pragmatic competence as seen by Kecskés, describes how a language learner is able to produce and comprehend discourses that is sufficient to the socio-cultural context and interaction of a second language (Kecskés, 2014: 64). According to Kecskés, selecting the proper words and expressions related to pragmatic competence is more important than syntax itself while learning a second language. (Kecskés, 2014: 71).

Kramch argues that language learners in a foreign language classroom construct their very own cultural context by creating conditions of classroom discourse, while language teachers are also teachers of the culture and create a context of cultures. These conditions may be the following ones: enunciation/communication and reception/interpretation (Kramch, 2004: 47–49). In Kramch's interpretation, learners continuously reinterpret the meanings (and the culture) of the target language. Thereby, they create a unique hybrid cultural context. This idea may also be connected to CDA. The EFL classroom becomes a place for cultural mediating.

Theoretical Approaches to Analysing Pragmatics in EFL Coursebooks

Coursebooks play a central role in learners' communicative competence in the EFL classroom, so it is essential to examine their intercultural pragmatic content. Hua draws attention to approaches to how culture can be included in the classroom. Culture may be used as a pedagogic device in order to contextualise language learning while trying to catch the learners' interest. According to the approach of culture-and-language, culture is a form of distribution among a group of people. However, while prioritising the target language culture, teachers must not disregard the importance of the own linguistic and cultural background of learners (Hua, 2014: 3–7). Hou also deals with the importance of cross-cultural differences, mainly focusing on communication styles. High context communication (most of the information is in the person, and little is coded) and low context communication (the mass of the information is coded) shed light on the importance of whether an expressed message that is based on context depends on the extent of information networks people have access to. This idea comes from Hall and is supported by many other studies, as summarized by Hua; however, these studies have demonstrated that linguistic features of culture prefer a high context style (Hua, 2014: 95–96). Hall also explains that cultures cannot be specifically categorised into high-context or low-context but rather they move on a continuum between the

two. According to Gudykunst, low- and high-context communication are the ruling forms of communication in every culture, the level of context determines communication's aspects (Gudykunst, 2004: 57–58). Puskás claims that this differentiation is exceptionally practical for understanding dissimilarities in communication and the directness and indirectness of cultures (Puskás, 2024: 13–14). However, Ishihara draws attention to the problem that EFL coursebooks are based on the intuition of the curriculum writers, so dialogues within may be inauthentic and show idealised conversations, and they do not represent natural pragmatic conversations (Ishihara, 2010: 146).

Speech Act Theory has an influential role in pragmatics, which focuses on how learners are presented with functions in a language, such as requesting, apologising or refusing. According to Spencer-Oatey, speech acts may differ in cultures, and in order to properly examine them, cross-cultural speech act studies should be taken into consideration (Spencer-Oatey, 2008: 23). Successful communication depends on the knowledge of intercultural pragmatics, and the EFL context is no exception from this. EFL teaching should also focus on native models of speech acts in addition to focusing on other aspects of intercultural pragmatics.

Politeness theory plays a significant role in the pragmatic analysis of EFL coursebooks. Brown and Levinson's face-saving model is a key model in politeness theory, according to Spencer-Oatey. In relevance to this model, there are two aspects, a negative face and a positive face, where a negative face serves as a desire for autonomy, while a positive face represents a desire for approval. However, this model had been criticised by other linguists for being ethnocentric and for a limited appropriateness to non-Western contexts (Spencer-Oatey, 2008: 12–13). Spencer-Oatey's rapport management model, which is close to the concept of politeness theory and pragmatics, may also be suited for intercultural discourse analysis. Spencer-Oatey claims that people may feel vulnerable in three ways, namely through face-threatening behaviour, rights-threatening behaviour and goal-threatening behaviour. With this, she implicates how hard it is to manage rapport prop-

erly and effectively, and she indicates that all use of language (speech acts and aspects, too) can influence rapport (Spencer-Oatey, 2008: 17–20). Theoretical approaches to analysing intercultural pragmatics in EFL coursebooks provide valuable tools for evaluating the depth and quality of pragmatic input.

A Comparative Coursebook Analysis

The primary aim of the study is to investigate how intercultural communication is pragmatically represented in EFL coursebooks used at the secondary school level. The main objective is to examine whether these materials reflect intercultural variety or promote native-speaker-centric communication models that may limit learners' intercultural pragmatic competence.

Research Questions

1. Do EFL coursebooks acknowledge pragmatic variation across cultures?
2. Do EFL coursebooks address potential sources of pragmatic failure in intercultural communication?
3. Do EFL coursebooks include examples of diverse English-speaking contexts (not just British or American English)?

Methodology

This study applies a mixed-methods approach combining quantitative and qualitative discourse analysis, which allows an in-depth examination of how cultural meaning is constructed. Three internationally used, intermediate level EFL coursebooks were selected by Oxford University Press: *English File*, *Solutions* and *Headway*. A page-by-page analysis was conducted to assess the quantity and qual-

ity of pragmatic content, i.e. speech acts, in the chosen EFL student books based on the two taxonomies, Searle's (1976) and Barrett et al.'s (2014). These models provide the most comprehensive approach to examining pragmatic and intercultural features in L2 studies.

In the first stage of the study, pragmatic content was identified in dialogues, explanations, and activities centered on speech acts. Then, speech acts were examined qualitatively to determine whether they are culturally neutral or they promote intercultural variations. Additionally, Barrett et al.'s framework was applied to assess whether the selected coursebooks foster learners' intercultural competence.

Data Collection and Analysis

Speech acts

As Phaisarnsitthikam (2025) points out, categorizing and analysing all types of speech acts found in EFL coursebooks would be impractical and would require a lot of time and resources. Drawing on Phaisarnsitthikam's (2025) study, only selected speech acts were analysed. The selected speech acts can commonly be found in EFL coursebooks and are relevant to communicative language use, thus making them suitable for this study.

The selected speech acts are *apologies*, *expressions of empathy*, *greetings*, *invitations*, *offers*, *promises*, *refusals*, *requests*, *suggestions* and *well-wishes*.

The selected coursebooks were analysed and compared based on the number of tasks and pages containing the selected speech act. The results were arranged and analysed based on individual coursebooks.

The highest percentage of pages containing a speech act was 17,64 % (*Headway*), while

Table 1. Results of the appearance of speech acts in the selected EFL course books

Course book	Number of (relevant) pages	Pages containing speech acts	Percentages of pages containing speech acts	Number of tasks containing speech acts	Number of speech act types (10)	Total number of speech acts
English File	121	21	17,35 %	22	9	34
Solutions	116	16	13,79 %	16	10	32
Headway	119	21	17,64 %	24	10	45

the lowest was 13.79 % (Solutions). The difference between the percentages of pages containing speech acts in *English File* and *Headway* is insignificant. The coursebook, *Headway*, includes the highest total number of speech acts (45) and the widest range of the then selected speech act types.

The selected speech acts are all highly relevant to intercultural encounters, but they are used in general ways, rather than as culturally embedded practices. In the selected course books, speech acts are presented as if they were culturally uniform, with no explicit indication that their usage may vary across English-speaking communities or across users with different first languages. None of the books contain speech acts that point out differences between accents, varieties of English, or non-native speaker norm, nor do they draw learners' attention to how speakers from different cultural backgrounds might apologize, refuse or make requests differently. The coursebook do not explicitly compare how different cultures use the selected speech act, learners mostly see one default way of interacting, usually based on British or American norms, even when characters are shown as coming from other countries. As a result, speech acts are presented in a single native-speaker model, which reduces learners' chances to notice how pragmatics can vary across cultures and to build intercultural awareness for real-life communication.

Intercultural perspective

Barrett et al. (2014) categorizes intercultural competence into five components: attitudes, knowledge and understanding, skills and actions. The study examines how the selected student books promote interculturality.

Among the three selected EFL course books, *English File* promotes interculturality to the greatest extent. There are texts about people who have different cultural backgrounds, e.g. a text about a Greek cook who became successful in London. It also contains a short text about stereotypes, including cultural stereotypes. However, it does not contain any material on cultural diversity, nor does it raise communicative awareness. Interculturality in the *English File* course book is mainly covered visually and

through some listening tasks. In the latter case, one non-native English speaker can be heard and in two cases, other countries and nationalities are mentioned (e.g. saying hello in different languages). According to Barrett et al.'s categorization, two intercultural components are improved, i.e. attitudes and knowledge.

On the other hand, the *Solutions* coursebook offers opportunities to develop intercultural skills and knowledge. There are multiple tasks where students have to discover and interpret information about other cultures (both writing and speaking tasks). This coursebook includes one text about ethnic minorities in the UK, promoting the idea of interculturality, however, considering the units and length of the book, this is marginal. Listening tasks with non-native speakers are not included in the *Solutions* coursebook.

Intercultural competence is least promoted in the *Headway* coursebook. There are a few texts about different non-native speakers of English, but the focus of the text is never on their cultural background. There is one listening task connected to languages, where a non-native speaker shares his family's story of being multicultural. In the case of the *Headway* course book, two intercultural components were included, attitudes and knowledge.

It can be stated that all three books included intercultural competences, however, neither of the books focused on the most relevant component, which is action. As Barrett et al. (2014) highlighted, an individual can only be considered to be credited with intercultural competence, when they are able to apply all their intercultural knowledge, understanding, skill and attitudes.

Results and Discussion

The aim of the study was to examine the extent to which speech act are represented in EFL coursebooks whether these pragmatic features promote interculturality.

Barrett et al. (2014) categorized intercultural competence into five components. Based on their categorisation, the selected coursebooks rarely connect the teaching of speech acts with the developing intercultural competence. There are certain activities that help

learners practice requesting, apologising, inviting, or refusing, but usually in neutral situation that do not promote differences across cultures. None of the selected coursebooks address potential sources of pragmatic failure in intercultural communication. Consequently, learners are not guided to understand why a particular speech act might be perceived as rude, distant, or overly familiar, moreover, they are not offered strategies for adapting their language to different speakers. This suggests that although speech acts appear frequently in the selected EFL coursebooks, their usage for intercultural learning remains very limited.

Barrett et al. (2014) argue that intercultural competence requires learners to put attitudes, knowledge, and skills into action. In the selected coursebooks, action-oriented tasks are largely absent. Learners are not asked to interpret intercultural misunderstandings or choose from culturally appropriate ways of using speech acts. Role-plays and communicative activities are present, but they mostly practise set phrases in simplified situations, instead of engaging realistic, intercultural scenarios where cultural understandings are different. As a result, learners are not encouraged to experiment with ways of performing speech acts across cultures, which would be essential in developing intercultural competence.

The findings of the study indicate that although speech acts and some intercultural themes are included in the selected coursebooks: *English File*, *Solutions*, and *Headway*; interculturality is not emphasized, and the representation of speech acts remains largely native-speaker oriented, which provides limited support for the development of learners' intercultural pragmatic competence.

Conclusion

The main aim of the study was to investigate how intercultural communication is prag-

matically represented in three widely used, intermediate level EFL coursebooks and to determine whether they reflect intercultural diversity, or promote native-speaker oriented communication. The quantitative analysis showed that speech acts are moderately present across all three books, with *Headway* containing the highest total number and range of the selected speech act types. However, qualitative findings revealed that these speech acts are treated as culturally uniform, and there is no indication that they can vary across languages or cultures.

Concerning the research questions, the coursebooks do not address cross-cultural pragmatic variations in any systematic way. Potential sources of pragmatic failure in intercultural communication are not addressed, and learners are not provided with strategies to resolve such misunderstandings.

Concerning the representation of English-speaking contexts, the analysis showed that the three coursebooks remain strongly native-speaker focused. While all three books include some elements of intercultural competence, none of them focus on the action component. Tasks that would require learners to get actively involved in intercultural communication, or adapt their speech acts to different situations are largely absent.

Overall, the findings suggest that although *English File*, *Solutions*, and *Headway* incorporate speech acts and some intercultural themes, they do not develop intercultural pragmatic competence. Future textbook design and classroom practice would benefit from integrating cross-cultural comparisons of pragmatic norms, including a broader range of English varieties, and the integration of interculturally rich tasks that foster learners' ability to notice, interpret, and perform speech acts in diverse and intercultural communicative settings.

References

- Barrett M., Byram M., Lázár I., Mompoin-Gaillard P. & Philippou S. *Developing intercultural competence through education*. Strasbourg, Council of Europe Publishing, 2014, 128.
- Bennett M. J. Intercultural communication: A current perspective. In: *Basic Concepts of intercultural communication: Selected reading*, ed. Milton J. Bennett, Intercultural Press, 1998, 7–8, 12.

- Falla T., Davies P. A. *Solutions Third Edition Intermediate Student's Book*. Oxford, Oxford University Press, 2020, 144.
- Gudykunst W. B. *Bridging Differences. Effective Intergroup Communication. 4th Edition*. The United States of America, Sage Publications, 2004, 342.
- Hall E. T. *The Silent Language*. Garden City, Doubleday & Company, 1959, 235.
- Hua Z. *Exploring Intercultural Communication. Language in Action*. Milton Park, Routledge, 2014, 278.
- Ishihara N. Adapting textbooks for teaching pragmatics. In: *Teaching and Learning Pragmatics. Where Language and Culture Meet*, ed. Ishihara, N., Cohen, A.D., London, Pearson, 2010, 146.
- Kecskés I. *Intercultural Pragmatics*. Oxford, Oxford University Press, 2014, 277.
- Kramersch C. *Context and Culture in Language Teaching. Sixth Impression*. Oxford, Oxford University Press, 2004, 295.
- Latham-Koenig C., Oxenden C., Chomacki K., Lambert J. *English File Intermediate Student Book, Fifth Edition*. Oxford, Oxford University Press, 2025, 175.
- Phaisarnsitthikarn J. The Presentation of Speech Acts in EFL Textbooks Used in Primary and Secondary Schools in Thailand. In: *rEFLECTIONS*, 2025, 32(2), 1076–1098.
- Puskás A. Encounters of Generations and Low/High cultures: Intercultural Communication in Amy Tan's *The Joy Luck Club*. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2025, 18(1), 12–20.
- Searle J. R. A Classification of Illocutionary Acts. In: *Language in Society*, 1976, 5(1), 1–23.
- Soars L., Soars J., Hancock P. *Headway 5th Edition Intermediate Student's Book*. Oxford, Oxford University Press, 2019, 160.
- Spencer-Oatey H. *Culturally Speaking. 2nd Edition. Culture, Communication and Politeness Theory*. London, Continuum, 2008, 363.
- Tareva E. G., Tarev B. V. Cases on Intercultural Communication: New Approach to Design. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2018, 10(11): 1699–1710.
- Tóth S. J. Linguistic Picture of the World in the Textbooks of Slovak and Hungarian as Foreign Languages. In: *Jazyk v politických, ideologických a interkultúrnych vzťahoch*, ed. Ondrejovič, S., Bratislava, VEDA, 2015, 163–178.
- Tóth S. J. The Image of the World in Slovak and Hungarian Grammaticalised Categories. In: *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2018, 12(4), 15–27.
- Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis. In: *The Handbook of Discourse Analysis*, Second Edition, ed. Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D., Hoboken John Wiley & Sons, Inc., 2015, 466–467.
- Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantic of Human Interactions*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2003, 497.

EDN: IJLASS
УДК 82.09

Letters to the Editor of a “Thick” Magazine: Ethics, Pragmatics, and Pragmasemantics of Politeness

Iuliia A. Govorukhina*

*Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russian Federation*

Received 02.10.2025, received in revised form 01.11.2025, accepted 09.02.2026

Abstract. The article focuses on a letter to the editor as a judgment of a non-professional reader. Once published, it becomes a statement of the magazine, is endowed with additional addressees, serves as a means of accumulating symbolic capital and a weapon in polemics. The study analyzes politeness formulas in the letters as strategies for shaping an appealing image of the magazine and its in-group readership, delivering veiled insults to opponents, and signaling the existence of ideological opposition between magazines. Letters published in *Nash Sovremennik* construct an idealized image of a flawless, genuinely popular magazine. In contrast, letters of liberal magazines are sharper and more emotionally diverse, they are published as evidence of a liberal position, openness, and democracy. The pragmatic-semantic perspective of understanding the forms of politeness made it possible to identify the effect of blurring the subject, to comprehend the phenomenon of creating a letter not by the subject, but by the context in which a certain set of scenarios exist.

Keywords: contemporary literary critics, literary magazine, “thick” magazine, readers’ letters, letters to the editor, politeness, verbal aggression, pragmatics of politeness, pragmasemantics

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theory and History of Literary Critics, Problems of Reception of Literary Text, Contemporary Russian Literature, Pragmatics of Critical Text.

Citation: Govorukhina Iu.A. Letters to the Editor of a “Thick” Magazine: Ethics, Pragmatics, and Pragmasemantics of Politeness. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 649–659. EDN: IJLASS

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: IGovorukhina@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-2675-5909

Письма в редакцию «толстого» журнала: этика, прагматика и прагмасемантика вежливости

Ю.А. Говорухина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Российская Федерация, Калининград

Аннотация. Объектом внимания в статье является письмо в редакцию как суждение непрофессионального читателя. Будучи опубликованным, оно становится высказыванием журнала, наделяется дополнительными адресатами, служит средством накопления символического капитала и оружием в полемике. Формулы вежливости в письмах анализируются как средство создания привлекательного образа журнала и «своего» читателя, как завуалированное оскорбление противника, как индикатор существования журнальной оппозиции. Доказывается, что письма, публикуемые в «Нашем современнике», создают идеальный образ журнала, безупречного в своей деятельности, истинно народного; письма в либеральных журналах более резкие, эмоционально разноплановые, публикуются как доказательство либеральной позиции, открытости, демократичности. Прагмасемантический ракурс осмысления форм вежливости позволил выявить эффект размывания субъекта, осмыслить феномен создания письма не субъектом, но контекстом, в котором существует некоторое множество сценариев.

Ключевые слова: современная литературная критика, литературный журнал, «толстый» журнал, письма читателей, письма в редакцию, вежливость, речевая агрессия, прагматика вежливости, прагмасемантика.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Цитирование: Говорухина Ю. А. Письма в редакцию «толстого» журнала: этика, прагматика и прагмасемантика вежливости. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 649–659. EDN: IJLASS

Введение

Традиционно в структуру литературно-критической деятельности включают три главных компонента: автора/произведение, критика и читателя. Срединное положение в ней критика позволяет говорить о диалоге с разными адресатами: с художественным произведением как воплощением «ответа» и результата осмысления бытия; вопрошающим автором; читателем как носителем своих вопросов и ответов; самим собой вне роли критика. Однако сфера диалога может быть расширена до литературно-критического сообщества и далее до иных социальных

институтов в зависимости от масштаба интенции критика.

Литературно-критическое суждение как сообщение с несколькими адресатами требует системного, междисциплинарного исследования, которое при обращении к разным методологическим ракурсам (социологическому, историко-функциональному, семиотическому, лингвопрагматическому и др.) способно дать представление обо всем множестве взаимодействий между агентами литературного (и шире – социального) поля, о неявных способах конструирования групповой идентичности и «своего» читателя,

о формах полемики, существующей между литературными журналами в ситуации, когда уровень видимой оппозиционности снизился. Письмо в редакцию как специфическое литературно-критическое суждение непрофессионального читателя – материал, который обладает несомненным потенциалом для исследования: будучи опубликованным и вписанным в контекст номера/журнала в целом, оно наделяется еще одним адресатом и еще одним прагматическим посылом. Подразумеваемым адресатом становятся все читатели журнала, как «свои», так и «чужие». В этом случае письма оказываются средством накопления символического капитала и участвуют в идеологической и эстетической журнальной полемике. В качестве средства приращения капитала они эффективны, поскольку включают эмоции и голос того самого читателя, ради которого журнал существует. Его (читателя) одобрение должно свидетельствовать о верной политике журнала. Таким образом, опубликованное письмо становится высказыванием с формальным и расширенным адресатом: это высказывание конкретного читателя и одновременно высказывание журнала. Все элементы письма, в том числе и формулы вежливости, могут быть осмыслены в контексте данного прагматического коммуникативного контекста. В этом случае необходимо говорить о разной степени осознаваемой и разноплановой коммуникативной стратегии, под которой мы понимаем план осуществления некоторого коммуникативного воздействия в заданных условиях речевого общения.

Концептологические основания исследования и методология

В нашем исследовании мы опираемся на труды основателей теории вежливости Патриции Браун и Стивена Левинсона, определивших вежливость как систему стратегий, поведение, направленное на сохранение «социального лица» (т.е. позитивного образа самого себя в глазах общества) коммуниканта посредством смягчения «лицоугрожающих» речевых актов (Brown, 2014: 65). Актуальны для нас понятия «позитивная вежливость» (выражение соли-

дарности, включения собеседника и других лиц в одну группу с говорящим) и «негативная», предполагающая сохранение дистанции и проявляющаяся в использовании косвенных (неоднозначных) речевых актов, намёков, в самоограничении говорящих. Увидеть прагматическую стратегию авторов писем и редакций журналов позволяет опора на исследования Т.В. Лариной (Larina, 2009), О.С. Иссерс (Issers, 2008), Е.А. Земской (Zemskaja, 2005), в которых вычленяется набор речевых действий и тактик для реализации каждого типа вежливости, обосновывается, что вежливость – имплицитная категория прагматического характера, которая управляет речевым поведением людей.

Обращение к толстожурнальной критике как сформировавшейся общности обусловило обращение к теоретическим положениям Р. Ратмайр, а именно к суждению о том, что русская культура, в отличие от западных, культура «вежливой солидарности». Исследователь замечает, что она предполагает подчеркивание принадлежности собеседников к области «своего» круга лиц, наличия чего-то общего с собеседником (Ratmair, 2013: 147–148). Это актуально и для журнальной критики, демонстрирующей выстраивание коллективной идентичности вокруг ключевых ценностей, авторитетных фигур и текстов.

Перспективным для нашего исследования представляется дискурсивный постмодернистский подход к вежливости как к особой социальной практике (Kadar, Naugh, 2013), при изучении которой стоит концентрироваться не только на ее языковых выражениях, но и на контексте, в котором она функционирует. Это важно для нас, поскольку патриотический и либеральный журнальный дискурс задает свои представления о вежливости и формах ее использования как оружия в полемике. Вслед за D. Kadar и M. Naugh мы осознаем важность прояснения и учета эпистемологической перспективы, ракурса видения рассматриваемого явления и разделяем позицию исследователей: понимание возникает в интерфейсе тех, кто воспринимает

мир и воспринимаемую социальную реальность. Вежливость/оскорбления участников журнальной оппозиции рассматриваются относительно того поля, в котором они воспринимаются и в котором формируются оценки вежливости. При этом учитываются интенции и реакции участников и метаучастников коммуникации.

Выход в сферу интерфейса (мета)коммуникации позволяет привлечь в качестве еще одной методологической базы прагматический подход, который позволяет осмыслить процесс создания смысловых структур и их текстуализацию, а также феномен размывания субъекта. Мы опираемся на исследования основателя прагматической С.Т. Золяна (Zolian, 2022, 2024), в которых проблема смыслообразования изучается в связке с социокультурными практиками.

Формы вежливости как средство создания привлекательного образа журнала и «своего» читателя

Формулы вежливости в наиболее явном виде встречаются в начале и в конце писем читателей. Это чаще всего формы уважительного приветствия: «Уважаемый/дорогой Станислав Юрьевич!», «Глубоко чтимый Станислав Юрьевич!», «Уважаемая редакция!» и т.п., или завершающего компонента текста: «С уважением,...», «С неизменным почтением,...», «Всего доброго Вам и Вашему журналу» и т.п. Формально диктуемые законами жанра, они начинают выполнять дополнительную прагматическую функцию на страницах журнала: свидетельствуют о признании читателя, о наличии «своего» читателя. Приветственные и заключительные фразы нередко воспринимаются как обязательные клише, но в структуре «толстого» журнала, участвующего в борьбе за символический капитал (за читателя в том числе), формальный компонент оказывается воспринятым как значимый, предполагающий посыл: «у нас есть свой читатель, нас уважают, ценят». И со стороны случайного читателя: «у них есть свой верный читатель, их уважают и ценят».

Прагматически близкий смысл имеют признания в верности журналу: «Для меня быть автором “Нашего современника” – большая радость и большая честь» (Наш современник (далее – НС), 2016, № 10); «Мы выписываем Ваш журнал уже более 20 лет. В последние годы советской власти журнал брали в библиотеке и тоже читали. Мы являемся читателями журнала “Наш современник” не менее 40 лет. Сначала – старшее поколение, наши родители (отца, участника Великой Отечественной войны, умного и бесконечно доброго и светлого человека, уже нет на этом свете), затем присоединились и мы с мужем, а сейчас и дети читают» (НС, 2020, № 3); «В “застойные” годы я выписывал массу журналов и газет, теперь получаю только один журнал – НС» (НС, 2020, № 1). Эти и другие признания создают образ исключительного издания – единственного среди прочих, что, безусловно, создает веру в ценность журнала.

Благодарность как форма вежливости – еще одно «общее место» в письмах в редакцию. Отметим, что письма с благодарностью в адрес главного редактора, казалось бы, персонально обращенной, в большом количестве публикуются в «Нашем современнике». Размещенные в разделе «Письма в редакцию», они приобретают новое качество, коммуникативно и прагматически наделяются дополнительными адресатами, метонимически соотнося Ст. Куняева (главного редактора, идеолога, вдохновителя, стратега) и весь журнал. Если в либеральных журналах проявление благодарности сдержано, то в патриотических представлено развернуто, масштабно, выражается от лица всего народа: «Хочется сказать Вам [Ст. Куняеву – Ю.Г.] слова благодарности за Вашу подвижническую деятельность на благо России, русских людей» (НС, 2020, № 3); «Дорогой Станислав Юрьевич! Вас – мафусаила, ильмуромца, алыпбатыра, вождедержателя лучшего литературного журнала России...» (НС, 2020, № 1); «Вы – слава и драгоценное достояние народа русского...» (НС, 2019, № 12), «Станислав Юрьевич, не “этот”, Вы – тот самый: не просто главный редактор народно-

го журнала, но и заслуженно НАРОДНЫЙ писатель. <...> Я лишь озвучиваю или, как сейчас принято выражаться, транслирую народное мнение» (НС, 2019, № 12).

Усиливает комплиментарный эффект признание преобразующей, оздоравливающей силы воздействия журнала. «После таких материалов чётко понимаешь, кто есть кто, фамилии-то все знакомые... насколько были бы мы беднее, если бы всего этого не читали!» (НС, 2018, № 9); «Каждый раз, когда беру в руки "Наш современник" и читаю, я всегда испытываю его благотворное влияние» (НС, 2016, № 10); «После прочтения статьи "Вставай, страна огромная" <...> в моей тревожной душе стало спокойнее и теплее» (НС, 2016, № 10). Образы компаса, ориентира, путеводной звезды, с которыми сверяются читатели, – сквозные в письмах, создают образ журнала-транслятора верных ценностных установок: «Недавно вновь перечитывали всей семьей Ваш двухтомник "Поэзия, судьба, Россия", хотелось свериться с Вашими оценками некоторых поэтов и писателей» (НС, 2020, № 3).

В литературной критике и публицистике НС последовательно создается героический образ журнала-борца и авторов-бойцов за Россию. Публикуемые письма с образным рядом борьбы, с одной стороны, комплиментарно поддерживает этот образ, с другой – свидетельствует о том, что образ «работает», существует в сознании читателя: «Желаю Вам крепкого сибирского здоровья и по-прежнему неугасаемой стойкости и отваги в борьбе с недугами России и русской литературы ...» (НС, 2020, № 1); «"Наш современник" – это <...> это бастион, где никогда не сдавали и не сдают русской поэзии» (НС, 2017, № 2); «По всем, по всем направлениям идёт скрытая атака на нас, и многие русаки даже не замечают этого» (НС, 2017, № 2); «Поклон Вашим боевым соратникам» (НС, 2019, № 1).

Романтизируется посредством героизации не только сам журнал, но и читатель, сделавший выбор в его пользу и таким образом включившийся в борьбу, опасную и непримиримую в противостоянии врагу. Общим местом является замечание о том,

что власти боятся журнала: «Найти ваш журнал в провинциальной библиотеке не просто. У властей предрасположены журнал не в чести. Похоже, они боятся его, как чёрт ладана» (НС, 2019, № 11); «Меня уже предупреждали о том, чтобы я забыла о Вашем имени» (НС, 2019, № 1).

Другая составляющая образа – НС как преемник классики. Русская классика – тот символический капитал, который многие годы небезуспешно использует патриотический журнал. Любое сравнение со знаменитыми писателями-реалистами, включенными в литературный канон, оказывается прагматически важным: «Меня поражает Ваше бескорыстие, отсутствие творческой ревности, зависти к таланту, желание поведать читателям об интереснейшем авторе. Так Пушкин раздаривал сюжеты задуманных им произведений коллегам по перу» (НС, 2019, № 11); «Я уверен, что "Наш современник" – прямое продолжение пушкинского "Современника", в котором наш великий поэт собрал всё лучшее в литературе своего времени, что родила русская земля» (НС, 2016, № 10).

Итак, формулы вежливости активно используются авторами писем в редакцию как знаки признательности, уважения, благодарности. И это один ракурс видения позитивной коммуникации. Но будучи опубликованными, они оказываются частью прагматической стратегии приращивания символического капитала в ситуации эстетико-идеологического противостояния. Знаки вежливости оказываются развернутыми от персоналии к группе/журналу, приобретают дополнительное значение и дополнительных адресатов, включаясь в метакоммуникацию-полемику.

Вежливые формулы как завуалированное оскорбление в либеральных журналах

Письма, публикуемые НС, создают идеальный образ журнала, безупречного в своей деятельности, истинно народного. Публикации в либеральных изданиях модально более неоднородны. Помимо более сдержанной положительной оценки они

включают такие формы вежливости, которые вплетены в претензию. Так, М. Каган, возмущенный публикацией в «Звезде» статьи Б. Парамонова «Пушкин – наше ничто», пишет: «...должен ли серьезный, уважаемый петербургский журнал публиковать плоды такого, бесконечно далекого от науки, рукоделия, даже если учесть, что наш кружевник является членом редколлегии журнала? Но ведь не единственным...» (Звезда, 2000, № 3). В данном отзыве вычленяется и комплиментарная часть, и намек на несоответствие высокому статусу, и упрек в адрес членов редакции.

Внимая вежливость слышится в письме Л. Матрос, несогласной с отзывом А. Куника о ее романе «Презумпция виновности». Журнал «Звезда», опубликовавший «паквиль», должен разделить, в представлении автора, ответственность за размещение оскорбительного критического текста. Формулы вежливости в начале письма («Я бы и не опустилась до того, чтобы обсуждать его по существу, даже не стала бы дочитывать до конца, если бы он не был опубликован в российском журнале, известном своей историей, профессиональным уровнем и почтенной редколлекцией» (Звезда, 2011, № 2) должны быть интерпретированы скорее не как знак уважения, а как порицание, указание на несоответствие озвучиваемого высокого статуса журнала и факта разрешения на публикацию непрофессионального оскорбительного отзыва.

В отличие от патриотических, либеральные журналы предоставляют свои страницы для выражения читательских претензий, фиксации неточностей/ошибок, оправданий¹. Более драматичные и эмоционально разноплановые, эти письма чаще обращены к конкретным лицам – авторам отдельных публикаций. В большинстве случаев журнал, редакция, редактор не упоминаются, однако факт публикации письма и в этом случае расширяет прагматическую

силу последнего. Прибавляются адресаты: редакция журнала, читатели журнала. Прибавляется невербализованный посыл редакции: «мы публикуем разные мнения, мы честны в предоставлении равных возможностей для публикации оценок наших читателей, мы открыты, демократичны». Так, журнал «Знамя» публикует возмущенное письмо-отклик М. Фролова на статью В. Есипова, в которой последний нелестно отзывается о публикации, посвященной деятельности Ю.Г. Оксмана. Формально вежливое пожелание («Я от всей души желаю Валерию Есипову не счесть за труд познакомиться с этими публикациями – может быть, тогда он будет осторожнее в следующий раз и не обидит своим “снисхождением” ни в чем не повинного исследователя» (Знамя, 2014, № 8) содержит и поучение, и оправдание в глазах читателя, и, по сути, завуалированное обвинение в непрофессионализме. В. Есипов, в свою очередь, также не пренебрегает формулами вежливости, при этом используя их как одно из средств выражения сарказма. Он переводит ситуацию, представленную как личное оскорбление, в общий план проблемы забывания творческого наследия Ю.Г. Оксмана: «Выражая сочувствие уважаемому М. Фролову в связи с его огорчениями, вынужден заметить, что я не менее огорчен его письмом, в котором, к сожалению, обнаруживается полное непонимание и смысла, и пафоса моей статьи, касающейся печальной судьбы Ю.Г. Оксмана и его научного наследия. Ведь не в частностях и не в личных самолюбиях дело, а в том, что до сих пор остаются неисследованными важнейшие этапы биографии выдающегося ученого и находятся в забвении его труды» (Знамя, 2014, № 8). В. Есипов, как и М. Фролов, апеллирует к читателю, пытаясь заручиться его поддержкой: «В связи с этим мне, да и, наверное, всем читателям “Знамени”, хотелось бы прежде всего узнать, что намерены сделать в ближайшее время для исправления сложившейся ситуации (очень некрасивой, надо заметить) упомянутые в статье <...> ИМЛИ и ИРЛИ». «Смею уверить» в высказывании «Смею уверить М. Фро-

¹ Например, возмущенное письмо-отклик Н. Катерли на эссе Д.В. Бобышева «Мстительные овощи» (Звезда, 2007, № 6); письмо С. Букчина с фиксацией ошибки, допущенной в одной из публикаций «Знамени» (Знамя, 2013, № 5) и др.

лова, что имею привычку изучать историю любого вопроса, о котором берусь писать, и практически все его собственные работы по этой теме мне знакомы» – пример ложной вежливости, когда уважительная формула убеждения не поддерживается интенцией уважения. Кроме того, В. Есин использует прием озвучивания отсутствующего намерения, внешне оформляя его как проявление уважения к оппоненту: *«Сознательно не упомяну мною, скажем, статья М. Фролова в «Вопросах литературы» (2011, № 2), где, как говорит автор, “обо всех обстоятельствах трагической судьбы ученого было написано подробно” – именно по той причине, что статья, при всей ее документированности, содержит вопиющие пробелы, ярко показывающие, что автору вовсе неизвестен фундаментальный документ – следственное дело Ю. Г. Оксман. Это дало бы еще один повод “кольнуть” молодого исследователя, но я не имел таких целей, ибо они увели от главного»* (Знамя, 2014, № 8). Несделанное, будучи озвученным, обретает статус действия (В. Есин все же «кольнул») и самооправдания (заявляется, что цель более важная, чем персональный выпад).

Многослойно в плане адресации письмо Н. Еськовой, написанное в ответ на новомирские публикации, авторы которых используют наименование романа Л. Н. Толстого «Война и миръ» и интерпретируют мир как белый свет, расширяя тематику произведения: «Это не единственный “вклад” журнала “Новый мир” <...> в популяризацию современной версии о “более глубоком” смысле толстовского романа» (Новый мир, 2006, № 7). «Вклад» здесь – ироничная оценка, которая может быть рассмотрена как эвфемизм и как вежливая форма обвинения в непрофессионализме. Желая сохранить лицо перед читателем, редакция публикует в том же номере ответ-оправдание, полный вежливых комплиментарных выражений: «“Новый мир” не занимался намеренной пропагандой “популярной”, но неверной “версии”, справедливо опровергнутой в настоящем письме. Более того, редакции была известна

правильная версия, а неточности, указанные выше, допущены по досадному недосмотру. За что приносим извинения нашим читателям. А также благодарим лингвиста Наталию Александровну Еськову за справедливые замечания». Обратим внимание, насколько важным в каждом случае оказывается фигура читателя журнала как «значимого третьего» в коммуникации.

Рассмотрим примеры использования формул вежливости в письме-опровержении суждений авторитетного лица. Р. Пайпс и А. Дольберг в письмах в редакцию «Нового мира» опровергают ряд фактов, упоминаемых А. Солженицыным. Учитывая авторитетность персоны, авторы используют уважительные смягчающие оправдания. Так, Р. Пайпс вежливо объясняет искажение фактов богатым воображением писателя («Г-н Солженицын – писатель, поэтому он, как и любой писатель, обладает богатым воображением. Подобное воображение, являющееся, несомненно, добродетелью писательского таланта, может стать помехой в обращении с фактами, так как писатели зачастую обладают тенденцией приписывать и придумывать факты, когда сами факты неизвестны или туманны» (Новый мир, 2001, № 3), в то же время вместо более мягкого «придумывать» использует «пренебрегать» («Пренебрежение г. Солженицына фактами очевидно в самом первом предложении...»). А. Дольберг более категоричен: «Автору невдомек, что облыжный и безответственный оговор самого незначительного, с его возвышенности, человека ставит под сомнение достоверность повествования в целом» и тем не менее считает важным исключить возможное усомнение читателя в нравственности писателя («Вопроса о нравственности подобного поведения я здесь не ставлю. Он был бы, очевидно, не по адресу») (Новый мир, 2001, № 3).

Письмо-реакция Р. Гальцевой на отклик С. Чупринина (несомненно, авторитетнейшего критика «Знамени») о ее книге содержит уважительные формулы признания («Я весьма польщена вниманием к моей книжке Сергея Ивановича Чупринина»; «Недостаток такого рода утвержде-

ния, по мысли уважаемого критика, состоит в...» (Знамя, 201, № 12) и в то же время апелляцию к более авторитетной инстанции, что, учитывая профессиональную принадлежность С. Чуприна, выглядит как «укол»: «Независимо от правдоподобия этих утверждений (в чем есть большие сомнения) автор не учел, чему учил “старик” В.Г. Белинский, предупреждавший критиков не предъявлять претензий к автору по поводу того, что не входило в его задачу; но ограничиться тем, что он взялся описывать и анализировать». Вежливое начало письма оказывается «снятым» последующим мягким обвинением в игнорировании основ критического дела.

Вежливые формы как индикатор существования журнальной оппозиции и форма ее воплощения

Толстожурнальная оппозиция сегодня существует в обстоятельствах отсутствия видимой полемики. Патриотические издания настроены по-боевому, практически в каждом номере в разделах «Публицистика», «Критика», в формах художественного кодирования в поэзии и прозе обнаруживаются выпады в сторону либералов, однако ответная реакция не столь очевидна. Письма в редакцию патриотических журналов, по-видимому, рассматриваются редакцией как составляющая общего оппозиционного контекста. Учет этого факта позволяет сделать еще одно важное наблюдение: негативные, нередко оскорбительные высказывания в адрес оппонентов-либералов, будучи встроенными в оппозиционные «бои», воспринимаются как проявление изначально уважительной интенции в адрес «своих». Рецепция таких выпадов предполагает процедуру достраивания второй части оппозиции. Например: «Перебрали книги в своей библиотеке, некоторые выбросили (Евтушенко, Межиров, Кугультинов). Воспитанные на большом почтении к книгам, предлагали знакомым и незнакомым – никому не нужны. И мы не хотим захламлять свой дом» (НС, 2020, № 3). Описанная ситуация «выбросили книги» предполагает противоположную – «храним книги как ценное».

Предполагается, что автор письма хранит те, что ценностно близки ориентирам «Нашего современника».

Прямое оскорбление «чужого» комплиментарно развернуто к «своему» адресату в следующем письме: «Благодаря Вам “креативный” литератор, записной политикан и отвязный либерал знают своё настоящее место <...> Это их старая школа уклончивой лжи посредством умолчания. Их ёрнический талант барахтается на мелководье шумного кагала и “русскоязычного” базара». (НС, 2018, № 7). В другом письме читаем: «А недавно сижу на диване с рукодельем, включила “Радио России”. Передают что-то невообразимое, на какой-то тюремной фене. Я выключила. Минут через 15 включила снова, а там говорят: “Мы передавали главы из романа Дины Рубиной в исполнении автора”. Ну и мерзость! А Вашу книгу “Жрецы и жертвы холокоста” мы с приятельницей рекламировали всем знакомым, кого считаем серьёзными читателями, и на Вашу книгу теперь в библиотеке записываются в очередь» (НС, 2018, № 3). В данном случае нет необходимости достраивать оппозицию, она развернута автором письма. Негативная оценка романа Д. Рубиной воспринимается как знак уважения, как парадоксальная форма вежливости, принятая в сражающемся журнале.

Оппозиция реконструируется и в сюжете покаяния, который фиксируем в следующем письме: «Благодаря Вам сделал ряд неутешительных открытий касательно собственного языкового развития. Речь идёт о тех, кто формировал ориентиры в моём детстве и юности. С горечью приходится признать, что это сплошь русскоязычные, но не русские люди, которым до России и дела нет» (НС, 2018, № 9). Бывшим ложным учителям-либералам противопоставляются истинно русские, сам факт негативной оценки лжеучителей, предполагается, должен восприниматься комплиментарно.

Эстетическая оппозиция поддерживается и прямым означиванием как ценных тех или иных литературных явлений и выведением из литературного поля чуждых: «Несмотря на всё цветущее многообразие

публикующихся в журнале авторов, есть общие качества первостепенной важности, объединяющие всех. Это любовь к Отечеству, обращение к "классической лире", к традиции Золотого века русской поэзии (во многом миную традицию Серебряного века и более поздние разрушительные течения), постоянное обращение к русской народной поэтической традиции и, конечно же, обращение к христианству» (НС, 2016, № 10).

В литературно-критических и публицистических материалах либеральных журналов фиксируются редкие оценочные суждения, прямо или косвенно адресованные оппонентам. Столь же редки они, учитывая малое, в сравнении с патриотами, количество публикуемых писем, в откликах читателей. В публикациях «Нового мира» и «Знамени» последнего десятилетия нам удалось найти только несколько писем. В одном из них комплиментарное высказывание предполагает отношение к любимому журналу как проводнику в мир литературы, включает имплицитно уничижительную оценку НС как журнала, чтение которого равно выпадению из литературного контекста: после признания многолетней верности «Знамени» читательница замечает: «Но с 2007 года моя жизнь резко изменилась, мне пришлось подолгу жить в г. Туапсе, где вообще в библиотеках не выписывают "Знамя" (только "Наш современник")». На четыре года я почти выпала из литературного контекста – только урывками кое-что читала, когда удавалось достать "Знамя"» (Знамя, 2012, № 4). Публикация данного письма, как представляется, важна редакции журнала не столько как средство ведения оппозиционных боев, сколько подтверждение факта наличия «своего» читателя.

О наличии оппозиции свидетельствует и требование редакции «Знамени», обращенное к С. Черткову, объяснить факт двойной публикации изданного материала (его цикл очерков был опубликован в «Знамени» и «Нашем современнике»). Текст объяснения-оправдания С. Черткова содержит помимо формул вежливости «Уважае-

мая редакция!» и оценки работы с К. Степаняном как плодотворной оценку факта публикации в НС как неэтичную: «О готовящемся издании очерков в журнале "Наш современник" я не подозревал, полагая, что это невозможно без предварительных переговоров и согласования с публикатором; лишь 11 ноября с удивлением узнал о свершившемся факте» (Знамя, 2010, № 12). Формой оправдания и помощи в сохранении лица журналу (как форма уважения) становится и вариант интерпретации двойной публикации: «Произошедшее частичное дублирование свидетельствует о нарастающем интересе к творчеству Свенцицкого <...> возвращение к читателю будет лавинообразным (только что еще два "толстых" журнала опубликовали ранее не переиздававшиеся лекции и рассказы, впервые изданы "Диалоги" в авторской редакции)».

Прагмасемантический ракурс осмысления форм вежливости писем в редакцию

Взгляд на читательские отклики как средство приращения символического капитала и формы ведения оппозиционных боев позволил выявить этический и прагматический эффект публикации писем в редакцию, увидеть их как социальное действие (в значении «понимающей социологии» М. Вебера (Veber, 1990: 602–603). Однако возможен и еще один, прагмасемантический, поворот в осмыслении темы.

Основные положения прагмасемантики как системы механизмов взаимодействия знаковой системы и контекста изложены в трудах С.Т. Золяна (Zolian, 2022, 2024), поддержаны и развиты Г.Л. Тульчинским, В.Е. Чернявской и другими учеными: социологами, культурологами, лингвистами, литературоведами, – что доказывает междисциплинарную привлекательность и перспективность предложенной методологии. Актуальными для нашей темы являются следующие тезисы:

– значение высказывания обусловлено не только его лингвистической структурой, но и контекстом (актуальным или воображаемым), в котором оно производится и интерпретируется. Контекст выступает

как механизм смыслообразования, «вырастает из самого текста как некоторая рамка, определяющая понимание текста» (Zolian, 2022);

– многоуровневая система смысловых отношений создается при участии столь же многоуровневой системы интерфейсов, механизмов перекодирования, которые преобразуют структуры одной системы в структуры другой. При этом происходят процессы текстуализации контекста и о контекстуализации текста (Zolian, 2022);

– в ситуации, когда «смысл определяется контекстами использования в социально-культурных практиках», являясь воплощенными и воспроизводимыми программами взаимодействий и практик (Zolian, 2024: 85), субъект оказывается поглощенным контекстами.

Примеры публикаций писем читателей в журнале, рассмотренные в данной статье, позволили увидеть, что в плане журнальной прагматики происходит замещение «автор письма=все читатели». В этом случае происходит размывание конкретного субъекта. Но, как представляется, потеря субъекта происходит раньше. Выбирая те или иные формулы вежливости, включая в текст письма оценки, используя боевые образные ряды, автор письма осуществляет выбор в пользу принятого в группе. Перед нами не вполне конкретный субъект, но коллективный. Текст письма, таким образом, создается контекстом, в котором существует некоторое множество сценариев. Смысл,

транслируемый журналом, возникает в результате взаимодействия вложенного в текст письма и контекста (экстралингвистической системы). Субъект поглощается этими сценариями, которые не манифестируются прямо, но могут быть реконструированы как некая метасистема, которая порождает тексты и смыслы, а также работает на поддержание групповой идентичности. Таким образом, метасистема предстает как некоторое семиотическое «Я», которое управляет процессом порождения и интерпретации. Если субъект размывается, то возникает вопрос: насколько точно номинация «письма читателей». Не точнее ли в ракурсе прагматике вариант «письма контекста»?

Заключение

Анализ форм вежливости читательских писем, опубликованных в «толстых журналах», позволяет сделать вывод о том, что либеральный и консервативный патристический дискурсы как типы речевого поведения диктуют особые правила (в том числе этические) текстопорождения. Это заметно в выявленных нами различиях в использовании формул вежливости и агрессии. Они порождаются имеющимися сценариями, самим контекстом и используются журналами и стоящими за ними социальными группами как средство оппозиции. Различия в использовании стратегий вежливости – отражение доминантных черт коммуникации, формирующих коммуникативный стиль группы.

Список литературы / References

- Brown P., Levinson S. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1988. 345.
- Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]*. М., Izdatel'stvo LKI, 2008. 284.
- Kadar D., Haugh M. *Understanding Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 295.
- Larina T. V. *Kategorija vezhlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij [The category of politeness and communication style: a comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions]*. М., Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. 258.
- Ratmajr R. *Russkaja rech' i rynek: Tradicii i innovacii v delovom i povsednevnom obshhenii [Russian Speech and the Market: Traditions and Innovations in Business and Everyday Communication]*. М., Jazyki slavjanskih kul'tur, 2013. 456.

Veber M. Osnovnye sociologicheskie ponjatija [Basic sociological concepts]. In: *Veber M. Izbrannye proizvedenija [Selected Works]*. M., Progress, 1990, 602–643.

Zemskaja E. A. *Jazyk kak dejatel'nost': Morfema. Slovo. Rech' [Language as an activity: Morpheme. Word. Speech]*. Moscow, Gnozis, 2005. 688.

Zoljan S. T. Pragmasemantika – interfejs i mehanizm smysloobrazovanija [Pragmasemantics – interface and mechanism of meaning formation]. In: *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskih discipline [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Sciences]*, 2022, 2, 7–18.

Zoljan S. T., Tul'chinskij G.L., Chernjavskaja V.E. *Pragmasemantika i filosofija jazyka [Pragmasemantics and philosophy of language]*. M., Izdatel'skij Dom JaSK, 2024. 328.

EDN: LTVUVM
УДК 81'42:811.512.122

Axiological Dominants of National Autobiographical Prose: A Case Study of B. Momyshuly's *Our Family*

Sholpan K. Zharkynbekova and Zhanna B. Seliverstova*

*L. N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan*

Received 20.01.2026, received in revised form 09.02.2026, accepted 10.02.2026

Abstract. This article examines the linguo-axiological dimension of the literary text and aims to identify and describe the linguistic means used to represent traditional family values in national fiction. The study draws on B. Momyshuly's novella *Our Family* as its primary empirical material. The methodology integrates corpus-based linguo-axiological analysis with semantic-pragmatic procedures in order to trace value-laden meaning in discourse. The corpus approach additionally enables the examination of key lexemes, typical collocational patterns, and contextual models of textual dominants with axiological relevance. The analysis reveals such axiological dominants as patriarchal continuity, collective memory, respect for elders, clan reputation, and intrafamilial socialization. The findings demonstrate the high significance of family- and kinship-based values in traditional Kazakh society and contribute to a more precise understanding of the axiological organization of literary discourse.

Keywords: axiological dominant, family values, linguo-axiological analysis, corpus-based analysis, literary text, B. Momyshuly.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical and Applied Linguistics, Corpus Linguistics, Linguistic Axiology.

The research was carried out within the framework of a project funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN AP23488481).

Citation: Zharkynbekova Sh. K., Seliverstova Zh. B. Axiological Dominants of National Autobiographical Prose: A Case Study of B. Momyshuly's *Our Family*. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 660–671. EDN: LTVUVM

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: seliverst.zh@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4160-6215 (Zharkynbekova); 0000-0001-6686-3368 (Seliverstova)

Аксиологические доминанты национальной автобиографической прозы (на материале повести Б. Момышулы «Наша семья»)

Ш.К. Жаркынбекова, Ж.Б. Селиверстова

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева
Республика Казахстан, Астана

Аннотация. Статья посвящена лингвоаксиологическому измерению художественного текста. Целью исследования является определение и описание языковых способов репрезентации традиционных семейных ценностей в национальной художественной литературе. В качестве материала исследования определено значимое произведение казахской художественной литературы – повесть Б. Момышулы «Наша семья». Методология исследования объединила корпусно-ориентированный лингвоаксиологический анализ с элементами семантико-прагматического анализа. Корпусные процедуры позволили рассмотреть ядерные и периферийные лексемы, типовые коллокационные структуры и контекстуальные модели текстовых доминант, имеющих ценностную значимость. В результате были выявлены и проанализированы аксиологические доминанты текста (патриархальная преемственность, коллективная память, уважение к старшим, родовая репутация, внутрисемейная социализация), свидетельствующие о высокой значимости семейно-родовых ценностей в традиционном казахском обществе.

Ключевые слова: аксиологическая доминанта, семейные ценности, лингвоаксиологический анализ, корпусный анализ, художественный текст, Б. Момышулы.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН AP23488481).

Цитирование: Жаркынбекова Ш.К., Селиверстова Ж.Б. Аксиологические доминанты национальной автобиографической прозы (на материале повести Б. Момышулы «Наша семья»). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 660–671. EDN: LTVUVM

Введение

Аксиологическая ситуация 2020-х годов позволяет констатировать текущий ценностный кризис (Akaliyski et al., 2024; Smigelski et al., 2024), что, в свою очередь, является следствием масштабной трансформации современного мира. После периода наступления глобализма (1990-2000-е годы) сегодня имеет место сложный, неоднозначный процесс

активизации национальных и региональных ценностных импульсов (Zharkynbekova, Seliverstova, 2025b).

Особенность современной ситуации заключается в том, что одним из ключевых драйверов аксиологического процесса в ряде стран СНГ в последние годы выступает социально-культурная сфера. Именно здесь фиксируются и артикулируются

концепты, претендующие на существенное обновление аксиологического ландшафта. Так, на путь консолидации традиционных моральных ценностей вступил Казахстан. Важное место в программных документах отводится поддержке национальной идентичности, культуры и традиций, противодействию чуждых идеологий (Ukaz, 2025, No. 1081). В России формируется целенаправленная модель, ориентированная на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей (Ukaz, 2022, No. 809). Современный Кыргызстан реализует комплекс программ, направленный на обновление ценностной политики, включающей сохранение и развитие культурно-духовного наследия, поддержку традиционных ценностей взаимоуважения и патриотизма (Ukaz, 2022, No. 303).

Апелляция к сохранению и развитию культурно-духовного наследия и национальной идентичности в свете аксиологической проблематики детерминирует выявление и осмысление базовых ценностных ориентиров, закрепленных в историческом опыте нации, к числу которых относится укрепление традиционного института семьи и брака, идея ответственного родительства, поддержка межпоколенческой модели взаимного долга и солидарности. Данные векторы в аксиологической сфере стали защитными мерами против трендов глобальной цивилизации на так называемые ценности самовыражения, формирующие «гуманистическое общество нового типа» (Inglehart, Welzel, 2005: 72). Как показывают современные западные исследования, доминирование ценностей индивидуальной независимости приводит к аксиологическому сдвигу и ослаблению традиционных семейных ценностей (Curtice et al., 2020; Sobotka, Berghammer, 2021; Haerpfer et al., 2022). Поэтому приоритетным компонентом социальных реалий в странах, ориентированных на традиционные ценностные системы, выступает укрепление семейно-культурных норм как ценностного ядра культурно-духовного наследия и национальной идентичности.

Теоретические основы исследования

Интерес лингвистики к аксиологической проблематике обусловлен тем, что язык, выполняя мыслеформирующую функцию, представляет собой структурированный образ, отражающий ценностный компонент в языковом сознании человека. В практическом плане выявление динамики выражения ценностей в языке позволяет проследить реальные изменения в ценностных иерархиях, трансформирующихся под влиянием исторических процессов и социокультурных кризисов.

Аналитический обзор релевантной научной литературы показал, что исследование ценностных проявлений в языке реализуется рядом лингвистических направлений, использующих различные концептуальные и методологические подходы для объяснения онтологии, структуры и закономерностей аксиологем. Так, психолингвистический анализ ценностей демонстрирует специфику восприятия человека через призму языка, а также позволяет выявить периферию сложных взаимоотношений слов, выражающих ценностные проявления, в структуре национального языкового сознания (Ufimceva, 2011; Pishchal'nikova, 2020). Дискурсология определяет дискурс как носителя и ретранслятора смыслов, ценностей и идей (Sidorova, Kurochkina, 2020; Zharkynbekova, Seliverstova, 2025a). Изучение ценностей с позиций лингвокультурологии репрезентирует способы их фиксации в типизированных образах и нарративных структурах (Zharkynbekova, Loginova, 2021; Karasik, 2022). С точки зрения аксиологической лингвистики ценностные представления отражаются в семантике единиц разных языковых уровней (Milovanova et al., 2022).

В практическом плане разработка аксиологической проблематики в лингвистике сопровождается обновлением аналитических практик ценностно маркированного дискурса: разрабатываются модели представления аксиосферы как совокупности полученных реакций (Povalko et al., 2024), прикладные методики сопоставительной лингвоаксиологии (Mamontov et al., 2019),

корпусно-интерпретационные методы (Zharkynbekova, Seliverstova, 2025a).

Для изучения аксиологических доминант (далее – АД) как наиболее значимых для определенной культуры ценностных смыслов в лингвоаксиологическом дискурсе закрепились положения о необходимости изучения устойчивых языковых формул и текстов художественной литературы (Serebrennikova, 2011; Karasik, 2022; Seliverstova, 2022). Паремологические единицы закрепляют в языке нормативные представления определенной культуры о должном и ценностно значимом (Vochina et al., 2021). В художественном тексте аксиологически значимые смыслы получают индивидуально-авторскую интерпретацию, сохраняя при этом культурную обусловленность. Лингвоаксиологическое исследование художественного текста необходимо для выявления и осмысления базовых ценностных ориентиров, закрепленных в национальном историческом опыте.

В то же время анализ научной литературы показал, что работы, ориентированные на анализ ценностного содержания художественного текста, в основном носят качественный, интерпретационный характер (Karasik, 2022; Subagiharti, 2023; Zulfardi, 2025). Принимая наработанный теоретико-методологический опыт научного сообщества в области лингвоаксиологии, считаем возможным интегрировать инструментарий корпусной лингвистики в лингвоаксиологический анализ художественного текста для выработки комплементарной воспроизводимой методики анализа аксиологических доминант (далее – АД).

Методология и материалы исследования

Целью настоящего исследования является установление и описание языковых способов репрезентации традиционных семейных ценностей на материале казахской национальной художественной литературы с позиций лингвоаксиологии.

В качестве эмпирического материала для исследования была выбрана автобиографическая повесть Бауыржана Момышулы «Наша семья» (1956) (Momysuly, 2024). В 2018 году в Казахстане повесть была

включена в республиканскую акцию «Одна страна – одна книга» для всеобщего прочтения. В повести отчетливо представлена аутентичная казахская реальность в условиях полукочевой жизни первой четверти XX века. Изображение событий осуществляется через перспективу детского сознания, что обуславливает специфику нарративной организации и непосредственность аксиологического наполнения текста.

Для верифицированного выявления АД в художественном тексте в качестве методологической основы исследования использован корпусно-ориентированный лингвоаксиологический анализ с элементами семантико-прагматического анализа. Процедура сбора и обработки эмпирического материала состояла из нескольких последовательных этапов.

1. Морфологическая разметка и лемматизация текста при помощи морфологического анализатора *morphy2* (Korobov, Kireev, n.d.). Данная исследовательская процедура необходима для морфологической обработки текста с целью приведения всех словоформ к их начальной форме. Лемматизация текста позволила рассмотреть разные грамматические формы повести как единый объект анализа.

2. Отбор целевого класса – в частотный анализ включались лексемы, классифицированные как существительные. Данное ограничение позволило сосредоточиться при выявлении ключевых лексем на номинативных средствах репрезентации ценностных смыслов. Другие части речи использовались при контекстуальном анализе по необходимости.

3. Формирование стоп-листа для последующей фильтрации частотных списков. Для данного исследования в стоп-лист были включены леммы всех частей речи, за исключением имен существительных.

4. Загрузка лемматизированного текста и стоп-листа в корпусный анализатор *AntConc* (Anthony, n.d.).

5. Формирование частотного списка с использованием функции *Word List*, отражающего распределение лемм в анализируемом тексте. Частотность употребления

леммы выступает первичным фильтром, указывающим на потенциальную значимость слова в анализируемом тексте.

6. Контекстуальный анализ – изучение контекстов употребления частотных слов с помощью функции KWIC для отбора аналитически значимых лексем, обладающих высокой степенью текстовой актуализации и потенциальной смысловой и ценностной значимостью. На данном этапе анализ проводился по оригинальному тексту, необработанному в rutorphy2, для точного понимания смысловых нюансов.

7. Идентификация АД на основе объединения лексем с ценностной маркировкой.

8. Качественная интерпретация результатов – переход от статистических данных, полученных количественными методами, к интерпретации ценностных смыслов. На этом этапе были использованы практики семантико-контекстуального анализа и лингвоаксиологическая интерпретация.

Данный методологический подход позволяет доказательно выявить аксиологические доминанты художественного текста, повышая объективность и воспроизводимость лингвоаксиологического анализа.

Обсуждение результатов исследования

В результате выполнения исследовательских этапов 1–5 было получено 8317 уникальных лексических единиц, представленных в сформированном частотном списке, с общим количеством вхождений 63738.

Поскольку частотное распределение лексических единиц в художественном тексте носит неравномерный характер, было принято исследовательское решение – ограничить первые 1000 позиций частотного списка. Данный шаг позволил сосредоточиться на определении лексического ядра текста, формирующего его смысловые и ценностные доминанты, и получить измеримые результаты исследования.

Результаты полученного частотного списка были проанализированы при помощи инструмента KWIC, позволяющего найти контексты употребления каждой леммы. Такой контекстуальный анализ необходим для определения участия леммы в репрезентации ценностного смысла.

Выявление типичных коллокаций и контекстуальных моделей оценочно маркированного окружения лексем посред-

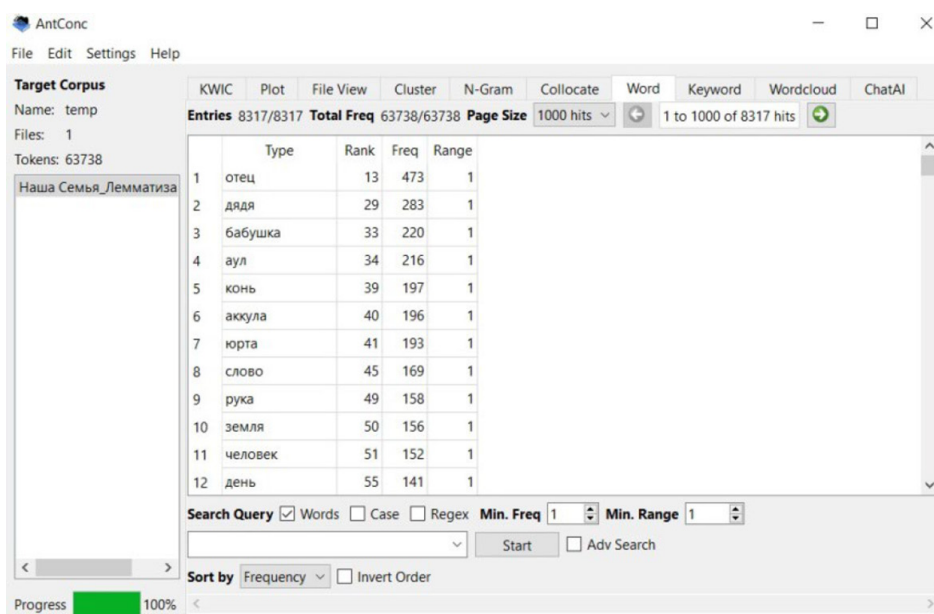
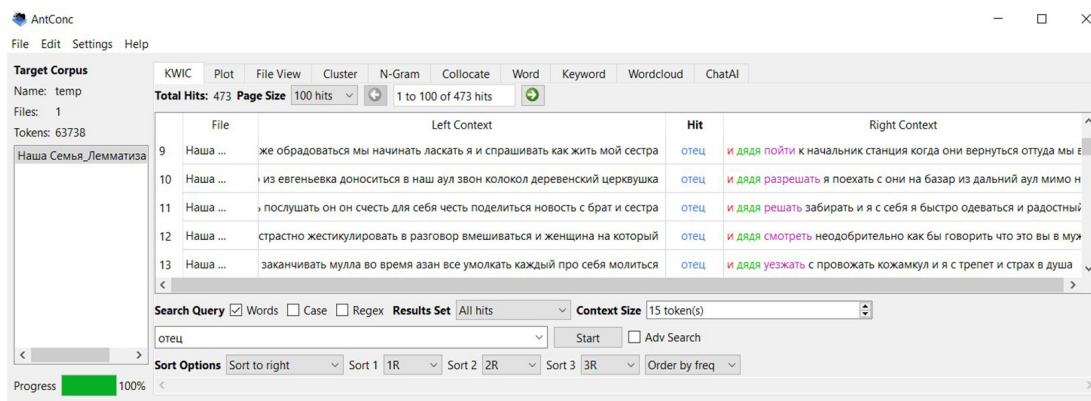

Рис. 1. Результаты частотного анализа в AntConc

Fig. 1. Results of the frequency analysis in AntConc

Рис. 2. KWIC-контексты для леммы *отец*Fig. 2. KWIC contexts for the lemma *otets*

ством KWIC-анализа способствовало выделению текстовых доминант, имеющих ценностную значимость. Рассмотрим некоторые из них.

При этом необходимо отметить, что в данном исследовании допускается многократное включение лексем в разные АД, что обусловлено системообразующим значением конкретных понятий в семейной и социальной организации традиционного казахского общества. Например, к таким понятиям относятся «семья» и «род». Выполненный частотный анализ зафиксировал леммы *семья* (60 вхождений) и *род* (50), а также однокоренные единицы *родственник* (27), *родня* (15), *родич* (8), *родство* (3). Также к группе одновидовых слов в контексте анализируемого художественного текста можно отнести лексемы *няязовец* (21), *усеновец* (12) как этнонимические номинации родовой принадлежности.

Анализ конкордансных данных позволил выявить контекстуальное присутствие данных лемм во всех рассматриваемых АД, что дает возможность рассматривать эти единицы как сквозные аксиологические маркеры. Такой подход позволяет избежать искусственных ограничений и корректно интерпретировать смысловые и ценностные роли лексем в тексте.

Во избежание аналитической избыточности результаты, полученные при анализе

указанных лексем, не будут повторяться при описании каждой АД.

АД 1 – Патриархальная преемственность как аксиологическая основа продолжения рода

Лексическое ядро данной АД представлено в первую очередь лексемами, расположенными в абсолютном начале полученного частотного списка (см. рис. 1): *отец* (473), *дядя* (283). Приоритетная частотность данных лексем объясняется языковой репрезентацией патриархальной модели семейной организации, в рамках которой фигура главы семьи выполняет нормативно-регулятивную функцию. Типичные коллокации лексемы *отец* связаны с контекстами предписаний и оценок: *отец решил*, *отец велел*, *отец разрешил*, *отец не одобрял*, *по примеру отца* и др.

Сравнивая полученное количество вхождений с частотностью лексем ближайшего женского родства: *бабушка* (220), *мать* (64), *апа* (каз. *мама* – 26), *мама* (9), – можно констатировать приоритет лексем ближайшего мужского родства почти в 2,5 раза. Отметим также, что преобладающая частотность лексемы *бабушка* по отношению к лексемам *мать*, *мама* объясняется личными обстоятельствами жизни Б. Момышулы, который рано потерял мать и воспитывался бабушкой.

К данной АД также относятся лексемы *сын* (123), *внук* (17), *наследник* (5). Сравни-

1	Наша семья.txt	го вопрошал: — Неужели это правда, что я отец? У меня сын! Сын у меня будет расти! Сын родился!	Сын	родился! О, Создатель, как я тебя благодарю! — И он снова бросался в объятия отвечающему. И е
8	Наша семья.txt	звается с такими подробностями, чтобы передать, с какой тоской и жадой мои родители ждали	сына,	и чтобы была понятна искренность их радости, вызванной моим появлением. Ибо казах без сын
80	Наша семья.txt	бездетным, без наследника, сколько бы девочек он ни имел. Супругам, не произведшим на свет	сына,	даже приписывалась кличка Кубас, т. е. Сухая голова, считаются они туخمсызками, что значит — л

Рис. 3. KWIC-контексты лексемы *сын*
Fig. 3. KWIC contexts for the lexeme *syn*

тельный анализ лексем *сын* и *дочь* (25) показывает почти пятикратную разницу употребления. По результатам KWIC-анализа можно констатировать, что лемма *сын* преимущественно функционирует в контекстах родовой преемственности, в то время как лемма *дочь* – в описательных контекстах, не связанных с трансляцией родовой идентичности.

KWIC-контексты слов, вошедших в лексическое ядро данной АД, позволяют проследить языковую репрезентацию патриархального семейного уклада и констатировать аксиологическую значимость мужского начала как необходимое условие продолжения рода.

АД 2 – Коллективная память и сохранение родовых традиций

Данная АД выступает одним из ключевых ценностных механизмов в традиционном казахском обществе. Ядерную зону составляют лексемы *предок* (26), *память* (22), *ас* (каз. *поминки* – 19), *обычай* (19), *поминки* (10), *потомок* (8), *традиция* (5).

Как показывают KWIC-контексты, память о значимых событиях рода, представления о предках постоянно актуализируются в повседневной жизни как ценностно маркированный опыт прошлых поколений (см. рис. 4).

Коллективная память воспринимается как безусловная ценность, непреложный источник авторитета и воспроизводится в оценочных контекстах через языковые формулы положительной семантики: *таков*

обычай наших предков, уважение к предкам рода, стан предков, веками сложившиеся традиции, древнейший обычай и др.

Вместе с тем апелляция к предкам рода выполняет регулятивную функцию, фиксируя рамки допустимого поведения, и входит в поведенческие нормы. Аксиологически маркированные конструкции фиксируют смещение фокуса с персонального поступка на коллективную оценку рода, определяя положительную (*читать память умерших, не нарушать заветы бабушки, помнить во всех молитвах*) и отрицательную (*позорить память своего деда, позорный для рода поступок, недостойные потомки*) оценку поведения потомков.

АД 3 – Иерархически обусловленное уважение к старшему поколению

В традиционном казахском обществе безусловное уважение и подчинение старшим носит нормативный характер, выступая одним из базовых регуляторов социальной и семейной организации.

Семантико-контекстуальный анализ текста показал, что речевые и поведенческие модели представителей старшего поколения репрезентируются лексемами с семантикой власти, директивности и контроля: *приказать, кричать, возмущаться, обрушиться, велеть, разрешить, дать знак, повелительно, властно, гневно, рассерженно, резко* и др. Эти номинации формируют образ старшего как носителя абсолютного авторитета, чьи слова или действия не предполагают обсуждения или возражения.

4	Наша семья.txt	- говорят у нас. Вот почему в айтысах каждый старался показать светлую сторону своего	предка.	Быть достойным наследником — мечта казаха. Каждый казах свою семейную и родовую честь, как
18	Наша семья.txt	шла из своей юрты. Женщины поддерживали ее, приговаривая: — Путь, протоптанный	предками,	дорогая! Ничего не поделаешь, девичье одеяние не вечно носится... Уже начали разбирать ее юр
21	Наша семья.txt	жают казахи свой гнев в одном случае и благодарность в другом. Отсюда — уважение к	предкам	рода. Преемственность, наследование всех благородных черт считались обязательными. «Он пот

Рис. 4. KWIC-контексты лексемы *предок*
Fig. 4. KWIC contexts for the lexeme *predok*

В то же время вербальное и невербальное поведение младшего поколения описывается через лексику покорности, сдержанности и почтительности: *стараться, не возражать, не сметь, потупить глаза, убрать по знаку, растерянно, бесшумно, покорно, почтительно, примерно* и др. Данные лексемы подчеркивают иерархически подчиненную позицию и демонстрируют внутреннюю интериоризацию иерархических норм.

В табл. 1 представлены некоторые контексты языковой асимметрии старшего и младшего поколений, извлеченные из текста «Наша семья».

В количественном отношении контексты, иллюстрирующие поведенческие характеристики старшего поколения, существенно преобладают, демонстрируя большую структурную развернутость и синтаксическую полноту. Описания реакций младшего поколения, как правило, оформлены менее распространенными конструкциями. Особенность такой синтаксической организации, на наш взгляд, коррелирует с аксиологически повышенной значимостью и доминирующей ролью старших членов и ограниченной речевой

и поведенческой субъектностью младших членов. Таким образом, синтаксическая асимметрия в изображении поведения персонажей разных возрастных групп может рассматриваться как дополнительное средство языковой репрезентации иерархически организованных отношений.

АД 4 – Семейная и родовая репутация как регулятор поведения

Семантическое ядро данной АД составляют представления о репутации семьи и рода как коллективной ценности, за сохранение которой несут ответственность все члены, независимо от возраста и личных обстоятельств. Контекстуальный анализ показал, что поведенческие реакции членов рода во многом определяются понятием «честь рода».

В лексическое ядро АД входят слова, в семантику которых входит прямая моральная оценка: *честь* (27), *правда* (18), *долг* (17), *стыд* (11), *достоинство* (7), *позор* (7). В периферийную зону входят лексемы *закон* (23), *борьба* (21).

Честь семьи и рода осмысливается как ценность, требующая неукоснительного соблюдения и при необходимости активного

Таблица 1. KWIC-контексты языковой асимметрии межпоколенческих моделей взаимодействия
Table 1. KWIC contexts of the linguistic asymmetry of intergenerational interaction patterns

KWIC-контексты старшего поколения	KWIC-контексты младшего поколения
<i>За вечер Серкебай несколько раз кричал на моего дядю и своих джигитов, делал гневные замечания: все было не по нему</i>	<i>Все почтительно слушали его</i>
<i>В ответ бабушка, задыхаясь от гнева, обрушилась на отца</i>	<i>Мы все ходили на цыпочках</i>
<i>Отец прикрикнул на него и приказал не ввязываться в ссору</i>	<i>Оставалось лишь покориться воле старухи</i>
<i>Этот сварливый старик никому не давал ничего делать, не сопровождая своими замечаниями</i>	<i>Его жены, снохи и сыновья не возражали ему</i>
<i>Так покрикивал он, и выкрики эти заполняли весь вечер</i>	<i>Все домашние покорно выполняли все его приказы</i>
<i>Айша-апа, пользуясь правом старшей в нашей семье, не отказывала себе в удовольствии распоряжаться, давать наставления, указывать, а иногда и покрикивать на нас</i>	<i>Все исполняли свои обязанности и, сделав то, что от них требовалось, бесшумно уходили</i>
<i>Старик дал знак выходить из юрты</i>	<i>Дядя покорно вышел из юрты</i>

6	Наша семья.txt	ледником — мечта казаха. Каждый казах свою семейную и родовую	честь,	как знамя, должен	достойно пронести через жизнь. Сыновья обязаны «беречь род
9	Наша семья.txt	живая плетью, стал выкрикивать: — Этот нечистый кобель оскорбил	честь	моей семьи, честь	моего рода, словно дегтем поганым загрязнил мою седую бород
15	Наша семья.txt	ощим печать начесть рода. И хотя усеновцы ненавидели ниязовцев,	честь	рода обязаны были	защищать, и около двадцати всадников во главе с моим отцом с
16	Наша семья.txt	ина из-за родственных чувств и сочувствия к обиженному, борясь за	честь	своего девичьего	рода и за то, чтобы не «унижать свою кость», соглашалась. Эта сво

Рис. 5. KWIC-контексты лексемы *честь*
Fig. 5. KWIC contexts for the lexeme *chest'*

5	влюбленный удалец, убитый горем, сидя у себя в юрте, гневно проклинал судьбу и	закон,	разлучивший его с	любимой Зейпой. Зейпа была стройной, высокой, с гордой с
6	покрикивает на нее, проявляя мужскую власть. Так феодальный обычай, жестокий	закон	родового устройства	и пошлая темная сила калыма по-своему укротили стропт

Рис. 6. KWIC-контексты лексемы *закон*
Fig. 6. KWIC contexts for the lexeme *zakon*

поддержания. Деятельностный аспект сохранения *чести* подчеркивается устойчивыми коллокациями: *защищать честь, бороться за честь, охранять честь*, актуализируя значение лексемы *борьба* как контекстуально обусловленного действия, мотивированного необходимостью сохранения родовой чести. Лексема *закон* используется в значении традиционного родового уклада, как синонимичный маркер лексеме *обычай* (см. рис. 6).

Интерпретация контекстуального окружения лексемы *долг* также позволяет определить ее в лексическое ядро АД. Частотность таких устойчивых коллокаций, как *неоплатный долг, сыновний долг, исполнить долг, обязательный долг, остаться в долгу*, репрезентирует *долг* как аксиологический маркер ответственности и моральное обязательство по сохранению чести и репутации рода.

АД 5 – Внутрисемейная социализация и передача культурного опыта

В традиционном обществе семья выступает ключевой средой социализации, в рамках которой формируются базовые ценностные ориентиры личности: родовая ответственность, честь, долг, уважение к старшим и т.д.

В повести внутрисемейная социализация осмысливается как непрерывный процесс, обеспечивающий передачу культурных смыслов и ценностей традиционного общества: «аульно-степной детский сад» – «вечерняя школа отца» – «родительский устный университет» (см. рис. 7).

Контекстуальный анализ показал, что передача культурного опыта и ценностных установок в традиционном обществе реализуется старшими членами семьи в повседневной коммуникации и совместной деятельности. При этом ценностное образование характеризуется функциональной дифференциацией коммуникативных ролей наставников. Так, отец выступает транслятором формальных, социально значимых знаний и навыков и передает ценностные установки в форме прямых, эксплицитных высказываний, имеющих характер наставления и рационального объяснения. На рис. 8 представлена сводная выборка контекстов, иллюстрирующая особенности речевого поведения отца как носителя формализованных ценностных установок.

В отличие от директивной формы высказываний отца, бабушка реализует аксиологическую функцию через иносказательные и образные формы речи, выполняя функ-

1	Наша семья.txt	дительского аула, я рос. Заканчивался мой «аульно-степной детский	сад».	Когда я перебираю	в памяти всех своих учителей, постоянно встают
4	Наша семья.txt	некоторые предания о наших родичах почерпнуты из этой «вечерней	школы»	отца. В это	время отцу исполнилось шестьдесят лет. С момента, к
1	Наша семья.txt	она, моя бабушка, окончившая только лишь родительский устный «	университет»,	несла в себе	много народной мудрости. В ауле бывали своео

Рис. 7. KWIC-контекстуальная репрезентация внутрисемейной системы образования
Fig. 7. KWIC-based contextual representation of the intrafamilial educational system

Вспоминается еще... В юрте на кошме сидят несколько бородатых людей и пьют кумыс... Отец сидит на краю кошмы, он знаком подзывает меня и шепчет на ухо: «Ты что же не приветствовал ата, как я тебя **учил?**» Пристыженный, я выбегаю из юрты. Немного постояв, я с важным видом снова вхожу и, нами своих собственных имен. Отец, заметив это, спохватился, но поздно. И, наставляя нас на самостоятельное учение уроков и как бы извиняясь перед нами, добавил:

— О памяти усопших, дети мои, забывать **не полагается.**

— Раз ты задаешь мне такой прямой вопрос, значит, ты созреваешь, сынок... Зрелому, как говорится, зрелый ответ. Я тебе скажу **прямо**, безо всяких обиняков. Ты, наверное, знаешь, почему говорится в народе: «Сырты тымпыган — іші қуыс» — внешне сыт, а внутри пусто. Яне был таким бедняком. У нас всегда было внешне худо, а внутри жирно... Я имел немного денег — резерв нашей семьи. Их не хватило бы на ас деда твоего, поэтому я поехал в Аулие-

Рис. 8. Фрагменты корпуса текста (File View): речевое поведение отца

Fig. 8. Corpus text fragments (File View): the father's speech behavior

— Эге-ге! Какой ты нехороший мальчик! Ой, какой нехороший! — удержала меня за руку бабушка. — Зачем пугаешь ласточку? Разве ты не знаешь, что она — **друг** человека? Она — желанный гость у меня в юрте, пока птенчики не окрепнут... Моего гостя обижать — это, значит, меня обижать, — пристыдила бабушка.

— Ну, успокойся, светоч мой. Сядь на колени ко мне, и я расскажу тебе, почему у ласточки хвост рассечен и почему у комара нет языка...

— Было это после создания мира, но еще Аллах не покарал людей страшным потопом и не стер с лица земли их города и аулы, — рассказывала бабушка. — Люди тогда еще не знали слова «**благодарность**», они пользовались солнечным теплом, прохладой ветра, сиянием луны, дарами земли, и никто от них не слышал ласкового слова... Тогда усталое Солнце с жалобой обратилось к Аллаху:

Рис. 9. Фрагменты корпуса текста (File View): речевое поведение бабушки

Fig. 9. Corpus text fragments (File View): the grandmother's speech behavior

цию носителя житейской мудрости. Особую роль в этом процессе играет семейный фольклор: сказки, легенды, предания, паремии, формирующие представление о национальной аксиологии. Ценностные установки передаются через систему зооморфных и природно-космологических образов. Образы животных и птиц (верблюд, ласточка, летучая мышь, змея и др.) используются как носители моральных качеств, моделей поведения и оценочных характеристик (надменность, доброта, смелость, коварство и др.). Образы природных и космических стихий (солнце, луна, ветер, вода) символизируют универсальные ценности, связь человека с природой и космосом, жизненный порядок.

Такая форма коммуникации обладает высоким аксиологическим потенциалом, поскольку реализует косвенную, образно-символическую модель передачи ценностей. Использование художественных образов обеспечивает эмоциональное вовлечение слушателя и способствует более глубокому усвоению культурных и моральных ориентиров.

Заключение

Высокая степень динамичности современной эпохи оказывает существенное влияние на систему социокультурных ценностей.

Интенсификация межкультурных контактов, влияние цифровых трансформаций и пересмотр ценностных иерархий приводят к ослаблению традиционных форм идентичности и заставляют обратить пристальное внимание на аксиологическую сферу.

Проведенный корпусно-ориентированный лингвоаксиологический анализ автобиографической повести Б. Момышулы «Наша семья» позволил выявить и систематизировать доминантные семейно-родовые ценности казахского традиционного общества. Использование инструмента корпусного анализа (AntConc) определило выделение частотных лемм и их коллокаций, показало их контекстуальную реализацию. Однако, поскольку фиксация формальных языковых закономерностей не обеспечивает полноценную интерпретацию ценностных смыслов художественного текста, для раскрытия аксиологического содержания текста была осуществлена качественная интерпретация в рамках семантического и лингвоаксиологического подходов. Настоящее исследование демонстрирует продуктивность комплексного методологического подхода и вносит вклад в изучение механизмов языковой объективации традиционных ценностей в художественном тексте.

Список литературы / References

- Akaliyski P., Taniguchi N., Park J., Gehrig S. & Tormos R. Values in Crisis: Societal Value Change under Existential Insecurity. *In: Social Indicators Research*, 2024, 171, 1–21. DOI: 10.1007/s11205–023–03226–2
- Bochina T.G., Korshunova A.A. & Zharkynbekova S.K. Proverbs and Other Stable Sayings Show a Foreigner the Traditions and Cultures of the Russian People. *In: International Journal of Society, Culture and Language*, 2021, 9(3), 101–108.
- Curtice J., Hudson N. & Montagu I. (eds.). *British Social Attitudes: The 37th Report*. London, The National Centre for Social Research, 2020. Available at: https://natcen.ac.uk/sites/default/files/2023–08/bsa37_family-life_0.pdf (accessed 10 January 2026).
- Filatov A.V. Aksiologiya v teorii literatury: osnovnye napravleniia tsennostnogo analiza [Axiology in literary theory: main directions of value analysis]. *In: Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2019, 4, 130–140. DOI: 10.17223/18137083/69/11.
- Haerpfel C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E. & Puranen B. (eds.). *World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0*. Madrid & Vienna, JD Systems Institute & WWSA Secretariat, 2022. DOI: 10.14281/18241.24
- Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2005. 333.
- Karasik V.I. Shchedrost' kak tsennost' russkoi lingvokul'tury [Generosity as a value of Russian linguaculture]. *In: Obshchaia i russkaia lingvoaksiologiya [General and Russian Linguoaxiology]*, M., Yaroslavl, Kantsler, 2022, 14–39.
- Korobov M., Kireev D. Pymorphy2: morfologicheskii analizator russkogo iazyka [Pymorphy2: morphological analyzer of the Russian language], n.d. Available at: <https://pymorphy2.readthedocs.io/> (accessed 10 January 2026).
- Mamontov A.S., Cjedjendorzhijn J. & Boguslavskaya V.V. Sistema tcennostei v aspekte natsionalno-orientirovannoi leksikografii (na primere russko-mongolskikh sopostavlenii) [A Value System through the Perspective of Culturally Oriented Lexicography]. *In: Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika [Russian Journal of Linguistics]*, 2019, 23(1), 200–222. DOI: 10.22363/2312–9182–2019–23–1–200–222
- Milovanova M.S., Sigal K. Ia., Karasik V.I., Slyshkin G.G., Fominykh B.I., Bozhenkova N.A., Goncharova L.M., Matrusova A.N. & Shamsutdinova R.R. *Obshchaia i russkaia lingvoaksiologiya [General and Russian Linguoaxiology]*. M., Yaroslavl, Kantsler, 2022. 390.
- Momyshuly B. *Nasha sem'ia [Our family]*. Almaty, Knizhnyi klub, 2024. 220.
- Pishchal'nikova V.A. Bazovye tsennosti: metodologicheskie problemy psikholingvisticheskogo issledovaniia [Basic values: methodological problems of psycholinguistic research]. *In: Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]*, 2020, 3, 20–35.
- Povalko P. Yu., Smolii E.S. & Kolysheva O.N. Aksiosfera sovremennogo universiteta: tranlyatsiya tsennostey i ikh otrazhenie v yazykovom soznanii studentov i prepodavateley [Axiosphere of the Modern University: Translation of Values and Their Reflection in the Language Consciousness of Students and Professors]. *In: Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, 2024, 1, 109–119. DOI: 10.20916/1812–3228–2024–1–109–119
- Seliverstova Zh. B. Konvergentno-kontseptual'nyi algoritm issledovaniia khudozhestvennogo kontsepta Sibir' v tekste G.D. Grebenshchikova: opyt sistemno-urovnevoi modeli [Convergent-conceptual algorithm for the research of the artistic concept “Siberia” in the text of Georgy Grebenshchikov: An experience of a system-level model]. *In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]*, 2022, 80, 133–161. DOI: 10.17223/19986645/80/7
- Serebrennikova E.F. (ed.). *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriia tsennostnykh smyslov [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings]*. M., Tezaurus, 2011. 352.
- Sidorova N.A., Kurochkina E.V. Semantika tsennostno markirovannogo diskursa [Semantics of value-marked discourse]. *In: Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Gumanitarnye*

i sotsial'nye nauki [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Humanities and Social Sciences], 2020, 6, 63–71.

Smigelski A., Sokolov B. & Nemirovskaia A. Ekologicheskie ustanovki i emansipativnye tsennosti: analiz dannykh Evropeiskogo issledovaniia tsennosti [Environmental attitudes and emancipative values: analysis of the European Values Study]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 2024, 23(2), 283–310. DOI: 10.17323/1728–192x-2024–2–283–310

Sobotka T., Berghammer C. Demography of Family Change in Europe. In: *Research Handbook on the Sociology of the Family*, Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2021, 162–186.

Subagiharti H., Rika R.R., Handayani D.S. & Nasution W.N.A. Analysis of Literature Sociological Approaches on the Novel *Stepping* by J.S. Khairen through Cultural Values. In: *Journal of Scientific Research, Education, and Technology*, 2023, 2(2), 894–901. DOI: 10.58526/jsret.v2i2.178

Tarasov E. F. (ed.). *Bazovye tsennosti nositelei russkoi kul'tury [Basic values of Russian culture bearers]*. Moscow, RUDN University, 2020. 479.

Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 5 noiabria 2025 g., No. 1081. Ob utverzhdenii osnovnykh printsipov, tsennosti i napravlenii vnutrennei politiki Respubliki Kazakhstan [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan on the basic principles, values and directions of domestic policy]. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2500001081> (accessed 10 January 2026).

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 9 noiabria 2022 g., No. 809. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniu i ukrepleniu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennosti [Decree of the President of the Russian Federation on the fundamentals of state policy for preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (accessed 10 January 2026).

Ukaz Prezidenta Kyrgyzskoi Respubliki ot 30 avgusta 2022 g., No. 303. Ob utverzhdenii Natsional'noi programmy o sokhraneni i razviti natsional'nykh traditsii na 2022–2027 gg. [Decree of the President of the Kyrgyz Republic on the national program for preservation and development of national traditions]. Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/5–9988/edition/1185564/ru> (accessed 10 January 2026).

Ufimceva N. V. *Iazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Language consciousness: dynamics and variability]*. M., Kaluga, Institut iazykoznanii RAN, 2011. 252.

Zharkynbekova Sh.K., Loginova M. V. Lingvokul'turnyi tipazh «student»: narrativnoe izmerenie [The linguocultural type “student”: narrative dimension]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]*, 2021, 70, 27–49. DOI: 10.17223/19986645/70/3

Zharkynbekova Sh.K., Seliverstova Zh.B. Lingvoaksiologiya tsennosti v mediadiskurse Kazakhstana: analiz kliuchevykh slov kak reprezentantov obshchestvennykh kontseptov [Linguoaxiology of values in the media discourse of Kazakhstan]. In: *Terra Linguistica*, 2025a, 16(4), 41–58. DOI: 10.18721/JHSS.16403

Zharkynbekova Sh.K., Seliverstova Zh.B. Transformatsiia tsennostnykh orientirov: ot proshlogo k nastoiashchemu, ot global'nogo k natsional'nomu [Transformation of value orientations: from the past to the present, from the global to the national]. In: *Keruen*, 2025b, 3, 90–111. DOI: 10.53871/2078–8134.2025.3–06

Zulfardi D. Sociological Analysis of Social Values in Short Stories Published in 2015. In: *Research Horizon*, 2025, 5(5), 2085–2096. DOI: 10.54518/rh.5.5.2025.780

Anthony L. AntConc (version 4.1.6) [Computer software]. Waseda University, n.d. Available at: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (accessed 10 January 2026).

EDN: PORKEM
УДК 82.09:821.111

Pragmatic Meaning and Intercultural Influences in Kazuo Ishiguro's *The Family Supper*

Andrea Puskás*

J. Selye University
Komárno, Slovak Republic

Received 31.01.2026, received in revised form 05.02.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. Kazuo Ishiguro is a Japanese-born British novelist and short story writer, who was awarded the Nobel Prize for Literature in 2017. He is known for his impressive explorations of emotions, memory and (inter)cultural encounters. This paper examines how pragmatic meaning is constructed in Kazuo Ishiguro's short story *The Family Supper*. The central claim is that the narrative's emotional impact is based primarily on indirectness, silence and reader inference rather than explicit narration and communication. Drawing on an integrated theoretical framework that combines politeness theory, relevance theory and intercultural pragmatics, the paper examines Ishiguro's minimalist dialogue, narrative omissions and restrained language and how all these can challenge Western expectations of explicit emotional expression. The story invites readers to experience grief, guilt and unresolved family tensions. Silence, indirectness and topic avoidance are shown as collective face-saving pragmatic strategies, which reflect Japanese high-context communicative norms and culture. By emphasizing the role and impact of culturally shaped pragmatic inference in literary dialogue, the study underlines the importance of intercultural awareness and sensitivity in the interpretation of contemporary fiction.

Keywords: pragmatic meaning, intercultural influences, politeness, silence, minimalist dialogue, high-context communicative norms.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Languages of the Peoples of the Foreign Countries (English).

Citation: Puskás A. Pragmatic Meaning and Intercultural Influences in Kazuo Ishiguro's *The Family Supper*. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 672–679. EDN: PORKEM

Прагматика и межкультурное влияние в рассказе Кадзуо Исигуро «Семейный ужин»

А. Пушкаш

Университет имени Яноша Шейе
Словацкая Республика, Комарно

Аннотация. Казуо Исигуро – британский писатель японского происхождения, автор коротких рассказов, лауреат Нобелевской премии по литературе 2017 года. Он известен своими впечатляющими исследованиями эмоций, памяти и (меж) культурных столкновений. В данной статье рассматривается процесс конструирования прагматического значения в рассказе Казуо Исигуро «Семейный ужин». Специфика повествования заключается прежде всего в том, что его эмоциональное воздействие основано в первую очередь на косвенности, молчании и выводах читателя, а не на явном повествовании и диалогических репликах. Опираясь на интегрированную теоретическую основу, сочетающую теорию вежливости, теорию релевантности и межкультурную прагматику, в статье исследуются минималистский диалог Исигуро, пропуски в повествовании и сдержанный язык, которые позволяют бросить вызов западным ожиданиям явного выражения эмоций. Рассказ приглашает читателей испытать горе, вину и неразрешенные семейные конфликты. Молчание, косвенность и избегание темы показаны как коллективные прагматические стратегии сохранения лица, которые отражают японские высококонтекстные коммуникативные нормы и культуру. Отмечая роль и влияние сформированных культурой прагматических выводов в литературном диалоге, в статье подчеркивается важность межкультурного осознания и чувствительности в интерпретации современной художественной литературы.

Ключевые слова: прагматическое значение, межкультурное влияние, вежливость, молчание, минималистичный диалог, высококонтекстные коммуникативные нормы.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский).

Цитирование: Пушкаш А. Прагматика и межкультурное влияние в рассказе Кадзуо Исигуро «Семейный ужин». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 672–679. EDN: PORKEM

Introduction

The Japanese-born British novelist Kazuo Ishiguro has deep connections with two different cultures and many of his texts offer a great site for intercultural and linguistic inquiries investigating not only intercultural differences but also pragmatic strategies, silence, memory, social interaction and emotional restraint.

The study adopts a pragmatic – intercultural framework combining politeness theory, relevance theory and intercultural pragmatics

to investigate how meaning is produced in Kazuo Ishiguro's short story *The Family Supper*. The framework is based on the assumptions of Politeness Theory, the Strategic Speaker approach and intercultural pragmatics and assumes that literary dialogue operates according to the same pragmatic principles as everyday interaction.

The study treats *The Family Supper* as a site of pragmatic interaction and examines its dialogues by using the method of discourse analysis to point out how Ishiguro's minimalist

style systematically mobilizes pragmatic inference, silence and indirectness as narrative strategies.

Theoretical Framework
Intercultural Pragmatics
and Interpreting Literature

Pragmatics has been used as an excellent tool of interpreting literary texts and helping literary scholars understand how meaning is born not merely based on semantic content but also based on contextual assumptions or communicative intentions. Literary scholars and readers can make use of pragmatics when understanding meaning beyond what is explicitly stated by the characters or the narrator, misunderstandings or asymmetries of power and hierarchical relationships depicted in literary texts. Pragmatics illuminates the contextual and interactional dimensions of literary discourse, the implications of social relationships and may be helpful in clarifying and understanding the motivations and behaviours of characters.

Intercultural pragmatics, more specifically, is a useful framework for interpreting literary texts by foregrounding how meaning is negotiated and constructed across culturally situated communicative norms. Intercultural pragmatics can be an excellent tool for decoding how authors of literary texts encode, challenge or even subvert culturally specific expectations of communication and how readers coming from different cultural backgrounds may interpret these cues divergently. This approach is particularly fruitful when dealing with texts that depict cross-cultural encounters, multilingual settings or the encounters of different cultural values and attitudes, mainly because pragmatic competence is considered to be linked with interpretation across cultural norms (Kecskés, 2014; Kecskés, 2019).

Politeness Theory Reconsidered

Brown and Levinson's (1978) Politeness Theory is still widely used for interpreting indirectness and face-saving strategies; however, recent pragmatic scholarship and theories expand politeness analysis and include topics such as social identity, im/politeness dynamics or cultural differences. This can enrich the in-

terpretation of literary texts as well and refresh the understanding of family relationships, cultural expectations and the influence of socio-cultural contexts on speech choices.

In their universal Politeness Theory, Penelope Brown and Stephen C. Levinson (1978) argue that every member of society has a face, which they define as a public self-image. They explain that there is positive face – which is connected with the desire to be liked, appreciated or approved by others, and there is negative face – referring to one's rights to non-distraction, the freedom from imposition (Brown & Levinson, 1978: 61). For example, negative face can mean not wanting to be told by others what to do and positive face can mean wanting others to think that one is friendly or competent. Many everyday speech acts threaten either the speaker or the hearer to lose face, Brown and Levinson call these Face Threatening Acts (hereinafter referred to as FTA) and they suggest five strategies that can alleviate them: 1) without redressive action, baldly; 2) by positive politeness; 3) by negative politeness; 4) by going off record; and 5) by not doing, avoiding the FTA. The higher the risk of the FTA is for the speaker, the higher the number of the strategy s/he will choose (Brown & Levinson, 1978: 60). The theory proposes a formula based on which the seriousness or weightiness of an FTA can be calculated or evaluated, and it is based on three social variables: the social distance between the speaker and the hearer; the power that the hearer has over the speaker and the ranking of impositions in the specific culture, i.e. how burdensome the act is. The greater the combination of these three is, the more politeness is required.

Off-record strategies allow the speaker to be ambiguous, the utterance can function both as a request and as a reflective remark, it is deniable if the speaker finds it threatening or uncomfortable within a hierarchical relationship (for example between a boss and an employee or other differences in power). Soltys et al. (2014) explain that off-record utterances have a double function: serving the hearer's face and enhancing his positive face at the same time (Soltys et al., 2014: 35).

The theory of Brown and Levinson has generated a lot of discussion, some scholars confirming its key theoretical assumptions and others criticising it for being too much focused on Western culture and for not being applicable to other cultures. Undeniably, the model of Brown and Levinson remains useful, however, some more recent findings and works conceptualize politeness as a discursive social practice shaped by group norms and identities (e.g. Culpeper, 2011). Arundale (2006) claims that face is mutually constructed by participants through interaction and it is part of the social self, which is constructed through relationships, therefore, politeness involves managing or handling the connection and separation between participants in interaction. Politeness Theory has been updated also in the light of Relevance Theory, which emphasises that comprehension involves updating the context of an utterance in a way that maximizes the relevance of the utterance. In this sense, politeness involves the updating and management of context and face can be understood as context. The hearer constantly updates this portion of context with each utterance (Hatfield & Hahn, 2011: 1315–1316).

The Strategic Speaker Approach

The Strategic Speaker approach is closely connected with the update of Politeness Theory and assumes that communication is a goal-oriented, adaptive process, in which speakers select linguistic forms and devices in order to influence listeners' beliefs, understandings, interpretations or even actions. The approach is generally understood as a framework that examines the factors that a speaker is influenced by when making decisions on what to say and how to say it. It assumes that in communication words and linguistic devices are not selected because of their literal meaning but also based on their anticipated pragmatic effect. The choices and decisions made by the speaker during communication is determined by social interaction, social context and communication goals.

Politeness Theory and the Strategic Speaker approach share a lot of similarities and of course have many differences. They

both present a comprehensive view on indirect speech and off-record indirectness. The two theories have been compared by Soltys et al. (2014), who have not only pointed out the shared common features and basic differences between them but have also provided useful empirical research suggestions and predictions. The most prominent representative of the Strategic Speaker approach is Stephen Pinker and his colleagues (Pinker 2007, Lee & Pinker 2010, Pinker 2011), who described this approach as very similar to Politeness Theory, but dealing with scenarios that do not fall exactly into the realm of politeness theory, for example speech acts that are considered as controversial such as threats, bribery or sexual propositions or socially inappropriate or inadvisable speech acts (Pinker, 2007; Lee & Pinker, 2010; Soltys et al., 2014). For such speech acts and speakers, Pinker suggests, the best solution is to participate in off-record indirect speech allowing the speaker to balance potential risks and benefits (Pinker, 2007). The Strategic Speaker approach seems to elaborate situations where the speaker and/or the hearer is antagonistic and not cooperative. It is based on the idea that human interaction is guided and based on relationship models. Pinker designates three relationship types: dominance/authority; communality/communal sharing; and reciprocity/equality matching (Pinker et al., 2008: 835). During communication, the speaker acts in accordance with the model operating between him and the other participant. Off-record speech, however, provides the speaker a means of expressing utterances not associated with the operating relationship model (Lee & Pinker, 2010).

Ishiguro's Cultural Hybridity and Indirectness

Kazuo Ishiguro's fiction is frequently characterized by a unique form of narrative and communicative indirectness, in which emotions and conflicts are hidden and never expressed explicitly. In an interview, Ishiguro talks about finding his voice, in which he does not seem to intend and depict the individual as someone trying to find his or her voice – and express it directly, instead, he talks about the tensions of life and the so many influences,

pulling one apart in which the individual is only an observer.

“But I’m wondering if it’s time to try to construct a voice, a way of writing, that somehow takes on board some of the post-Freudian tensions of life – that comes not from buckling up, not from being unable to express yourself, but from just being pulled left, right, and center by possible role models and urges, by a sense that you’re missing out. That would involve a different kind of voice, would imply a different way of writing, and would lead to a very different looking novel.” (Shaffer & Ishiguro, 2001: 14).

Ishiguro has undeniably found this new voice and demonstrates it in his works. Although he writes in English, he has a brilliant talent to confront Western culture and attitudes with Japanese – Asian cultural and communicative norms.

The short story *The Family Supper* is about a Japanese narrator who comes back from a two-year stay in the USA, California and meets his father and sister after a long period of separation. His worldview is already different from his father’s, not only because of a generation gap but also because of Western influence, his experience of different cultures and the possibility of different life choices and styles. Family tragedy – the death of the mother, the loneliness of the father, the suicide of a friend Watanabe (who killed not only himself because of his failure in business but also murdered his whole family), feelings of guilt and (self-)blame that are part of the atmosphere of the story serve as face-threatening acts for all family members. However, the sentences of the short story are brief, informative, often pragmatically underdetermined. They avoid talking about these topics and the most important parts and messages are not verbalized.

Silence as a Pragmatic Strategy

Silence plays a dominant role in the structure of *The Family Supper*. Utterances are short, often banal on the surface; however, they are coloured with implied meaning. For example, when the father and his son, the narrator re-

fer to the mother’s death, the topic is addressed very briefly, without emotional elaboration. The absence of detailed comments and discussions on this tragic event does not indicate irrelevance or ignorance, on the contrary, it intensifies the emotional colouring of the topic and the tensions that it is closely connected with. The context involves family trauma and broken relationships as well as communication failures, which derives not from verbal utterances but from cultural norms, interactional expectations and shared contextual assumptions. This communication failure is the result of specific communicative choices and decisions – they decide not to talk about certain issues – and not because they cannot speak about them. Within Politeness Theory, the silence that prevails the story can be interpreted as a negative politeness strategy that avoids imposing emotional demands on the hearer. The son does not wish to lose his negative face – he does not want to be told what to do and still wants to keep his positive face – wants to remain an obedient son who respects his father.

In the framework of Pinker’s system, the communication choices of the characters are determined by their relationship and interaction, it is the dominance/authority model. The relationship between the father and the son is based on hierarchy, the son hides his feelings and opinions and avoids direct communication so that he does not offend his father. In addition, there is the prevailing atmosphere of anticipated antagonism – the son seems to avoid communication or uses off-record utterances also because of the father’s potential disapproval, judgement and difference in opinion. After not seeing each other for two years, during which time the mother died under uncertain circumstances (eating fugu at a friend’s house, which turn out to be fatal), the two men seem to have difficulties in communication. “Inevitably, our conversation since my arrival at the airport had been punctuated by long pauses.” (Ishiguro, 1988: 434).

The son avoids direct statements and gives his father polite responses not to offend him or not to hurt him by explaining his life choices – which are not compatible with his father’s future hopes. The father eagerly wishes his chil-

dren to stay in Japan. "I for one am prepared to forget the past. Your mother too was always ready to welcome you back – upset as she was by your behaviour.", the father explains. However, when responding to this, the son avoids explaining his clear standpoint about staying in Japan or going back to the USA, he avoids a direct answer: "I appreciate your sympathy. As I say, I'm not sure what my plans are." (Ishiguro, 1988: 325).

It is hard to believe that a person who had lived in California for two years, away from Japan and his parents, who had not spoken to his parents – very probably because of a serious and passionate fight about him leaving to a foreign country, has no specific plans about where to stay and whether to go back to Japan or not. His response reveals much about the tensions and hardships of this relationship, he does not want to start fighting all over again and does not want to seem disrespectful with his father by disagreeing with his views. He does not even share his dilemmas about making this important decision of whether to move back to Japan or stay in the USA.

The pragmatic avoidance present in *The Family Supper* can be explained using Politeness Theory. Discussions of topics such as suicide, blame, emotional loss are represented as face-threatening acts that are handled with silence, topic avoidance and indirect speech. When the father, out of the blue, explains his opinion about the mother's death – "I hadn't meant to tell you this, but perhaps it's best that I do. It's my belief that your mother's death was no accident. She had many worries. And some disappointments.' We both gazed at the plastic battleship." (Ishiguro, 1988: 338). There is no further explanation of the reasons why the father has this belief, what those disappointments could relate to or what kind of worries he had on mind. The reader can only have speculations – whether it was connected with the son's leaving, family arguments, possible marital problems or her inability to overcome some difficulties or changes. After staring at the battleship – another long pause in the conversation – the son's response is: "'Surely', I said eventually, 'my mother didn't expect me to live here for ever.'" (Ishiguro, 1988: 338). As

if he was trying to protect himself, claiming that it was not his fault, the mother could not have committed suicide because of him. This very gentle and indirect response gives him the chance of later deniability.

The pragmatic strategies used by the speakers in the story function not only as tools of protecting individual face but also as the tools of maintaining family unity, cohesion and hierarchical order. The text does not contain examples of impoliteness or harsh rudeness. The characters never shout with each other; they do not use offensive language. Meaning emerges through politeness-driven undercommunication, which seems to be precisely formulated to avoid any kind of negative consequences, insults or offence. The efforts to maintain the status quo of hierarchy and respect toward a parent often result in silence and indirectness and a pragmatic environment in which the most significant emotions are the ones which are least verbalized. Indirect speech acts, references to food, health and routine-like domestic activities operate as displaced emotional acts. This displacement allows characters to engage with emotionally charged material, but at the same time they can also maintain plausible deniability.

Notably, the narrator rarely comments on his own feelings, not even internally. The dialogic restraint is mirrored in the narrative restraint and vice versa. Emotions are present but not articulated, they are accessible only through inference. The family members do not exploit conversational opportunities to avoid possible conflict and confrontation.

Intercultural Context and Communication

The intercultural interpretation of both Politeness Theory and the Strategic Speaker approach suggests that the use of off-record speech is dependent upon culture (Soltys et al., 2014). Hall's theory of high and low-context cultures (1976) has had a great influence on both on intercultural pragmatics and literary interpretation. It implies that – in relation to politeness – the level of politeness and the nature of directness, its acceptability and social implementation and cultural perception may vary in different cultural contexts. In English-

speaking communities and in Western culture in general, there seems to be strong connection between politeness and off-record speech (Soltys et al., 2014: 55), but what qualifies as a non-sanctioned act or generally culturally acceptable in communication in high versus low-context cultures can be completely different (Kim et al., 1998; Wurtz, 2005; Saint-Jacques, 2011; Croucher et al., 2012; Hornikx & le Pair, 2017; Yang et al., 2020; T. Litovkina, 2025; Senkar, 2025).

In Japanese, high-context culture and communication, silence often signals respect, emotional depth and shared understanding rather than embarrassment or discomfort. This cultural norm is juxtaposed with a Western reader's expectation that grief and blame should be verbally articulated and the son should clarify a lot of questions and misunderstandings with his father. Furthermore, in high-context culture, the parent and child relationship is based on hierarchy, children's duties towards their parents are emphasised, respect and obligations are key expectations and parents are more authoritative than in low-context Western culture (Lau, 2006).

The final scene, in which the father, son and daughter have dinner is marked with pragmatic ambiguity. The possibility that the meal itself is poisonous is never stated but it is constantly implied by referring to the mother's death (eating poisonous fugu, Watanabe killing his family because he could not cope with the loss of values he believed in). Without any explicit confirmation, the reader is put into a position where understanding is withheld, it is upon his or her interpretative skills to find out whether there is a tragic or a neutral, less threatening ending to the story.

Conclusion

Dialogues in *The Family Supper* operate on two levels: a literal level of informative minimalism and a second level of emotional intensity. Readers encounter grief, blame, un-

resolved tension because these emotional traumas and conflicts are not articulated. Ishiguro's pragmatic minimalism and economy reflect real-life interaction in high-stakes situations, where speakers often say less in order to avoid or manage interpersonal risk and face-loss.

Meaning in the story is constructed primarily through indirectness, silence and inference rather than explicit narration or emotional disclosure. The analysis showed that Ishiguro's minimalist style in the short story generates conversational implicatures that reveal family tension, guilt and unresolved conflicts. These implicatures are used deliberately and systematically to convey and intensify emotional meaning. The undercommunication displayed in the story is pragmatically motivated by politeness, care and respect for the elderly – culturally coloured factors and principles that are interpreted differently by high and low-context cultures. Silence, topic avoidance and off-record indirectness are face-saving strategies that aim to manage emotional risks and to maintain family harmony and cohesion in the context of a dominance/authority model – even if it can be maintained only on the surface.

The examination of silence revealed that it is a communicative resource in the story, rather than an absence of meaning. Ishiguro's short story reveals that what is left unsaid can be more communicatively powerful than what is verbally expressed explicitly and that pragmatic meaning – shaped by culture and context is fundamental to Ishiguro's narrative.

The study highlighted the important role of intercultural pragmatics in literary scholarship emphasising the necessity and exact place of linguistic theory in literary interpretation. Pragmatic theory provides not only a descriptive but an explanatory account of the story's ambiguity and emotional resonance. The reader is positioned as an active participant in constructing meaning with the necessity of activating cultural knowledge and engaging in a high-context communicative narrative style.

References

Arundale R. B. Face as relational and interactional: A communication framework for research on face, facework, and politeness, *Journal of Politeness Research*, 2006, 2, 193–216.

- Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1978, 345.
- Croucher S. M., Bruno A., McGrath P., Adams C., McGahan C., Suits A., Huckins A. Conflict Styles and High–Low Context Cultures: A Cross-Cultural Extension. *Communication Research Reports*. 2012, 29(1): 64–73. doi:10.1080/08824096.2011.640093
- Culpeper J. *Impoliteness: Using language to cause offence*. Cambridge University Press, 2011, 308.
- Fukada A., Asato N. Universal politeness theory: application to the use of Japanese honorifics, *Journal of Pragmatics*, 2004, 36, 1991–2002.
- Hall E. T. *Beyond Culture*. Garden City: Anchor Press, Doubleday. 1976
- Hatfield H., Hahn J. W. What Korean apologies require of politeness theory, *Journal of Pragmatics*, 2011, 43, 1303–1317.
- Hornikx J., le Pair R. The Influence of High-/Low-Context Culture on Perceived Ad Complexity and Liking. *Journal of Global Marketing*, 2017, 30(4), 228–237. doi:10.1080/08911762.2017.1296985
- Ishiguro K. The Family Supper. In Bradbury, M. (Ed.). *The Penguin Book of Modern British Short Stories*. Penguin Books Ltd. 1988, 434–442.
- Kecskés I. Impoverished pragmatics? The semantics-pragmatics interface from an intercultural perspective, *Intercultural Pragmatics*, 2019, 16(5), 489–515. <https://doi.org/10.1515/ip-2019-0026>
- Kecskés I. *Intercultural Pragmatics*. Oxford University Press, 2014, 288.
- Kim D., Pan Y., Park H. S. High versus low-context culture: A comparison of Chinese, Korean, and American cultures. *Psychology and Marketing*, 1998, 15(6), 507–521. doi:10.1002/(sici)1520-6793(199809)15:6<507::aid-mar2>3.0.co;2-a
- Lau A. S., Takeuchi D. T., Alegría M. Parent-to-Child Aggression Among Asian American Parents: Culture, Context, and Vulnerability, *Journal of Marriage and Family*, 2006, 68(5), 1261–1275. doi:10.1111/j.1741-3737.2006.00327.x
- Lee J. J., Pinker S. Rationales for indirect speech: The theory of the strategic speaker, *Psychological Review*, 2010, 117(3), 785–807.
- Pinker S. Indirect speech, politeness, deniability, and relationship negotiation: Comment on Marina Terkourafi's "The Puzzle of Indirect Speech.", *Journal of Pragmatics*, 2011, 43, 2866–2868.
- Pinker S. The evolutionary social psychology of off-record indirect speech acts. *International Pragmatics*, 2007, 4(4), 437–461.
- Pinker S., Nowak M. A., Lee J. J. The logic of indirect speech, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2008, 105(3), 833–838.
- Saint-Jacques B. Intercultural Communication in a Globalized World. In: Samovar, L. A., Porter, R. E., McDaniel, E. R. (Eds.). *Intercultural Communication: A Reader*. 13th edition. Boston, Mass: Cengage Learning, 2011, 45–53.
- Senkar P. Hungarian Poems of Sándor (Alexander) Kormos and their Usability in National Minority Schools in Central European Context. In: *Ezhegodnik Finno-Ugorskikh Issledovanií: Yearbook of Finno-Ugric Studies*. Ishevsk: Udmurt State University, 2025, 19(2), 280–289. DOI 10.35634/2224-9443-2025-19-2-280-289.
- Shaffer B. S., Ishiguro K. An Interview with Kazuo Ishiguro, *Contemporary Literature*, 2001, 42(1), 1–14.
- Soltys J., Terkourafi M., Katsos N. Disentangling Politeness Theory and the Strategic Speaker approach: Theoretical considerations and empirical predictions, *Intercultural Pragmatics*, 2014, 11(1), 31–56.
- T. Litovkina, A. Humor Devices Used in Anglo-American Anti-Proverbs about Money, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2025, 18(1), 81–94.
- Wurtz E. Intercultural Communication on Websites: A Cross-Cultural Analysis of Websites from High-Context Cultures and Low-Context Cultures. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2005, 11(1): 274–299. doi:10.1111/j.1083-6101.2006.tb00313.x
- Yang X., Hou J., Arth Z. W. Communicating in a proper way: How people from high-/low-context culture choose their media for communication. *International Communication Gazette*. 2020. 174804852090261. doi:10.1177/1748048520902617

EDN: QAQGJL
УДК 81'25:82.09:821.111

Linguistic Tension and Interdisciplinary Authority in R.F. Kuang's *Babel* and *Katabasis*

Cyntia Kálmánová*

*J. Selye University
Komárno, Slovak Republic*

Received 31.01.2026, received in revised form 05.02.2026, accepted 09.02.2026

Abstract. R. F. Kuang frequently takes a deeply interdisciplinary approach in her novels, intertwining fantasy and magical realism with history, philosophy, linguistics, and literary theory. Her works examine and critique the cultural significance of language, where logic, language, and translation act as the metaphors of manipulation and oppression. The main aim of the study is to investigate how language use, linguistic manipulation and paradoxes influence plot and character development in the novels *Babel* and *Katabasis* by R. F. Kuang. Drawing on critical discourse analysis, the study examines how limited or unequal access to linguistic knowledge can generate tension between characters and institutions. It demonstrates how Kuang's narratives show language not simply as a communicative tool but as a material and ideological resource. By subverting the tropes of Dark Academia, an online subculture that has become a literary genre, and by employing interdisciplinary authority, Kuang experiments with genre hybridity, critical theory, and linguistic concepts to critique power, injustice, and the academia. The study argues that Kuang juxtaposes academic ascent in *Babel* with epistemological descent in *Katabasis*. In *Babel*, she exposes translation as a technology and the tool of imperial knowledge, while in *Katabasis* she confronts logical paradoxes as linguistic failures in communication and understanding. This challenges the idea that interdisciplinary linguistic mastery leads to ethical or intellectual progress. The study points out that the two selected texts offer a productive site for linguistic investigation in the field of authority in interdisciplinary contexts and contributes to current discussions on sociolinguistics and narrative representations.

Keywords: linguistic elitism, interdisciplinary authority, translation, paradox, language as ideological resource.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Languages of the Peoples of the Foreign Countries (English).

Citation: Kálmánová C. Linguistic Tension and Interdisciplinary Authority in R. F. Kuang's *Babel* and *Katabasis*. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(3), 680–690. EDN: QAQGJL

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: kalmanovac@ujss.sk

Языковая напряженность и междисциплинарный авторитет в романах Р.Ф. Куанг «Вавилон. Сокрытая история» и «Катабасис»

С. Кальманова

Университет имени Яноша Шейе
Словацкая Республика, Комарно

Аннотация. Р.Ф. Куанг часто использует в своих романах глубоко междисциплинарный подход, переплетая фантастику и магический реализм с историей, философией, лингвистикой и теорией литературы. В произведениях автора исследуется и критикуется культурное значение языка, в котором логика, язык и перевод выступают в качестве метафор манипуляции и угнетения. Основная цель статьи – изучить, как использование языка, лингвистическая манипуляция и парадоксы влияют на развитие сюжета и персонажей в романах Р.Ф. Куанг «Вавилон. Сокрытая история» и «Катабасис». Опираясь на критический дискурс-анализ, в статье показано, как ограниченный или неравный доступ к знанию языка может вызвать напряженность между персонажами и институтами. В повествованиях Р.Ф. Куанг язык представлен не просто как средство коммуникации, но как материальный и идеологический ресурс. Подрывая тропы «темной академии» – онлайн-субкультуры, ставшей литературным жанром, и используя междисциплинарный авторитет, автор экспериментирует с гибридностью жанров, критической теорией и лингвистическими концепциями, чтобы критиковать власть, несправедливость и академическое сообщество. В статье утверждается, что Р.Ф. Куанг сопоставляет академический подъем в «Вавилоне» с эпистемологическим падением в «Катабасисе». В «Вавилоне» перевод показан как технология и инструмент имперского знания, в «Катабасисе» высвечиваются логические парадоксы, представляющие собой лингвистические провалы в коммуникации и понимании. Это ставит под сомнение идею о том, что междисциплинарное лингвистическое мастерство ведет к этическому или интеллектуальному прогрессу. Внося вклад в текущие дискуссии по социолингвистике и нарративным представлениям, в статье утверждается, что два текста, подверженные анализу, предлагают продуктивную площадку для лингвистического исследования в области авторитета в междисциплинарных контекстах.

Ключевые слова: лингвистический элитаризм, междисциплинарный авторитет, перевод, парадокс, язык как идеологический ресурс.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский).

Цитирование: Кальманова С. Языковая напряженность и междисциплинарный авторитет в романах Р.Ф. Куанг «Вавилон. Сокрытая история» и «Катабасис». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(3), 680–690. EDN: QAQGJL

Introduction

In literary narratives, language can function as an ideological resource rather than

simply as a neutral means of communication. Authors can incorporate social values into their choice of vocabulary, speech patterns,

translations, and multilingual exchanges, thereby allowing language to construct authority. Language can determine what is depicted as intelligent, morally justified, or reliable, and what is devalued and neglected. Andrea Puskás's research supports the view that language can act as an ideological resource: by analysing how language can play part in cultural hierarchy, her study reveals how distinctions between high- and low-context cultures are created and maintained through discourse that can assign cultural authority to certain linguistic forms while dismissing others (Puskás, 2025: 14). According to Puskás, cultural authority can be shaped through the use of language which emphasises specific aesthetic forms, and its mastery can serve as an indicator of education, manners, and power (Puskás, 2025: 14).

In her novels *Babel, or the Necessity of Violence: An Arcane History of the Oxford Translators' Revolution* (2022) and *Katabasis* (2025), R. F. Kuang incorporates linguistic tension and the role of language directly into the lives of her characters, intertwining abstract theory with lived experience to emphasise its impact on character development, decision-making, and identity formation. *Babel* follows the journey of Robin Swift, an orphan boy, as he is uprooted from his homeland in Canton and begins his scholarly pursuit at Oxford's Royal Institute of Translation, also known as 'Babel,' and where his outstanding linguistic abilities help him secure a position as a novice translator, while simultaneously alienating him from his cultural origins. Conversely, *Katabasis* places its protagonists into a literal academic underworld, where they must comprehend the binding contrast between knowledge and the right kind of knowledge, as determined by institutional principles and measured by their adept navigation of specialised vocabulary, paradoxes, philosophy, and esoteric theory.

In this context, the main aim of the study is to examine the ways in which R. F. Kuang employs language as a mechanism of control, power, and ideological framework. Through close-reading and comparative analysis, it will investigate how linguistic manipulation, translation, and logical paradoxes shape both plot progression and character development. Draw-

ing on Critical Discourse Analysis, the research aims to explore how this form of linguistic inequality can create conflict between individuals and academic structures, demonstrating language as an act of self-deception and betrayal rather than a neutral communication tool. Furthermore, the study will place the two novels within, and against, the tropes of Dark Academia. This genre and aesthetic subculture traditionally enhances language mastery as a marker of elite intellectual and social status, particularly through privileged knowledge of ancient, classical languages. The study argues, that by reframing the dark academic longing for linguistic excellence, Kuang challenges the aestheticisation of classical language mastery within the genre.

Theoretical Framework

Teun A. van Dijk defines Critical Discourse Analysis as a form of analytical discourse research that focuses on how social and power inequalities and their misuse are expressed, justified, and challenged through language and conversation within social and political settings (Van Dijk, 2015: 466). Drawing on his definition of power, particularly social power in terms of control, van Dijk argues that social power is not merely the possession of authority, but rather the actual ability of groups to exercise control over others to a certain extent (Van Dijk, 2015: 469). He emphasises that social power can therefore be understood as a form of control exercised by dominant groups, particularly through privileged access to discourse, including by elites, experts, and institutions (Van Dijk, 2015: 469). Building on earlier accounts of power and discourse, van Dijk notes that such forms of control are often "enacted in the myriad taken-for-granted actions of everyday life (Foucault, 1980, as cited in van Dijk, 2015: 469) and typically in "the many forms of everyday sexism or racism" (Essed, 1991, as cited in van Dijk, 2015: 469). Kaha Abdi also posits that language ideologies are fundamentally tied to struggles over power, and how people "perceive and evaluate languages in various social contexts is not neutral but shaped by social, cultural, and political factors" (Abdi, 2025: 1032). By taking these per-

spectives into consideration, they propose the notion that dominant groups can shape beliefs, social action, and knowledge, a concept that is especially relevant in R. F. Kuang's fiction.

Dark Academia is frequently associated with a number of niche elements of academia-related interest: its aesthetic values and interpretation are almost always connected to the significance and presence of antique philosophy, classical literature, elite universities, campus endeavours, and intellectual rigour. It draws heavily on romanticised scholarly obsessions and classical education to aestheticise knowledge and intellectual pursuits. One of its most defining elements, however, is its relationship with language. In its so-frequently preferred settings, such as lecture halls or candle-lit libraries, language possesses a significance that extends beyond communication.

The use of ancient languages, profound literary allusions, and linguistic elitism is a key feature of Dark Academia. It utilises language and linguistics not only as a field of study, but as markers of academic prestige, identity, and cultural authority. It revives the intrigue rooted in the mastery of Latin and Ancient Greek as the foundation of intellectual excellence, arguing that these languages have long functioned as “a cultural code of belonging for the social and intellectual elite, as both a hallmark and tool of privilege” (Bracke, 2023, as cited in Vereeck et al., 2024: 6) and which had functioned as “a selection instrument for the intellectually most able pupils” since they were considered to be profoundly “difficult to master to the expected degree of accuracy” (Bolgar, 1963: 24, as cited in Vereeck et al., 2024: 4). Therefore, this approach to achieving mastery of classical languages functions as both an aesthetic symbol and an intellectual ideal, embodying Dark Academia's fascination with exclusivity and tradition, suggesting that complexity is a form of timeless aesthetic pleasure, as well as the romanticised suffering of the scholar, so often present in this genre.

A further connection between Dark Academia and classical, traditional legacy can be seen in the emphasis placed on elitist and Westernised beliefs, including the “perpetuation of nostalgic fantasies that are Eurocen-

tric,” its “lack of diversity,” and that it “favour[s] whiteness” (Nguyen, 2022: 66–67). Tori F. Lee supports this idea by claiming that the genre is “haunted by a classical legacy that is itself governed by exclusionary hegemonic structures” (Lee, 2024: 432). Lee quotes Rebecca F. Kennedy's remarks on the origins of antiquity, explaining that Greco-Roman scholars were “traditionally identified as white, and white supremacy was a normalized value for much of the period in which classics, ancient history, and classical archaeology developed as a discipline, the interpretive tools for translation and frameworks for understanding” (Kennedy, 2023: 100, as cited in Lee, 2024: 432). Lee concludes with the assertion that the relationship to Dark Academia is “difficult for those outside the white ruling class, with their own literary canons and histories of colonial oppression by the very figures and institutions extolled by the aesthetic” (Lee, 2024: 432). Nonetheless, several research findings confirm, in fact, that numerous authors of the Dark Academia genre do not merely convey Eurocentric values in their works; instead they utilise the narrative to critique and satirise those (see, for example, Adriaansen, 2022; Monier, 2022; Mechaley, 2021; Nguyen, 2022). For instance, Robbert-Jan Adriaansen draws attention to the efforts on “the inscription of people of color into the visual language of dark academia, and thereby indirectly into the Western intellectual canon” (Adriaansen, 2022: 113). Similarly, Maryann Nguyen argues that the genre comments on contemporary campus life concerns and brings to light issues of racism and sexism in academic institutions (Nguyen, 2022: 67–68). Authors of the Dark Academia canon directly use its format as a critical lens through which they challenge the superficial perception of the subculture, revealing through plot and character development the unequal distribution and historical construction of authority. For instance, in her novel, *The Secret History*, Donna Tartt employs linguistic elitism as a catalyst for ethical detachment, wherein a group of Ancient Greek students reframe a brutal Bacchanal ritual as a glorified intellectual necessity; while M.L. Rio's novel *If We Were Villains*

features Shakespearean language as an obsessive manifestation of their performative, artistic identity.

The Clash of Language, Translation, and Imperial Power in *Babel*

Rebecca F. Kuang is a Chinese-American author, best known for her *Poppy War* trilogy (2018, 2019, 2020), a Chinese military fantasy, and *Yellowface* (2023), a contemporary satirical novel on racial diversity and cultural appropriation in the modern publishing industry. Kuang's writing is significantly influenced by her family history and her educational background. In an interview with *The Guardian*, Kuang speaks of having grown up in an immigrant Chinese family that moved to America and whose past was marked by displacement, war, and revolution (Liu, *The Guardian*, 2023). By employing the fantasy genre to address these concerns in ways that historical fiction cannot, her stories explore how national trauma, colonialism, and violence shape lives, both in reality and in fiction (Liu, *The Guardian*, 2023). Kuang explains that, based on her experience, Chinese-American families who move to America hope that their history, "that baggage" will not have to affect them any longer, yet she adds "that doesn't mean the trauma goes away. It still exists, it's just unspoken" (Liu, *The Guardian*, 2023). Kuang's academic background, including her studies in history and Chinese studies at Georgetown, Oxford and Cambridge, has further refined her engagement with historical narrative, moral responsibility, and lived cultural experience. Kuang is also currently enrolled in a Ph.D. programme at Yale University with a focus on East Asian Languages and Literatures (*About – R. F. Kuang*, n.d.)

Kuang gained recognition as a prominent author in Dark Academia with *Babel, or the Necessity of Violence: An Arcane History of the Oxford Translators' Revolution* (2022), a novel which established a new path in highlighting the critical aspects of the genre. This was then followed by the publication of the equally unique *Katabasis*, in 2025. By incorporating the tropes of Dark Academia in both novels, Kuang masterfully creates a complex system of

genre hybridity, linguistic concepts, and critical theory in order to explore the manipulative and elitist nature of academia, while critiquing power dynamics and psychological abuse.

Set in an alternative nineteenth-century version of Oxford, *Babel* criticises elements of British imperialism, racism, and gender inequality through its plot and character perspective. According to Anneke Schewe and Melissa Schuh, Oxford has frequently been used as a "literary backdrop for academic pursuits, coming-of-age, and small town murder mystery," embodying a strong relation to the concept of the Oxford novel (Schewe & Schuh, 2024: 256). Kuang acknowledges that she tried to remain as faithful to the historical records as possible, emphasising legitimate references and source materials on Oxford in the early nineteenth century, as well as familiarising herself with the rhetoric textures and slangs from that period (Kuang, 2023: 1).

Kuang's skill in narrowing her stories to a single, key component is evident in *Babel*, in this instance silver being the element around which everything revolves. In an interview with *The Harvard Crimson* she explains that her decision to use silver as the organising material in the novel was driven by its profound etymological and symbolic associations with language and translation (Healy, *The Harvard Crimson*, 2023). She further notes that silver was historically smelted using mercury, which is the Roman name and the Latin equivalent of the Greek god, Hermes (Healy, *The Harvard Crimson*, 2023). As the deity associated with travel, communication, and translation, Hermes therefore became a central symbolic figure in the novel, reflected explicitly in the naming of the student-led revolutionary organisation, known as the Hermes Society. Kuang also points out that "Hermes is where we get the word hermeneutics from and hermeneutics is just about the creation of meaning" (Healy, *The Harvard Crimson*, 2023). Consequently, *Babel* depicts 'silver-working' as the driving mechanism of the British Empire, transforming language into literal, solid power, and the core of this mechanism is "that pure realm of meaning" (Kuang, 2023: 158). As the novel's main protagonists, Robin and his peers are in-

roduced to the fundamentals of silver-working (the process of using silver bars with words, 'match-pairs' etched onto their surfaces), it becomes evident that the technique revolves around establishing connections between phrases or words that share similar meanings in different languages:

The basic principles of silver-working are very simple. You inscribe a word or phrase in one language on one side, and a corresponding word or phrase in a different language on the other. Because translation can never be perfect, the necessary distortions – the meanings lost or warped in the journey – are caught, and then manifested by the silver. And that, dear students, is as close to magic as anything within the realm of natural science. (Kuang, 2023: 158)

For instance, the match-pairs of words '*kárabos*' and '*caravel*' both convey the meaning of 'ship', however, the magic lies in the semantic gap between them; and what is lost in translation is the original Greek meaning preserved only in '*kárabos*', its association with sea-creatures (Kuang, 2023: 159). This ability of silver to carry the hidden meaning to reality is illustrated here, as it helps fishing ships yield "a better load than any of its sister crafts" (Kuang, 2023: 159). The role of silver, therefore, is to refine the actual meaning between the two corresponding words or phrases, because no translation is perfect in itself. In addition, words can be altered over time due to shifts in usage, culture or migration, but despite these changes, their etymological origins may still be relevant. The technique Babel employs here is named 'daisy-chaining', a multiple translation-based approach "that involves older etymologies as guides, shepherding meaning across miles and centuries" to link together different words until the desired effect is reached (Kuang, 2023: 160). However, to achieve this, the translator needs to be an expert in both languages and their etymology in order to actually understand and convey the hidden connections that are lost in translation.

As *Babel* can also be read as a manuscript, an academic account of Robin's upbringing,

his lived experience in Oxford, and an explanation of what led to the fall of Babel, the novel incorporates footnotes throughout. These notes provide detailed academic and linguistic explanations of the etymological and historical relevance of the words used as match-pairs, as well as their connection to historical and cultural events. In some cases, the footnotes function as satirical remarks, highlighting Babel's limited familiarity with the colonised languages they adapt to the silver bars. Professor Playfair's role offers a relevant example: he praises his own creation of the match-pair '*idiotes-idiot*,' where the carried definition is "ignorance and lack of education," suggesting that the hidden meaning between the two words could have the effect of "removing knowledge," suggesting that the silver bar inscribed with the two words could be used in military applications (Kuang, 2023: 160). However, as the footnote here points out, the match-pair lacks precision due to the inability to "specify *which* pieces of knowledge one wanted to remove" (Kuang, 2023: 160). This further underscores the illusion of neutrality and objectivity in academic knowledge, where the hierarchical structure of languages is still significantly relevant. Robin and his friends are initially praised for their foreign backgrounds and origins, described as possessing a "gift of languages those born in England cannot imitate" (Kuang, 2023: 83), and their role in translation framed as an objective, scholarly pursuit. However, silver-working ultimately depends on privileging certain languages over others. Robin's fluency in Mandarin is valued only as a tool for imperial interests. This hierarchy is most clearly illustrated by the violent extraction of linguistic knowledge from students admitted to Babel outside the formal entrance examinations. Robin, Ramy, and Victorie were forcibly removed from their homelands not due to intellectual exchange, but because their linguistic backgrounds made them useful to the empire: "The board of undergraduate studies is always fighting over whether to prioritize European languages, or other ... more exotic languages. (...) They didn't like that my cohort are all Classicist. I assume they were overcorrecting with you" (Kuang, 2023: 129).

In the final act of the novel Robin uses the word ‘*translate*’ to symbolise and bring about the downfall of Babel. He corresponds the word with its match-pair ‘*fānyì*,’ where ‘*fān*’ means to turn something upside down, while ‘*yì*’ or ‘*ji*’ has the meaning to interpret, to entrust, to send, to transmit (Cheung, 2005: 31–35). The English word ‘*translate*’ can suggest accuracy and stability, treating the word as neutral transfer, while ‘*fānyì*’ emphasises change, mediation, (re)interpretation (Cheung, 2005: 35). Martha P. Y. Cheung provides insight into earlier definitions of ‘*yì*’ in relation to ideology, stating that “‘to translate’ means ‘to exchange’, that is to say, to change and replace the words of one language by another to achieve mutual understanding” (Jia, 1983: 620, as cited in Cheung, 2005: 34). Cheung posits that this definition marks a significant shift because “it suggests a replacement of one mental attitude and one cognitive paradigm with another” (Cheung, 2005: 34). By comparison, Cheung advances another definition: “‘to translate’ means ‘to exchange’, that is to say, take what one has in exchange for what one does not have” (Zan, 1987a: 3–4, as cited in Cheung, 2005: 34). Kuang with this match-pair exposes and destroys the illusion of academic objectivity by tying linguistic tension directly to authority, and ultimately proposing “For how could there ever be an Academic language? (...) There was no innate, perfectly comprehensible language; (...) Language was just difference. (...) And translation – a necessary endeavour, however futile, to move between them” (Kuang, 2023: 537).

The Role of Paradoxes and Self-Deception in *Katabasis*

After the release of her debut *Dark Academia* novel, Kuang published *Katabasis* in 2025, which according to her “started as this cute, silly adventure novel about like, ‘Haha, academia is hell.’ And then I was writing it and I was like, ‘Oh, no, academia is hell!” (Healy, *The Harvard Crimson*, 2023). The story of *Katabasis* takes place at Cambridge, in an alternate 1980s England and follows the academic journeys of two rival PhD students, Alice Law and Peter Murdoch, who are study-

ing ‘Analytic Magick’. Following an unfortunate, freak-accident during the finalisation of a magic-related chalk experiment that led to the death of their mentor, Professor Jacob Grimes, the two doctoral candidates set out to rescue Grimes’s soul from Hell. Alice’s reasoning for this, however, is not driven by a sense of selflessness:

she didn’t want to transfer elsewhere, she wanted a Cambridge degree. And she didn’t want any advisor, she wanted Professor Jacob Grimes, department chair, Nobel Prize laureate, and twice-elected president of the Royal Academy of Magick. She wanted the golden recommendation letter that opened every door. She wanted to be at the top of every pile. This meant Alice had to go to Hell, and she had to go today (Kuang, 2025: 2).

The novel’s narrative is deeply anchored in literary and philosophical tradition. It explains basic principles and choices through descriptive and figurative language, painting a vivid mental image for the reader. The protagonists’ journey through a seemingly Dantean Hell is a portrayal heavily influenced by the characters’ knowledge of guides and maps provided by their literary predecessors. In *Katabasis*, Hell is not a stable realm; rather it functions as a textual place, “an inconstant and shifting plane” produced and fabricated through textual interpretations (Kuang, 2025: 21). Before embarking on their journey, Alice and Peter make detailed and meticulous preparations, including thorough familiarisation with the extant research on Hell. Alice dedicates a significant proportion of her time to read extensively on Dante, Virgil, Orpheus and even T. S. Eliot’s notes and fragments, acquiring familiarity with scholarly commentary, translations, and interpretations. She thoroughly navigates between them, taking into account various assumptions, contradictions, and inconsistencies inherent in the texts, addressing their unreliability and trickiness to translate (Kuang, 2025: 2). This also aligns with the concept of linguistic expertise: the mastery of ancient languages such as Latin, Greek, Classical Chinese, Sanskrit is crucial.

In her case, language becomes ideological because only those fluent in the canon can travel to both Hell and back. Upon first waking up in Hell, Alice immediately recollects her knowledge, anticipating an unpleasant odour in the air due to the fact that in Virgil's *Aeneid*, Hell is referred to as *Aornos*, a name derived from the Greek term for 'birdless' due to its foul, sulphurous stench (Kuang, 2025: 16). However, Hell, in *Katabasis*, is more akin to Alice's Cambridge than any other location, because despite her knowledge of written texts, this is the place with which she is most familiar: A "mirror image," "projected across a staticky cable connection (Kuang, 2025: 26). Translation, in its broadest sense, determines which Hell you enter.

A rather significant feature of *Katabasis* is the consistent structure of its magic system, which displays notable parallels with Kuang's earlier novel, *Babel*. Although the setting is primarily a fantasy world, it still maintains a logical construction. Instead of traditional spells, *Katabasis*'s magic involves paradoxes, such as logical puzzles and mathematical paradoxes, to solve problems and formulate complex ideas. Alice's preparation itself already functions as a paradox. With her knowledge, she gains certainty regarding the principles of Hell, only to realise that something supposedly working in a certain way does not automatically mean that it will obey those expectations. Marianne W. Lewis asserts that the concept and meaning of 'paradox' is challenging to define since philosophers, psychologists, organisation studies and other researchers all interpret it differently (Lewis, 2000: 761). Building on Ford and Backoff's (1988) definition, Lewis argues that a paradox has three key characteristics: it involves contradictory yet interrelated elements such as perspectives, identities, interests, and practices; it is socially constructed as people simplify constantly changing and complex realities into opposing categories; and they become evident through interaction or reflection that exposes the simultaneous coexistence of opposites (Lewis, 2000: 761).

In *Katabasis*, the role of paradoxes is interwoven with the human condition. They disturb people because humans live by assump-

tions that usually work, yet paradoxes reveal that even the most trusted, logical reasoning can fail (Kuang, 2025: 371). In chapters that resemble academic annotations, reminiscent of the footnotes in *Babel*, Kuang provides significant details regarding the magic system: "The word paradox comes from two Greek roots: para, meaning "against," and doxa, meaning "belief." The trick of magick is to defy, trouble, or, at the very least, dislodge belief" (Kuang, 2025: 18). The invocation of visual paradoxes in the novel such as 'Russell's Paradox,' 'the Liar Paradox' or 'the True Contradiction' emphasise the gap between linguistic validity and ethical coherence, the ability to "tell a lie – and to believe, despite all the evidence to the contrary, that all the rules could be suspended" (Kuang, 2025: 20), and the potential to alter consequences. However, while these paradoxes obey the rules of formal logic, demonstrating the foundation of the institutional language, they can also easily become unstable in outcome. Kuang presents paradoxes as a form of magic in order to argue that spells do not ultimately depend on "how much complicated maths or logic or linguistics you had," but rather on the power of belief (Kuang, 2025: 125). Magic, she suggests, has little to do with "the algorithms at all", instead, it is "about self-deception," about assembling "enough proof to convince yourself the world could be another way, and as long as you could trick yourself, then you could trick the world" (Kuang, 2025: 125). José Luis Bermúdez presents the argument that as self-deception progresses and a belief becomes internalised, it is possible for an individual to lose "touch with the original motivation," even if the intention that initiated the process was fully conscious, yet it is not entirely valid to declare that "that all cases of intentional self-deception will involve unconscious intentions" (Bermúdez, 2000: 314).

The actions and motivations of Alice and Peter parallel the logic of self-deception and mirror the inherent contradictions in the paradoxes they encounter. The reasoning behind their decision to embark on this journey to Hell is already founded on the self-deceptive paradox of seeking to achieve something more than simply restoring the soul of Professor Grimes,

given that, in the words of the narrator, “Cambridge was a closed loop,” while Hell extends “infinite possibilities,” a realm “Where theory meets its limits. Where the closed loop runs out” (Kuang, 2025: 124).

Key Takeaways and Conclusion

The main aim of the study was to demonstrate the influence of language use, linguistic manipulation, and paradoxes on plot and character development in R.F. Kuang's two novels, *Babel, or the Necessity of Violence: An Arcane History of the Oxford Translators' Revolution* (2022) and *Katabasis* (2025). The study's findings, based on interdisciplinary approaches, reveal how Kuang critiqued power, injustice, and the academia through the experimentation with linguistic concepts, critical theory, and the integration of Dark Academia components.

The results of the study, which drew on close-reading techniques and a comparative analysis, showed that the employment of systematic structures of literary places, as introduced in both *Babel* and *Katabasis*, indicates parallel hierarchical interpretations in language acquisition and language as an ideological resource. The Royal Institute of Translation, or Babel, divides its levels based on their benefits to research and, ultimately, to the empire. The ground floor being labelled simply as the ‘lobby’ is “the only area of the tower accessible to civilians” (Kuang, 2023: 76). The second floor is considered as the busiest, “the gears of empire,” where they translate legal documents, treaties, records (Kuang, 2023: 76). However, the included footnote raises questions about the department's alleged purpose of “manipulating language to create favourable terms for European parties” (Kuang, 2023: 76). The third and fourth floors focus on live interpretation and literature translation, respectively, even if these are not considered “glamorous” and “a bit low on the prestige rung” (Kuang, 2023: 77). The fifth and sixth floors are home to reference materials and instruction rooms, which contain dictionaries, thesauruses, grammar books; while the seventh floor locates the faculty offices. The eighth floor is dedicated entirely to silver-working, with its hidden doors evoking the atmosphere of a workshop more

than a library (Kuang, 2023: 81), symbolising the mastery of higher knowledge, a reflection on linguistic elitism.

In the context of its academic debates, including abstract paradoxes and mundane preferences, language in *Katabasis* acts as a system that prioritises internal, institutional coherence. For instance, the ‘chalk preference’ debate through the novel initially seems to be merely an aesthetic choice, however, the discourse reveals how preferences can be framed as necessities, where habitual choices turn into institutional identities: “*But all the best magick was still done at Cambridge, and good, traditionalist Cambridge was dedicated to the bare bones of the art. Analytic magick. Chalk, surface, paradox*” (Kuang, 2025: 18). This debate even over chalk reflects the need for belonging, acceptance, and reward, but ultimately results in a failure in communication between characters and systems. That is why Alice and Peter's journey in Hell so clearly resembles their own experiences in academia: as Kuang notes, “Everyone Alice knew at Cambridge was constantly on the verge of a breakdown” (Kuang, 2025: 124). Consequently, all eight courts of Hell systematically pave the way towards reincarnation, reflecting a long-awaited academic attainment through a scholar's eyes. Kuang's take on the courts – Pride being a library where ‘shades’ or trapped ghosts endlessly research to answer the question “DEFINE THE GOOD”; or Desire, with its student centre forcing its occupants to confront their shameful longing for validation or power –, satirises the purgatorial sense of academia. It all culminates in the final, eighth court, the City of Dis, where the souls of academics endure their worst punishment endlessly: submitting and defending their dissertations. Once submitted, however, it is irretrievable:

They don't tell you anything unless you've passed. We don't get revisions. We receive no feedback whatsoever. We just wait in anticipation forever and ever, until hope turns to panic and disappointment. If you hear nothing, then you must assume you've failed. Only there's never confirmation, and timelines here mean nothing, and

so it's up to you when to extinguish your own hope" (Kuang, 2025: 410).

Ultimately, both novels share a similar tension: in their narrative, Kuang introduces a system in which language functions flawlessly when its rules are obeyed but fails to resolve ethical or existential conflicts. In relation to the central research question of the study, the two novels juxtapose academic ascent with an epistemological rupture in a reverse order, while echoing elements of critique of Dark Academia regarding elitism, academic rivalry, and tension within academia. In *Babel*, the pursuit of academic ascent is depicted through Robin's journey from Canton to England, his literal climb towards the highest levels of knowledge and linguistic excellence

promised by Babel. He, however, comes to see its destructive nature by understanding that translation acts as an exploitative tool for silver-working, ultimately leading him to decide to bring about Babel's downfall. On the other hand, *Katabasis* frames its protagonists' experience as a literal descent into Hell, where Alice and Peter's journey provides insight into an epistemological crisis: initially driven by academic ambition to gain knowledge and acceptance, they must learn to question everything. Employing language excellence and logical paradoxes, the narrative of *Katabasis* exposes the descent from logic, forcing its characters to abandon established frameworks and to believe the contradictory components of self-deception in order to achieve an elevated form of understanding.

References

- Abdi K. The role of language ideologies in community literacy spaces: a scoping review for New Times. *The Urban Review*, 2025, 57(4), 1026–1049. <https://doi.org/10.1007/s11256-025-00773-5>
- About – R. F. Kuang. (n.d.-b). R. F. Kuang. Available at: <https://www.rfkuang.com/about> (accessed 19 January 2026).
- Adriaansen R. Dark Academia: Curating Affective History in a COVID-Era Internet Aesthetic. *International Public History*, 2022, 5(2), 105–114. <https://doi.org/10.1515/iph-2022-2047>
- Bermúdez J.L. Self-Deception, Intentions, and Contradictory Beliefs. *Analysis*, 2000, 60(4), 309–319. <http://www.jstor.org/stable/3329185>
- Bolgar R. A theory of classical education. *Didaskalos. The Journal of the Joint Association of Classical Teachers* 1, 5–26. In: Vereeck, A. & Bracke, E. & De Herdt, K. & Janse, M. (2024). Revered and reviled. An outline of the public debate regarding classical language education. *Journal of Classics Teaching*. 2024, 25, 101–115. doi:10.1017/S2058631024000424
- Bracke E. Connecting social justice and classical languages. In Bracke E (ed.), *Classics at Primary School. A Tool for Social Justice*. London: Routledge, pp. 1–21. In: Vereeck, A. & Bracke, E. & De Herdt, K. & Janse, M. (2024). Revered and reviled. An outline of the public debate regarding classical language education. *Journal of Classics Teaching*. 2024, 25, 101–115. doi:10.1017/S2058631024000424
- Cheung M.P. 'To translate' means 'to exchange'?: A new interpretation of the earliest Chinese attempts to define translation ('fanyi'). *Target-international Journal of Translation Studies*, 2005, 17, 27–48.
- Essed P.J.M. *Understanding Everyday Racism: An Interdisciplinary Theory*. Newbury Park, CA: Sage. In: Van Dijk, T. A. (2015). *Critical Discourse Analysis*. In D. Tannen, H.E. Hamilton, & D. Schiffrin (Eds.), *The Handbook of Discourse Analysis*. 1991. 466–485. Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch22>
- Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings*. New York: Pantheon, pp. 1972–7. In: Van Dijk, T. A. (2015). *Critical Discourse Analysis*. In D. Tannen, H.E. Hamilton, & D. Schiffrin (Eds.), *The Handbook of Discourse Analysis*. 1980. 466–485. Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch22>
- Healy M. M. (2023, November 28). R. F. Kuang speaks on friendship, Anti-Colonialism, and magic at the Brattle Theatre. *The Harvard Crimson*. Available at: <https://www.thecrimson.com/article/2023/11/28/r-f-kuang-friendship-anti-colonialism-magic-brattle-theatre-babel/> (accessed 19 January 2026)

- Kuang R.F. *Babel: Or the Necessity of Violence: an Arcane History of the Oxford Translators' Revolution*. HarperVoyager, London, 2023, 546.
- Kuang R. F. *Katabasis*. HarperVoyager, London, 2025, 541.
- Lee T. F. The haunting of classics in the Dark Academia aesthetic. *Classical Receptions Journal*, 2024, 16(4), 419–436. <https://doi.org/10.1093/crj/clae007>
- Lewis M. W. Exploring Paradox: Toward a More Comprehensive Guide. *The Academy of Management Review*, 2000, 25(4), 760–776. <https://doi.org/10.2307/259204>
- Liu R. (2023, May 20). Rebecca F Kuang: 'Who has the right to tell a story? It's the wrong question to ask.' *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2023/may/20/rebecca-f-kuang-who-has-the-right-to-tell-a-story-its-the-wrong-question-to-ask> (accessed 19 January 2026)
- Mechaley K. Dark Academia: Promotion Equality or Elitism? *The Mayfield Crier*. 2021. URL: <https://mayfieldcrier.org/3033/op-ed/dark-academia-promoting-equality-or-elitism/>
- Monier M. (2022, September 13). Too Dark for Dark Academia? – Post45. *Post45 – American literature and culture since 1945*. Available at: <https://post45.org/2022/03/too-dark-for-dark-academia/> (accessed 23 January 2026)
- Nguyen M. Nostalgia in Dark Academia. *East-West Cultural Passage*, 22(1), 2022. 54–72. <https://doi.org/10.2478/ewcp-2022-0003>
- Puskás A. Encounters of Generations and Low/High cultures: Intercultural Communication in Amy Tan's *The Joy Luck Club*. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(1), 12–20. EDN: WZTUWY
- Schewe A., & Schuh M. Exploring the Dark Side of Dark Academia: Postcolonial Criticism and Genre Hybridity in R. F. Kuang's *Babel*. *LWU Literatur in Wissenschaft Und Unterricht*. 2024, (2), 253–274.
- Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis. In: D. Tannen, H. E. Hamilton, & D. Schiffrin (Eds.), *The Handbook of Discourse Analysis*. 2015. 466–485. Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch22>
- Vereck A. & Bracke E. & De Herdt K. & Janse M. Revered and reviled. An outline of the public debate regarding classical language education. *Journal of Classics Teaching*. 2024, 25, 101–115. doi:10.1017/S2058631024000424